Ю. Колеминъ.

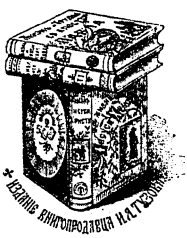
Римскій Духовный Цезаризмъ

ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ

СОБОРНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Отвѣтъ православнаго христіанина итальянскому августинцу Аврелію Пальміери на его полемическій трудъ „Theologia dogmatica orthodoxa (Ecclesiae graeco-russicae) ad lumen catholicae doctrinae examinata et discussa. Florentiae 1911".

„И пошелъ Каинъ отъ лица Господня"... (Быт. IV, 16).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, 45.
1913.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется С.-Петербургъ, 10-го сентября 1912 года.

Старшій Цензоръ, Архимандритъ Александръ.

Спб. Типо-литографія М. П. Фролловой. Галерная, 6.

Послѣднее слово латинской полемики противъ Церкви сказано!

Въ началѣ 1911-го года во Флоренціи вышелъ первый томъ крупнаго, написаннаго на латинскомъ языкѣ труда, авторомъ коего является извѣстнѣйшій писатель, итальянскій августинецъ Аврелій Пальміери. Его сочиненіе „Theologia dogmatica orthodoxa“ начато десять лѣтъ тому назадъ съ благословенія покойнаго папы Льва XIII и издается на средства Львовскаго уніатскаго митрополита Андрея Шептицкаго, которому и посвящено. Весь трудъ долженъ состоять изъ 4 томовъ, и вышедшій первый томъ является только началомъ широко задуманной программы изслѣдованія съ латинской точки зрѣнія всей области православнаго богословія. Въ этомъ первомъ томѣ авторъ хотѣлъ лишь дать введеніе, собравъ въ немъ всѣ основные матеріалы. Чтобы добыть эти матеріалы, ему пришлось работать очень много, и можно сказать, что въ этихъ 815 страницахъ его сочиненія кроется жизненный трудъ, достойный уваженія къ человѣческой энергіи. Нѣтъ, кажется, ни одного единственнаго литературнаго источника, ни единой статьи, ни одного памятника церковной жизни на всемъ православномъ востокѣ, которыхъ Пальміери бы не читалъ и на которые онъ бы не указалъ гдѣ нибудь въ своемъ испещренномъ примѣчаніями трудѣ.

Въ посильную личную добросовѣстность латинскаго автора можно вполнѣ вѣрить. Таково наше мнѣніе. Ибо онъ судилъ

какъ могъ, т. е. по совѣсти. А потому и тѣ вполнѣ ошибочные выводы, которые онъ извлекаетъ изъ накопленныхъ знаній, вовсе не могутъ лечь на его личную отвѣтственность. Это, надѣемся, будетъ нами здѣсь доказано черезъ раскрытіе сокровенныхъ причинъ и глубокихъ корней самого римскаго міросозерцанія. Пальміери просто судилъ какъ могъ, не будучи въ Церкви. Церковь же въ своей благодатной жизни одними раціональными знаніями, хотя бы и въ сто тысячъ разъ болѣе обширными обширныхъ знаній Аврелія Пальміери, не постигается. А потому и изложеніе „съ точки зрѣнія“ (ad lumen) какихъ бы то ни было иновѣрческихъ системъ ученія Церкви Христовой, является непосильною претензіей, не выполнимой ни для Аврелія Пальміери, ни для кого бы то ни было на свѣтѣ.

Пусть будутъ доступны одному раціональному знанію нашему всѣ философіи и всѣ религіозныя системы, появившіяся въ теченіе временъ. Одна только Христова Церковь, замѣтьте, *одна* лишь она, составляетъ исключеніе, единственное, нигдѣ не повторяемое, разъ навсегда преподанное исключеніе. Ни папство, ни протестантство, ни какія бы то ни были иныя исповѣданія въ этомъ опредѣлительномъ свойствѣ не участвуютъ. И въ томъ то именно и состоитъ психологія ихъ отпаденія отъ Христовой Церкви, что они однимъ только человѣческимъ разумомъ своимъ хотѣли ее объять. Но Церковь Христова опознается не разумомъ, а вполнѣ иными органами, которыми отпавшіе братья не обладаютъ. Ибо опираясь, какъ на исходное свое начало, на разумъ свой, они этимъ самымъ отказываются отъ возможности, т. е. отъ самихъ органовъ иного познанія. Вотъ почему мы и говоримъ, что изложеніе ученія Христовой Церкви „съ точки зрѣнія“ (ad lumen) какихъ бы то ни было „системъ“, кромѣ самой „системы“ православной,

является непосильною претензіей. И да проститъ намъ Пальміери такое рѣзкое сужденіе о его некомпетентности. Но весь нашъ отвѣтъ именно и будетъ однимъ сплошнымъ доказательствомъ такого неотраднаго для него положенія, въ которомъ онъ однако не виноватъ, такъ какъ дѣло тутъ вовсе не въ учености.

Пусть отпавшія секты славятся своею логичностью, своимъ устройствомъ, всѣмъ своимъ человѣческимъ складомъ мысли! Пусть онѣ теперь, когда почва подъ ними уже колеблется, когда противъ Римскаго престола подымаются нѣкогда покорные народы, предвѣщая близкій уже конецъ, пусть онѣ теперь съ отчаянными усиліями обратятся къ Востоку, чтобы спасти себя, выступая во всеоружіи человѣческихъ знанія и ума: твердыня устоитъ и не можетъ не устоять, просто потому, что всякій ударъ врага Христовой Церкви безслѣдно пропадаетъ въ воздухѣ. Церковь Христова не есть бросающій гордый вызовъ по адресу противниковъ духовно-политическое учрежденіе съ небесною гарантіею противоестественной прочности, какъ это себѣ воображаетъ Ватиканъ, а вполнѣ неосязаемый, непонятный, непроницаемый для гордаго безвѣрія организмъ. Она открываетъ себя лишь кроткому и опознается по вѣрѣ и по благодати. И врата ада не одолѣютъ ея!

По этому, съ Церковью полемизировать нельзя, и съ помощью Божіею мы докажемъ это и Вамъ, уважаемый Пальміери!

Но мы думаемъ, что трудъ Аврелія Пальміери не пропадетъ даромъ. Авторъ добросовѣстно накопилъ громаднѣйшіе матеріалы, которые можно отъ него принимать съ благодарностью, съ уваженіемъ къ его энергіи и къ великой его учености.

Принимаясь за отвѣтъ, мы обращаемся къ нему и ко всѣмъ

его единомышленникамъ, братьямъ нашимъ, со слѣдующею просьбою: простите намъ, если мы не слѣдуемъ примѣру вашему, называя васъ „католиками“, какъ и вы насъ называете „православными“. Одна только есть Христова Церковь, святая православная и соборная, т. е. каѳолическая или католическая, и придавать принадлежащее ей одной наименованіе заблужденію совѣсть наша не допускаетъ. Въ обыденной жизни, въ литературѣ, не имѣющей отношенія къ вопросу о Церкви, таковая уступка можетъ считаться допустимой. Но когда православный христіанинъ отвѣчаетъ на слѣпые удары несчастнаго врага Церкви, онъ такихъ уступокъ дѣлать не можетъ, если въ немъ есть убѣжденіе. Мы знаемъ, что паписты поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Въ обыденной жизни они насъ называютъ „раскольниками“ (схизматиками) и только, когда они обращаются къ намъ съ цѣлью прозелитизма, они зовутъ насъ по имени, котораго не признаютъ въ душѣ. Мы этому примѣру не можемъ слѣдовать. Истина не нуждается ни въ какихъ уступкахъ человѣческому заблужденію, чтобы заманить тѣхъ, кого благодать Божія призываетъ къ познанію. И это близко относится къ способу полемики, лучше обличенія вообще. По этому поводу представляется необходимымъ сказать нѣсколько словъ для предовращенія ложной оцѣнки тѣхъ чувствъ, съ которыми мы обращаемся къ папистамъ. Итакъ мы объявляемъ прежде всего, что мы рѣшительно никого, ни самого Аврелія Пальміери, ни даже самыхъ ярыхъ его сподвижниковъ и единомышленниковъ, не считаемъ врагами нашими, такъ какъ мы не пишемъ противъ людей. Мы глубоко увѣрены въ существованіи тѣхъ братскихъ узъ, которыя соединяютъ насъ всѣхъ въ исполненіи Божественныхъ предначертаній на спасеніе всего рода человѣческаго, на спасеніе его той Церковью, противъ которой борются слѣпые, предполагая, что они видятъ

тотъ объектъ своихъ нападокъ, который именно черезъ это и будетъ прославленъ. Поэтому Церковь дѣйствительно вовсе не нуждается ни въ какой защитѣ, такъ какъ на нее и нападать даже нельзя. И поэтому именно отпоръ нашъ обращается не противъ людей, а является обличеніемъ заблужденія въ мірѣ принциповъ, что въ свою очередь позволяетъ намъ вовсе не церемониться рѣзкостью сужденій, такъ какъ добросовѣстно заблуждающіеся братья наши ни въ какомъ случаѣ не состоятъ объектомъ нашего осужденія. Среди нихъ есть и благочестивые и добрые люди, можетъ быть и гораздо лучше исполняющіе завѣты христіанства нежели мы грѣшные.

Да и кромѣ того, чѣмъ ярче выступаетъ ненависть наша къ тому смертоносному принципу заблужденія, оторвавшему отъ нашей стороны нашихъ бѣдныхъ братьевъ, тѣмъ ярче мы этимъ самымъ и докажемъ, что заблужденіе не вырвало ихъ самихъ изъ нашего сердца. Чѣмъ больше мы ненавидимъ это заблужденіе, тѣмъ больше мы и оплакиваемъ ихъ самихъ, лишенныхъ благодатнаго свѣта.

Мы противъ принциповъ пишемъ, а не противъ людей. Вотъ что необходимо твердить тысячу разъ, такъ какъ пониманіе различія между заблужденіемъ и заблуждающимся является извѣстнымъ интеллектуальнымъ напряженіемъ, которое и само по себѣ — не легко, да кромѣ того требуетъ нравственнаго отказа отъ себялюбія, на что заблуждающійся соглашается лишь съ трудомъ, по человѣческому несовершенству.

Итакъ, мы пишемъ не противъ нашихъ возлюбленныхъ и оплакиваемыхъ латинскихъ братьевъ, а противъ того глубоко ненавистнаго намъ принципа заблужденія, что называется папствомъ. И мы напередъ и убѣдительно просимъ вспоминать это всякій разъ, когда рѣзкость нашего отпора могла бы навести на иную мысль.

Истина — сильна сама по себѣ.

Если же это обнаружится и если гордое заблужденіе будетъ повержено въ прахъ, то пусть противники Церкви поймутъ всю тщетность своихъ самоубійственныхъ выступленій!

Оставьте насъ въ покоѣ!

Насъ разсудитъ Божественное Провидѣніе, руководящее исторіею народовъ, и когда грозныя волны безвѣрія и возмущенія коснутся престола человѣческаго на Ватиканской горѣ и *проглотятъ его*, тогда лишь будетъ обнаружена неправда того братоубійства, что было совершено 1000 лѣтъ назадъ...

А между тѣмъ, сегодня, вѣрующіе въ будущее благовѣствованіе Церкви на виднѣющихся уже развалинахъ западнаго духовнаго могущества, говорятъ простирающимъ съ враждебнымъ умысломъ свои руки къ залогу всего будущаго счастія человѣчества, своего же собственнаго будущаго счастія:

Руки прочь!

И теперь мы докажемъ полную несостоятельность всего, что Пальміери извлекаетъ изъ собранныхъ матеріаловъ для нападокъ на Церковь.

Теперь приходится рѣшить слѣдующій вопросъ: какова должна быть внѣшняя форма нашего отвѣта Аврелію Пальміери?

Мы преслѣдуемъ троякую цѣль:

1. — Принципіальный разгромъ, извлеченіемъ и выставленіемъ ихъ на судъ совѣсти и разума, внутреннихъ смертоносныхъ принциповъ папства.

2. — Ученіе о животворящихъ движущихъ принципахъ Церкви, черезъ досказанное или подразумѣваемое сопоставленіе истины съ заблужденіемъ.

3. — Фактическое опроверженіе всѣхъ ложныхъ выводовъ или положеній, встрѣчающихся въ трудѣ Аврелія Пальміери „Theologia dogmatica orthodoxa“.

Какъ видно, цѣль наша лежитъ за предѣлами простого отпора латинскому писателю. Но этотъ латинскій писатель является какъ бы внѣшнимъ предлогомъ для нашего выступленія. По этому и трудъ его будетъ для насъ внѣшнимъ руководствомъ для нашего собственнаго текста. Нашъ текстъ, слѣдовательно, представляется съ внѣшней стороны какъ рецензія. Въ дѣйствительности однако мы подъ этимъ внѣшнимъ видомъ „строматическихъ“ опроверженій предъявляемъ одну общую систему принципіальнаго обличенія.

Раздѣленіе главъ нашихъ также будетъ случайнымъ, примѣнительно къ главамъ самого латинскаго сочиненія. Мы остановимся по очереди на всѣхъ требующихъ опроверженія выводахъ, положеніяхъ и разсужденіяхъ Аврелія Пальміери, и это мы сдѣлаемъ систематически, съ самаго начала до самаго конца этихъ 815 латинскихъ страницъ. Но по намѣченному внутреннему плану нашей работы размахъ нашъ будетъ отповѣдью не только Аврелію Пальміери, но и всѣмъ вообще полемистамъ папства.

Представляется теперь необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, изъ которыхъ мы почерпнули встрѣчающіяся въ трудѣ нашемъ историческія свѣдѣнія.

Большинство ихъ взято нами изъ сочиненій Вл. Гэттэ (Wl. Guettée).

Вл. Гэттэ былъ римскій священникъ и французъ, послѣ жизненной работы убѣдившійся въ ложности папства и перешедшій въ Христову Церковь, которой и посвятилъ три сочиненія, являющіяся послѣднимъ словомъ того, что на почвѣ историческихъ фактовъ когда либо было сказано въ опроверженіе латинскаго лже-ученія. Мы никогда достаточно не можемъ рекомендовать этихъ трехъ капитальнѣйшихъ трудовъ. Всѣ трое изданы въ Парижѣ (у Fischbacher, 33 rue de

Seine) и называются: Histoire de l'Eglise depuis la naissance de N.-S Jésuschrist jusqu'à nos jours, composée sur les documents originaux et authentiques par Wladimir Guettée, docteur en théologie de l'Eglise orthodoxe de Russie, въ 7 томахъ, La Papauté schismatique, его же, La Papauté hérétique, его же.

Труды Гэттэ папствомъ почему-то были обойдены почти систематическимъ молчаніемъ. Въ видѣ иллюстраціи, мы здѣсь разскажемъ, что случилось съ нами, когда мы въ Парижѣ искали у книгопродавцевъ очень уже рѣдкіе труды Гэттэ. Одно изъ этихъ сочиненій (La Papauté schismatique) мы достали у букиниста въ Россіи, такъ какъ въ Парижѣ его нельзя уже достать ни за какія деньги. Мы заинтересовались причиною, по которой такіе спеціальные труды, расходующіеся обыкновенно туго, разлетѣлись безъ всякаго слѣда. И одно лицо, причастное къ этому дѣлу и не могущее сообщить неточныхъ свѣдѣній, разсказало намъ что въ свое время (это было въ 60-хъ—70-хъ годахъ) сочиненіе Гэттэ La Papauté schismatique было куплено по партіямъ, и весь книжный рынокъ по возможности очищенъ отъ этого произведенія, на что яко-бы пошли довольно большія суммы, когда опасность отъ новыхъ изданій миновала. Слѣдуетъ прибавить, что въ концѣ минувшаго столѣтія на такія операціи..... и денегъ было больше чѣмъ въ настоящее время.

Вотъ, что разсказало намъ освѣдомленное лицо.

Эти труды Гэттэ будутъ нами добросовѣстно примѣняемы для восполненія всякихъ историческихъ пробѣловъ, встрѣчающихся въ сочиненіи Аврелія Пальміери. Мы эту ссылку дѣлаемъ разъ на всегда.

Кромѣ того мы здѣсь-же укажемъ и на то, что въ отвѣтѣ нашемъ часто могутъ встрѣчаться мысли, переданныя нами

безъ стѣсненія изъ трудовъ великаго православнаго писателя А. С. Хомякова. Мы не имѣемъ ровно никакой претензіи на какую бы то ни было самолюбивую оригинальность и мы преслѣдуемъ только одну единственную цѣль: возможно полное обличеніе римскаго раскола не отъ нашего имени, а отъ имени Церкви, т. е. дружными усиліями всѣхъ. Въ этомъ лишь можетъ заключаться сила, и только въ этомъ мы видимъ залогъ нашей непобѣдимости. По этому и всякое обвиненіе въ плагіатѣ, могущее быть предъявлено къ нашему труду, обращается въ ничто, такъ какъ мы съ того и начинаемъ, что объявляемъ о намѣреніи нашемъ писать не отъ себя, а отъ имени всѣхъ. Для себя мы претендуемъ лишь на авторство всѣхъ ошибокъ, всякихъ неточностей и всякаго заблужденія, вкравшихся сюда по нашему личному несовершенству. Всякая же истина, предъявляемая нами въ этомъ трудѣ — не отъ насъ, а получена нами отъ совершенства Церкви.

И да поможетъ намъ Господь!

Введеніе (Prooemium).

Авторъ излагаетъ свой планъ, разсказываетъ трудности съ которыми ему пришлось считаться и попутно сводитъ счеты со своими противниками латинскаго-же лагеря.

Странное утвержденіе имѣется у него на стр. XIX. Восточная Церковь будто бы горитъ (concoquitur) ненавистью!

Что касается ненависти, то все ея значеніе лежитъ въ объектѣ. Церковь Христова горитъ въ любви къ истинѣ, къ Богу, т. е. въ ненависти къ заблужденію и ко злу. Совершенно вѣрно. Что же касается заблуждающихся братьевъ, то Церковь Христова въ ненависти къ нимъ горѣть не можетъ. Церковь знаетъ только любовь. А „горятъ“ ненавистью къ братьямъ, иногда, отдѣльныя лица, отъ себя, а не отъ Церкви, которая— непричастна къ личнымъ несовершенствамъ и порокамъ. Ни одно отдѣльное лицо не воплощаетъ въ себѣ всей святости Церкви, какъ то приписывается римскому первосвященнику. Слѣдовательно, ненависть отдѣльныхъ лицъ не есть ненависть Церкви. Мы не намѣрены, здѣсь, останавливаться на хронологіи плачевныхъ порожденій ненависти въ исторіи отношеній Востока и Запада. Всякій знаетъ, что ненависть, *какъ система*, проявляла себя лишь тамъ, гдѣ православные находились подъ игомъ латинянъ. Объ этомъ и спорить нечего. Можетъ только существовать вопросъ о томъ, почему это такъ, и какія тутъ дѣйствуютъ внутреннія причины. Онѣ будутъ

нами выставлены на видъ не разъ. Скажемъ только, что Пальміери правъ, когда онъ сваливаетъ всю вину раскола на человѣческую гордость. Ибо римскій расколъ и есть именно ничто иное какъ мятежъ гордости человѣческой противъ единства Церкви Христовой. Гордость-же порождаетъ и ненависть и себялюбіе. Себялюбіе и ненависть проходятъ красною нитью, со времени этого раскола, черезъ всю исторію Рима. Себялюбіемъ и ненавистью дышала борьба папъ и императоровъ. Себялюбіемъ и ненавистью дышали безчисленныя „религіозныя“ войны, и цѣлые потоки человѣческой крови вопіютъ къ осужденію того, кто повиненъ въ расторженіи древняго единства. Гордость порождала себялюбіе и ненависть, начала разложенія, невѣрія и смерти. Напрасно-же съ капитолія взываетъ голосъ къ борьбѣ противъ гидры! Она и есть исчадіе этого голоса, нѣкогда бросившаго вызовъ благодати небесной и силѣ Христовой любви. Церковь спокойнымъ окомъ зритъ на совершающійся судъ Божій въ исторіи, ибо она знаетъ, что какія бы ни были политическія, соціальныя, экономическія смуты, эти смуты ея не касаются, касаться не могутъ, и гидра безвѣрія ей не страшна. Великое паденіе приближается и конечный приговоръ будетъ произнесенъ. Не сомнѣвайтесь въ этомъ, уважаемый Пальміери! Гидра возрастаетъ и она проглотитъ на вѣки престолъ гордости... побѣда ея вполнѣ обезпечена. Тогда и исполнится то, что сказано въ посланіи восточныхъ патріарховъ къ Пію IX-му: великій голосъ будетъ слышенъ съ небесъ: „καὶ ἡ οὐράνιος μεγάλη φωνὴ ἠχήσει: Κατεβλήθη!“

Proiectus est!

I.

Въ первой главѣ (№ 4) латинскій авторъ говоритъ о неосновательности наименованія Церкви „православной“. Это слово, по мнѣнію Пальміери и приведенныхъ имъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, ровно ничего не обозначаетъ, такъ какъ всякое исповѣданіе вѣдь считаетъ себя „православнымъ“. Но и вообще такъ называемыя православныя церкви не соединяются, по мнѣнію Пальміери, вѣроисповѣдною общностью. Такъ напримѣръ русская церковь предала себя въ руки гражданской власти, греческая же управляется патріархами.

Конечно. Каждое исповѣданіе считаетъ себя православнымъ. Пусть каждый себя зоветъ какъ хочетъ! Таково вѣдь его несомнѣнное право! Кто смѣетъ спорить противъ этого права? Пусть и римская церковь назоветъ себя „католическою“, то есть вселенскою, хотя она вовсе не вселенская, а именно римская. Мы ни у кого не отнимаемъ этого права и противъ него не протестуемъ. Сами-же мы знаемъ только одну Церковь Христову, каѳолическую и православную.

Затѣмъ, русская помѣстная церковь вовсе не „предала себя“ (se totam dedit) въ руки гражданской власти, въ смыслѣ какой-то иниціативы съ ея стороны. О, мы вовсе не споримъ противъ того, что церковная жизнь въ помѣстной русской церкви является очень подначальною по отношенію къ русскому государству. Но когда въ этомъ обвиняютъ Церковь, то получается нелѣпость. Не Церковь въ этомъ виновата, а госу-

дарство. И никакое государство не претендуетъ на безошибочность своихъ рѣшеній касательно Церкви. Пусть Пальміери усмотритъ въ этомъ великое зло! Многіе пусть даже и согласятся съ нимъ на этотъ счетъ! И тогда мы скажемъ: Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы терпѣть зло, а не для того, чтобы причинить его, ни чтобы отомстить. Обвинять русскую церковь въ томъ, что она послушна законной власти и не входитъ въ политическую оцѣнку ея дѣйствій, съ римской точки зрѣнія можетъ быть справедливо. Съ точки же зрѣнія православной непослушаніе законной власти было бы мятежемъ, хотя бы отъ своего собственнаго послушанія и страдала Церковь. И что касается Россіи, то не въ этомъ фактѣ лежитъ какая либо разница съ церковью греческой. Не матеріальный фактъ налагаетъ свою печать на духъ, а напротивъ того, онъ получаетъ печать свою отъ духа. Пальміери можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что и греческая и всякая другая православная церковь, въ одинаковомъ положеніи, дѣйствовала бы какъ и церковь русская. Оно такъ и было въ Византійской Имперіи. И если сегодня эта Имперія превратилась въ Имперію Турецкую, то Церковь и противъ этого не протестуетъ, такъ какъ она никогда и нигдѣ не отождествляла себя съ судьбою ни одного государства и ни одного политическаго режима. Церковь зоветъ насъ на небо, а не въ политическія смуты. Одинаковый духъ и одинаковый принципъ поведенія въ самыхъ разныхъ политическихъ превратностяхъ, вотъ гдѣ нужно искать единство Церкви. По этому духу и по этому принципу поведенія можно усмотрѣть, что церковь русская принадлежитъ по единомыслію къ церкви православной и потому совершенно одинакова по православію своему съ церковью греческой, которая благодаря этому именно и признаетъ ее какъ сестру. Лишь вполнѣ поверхностная критика, не про-

никающая въ духовныя глубины и останавливающаяся на матеріальностяхъ, можетъ игнорировать такія истины и принимать внѣшнюю форму явленій за существо внутренняго единаго духа. Если бы государство святотатственною рукою извращало ввѣренныя Церкви Христовой сокровища вѣры, тогда на дѣлѣ бы и обнаружилось, что несмотря на послушаніе Церковь себя въ этой области не отождествляетъ съ государствомъ. Много ересей возникало съ согласія и помощью государства, да и самый такъ называемый „Флорентинскій Соборъ", какъ и Ліонскій, раньше его, были посягательствами всемогущей свѣтской власти Византійскаго Императора противъ порабощенной собственной церкви. И несмотря на это подначальное состояніе, Церковь вѣдь этихъ „Соборовъ" не признавала и не признаетъ! Стало быть она, т. е. Церковь, остается твердынею вѣры и тамъ, гдѣ Пальміери усматриваетъ ея порабощенность подъ свѣтское иго, если только сама она, помѣстная церковь, остается по духу живымъ членомъ Церкви вселенской. Такимъ образомъ и русская помѣстная церковь, оставаясь вѣрною православному духу и ученію вселенской Церкви, несмотря на порабощенное свое состояніе, остается и твердынею и членомъ живымъ единой православной Церкви и живущей въ единеніи вѣры сестрою церкви греческой. Аргументъ Пальміери о яко-бы двухъ „православіяхъ" на основаніи разнаго положенія въ государствѣ церквей русской и греческой—совсѣмъ не годится.

Затѣмъ латинскій авторъ жалуется на то, что такъ называемый „православный духъ" является чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Что такое именно этотъ духъ, этого упомянутые богословы (т. е. православные) не преподаютъ... (стр. 6)"... „Вся почти исторія православнаго богословія послѣ печальнаго „раскола свидѣтельствуетъ о томъ, что восточныя церкви

въ изложеніи своихъ богословскихъ ученій чаще всего расходились между собою (стр. 6)“..... „Отсюда, что православное богословіе, хотя и украшенное благороднымъ титуломъ, никогда не имѣло твердыхъ основъ (стр. 7)“.

О да, конечно. Если бы это было такъ легко, вселить духъ Христовой Церкви въ наши несовершенныя, порочныя души, простымъ схоластическимъ изложеніемъ, съ объясненіями и подраздѣленіями, въ чемъ именно состоитъ этотъ духъ, тогда можно бы было поставить крестъ на всякое искательство и почивать на лаврахъ. Вселеніе православнаго духа, духа Церкви Христовой, въ наши порочныя души есть длинный и мучительный процессъ нравственнаго самоочищенія и строго опредѣляетъ собою и степень логическаго пониманія этого духа. Пониманіе этого духа есть побѣда внутренняя, открытіе Христа, открытіе святости Церкви, которою управляетъ самъ Христосъ завѣщанною Имъ любовью Своею. Если бы можно было сообщать и передавать этотъ духъ какъ рублевку, то и самъ Пальміери, думается, не написалъ бы своей книги. Церковь, помните это, уважаемый Пальміери, есть великій организмъ, обхватывающій собою какъ Церковь такъ называемую нами „видимую“, такъ и невидимую, въ совершенномъ, абсолютномъ и благодатномъ единствѣ. Ее можно было бы сравнить съ человѣкомъ громаднѣйшихъ, универсальныхъ размѣровъ, чья глава находится въ безконечности небесъ на одесную Отца и чьи ноги — поставлены на землю. Этотъ великанъ опознается по благодати, и входящіе въ тѣло его члены опознаютъ животворящій духъ его по мѣрѣ *вѣры* своей, а не по мѣрѣ своего раціональнаго знанія, которое само опредѣляется вѣрою. Ибо *въ Церкви* разумъ основывается на вѣрѣ,—а не вѣра на разумѣ. Таково ея отличительное свойство, нигдѣ въ человѣчествѣ не повторяемое исклю-

ченіе. Полностью же никакое ограниченное существо ея не опознаетъ. Ибо полное ея познаніе есть одновременно и абсолютная святость.

Вы, уважаемый Пальміери, ищете логическаго, полнаго опредѣленія духа этого великана, на подобіе опредѣленія духа римской церкви, имя коего: „авторитетъ“. И всякій безъ труда знаетъ и понимаетъ, что такое авторитетъ, ибо это понятіе, по существу своему, есть понятіе конечное, для полнаго познанія коего не требуется ровно никакой святости. Духъ же того великана называется: „любовь“. И никто не можетъ вмѣстить въ себя этого понятія полностью. Ибо это понятіе принадлежитъ міру безконечному, для познанія коего требуется святость.

Не мудрено, что Вы не нашли въ литературныхъ источникахъ искомаго Вами „духа православія!“ Этотъ духъ, т. е. духъ Церкви Христовой, никакими рамками логическихъ опредѣленій не обхватывается.

Каждое понятіе, которое въ возносительномъ движеніи человѣческой мудрости попадаетъ въ опредѣленность логическаго познанія, принадлежитъ къ конечности. Какая же, спрашивается, словесная формулировка возможна для полнаго и доступнаго человѣческому разуму опредѣленія существа Христовой любви, т. е. для безконечности, т. е. для духа Церкви? Если бы вздумали вмѣстить это понятіе въ логическую опредѣленность, то Церковь этимъ доказала бы, что ею болѣе не управляетъ разумъ безконечный, то есть Духъ Святой, а гордый разумъ человѣческій...

Я знаю, что римская церковь гордится логическою опредѣленностью духа своего. Подведите итогъ, уважаемый Пальміери!

О, я знаю, что Вы, да и многіе писатели, даже православ-

ные по крещенію (напр. Вл. Соловьевъ), утверждаете, что этотъ духъ Христовой Церкви, имя коего есть „любовь", въ примѣненіи къ восточнымъ церквамъ является фикціей (figmentum). Это утвержденіе въ книгѣ Вашей встрѣчается нѣсколько разъ, и я даже полагаю, что Вы имѣете въ виду подробно разработать этотъ вопросъ, доказывая учеными историческими изслѣдованіями, что духъ этотъ восточными церквами не управляетъ.

Оставьте эти ученыя историческія изслѣдованія, если Вы имѣете въ виду нападки на Церковь! Ибо Вы опять таки погрузились въ прахъ плоти и принимаете матеріальныя порочныя явленія за самый духъ. Развѣ гдѣ нибудь сказано, что отдѣльныя лица, отдѣльныя епархіи, отдѣльныя помѣстныя церкви обладаютъ совершенною святостью по духу взаимной любви? Развѣ гдѣ нибудь сказано, что онѣ этого духа никогда не нарушатъ? Этотъ аргументъ Вашъ имѣетъ ровно такую же силу, какъ если бы я учеными историческими изслѣдованіями сталъ бы собирать всѣ историческіе факты, ознаменовавшіе протестъ или противодѣйствіе авторитету римскаго первосвященника, мыслью, словомъ, или кровавыми распрями отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ, возставшихъ противъ этого авторитета, чтобы потомъ, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, утверждать, что авторитетъ этотъ есть ничто иное какъ фикція. Внутренній духъ, или принципъ, въ матеріальныхъ явленіяхъ осуществляется болѣе или менѣе полно, часто осуществляется плохо, часто и совсѣмъ не осуществляется. Подъ конецъ вы дѣйствительно, послѣ многихъ трудностей, осуществили вашъ принципъ авторитета почти полностью. Остается лишь одинъ шагъ для абсолютнаго его завершенія: абсолютная личная святость этого авторитета... Не знаю, рѣшитесь ли вы на это! Да предохранитъ Васъ Господь отъ той печати, которая будетъ

наложена на чело всякаго вѣрнаго ему, и безъ которой онъ не можетъ себѣ уже пріобрѣсти ничего!... Да, вы уже осуществили принципъ вашъ почти полностью. И вы могли это сдѣлать, ибо принципъ этотъ принадлежитъ разуму конечному. Принципъ Христовой Церкви есть разумъ безконечный, и полное его осуществленіе наступитъ лишь въ концѣ временъ. По этому Церковь Христова — безсмертна, въ вашемъ же человѣческомъ зданіи выражается лишь совершенство конечнаго разума, имя коему „смерть“.

Не гордитесь предъ Церковью вашимъ совершенствомъ! Не гордитесь вашимъ авторитетомъ! Церковь вамъ не завидуетъ.

Христова Церковь не признаетъ ни абсолютной святости ни совершенства отдѣльныхъ лицъ, ни отдѣльныхъ епархій, ни отдѣльныхъ помѣстныхъ церквей. Какія бы ни были непріязни и разнузданныя страсти, которыя Вамъ удалось бы открыть въ лѣтописяхъ восточныхъ церквей, знайте, уважаемый Пальміери, что все это ровно ничего не доказываетъ въ пользу Вашей полемики, хотя бы Вы и наполнили этими фактами еще цѣлые томы Вашего труда. Совершенствомъ духа обладаетъ лишь *все* тѣло Церкви Христовой, по союзу взаимной любви, которому одному дано преимущество познанія Божественныхъ истинъ. И какъ бы жестоко члены Церкви иногда не нарушали этого союза, какъ бы часто они, грѣшные, ни забывали своего животворящаго духа, знайте, уважаемый Пальміери, что врата ада не одолѣютъ, и что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пребывающій съ нами во вѣки, по неизмѣнной Своей любви никогда не допуститъ, чтобы ненависть наша растерзала бы земную часть Его святаго тѣла до уничтоженія. Любовь Его подъ конецъ всегда возвысится надъ ненавистью нашей и надъ грѣховностью нашей и поведетъ насъ по пути постепеннаго усовершенствованія и мира.

Таково Его завѣщаніе.

Иные не могли себѣ представить, что это обѣщаніе Христово имѣло само по себѣ жизненную силу. Не вѣрующіе въ жизненность этой силы нашли необходимымъ имѣть особую гарантію неизмѣнности Христова обѣщанія. И вотъ, появился *авторитетъ*, чтобы въ обществѣ, безсильно преданномъ въ руки духа ненависти и себялюбія, каждый бы не обращался къ ближнему со словами: „кошелекъ или жизнь!“, и чтобы такимъ образомъ не уничтожено было Христово завѣщаніе! И они не постигли, что Христово завѣщаніе не нуждается ни въ какой человѣческой гарантіи, что установленіе такой гарантіи есть актъ гордости человѣческой, узаконяющей черезъ это именно то себялюбіе и ту ненависть, противъ которыхъ они хотѣли установить надъ Христовымъ завѣщаніемъ человѣческій контроль! Этимъ они отказались отъ вѣры въ силу этого завѣщанія, то есть: отпали отъ Церкви.

Съ помощью Божіею мы докажемъ, что противный преданію апостольской Церкви авторитетъ въ вопросахъ вѣры, по самому существу своему, исключаетъ духъ Христовой любви.

Вы, уважаемый Пальміери, сказали, что никто Вамъ не открылъ, въ чемъ именно состоитъ „духъ православія“. Молитесь смиренно, чтобы по благодати Вамъ было сообщено вѣдѣніе о немъ! Въ книгахъ Вы этого не найдете...

Историческія же изслѣдованія для цѣли доказательства отсутствія любви въ восточныхъ церквахъ оставьте! Вы этимъ ничего не докажете. И не думайте объ опроверженіи того, что Вы только что читали въ этихъ строкахъ! Мы находимся въ положеніи, для Васъ вполнѣ неосязаемомъ. Всѣ Ваши удары будутъ по воздуху. И о нарушеніи любви въ восточныхъ церквахъ слишкомъ не говорите! Вамъ могли бы отвѣчать указаніями на проявленія ненависти въ исторіи Запада... Оста-

вимъ это въ сторонѣ! Если Вы не поняли, въ чемъ состоитъ „духъ православія“, пеняйте-же на себя!

И вообще, не отождествляйте порочныхъ, матеріальныхъ, преходящихъ явленій съ существомъ единаго безпорочнаго духа, поверхностною и не вникающею въ суть критикою! Почему Вы такъ погружены въ матеріальности? Но это не Ваша вина... а вина того принципа, передъ которымъ Вы преклоняетесь и который горделиво превознесъ себя на небо, чтобы очутиться, всѣмъ тѣломъ и всею душей, въ прахѣ плоти міра сего. . . . . .

. . . . . .

Латинскій авторъ утверждаетъ, что православныя помѣстныя церкви по многимъ вѣроисповѣднымъ вопросамъ относятся другъ къ другу противорѣчиво.

Такъ, русская и греческая церкви якобы относятся различно къ вопросу о дѣйствительности латинскаго крещенія, да и сами онѣ въ разныя эпохи придерживались-де неодинаковаго на этотъ счетъ критерія. Отсюда-де противорѣчіе въ ученіи о таинствѣ.

Тутъ-же приводится и противорѣчивое отношеніе русской и греческой церквей къ церкви болгарской. Константинопольская церковь предала болгарскую анаѳемѣ и прервала общеніе съ нею. Русская же церковь, несмотря на рѣшеніе грековъ, своего общенія съ болгарами не прервала. Отсюда-де противорѣчіе въ ученіи о Церкви.

На этихъ двухъ положеніяхъ приходится остановиться подробно. Ибо въ нихъ, по мнѣнію латинскаго автора (высказанному на стр. 627 его книги), кроется якобы непобѣдимое доказательство единой истины латинства.

Намъ предстоитъ доказать:

1. Полное единство взглядовъ русской и греческой церквей какъ на самое таинство крещенія, такъ и на крещеніе латинское.

2. Вѣроисповѣдное единство русской и греческой церквей въ вопросѣ о болгарахъ.

Латинскій авторъ,—опять таки поверхностною критикою,—и здѣсь принимаетъ внѣшнія явленія за существо единаго духа. Онъ превосходно воспринимаетъ и описываетъ внѣшности. До духа же онъ не доходитъ и дойти не можетъ, пока онъ будетъ вращаться въ кругозорѣ папства. Ибо папство отвергаетъ духъ и знаетъ только внѣшности матеріальныхъ явленій.

Начнемъ съ вопроса о латинскомъ крещеніи.

Извѣстно, что разница въ обрядѣ между крещеніями православнымъ и латинскимъ состоитъ въ томъ, что Церковь, которая вообще и во всемъ сохранила преданіе, сохранила и крещеніе тройнымъ погруженіемъ, при чемъ совершающій таинство произноситъ извѣстную всѣмъ формулу. Латинское же крещеніе состоитъ въ обливаніи водой одной головы, съ произнесеніемъ формулы.

Въ крещеніи есть обряды существенные, безъ которыхъ самое таинство не дѣйствительно. Къ этимъ обрядамъ принадлежатъ: произнесеніе словъ „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ и употребленіе воды.

Есть, далѣе, въ крещеніи обряды, хотя и не до такой степени существенные, но все-же до того почтенные, что никакая церковь не можетъ отказаться отъ нихъ, не навлекая на себя справедливаго нареканія въ новшествахъ и въ неуваженіи къ апостольскимъ преданіямъ.

Къ этимъ обрядамъ относятся тройное погруженіе въ воду и соединеніе обоихъ таинствъ крещенія и муропомазанія.

Папство повинно въ измѣненіи этихъ двухъ обрядовъ во

всѣхъ западныхъ церквахъ. Нынѣшніе латинскіе обряды восходятъ лишь до XIII-го столѣтія.

Наконецъ, въ крещеніи есть обряды и обычаи, которые могутъ подлежать измѣненіямъ согласно требованіямъ времени или мѣста.

Къ этимъ обычаямъ принадлежитъ напр., обычай, по которому таинство совершается священникомъ. При случаѣ однако каждый христіанинъ имѣетъ право открыть двери Христовой Церкви ребенку или новообращенному.

Въ связи съ этою послѣднею категоріею обычаевъ и обрядовъ слѣдуетъ разсматривать и вопросъ о латинскомъ крещеніи. Дѣло въ томъ, что совершающій таинство совершаетъ его не отъ себя, а отъ имени Церкви. Крещающій именно открываетъ, по получаемому согласіемъ Церкви полномочію, двери Церкви новокрещенному. Ясно, что Церковь можетъ согласиться или не согласиться на это представительство. Это, слѣдовательно, вопросъ только дисциплинарный. Каждый членъ Христовой Церкви имѣетъ это представительство по праву. Но если совершающій таинство не принадлежитъ къ Христовой Церкви, то священнодѣйствіе это покрывается при позднѣйшемъ вступленіи крещеннаго въ лоно Церкви ея согласіемъ, при условіи, конечно, чтобы существенные обряды крещенія были соблюдены. Церковь можетъ или согласиться или не согласиться a posteriori (вопросъ о времени никакого значенія не имѣетъ) на это представительство отъ своего имени. Она можетъ дать свое согласіе въ одномъ случаѣ, въ другомъ опять отказать. Теперь становится понятнымъ, почему, по временнымъ обстоятельствамъ, различныя помѣстныя церкви не всегда одинаково рѣшали этотъ вопросъ. Критерій—одинъ: представительство отъ Церкви въ священнодѣйствующемъ.

Но мы пожалуй навели на умъ читателя сомнѣніе, говоря,

что согласіе Церкви на нѣкогда совершенное таинство дается a posteriori. Какъ тутъ быть? Вѣдь остается-же не разрѣшеннымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли латинское крещеніе само по себѣ? И дѣйствительно ли слѣдовало считать крещеннымъ принимаемаго въ православіе за все время, протекшее между моментомъ его крещенія и моментомъ его вступленія въ Церковь?

Это — вопросъ вполнѣ праздный.

Церковь судитъ только себя и знаетъ только себя, по благодати Духа Божьяго, живущаго въ ней. Она знаетъ только себя и остального человѣчества не судитъ. Она не судитъ никого и дѣйствительности римскаго крещенія или недѣйствительности, въ римской церкви и для римлянъ, она не предрѣшаетъ, оставляя это суду Божьему. Римскимъ богословіемъ Церковь не занимается.

Пальміери въ книгѣ своей разсказываетъ, какъ онъ спросилъ когда-то одного греческаго іеромонаха, считаетъ ли онъ его, т. е. Аврелія Пальміери, крещеннымъ или нѣтъ. Іеромонахъ задумчиво отвѣтилъ ему: „Ὁ Θεὸς ξεύρει“, т. е. Богъ знаетъ (стр. 628) И на это Пальміери говоритъ побѣдоносно: „Развѣ отдѣльные вѣрные обязаны непосредственно просить Бога, чтобы онъ разсѣялъ туманъ, который покрываетъ ихъ, и чтобы Онъ научилъ ихъ порознь тѣмъ истинамъ, храненіе которыхъ Онъ поручилъ Церкви?“

Знайте, уважаемый Пальміери, что этотъ іеромонахъ былъ православный и отвѣтилъ Вамъ, на вопросъ Вашъ, какъ православный! И въ простомъ отвѣтѣ его было больше смиренія и мудрости, чѣмъ во всемъ человѣческомъ мудрствованіи Рима.

Нѣтъ. Никакой православный христіанинъ не обязанъ спросить лично у Бога, правильно ли Вы крещены или нѣтъ, и православная Церковь этимъ не занимается. Она знаетъ только

правильность *своего* крещенія, и когда она согласіемъ своимъ покрываетъ совершенный матеріально-правильно римлянами обрядъ, то для нея православное крещеніе новообращеннаго считается лишь со дня его вступленія въ Церковь. А что съ нимъ было раньше, она не призвана судить, какъ и не призвана судить, правильно ли Вы сами крещены и правильно ли крещены всѣ ваши единовѣрцы. На этотъ вопросъ и мы, какъ нѣкогда тотъ православный греческій іеромонахъ, отвѣчаемъ Вамъ: Ὁ Θεὸς ξεύρει!

Итакъ, Церковь можетъ, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, давать свое согласіе на римское крещеніе или отказывать. Если она согласія своего не даетъ, то крещеніе обращаемаго приходится повторить, за отсутствіемъ законнаго представительства въ римскомъ священникѣ, совершившемъ первое крещеніе. Если она даетъ свое согласіе, то и крещеніе по этой самой причинѣ и было дѣйствительно. Вопросъ вовсе не въ самомъ римскомъ крещеніи, а въ дисциплинарной сторонѣ согласія или несогласія Церкви на представительство въ лицѣ иновѣрца.

Но остается все еще не разрѣшеннымъ одно великое недоумѣніе латинскаго автора. Выходитъ якобы, по его мнѣнію, что русская церковь не находится въ единеніи съ греческой, потому что русская даетъ свое согласіе на латинское крещеніе, греческая же согласія своего на это крещеніе не даетъ. Несомнѣнно, что въ этой дисциплинарной части обычай дѣйствуетъ въ обѣихъ церквахъ разный. И такъ какъ христіанская любовь, довѣріе и согласіе отъ однороднаго обычая, — если только этотъ обычай добровольный а не навязанный по авторитету, — могутъ только выиграть, то и слѣдуетъ надѣяться на то, что греки примутъ нашъ русскій обычай... я бы могъ сказать, что русскіе примутъ греческій обычай, и я навѣрно

бы такъ и сказалъ, если бы этотъ выходъ представлялся болѣе удобнымъ чѣмъ первый. Но въ матеріальномъ смыслѣ, при разноплеменности населенія нашей Имперіи, и особенно въ виду многомилліоннаго населенія латинскаго исповѣданія, съ которымъ православные живутъ въ постоянномъ соприкосновеніи, несогласіе нашей церкви на римское крещеніе представляется очень труднымъ и было бы противно интересамъ Церкви въ Россіи. Вотъ почему мы надѣемся что Константинопольскій патріархатъ войдетъ любовно въ наше положеніе и что онъ, при обоюдномъ признаніи законности каждаго изъ обоихъ помѣстныхъ обычаевъ, всетаки приметъ на счетъ латинскаго крещенія дисциплинарный обычай церкви русской, хотя бы для болѣе нагляднаго опроверженія и безъ того ошибочныхъ нареканій, могущихъ вводить въ соблазнъ православныя души.

Мы сказали, что этотъ вопросъ является дисциплинарнымъ. Каждая автокефальная православная помѣстная церковь имѣетъ право рѣшать его по своему. Но какъ бы она его ни разрѣшила, принятый ею въ ея лоно иновѣрецъ является черезъ это уже членомъ *всей* Церкви Христовой. Вотъ почему, уважаемый Пальміери, греческое духовенство допускаетъ православныхъ, бывшихъ латинянъ, принятыхъ въ Церковь Христову русскою помѣстною церковью безъ повторительнаго крещенія, ко всѣмъ таинствамъ и смотритъ вообще на нихъ какъ на полноправныхъ членовъ Церкви Христовой. И греческая церковь это дѣлаетъ несмотря на то, что сама она бы *не* приняла ихъ безъ повторительнаго крещенія. Сама она бы *не* согласилась на представительство въ лицѣ римскаго священника. Но разъ на это представительство согласилась русская церковь, то и для греческой церкви крещеніе это считается уже правильнымъ, не само по себѣ, — это не подлежитъ нашему сужденію, — а по согласію русской церкви, признавшей

это таинство какъ свое. Этимъ именно она выказываетъ и любовь свою и согласіе съ нами и единство. Опять таки Вы, уважаемый Пальміери, не вникли въ духъ и остановились на внѣшнихъ фактахъ и на матеріальностяхъ. Не удивляйтесь поэтому такому поведенію греческой церкви, которая допускаетъ этихъ православныхъ къ таинствамъ, *зная* (это Васъ особенно смущаетъ) ихъ происхожденіе. Именно *зная*, она выказываетъ свое единство съ нами, поступая такъ, какъ она поступаетъ.

Но Вы можетъ быть скажете, что таковой разнородный обычай помѣстныхъ церквей не основанъ на преданіи и что въ этомъ дѣлѣ одна изъ нихъ отступаетъ отъ принятой общей нормы.

Мы вамъ докажемъ противное.

Церковь никогда не преподавала общаго опредѣленія по сему вопросу. Никогда она не опредѣляла, по существу, дѣйствительности или недѣйствительности крещенія еретиковъ. Конечно. Иначе и быть не могло, ибо Церковь знаетъ только *свое* крещеніе и судитъ только *себя*.

По вопросу о повтореніи или неповтореніи таинства надъ новообращенными изъ еретиковъ въ свое время много спорили, такъ какъ разныя помѣстныя церкви имѣли на этотъ счетъ и различную практику. Этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь въ Карѳагенской церкви въ 255 году, когда Св. Кипріанъ былъ епископомъ этой церкви. Полемика Кипріана съ епископомъ римскимъ Стефаномъ осталась извѣстной въ исторіи. Преданіе Карѳагенской церкви, повторявшей таинство крещенія надъ еретиками, восходило по крайней мѣрѣ до Агриппина. Агриппинъ былъ епископомъ Карѳагенскимъ во второй половинѣ второго вѣка. Онъ-же, на соборѣ своей церкви, тогда опредѣлилъ необходимость повторительнаго крещенія обращающихся

изъ еретиковъ. Тертулліанъ, священникъ Карѳагенскій, былъ одинаковаго мнѣнія. Слѣдовательно Кипріанъ защищалъ довольно древнее уже преданіе своей церкви. Можно даже предполагать, что рѣшеніе Агриппина было согласно съ преданіемъ еще болѣе стариннымъ. Въ Каппадокіи и въ другихъ мѣстахъ Азіи Церковь слѣдовала тому-же преданію, какъ и въ Карѳагенѣ. Это явствуетъ неопровержимо изъ письма Фирмиліана, епископа Кесарійскаго въ Каппадокіи, къ Кипріану, въ спорѣ Кипріана со Стефаномъ. Фирмиліанъ открыто сталъ на сторону Кипріана. Письмо его является настоящимъ историческимъ памятникомъ по вопросу о положеніи въ Церкви епископа римскаго (Inter Epist. Cypr. 75).

Помѣстные соборы Иконскій и Симнадскій въ началѣ 3-го столѣтія (около 230 г.) также высказались противъ дѣйствительности крещенія еретиковъ. Не признается крещеніе еретиковъ и по 46 канону Св. апостоловъ. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, основано ли повторительное крещеніе на древнемъ и законномъ обычаѣ церковнаго преданія, поставленъ выше всякаго сомнѣнія.

Мы не имѣемъ нужды доказывать папистамъ законность преданія другихъ помѣстныхъ церквей, соглашавшихся на формально-правильное крещеніе, хотя бы и еретиковъ, такъ какъ этого мнѣнія держатся они сами. Преданіе это было древнимъ преданіемъ римской церкви, которая для Церкви Христовой есть, вѣрнѣе, была церковью помѣстною какъ и всѣ другія.

Такимъ образомъ, обычаи въ различныхъ церквахъ по этому вопросу дѣйствовали разные. Не смотря на этотъ фактъ, Церковь *тогда* была единою. Почему-же *теперь* хотятъ на этомъ основаніи навязать намъ разногласія, которыя не существуютъ?

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что вслѣдствіе этихъ тогдашнихъ споровъ Церковь принципіально приняла какое нибудь рѣшеніе по этому вопросу въ ту или другую сторону!

Ничего подобнаго.

Церковь никакого такого рѣшенія не принимала.

Споръ между Кипріаномъ и Стефаномъ такъ и остался неразрѣшеннымъ и не породилъ и впослѣдствіи никакихъ постановленій, принятыхъ всею Церковью. Такъ оно по сей день и осталось, и дисциплинарный вопросъ этотъ зависитъ отъ усмотрѣнія различныхъ помѣстныхъ церквей. Оно и понятно. Помѣстныя церкви гораздо лучше оцѣниваютъ возможность или желательность церковной санкціи примѣнительно къ обрядамъ мѣстныхъ еретиковъ.

Бл. Іеронимъ, правда, говоритъ, что африканскіе епископы отмѣнили свое первое рѣшеніе (Кипріанъ созывалъ нѣсколько соборовъ своей церкви по этому вопросу). Вотъ что говоритъ Бл. Іеронимъ: „Наконецъ епископы, принявшіе съ нимъ рѣшеніе о необходимости повторительнаго крещенія еретиковъ, издали новое постановленіе, вернувшись къ древнему обычаю.“ (Dial. cont. Luciferianos § 23). Но Іеронимъ высказываетъ такое предположеніе безъ всякихъ къ тому основаній и не предъявляя никакихъ историческихъ доказательствъ. Бл. Августинъ, епископъ Иппонскій (близъ Карѳагена) и современникъ Іеронима, зналъ это предположеніе Іеронима, и онъ на это именно и намекаетъ, говоря въ своемъ сочиненіи противъ Донатистовъ, что событіе, о которомъ говорили, было ему неизвѣстно. Бл. Августинъ говоритъ, что Кипріанъ по кротости своей и по миролюбію могъ бы жертвовать своимъ мнѣніемъ и что онъ это навѣрно бы и сдѣлалъ передъ лицомъ полнаго Собора. Августинъ прибавляетъ: „Можетъ быть оно такъ и было, но мы этого не знаемъ; ибо не все, что въ то время было сдѣлано между епископами, могло быть записано и удержано въ памяти, и мы тоже не знаемъ всего того, что могло быть записано“. (Aug. lib. II. cont. Donatist. cap. IV, § 5. edit. Bened.).

Если въ пятомъ столѣтіи такой ученый африканскій епископъ ничего не зналъ о томъ событіи, о которомъ говоритъ его современникъ Іеронимъ, то и никто подавно въ настоящее время не можетъ ссылаться на оное. Бароній ссылается на Діонисія Александрійскаго, чтобы доказать историческую дѣйствительность предполагаемаго событія. Но у Діонисія Александрійскаго ни словечка объ этомъ нѣтъ.

Оказывается, что въ прошломъ столѣтіи итальянскій епископъ Тиццани сочинилъ диссертацію, чтобы доказать подложность документовъ, обыкновенно приводимыхъ въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ, поднятомъ въ свое время между церквами римскою и карѳагенскою. Подложность эта была бы очень выгодна для папства, такъ какъ эти документы весьма неудобны для теоріи о главенствѣ папъ. Но всѣ мудрствованія г-на Тиццани не имѣютъ ровно никакой исторической цѣнности и обезсиливаются слѣдующимъ фактомъ: главные документы этой тяжбы были извѣстны въ древности и на нихъ указываетъ Бл. Августинъ въ V столѣтіи, въ полемикѣ своей противъ Донатистовъ. Донатисты же выставляются яко-бы какъ фальсификаторы этихъ документовъ. Бл. Августинъ ссылается спеціально на извѣстную рѣчь Кипріана противъ Стефана, которою карѳагенскій епископъ упрекаетъ римскаго въ желаніи выставить себя епископомъ епископовъ. Иппонскій святитель преклоняется передъ рѣчью, на которую онъ смотритъ какъ на доказательство кротости Кипріана. (Aug. cont. Donatist. lib II. cap. 2—3.) Бл. Августинъ упоминаетъ также о письмахъ къ Юбаіану и къ Квинту (тамъ-же, с. 1.), въ которыхъ Кипріанъ такъ знаменательно наставляетъ того, кто выдавалъ себя за преемника Петра. Бл. Августинъ вообще утверждаетъ, что Донатисты защищали себя сочиненіями Кипріана, въ подлогахъ онъ однако ихъ не упрекаетъ (cap. 3). Для опроверженія историческихъ фантазій г-на Тиццани больше не требуется.

Вполнѣ однако неопровержимое доказательство того, что споръ между Кипріаномъ и Стефаномъ остался неразрѣшеннымъ, имѣется въ 8 канонѣ Арлскаго помѣстнаго Собора 314 года. Въ этомъ канонѣ, преподанномъ стало быть по истеченіи 60 лѣтъ послѣ того знаменитаго спора, именно и говорится о принятой въ Африкѣ дисциплинѣ повторительнаго крещенія еретиковъ.

Скажемъ еще попутно, что стало быть и по этимъ свѣдѣніямъ и документамъ ни Св. Кипріанъ, ни Фирмиліанъ, ни Діонисій Александрійскій, ни Бл. Августинъ, ровно ничего не знали о какомъ нибудь авторитетѣ римскаго епископа, да еще по праву Божественному, надъ Церковью Христовой. И эти доказательства противъ вымышленнаго, незаконнаго, несуществующаго римскаго авторитета представляютъ собою лишь каплю въ морѣ. Это море противныхъ папству доказательствъ называется: „Исторія Церкви Христовой“. Пальміери въ заключеніи этой главы говоритъ, что въ древней Церкви римскій епископъ имѣлъ этотъ авторитетъ. „Учительство это (magisterium, т. е. учительство — авторитетъ) дѣйствовало въ древней Церкви въ лицѣ римскаго первосвященника и вселенскихъ Соборовъ“ (стр. 10).

Этому пока еще вполнѣ голому заявленію мы противопоставимъ слѣдующее: нужно быть либо мистификаторомъ, либо мистифицированнымъ, либо невѣждою, чтобы утверждать что либо подобное. Пальміери — ни мистификаторъ, ни невѣжда. Слѣдовательно онъ съ закрытыми глазами, мистифицированный, блуждаетъ въ лѣсу той громадной, истинно трагической исторической мистификаціи, что называется „папство“.

Перейдемъ теперь къ вопросу о болгарской церкви, объявленной Константинопольскою церковью въ положеніи раскола.

Это случилось въ 1872 году. Причина заключалась въ томъ, что болгары, до того времени принадлежавшіе къ па-

ствамъ, входящимъ въ составъ Константинопольскаго патріархата, сорганизовались какъ самостоятельная церковь учрежденіемъ болгарскаго экзархата. Вопросъ стало быть заключается въ управленіи церковномъ, а не въ догматическомъ различіи.

Но Пальміери говоритъ, что этотъ фактъ доказываетъ существующее между православными церквами Востока разногласіе въ самомъ ученіи о Церкви.

Конечно, по теоріи римской, присутствіе всемогущаго юридическаго авторитета, вершителя судебъ церковныхъ, должно исключать такія разногласія. Мы говоримъ „должно", такъ какъ въ дѣйствительности, по дѣламъ именно церковнаго управленія, исторія папства представляетъ не малый рядъ междоусобныхъ разногласій. Въ XIV столѣтіи эти разногласія доходили до того, что даже по вопросу о самомъ авторитетѣ стало неизвѣстно, находится ли онъ въ Авиньонѣ или въ Римѣ. О носителяхъ этого авторитета часто тоже ходили разногласія и споры, такъ какъ нерѣдко бывали одновременно два или три папы [1]).

Положимъ, что сегодня римское церковное устройство выплыло наконецъ на чистую воду, благодаря осуществленію Римомъ, послѣ вѣкового труда, своего внутренняго духовнаго двигателя, имя которому: авторитетъ. И мы уже говорили, почему онъ могъ его осуществить съ такою полностью въ сравнительно столь краткій срокъ. Спрашивается только, есть ли этотъ внутренній духовный двигатель, гордящійся въ земномъ своемъ осуществленіи, наконецъ достигнутомъ... — *почти* достигнутомъ, ибо недостаетъ еще одного единственнаго шага...— есть ли, говоримъ мы, этотъ двигатель подлинно тотъ Духъ,

[1]) Бывали времена (напр. въ X вѣкѣ), когда опознаніе истиннаго папы среди всѣхъ конкуррентовъ требовало такой проницательности, которой мы, смиренно сознаемся, не имѣемъ.

который долженъ осуществиться въ Церкви полностью, когда настанетъ время? Церковь Христова свидѣтельствуетъ о себѣ и она себя знаетъ въ духѣ своемъ, имя которому: любовь. Она знаетъ, что подъ конецъ временъ этотъ безконечный духъ долженъ осуществиться полностью въ ней. Но до этого придется ей многое еще терпѣть. Она терпитъ зло отъ своихъ собственныхъ грѣшныхъ чадъ, которыя часто не дѣйствуютъ такъ, какъ имъ было завѣщано и какъ учитъ Церковь. Но развѣ отъ того она должна предположить, что Господь ее оставилъ и что она не въ состояніи совершить свой путь до цѣли на землѣ?

Нѣтъ. Она въ своей силѣ не сомнѣвается, ибо эта сила есть Христосъ. Духъ ея есть любовь, и осуществленіе этого духа есть союзъ, который будетъ полностью проявленъ въ искупленномъ человѣчествѣ въ концѣ временъ. Тогда и духъ и плоть будутъ едино, во святомъ и совершенномъ воскресеніи.

Сія есть надежда Церкви.

Потому и земная церковь не отказывается отъ этого союза любви, и никакія тяжбы, никакія слабости и страсти грѣшныхъ ея чадъ не превозмогутъ завѣщанной ей и управляющей ею Христовой любви. Въ этомъ она имѣетъ твердое обѣщаніе своего Спасителя. Любовь Его въ Церкви всегда побѣдитъ и возвысится надъ ненавистью нашей и надъ нашими себялюбивыми страстями.

Если бы земная церковь отказалась отъ этой надежды, отъ вѣры въ силу этой любви и въ дѣйствительность обѣщаній своего Искупителя, то таковой отказъ имѣлъ бы первымъ послѣдствіемъ установленіе юридической гарантіи ни на чемъ болѣе не покоющагося церковнаго единства. И это грѣхопаденіе, паденіе изъ духа въ плоть, будетъ вѣрнымъ повтореніемъ, одинаковымъ по внутреннему своему затаенному смыслу, грѣхопаденія перваго: „И будете какъ Боги, знающіе добро и зло“... Человѣкъ отказался отъ союза своего съ Богомъ, онъ

отказался отъ вѣры, отъ надежды и отъ любви. Въ отпавшемъ отъ тѣла Христова обществѣ на мѣсто благодати Божіей появился духъ правового міропорядка, основа коего есть себялюбіе, духъ властолюбія, духъ міра сего, однимъ словомъ... авторитетъ. Конечно, скорое земное осуществленіе этого духа, человѣческаго гордаго разума, найдетъ себѣ болѣе или менѣе блестящее матеріальное выраженіе, но подлежащее, какъ все человѣческое, разрушенію и смерти. До этого же разрушенія авторитетъ будетъ гарантіею этого самовольнаго и самосильнаго существованія на собственный счетъ, внѣ общенія съ церковью невидимою и безъ Христа.

Осуществленіе конечнаго разума есть одновременно и разрушеніе и смерть.

По этому авторитетъ, являющійся бого-узаконеннымъ и умѣстнымъ вездѣ, гдѣ царствуетъ разумъ конечный, настолько же противенъ разуму безконечному, насколько смерть несовмѣстима съ жизнью.

Бого-узаконенный авторитетъ дѣйствуетъ и въ Церкви Христовой, во всѣхъ ея временныхъ и конечныхъ выраженіяхъ.

Вѣра же Церкви, т. е. духъ ея, не принадлежитъ къ конечному міру.

Установленіемъ авторитета въ этой области человѣкъ низводитъ этотъ духъ въ разрядъ явленій преходящихъ. Этимъ онъ именно отказывается отъ своего Бога.

Въ вопросахъ вѣры, любовь и авторитетъ суть два противоположныхъ, исключающихъ другъ друга въ Церкви понятія.

Итакъ, вернемся къ вопросу о болгарахъ.

О, конечно, это очень прискорбная рана. Мы вовсе не желаемъ скрывать нашей печали по поводу этого нарушенія закона единенія и любви. Но мы твердо знаемъ, что рано или

поздно это будетъ изглажено и что духъ Церкви, т. е. любовь, возвысится надъ грѣховностью и надъ слабостью человѣческими. И тогда этотъ инцидентъ будетъ имѣть ровно такую же доказательную силу противъ закона любви, управляющей Христовой Церковью, какъ доказательную силу имѣетъ противъ существованія авторитета въ папствѣ Авиньоно-Римская неурядица, если бы я вздумалъ предъявить это доказательство, чтобы отрицать существованіе авторитета въ папствѣ. Вопросъ о времени никакого значенія не имѣетъ. То было въ XIV столѣтіи, а это въ XIX-омъ. Вотъ и все. — Да, конечно, паписты теперь гордо объявляютъ, что такое нарушеніе церковнаго союза у нихъ невозможно. Очень вѣримъ. Но вовсе не завидуемъ гарантіи такой невозможности. Это лекарство куда хуже болѣзни, ибо это лекарство есть смерть!...

Знайте, уважаемый Пальміери, что навязанное *извнѣ* одной изъ сторонъ авторитетное рѣшеніе этого спора не имѣло бы для Церкви ровно никакой цѣны. Это рѣшеніе было бы для Церкви до того неубѣдительнымъ, что и самый споръ представляется лучше. Авторитетное рѣшеніе наложило бы конечно молчаніе на одну изъ сторонъ, но для Церкви такое молчаніе совсѣмъ не важно. Для Церкви важно лишь то, чтобы спорящіе братья *сами*, по внутреннему убѣжденію, дѣйствовали по духу матери, по духу Церкви, т. е. по любви, и чтобы *сами* они прекратили свой споръ въ братскомъ объятіи.

Конечно, вина падаетъ либо на одного изъ нихъ, либо на обоихъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Пусть это они сами сознаютъ передъ судомъ совѣсти своей, ибо по ученію Церкви никто изъ братьевъ нашей семьи не является судьей и господиномъ другого. Только всѣ вмѣстѣ, по согласію и по любви, являются Церковью Христовой на землѣ. Таковъ принципъ Церкви, и все то, что уклоняется отъ этого принципа, ровно

ничего не доказываетъ, ни противъ Церкви, ни противъ ея ученія, ни противъ ея духа взаимной любви. Если по этому Пальміери говоритъ, что между нами существуетъ разногласіе о Церкви, онъ говоритъ лишь по невозможности подыматься выше матеріальностей. Никакого разногласія между церковью греческою и церковью болгарской въ вѣрѣ—нѣтъ. Есть лишь печальное уклоненіе одной изъ нихъ, или обѣихъ, въ матеріальныхъ дѣйствіяхъ, отъ исполненія того, что преподается обѣимъ по святому ученію Церкви. Не отрицаніе закона, а неповиновеніе ему. Вопросъ дисциплинарный, а вовсе не догматическій. Поведеніе, внушенное болѣе или менѣе простительными побужденіями племенного самолюбія, а вовсе не превратнымъ толкованіемъ ученія о Церкви.

И будьте вполнѣ увѣрены, что совѣсть каждаго изъ спорящихъ братьевъ ясно говоритъ ему, повиненъ ли онъ въ неуваженіи къ брату своему и въ непослушаніи заповѣдямъ той Церкви, которую каждый изъ нихъ исповѣдуетъ по одинаковой вѣрѣ. Въ смыслѣ вѣроученія это одно имѣетъ важность. Ибо никто изъ спорящихъ братьевъ не претендуетъ ни на совершенство, ни на непогрѣшимость.

И если въ нашей семьѣ эти два брата до того возненавидѣли другъ друга, что прервали общеніе между собою, и что одинъ изъ нихъ даже предалъ другого анаѳемѣ, то нѣтъ ровно никакой необходимости, чтобы другіе братья этой-же семьи, непричастные къ этому спору, вмѣшивались въ него и принимали бы сторону того или другого. Ни тотъ, ни другой изъ спорящихъ братьевъ не пользуется непогрѣшимостью и не претендуетъ на оную. Слѣдовательно и анаѳема спорящихъ сторонъ не обязываетъ непричастныхъ братьевъ. И спорящіе братья знаютъ это. Они знаютъ это до того хорошо, что и не упрекаютъ непричастныхъ за то, что они не прервали

своего общенія ни съ той ни съ другой изъ спорящихъ сторонъ. Они ихъ не упрекаютъ за это несмотря на то, что въ пылу своего первоначальнаго негодованія они даже обѣщались прервать общеніе со всякимъ, кто только обмѣнится поклономъ съ ненавистнымъ братомъ. И это потому, что сознаніе о вѣрѣ и о Церкви у всѣхъ насъ одно. Нами управляетъ законъ жизни, уважаемый Пальміери, а не мертвая буква! Но мы Вамъ очень обязаны за то, что Вы такъ крѣпко подчеркнули проявленіе нашей грѣховной слабости и надѣемся, что нападки Ваши ускорятъ будущее примиреніе и воцареніе надъ всею слабою плотью нашей закона любви и Духа Божьяго, живущаго среди насъ.

Такія явленія, какъ прерванное общеніе между помѣстными церквами или вообще отдѣльными членами Церкви, въ исторіи встрѣчаются очень часто. И въ этихъ спорахъ римскій епископъ, до отпаденія, принималъ совершенно равное со всѣми участіе. То онъ прерывалъ общеніе съ другимъ, то другой прерывалъ общеніе съ нимъ. То онъ предавалъ анаѳемѣ другого, то другой предавалъ его анаѳемѣ. Сегодня папа судитъ всѣхъ, его же никто не судитъ [1])..... on fait du chemin!

Чтобы наши слова, для сомнѣвающихся, не представляли собою необоснованнаго заявленія, мы изъ многихъ фактовъ выберемъ хоть два. Мы могли бы и привести множество другихъ, но мы не пишемъ историческаго обозрѣнія.

---

[1]) Въ православномъ Римѣ папу судили даже на мѣстномъ, римскомъ-же Соборѣ. См. дѣло папы Симмаха. Cassiod. Chron.; Ennod. Epist., 5; Lib. Pontif. In Symmach.; Labbe, Conc. Правда, что противныя Симмаху свидѣтельства рабовъ, не могущихъ быть свидѣтелями на судѣ, не были приняты Соборомъ къ разсмотрѣнію. Но здѣсь важны не разсужденія отцовъ Собора о возможности или невозможности суда надъ папой, а важенъ самый фактъ, заключающійся въ томъ, что Симмахъ предсталъ передъ Соборомъ какъ обвиняемый. Соборомъ же былъ осужденъ и низложенъ папа Іоаннъ XII въ 963 г.

Когда въ извѣстномъ спорѣ о Трехъ Капитулахъ Императоръ Юстиніанъ разослалъ всѣмъ епископамъ осужденіе этихъ трехъ произведеній съ приказаніемъ подписаться подъ это осужденіе, то одни изъ нихъ подписались, другіе же отказались. Юстиніанъ приказалъ римскому епископу Вигилію прибыть въ Константинополь. Вигилій сначала отказался отъ подписи подъ предложенное Императоромъ осужденіе Трехъ Капитуловъ, но затѣмъ онъ всетаки далъ свою подпись „безъ ущерба Собору Халкедонскому“. Таковая оговорка никого не удовлетворила. Епископы Африканскіе, Иллирійскіе и Далмаціи, не считая многихъ другихъ епископовъ, прервали общеніе съ Вигиліемъ. Африканскіе епископы на соборѣ торжественно предали Вигилія анаѳемѣ. Это было въ 551 году. Документы по всему этому дѣлу имѣются въ извѣстномъ сборникѣ церковныхъ Соборовъ Лаббе. (См. также Евагрій Hist Eccl.).

Въ шестомъ столѣтіи, стало быть, римскій епископъ не считался центромъ соборнаго единства.

Интересно и то, что этотъ самый Вигилій былъ въ Константинополѣ какъ разъ во время пятаго вселенскаго Собора, который тоже засѣдалъ въ Константинополѣ. Но онъ на этомъ Соборѣ даже не присутствовалъ. Этотъ Соборъ, который вовсе не былъ созванъ папою, къ тому же засѣдалъ не только безъ него, но противъ него, ибо онъ принялъ рѣшеніе противное тому, за что высказался Вигилій. Да вообще, вселенскіе Соборы вовсе не были созваны папами, ни прямо, ни „черезъ Императоровъ“ какъ фантазируютъ въ Римѣ. Второй вселенскій Соборъ, какъ и пятый, тоже состоялся безъ всякаго участія въ немъ римскаго епископа, присоединившагося къ нему лишь впослѣдствіи. Въ остальныхъ пяти вселенскихъ Соборахъ (1-й, 3-ій, 4-ый, 6-ой и 7-ой) папы участвовали черезъ легатовъ. Но ни на одномъ изъ нихъ эти легаты не предсѣда-

тельствовали [1]). Нужно имѣть твердо въ виду, что на вселенскихъ Соборахъ папскіе легаты, обыкновенно пресвитеры, не могли, по сану своему, предсѣдательствовать въ собраніи епископовъ и патріарховъ. Подписи легатовъ, открывающія иногда рядъ подписей на актахъ Соборовъ, ничего не доказываютъ противъ этого историческаго факта, такъ какъ съ установившимся постепенно обычаемъ каѳедры подписывались по церковно-административному порядку, либо сами епископы этихъ каѳедръ, либо легаты ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Римъ, Константинополь, Александрія, Антіохія, Іерусалимъ и всѣ другія каѳедры. Этотъ порядокъ подписей для предсѣдательства на самомъ Соборѣ не имѣетъ однако никакого значенія. Римскій епископъ, если бы онъ присутствовалъ на Соборѣ, имѣлъ бы на немъ и предсѣдательство. Однако въ его отсутствіи предсѣдательство не переходило къ его легатамъ, а къ слѣдующему по порядку присутствующему патріарху [2]). На Ефес-

[1]) На седьмомъ вселенскомъ Соборѣ они, правда, занимали первыя мѣста, хотя дѣловое предсѣдательство и принадлежало Тарасію, патріарху Константинопольскому. Ибо въ актахъ этого Собора, участники его названы по порядку каѳедръ: сначала два римскихъ священника за папу Адріана, затѣмъ патріархъ Тарасій, затѣмъ два монаха за Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго патріарховъ, и затѣмъ всѣ остальные члены Собора.

[2]) Таковъ на дѣлѣ обыкновенный порядокъ. Но было бы жалкимъ заблужденіемъ считать этотъ порядокъ непосредственно и самимъ по себѣ основаннымъ на церковно-соборномъ началѣ въ видѣ его авторитетнаго проявленія. Порядокъ сей является проявленіемъ исключительно административнаго распорядка, а вовсе не начала соборнаго. Сіе послѣднее не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. По этому высшему принципу Церковь можетъ измѣнить свои административные обычаи какъ и когда сочтетъ нужнымъ. И по соборному-же началу на Соборѣ предсѣдательствуетъ только тотъ, кого Соборъ самъ удостаиваетъ назначеніемъ себѣ въ предсѣдатели. Изъ древности извѣстны имена нѣкоторыхъ іерарховъ (напр. Осія Кордобскаго: см. S. Athanas. Apolog. de fug. § 5), которые предсѣдательствовали на разныхъ Соборахъ по одному лишь собственному, заслуженному почету.

скомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ Кириллъ Александрійскій. Римляне утверждаютъ, что онъ и былъ легатомъ римскаго папы Келестина. Но это обстоитъ совсѣмъ иначе. Легатами папы на этомъ Соборѣ были два западныхъ епископа и одинъ римскій пресвитеръ, и Келестинъ участвовалъ на этомъ Соборѣ въ ихъ лицѣ, а не въ лицѣ Кирилла. Это доказывается неопровержимо самими подписями подъ соборными актами. Но Келестинъ передалъ ad hoc свое почетное церковное первенство и связанное съ этимъ право предсѣдательства Кириллу, въ виду того, что иначе на Соборѣ по праву предсѣдательствовалъ бы Несторій, котораго собирались судить. И всякій разъ, когда на Соборѣ Кириллъ оставлялъ предсѣдательство, оно переходило не къ представителямъ Келестина, а къ Ювеналію Іерусалимскому. Качество папскаго легата само по себѣ не давало никакихъ правъ на предсѣдательство. Да кромѣ того нигдѣ, въ актахъ Ефесскаго Собора, Кириллъ не упоминаетъ о своемъ якобы качествѣ представителя римскаго епископа.

Слѣдуетъ разъ на всегда покончить въ вымысломъ, по которому вселенскіе Соборы будто бы были созваны папами, будто на Соборахъ этихъ предсѣдательствовали римскіе легаты, и будто эти Соборы бывали „утверждаемы“ [1]) папами, въ

[1]) Совершенно естественное и необходимое присоединеніе западныхъ церквей къ рѣшеніямъ имѣвшихъ мѣсто на Востокѣ вселенскихъ Соборовъ выставляется какъ юридическій, совсѣмъ неизвѣстный въ Церкви моментъ, прозванный „папскимъ утвержденіемъ“. Римскій епископъ являлся естественнымъ посредникомъ между Западомъ и Востокомъ, и это его положеніе въ теченіе вѣковъ выступало все ярче, дѣлая по этому самому обстоятельству и присоединеніе Запада, черезъ него, все болѣе утвердительнымъ моментомъ соборности принятыхъ рѣшеній. Этотъ характеръ носятъ главнымъ образомъ присоединенія папъ къ послѣднимъ Соборамъ, просто потому, что всепоглощающее положеніе Рима передъ остальными церквами Запада къ тому времени

видѣ какого-то юридическаго акта, придававшаго соборнымъ рѣшеніямъ обязательную силу. Все это — попутно.

Въ дѣлѣ Св. Іоанна Златоустаго, несмотря на то, что Римъ прервалъ общеніе съ врагами этого святителя, патріархами Аттикомъ Константинопольскимъ и Θеофиломъ Александрійскимъ, другія помѣстныя церкви, напримѣръ африканская, не прерывали своего общенія ни съ той ни съ другою изъ спорящихъ сторонъ (см. у Θеодорита).

Такіе факты встрѣчаются постоянно, и не смотря на это, Церковь жила же тогда и продолжаетъ жить сегодня.

Аргументъ Пальміери, основанный на греко-болгарской распрѣ, ровно ничего не доказываетъ. Онъ предполагаетъ съ гордостью, что въ латинствѣ такая распря имѣетъ своего судью. Конечно. Но для Церкви важно, чтобы эта распря была прекращена въ духѣ Христа,—не въ духѣ римскаго авторитета.

Православная Христова Церковь опять-таки осталась совершенно неуязвимой для слѣпыхъ ударовъ врага.

Что же доказываетъ Пальміери? Что мы, несовершенные и грѣшные ея отдѣльные члены, часто заблуждаемся и часто дѣлаемъ зло? Это мы и безъ того, къ сожалѣнію, знаемъ. Святость, непогрѣшимость и совершенство принадлежатъ *лишь всей* Церкви, *всему* тѣлу Христову: вотъ почему союзъ взаим-

---

успѣло уже сложиться съ бо́льшею опредѣленностью. Въ первыхъ Соборахъ этотъ моментъ вполнѣ отсутствуетъ, и римскій епископъ принималъ соборныя рѣшенія совершенно наравнѣ со всѣми другими, принадлежащими къ соборному тѣлу. Но ни въ первыхъ ни въ послѣднихъ Соборахъ мы не видимъ никакого „папскаго утвержденія“ въ смыслѣ юридическаго момента, заключающаго въ себѣ источникъ соборности и церковности, какъ того хотятъ паписты. Въ томъ то именно и дѣло, что они поставили этотъ источникъ туда, гдѣ ему не должно быть мѣста. Если бы этого не было, Церковь никогда не осудила бы того первенства, хотя бы оно даже выросло со временемъ въ административный центръ, оглашающій и соборныя рѣшенія.

ной любви одинъ только имѣетъ преимущество познанія Божественныхъ истинъ и непогрѣшимости, ибо на этомъ союзѣ, а не на авторитетѣ въ вѣрѣ, построена Христова Церковь. И въ этомъ лишь союзѣ участвуетъ и церковь невидимая и самъ Христосъ. Святость же и непогрѣшимость и совершенство отдѣльныхъ членовъ даются имъ не лично и не полностью, а лишь по мѣрѣ участія ихъ въ этомъ союзѣ и присоединенія ихъ къ святости совершенной, то есть къ Церкви.

Аргументація латинскаго автора не годится.

II.

Пальміери въ этой главѣ вступаетъ въ область пререканій съ разными православными богословами на почвѣ научныхъ опредѣленій и раздѣленій догматовъ. Такъ какъ мы не пишемъ апологіи отдѣльныхъ лицъ, то мы и не вмѣшиваемся въ этотъ споръ.

На стр. 15, мы читаемъ: „Церковь есть общество вѣрующихъ, постоянно преслѣдующихъ на землѣ цѣль Христова искупленія душъ, и неизмѣнный стражникъ полученныхъ отъ Божественнаго Основателя истинъ, не имѣющихъ быть запятненными никакимъ заблужденіемъ, въ виду чего ему дается помощь Святаго Духа, преподающаго ей (т. е. Церкви) всякую истину. Іоан. XVI, 13“.

По этому опредѣленію Церковь есть и то и другое: общество вѣрующихъ и неизмѣнный стражникъ. Ниже мы докажемъ, что одно исключаетъ другое. Кромѣ того, по этому опредѣленію выходитъ, что неизмѣннымъ является папа по отношенію къ Христу, а не Христосъ по отношенію къ намъ.

Несчастные братья! Вы даже не видите и не вѣдаете, какой вопросъ лежитъ пропастью между нами! Ибо мракъ и слѣпота покрываютъ ваше духовное зрѣніе. И потому вы не

только не видите Церкви, на которую вамъ хотѣлось бы напасть, но и самихъ себя совсѣмъ не познали. Ибо только познавши самихъ себя сначала, вы познали бы и Церковь, и передъ духовными глазами вашими предсталъ бы тогда вопросъ, еще непонятный для васъ: авторитетъ или любовь? Папа или Христосъ?!

Открывши евангеліе Св. Іоанна въ указанномъ мѣстѣ, гл. XVI, 13, мы читаемъ:

„Когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину, ибо не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить что услышитъ и будущее возвѣститъ вамъ".

Гдѣ же тутъ доказательство, что Церковь есть и то и другое, общество вѣрующихъ и неизмѣнный стражникъ полученныхъ отъ Божественнаго Основателя истинъ, на что ему дается помощь Святаго Духа? Мы этого доказательства въ простотѣ нашей не нашли въ этомъ мѣстѣ.

Ниже (стр. 16) латинскій авторъ говоритъ слѣдующее: „Безъ римскаго первосвященника вселенскій Соборъ не можетъ имѣть мѣста, и пастыри отдѣльныхъ церквей могутъ лишь выражать отдѣльныя мнѣнія. То, что мы утверждаемъ, доказывается исторіею, свидѣтельствующею о томъ, что никогда и нигдѣ восточныя церкви послѣ печальнаго раскола не предлагали догматическихъ опредѣленій, какимъ бы то ни было образомъ, даже при наличности вѣскихъ побудительныхъ причинъ".

Пока Западъ находился въ Церкви, то, разумѣется, и Соборъ къ которому не присоединился бы епископъ великаго Рима, не могъ считаться вселенскимъ. Это только доказываетъ то, что другія церкви не отказывали церкви Рима въ томъ, въ чемъ церковь Рима отказала всѣмъ другимъ церквамъ. Для соборности требуется согласіе *всѣхъ*, въ томъ

числѣ разумѣется и Рима. Но о соборности рѣчь будетъ ниже. Что же касается матеріальнаго факта засѣданія вселенскаго Собора безъ римскаго епископа, то вѣдь онъ ни на одномъ изъ всѣхъ семи вселенскихъ Соборовъ не присутствовалъ! „Если не онъ, такъ его легаты“, отвѣтятъ паписты. Мы уже говорили, что ни на второмъ, ни на пятомъ вселенскихъ Соборахъ папскихъ легатовъ не было. „Да, но послѣдующее утвержденіе папою вселенскихъ Соборовъ придавало этимъ Соборамъ вселенское значеніе“—отвѣтятъ паписты. Такое своего рода юридическое „утвержденіе“ является вымысломъ. Папы и западные епископы, изъ которыхъ большое число въ тѣ времена тоже назывались „папами“, присоединялись къ соборнымъ рѣшеніямъ, и такъ какъ вселенскость вытекала не изъ присоединенія одного лишь Рима, а изъ согласія *всего* тѣла Церкви, то, разумѣется, рѣшенія Востока не могли считаться вселенскими безъ согласія Запада, какъ и не могли считаться вселенскими рѣшенія Запада, принятыя безъ согласія Востока. Вселенское значеніе вытекаетъ изъ *факта*, а не изъ юридической нормы. Мало-по-малу, римскіе епископы стали рѣшать свои дѣла безъ согласія Востока... да и безъ согласія другихъ западныхъ церквей. Послѣднія однако, часто послѣ упорнаго сопротивленія, были покоряемы. И Римъ выдавалъ свои рѣшенія якобы за вселенскія. И это дошло до того, что сегодня отъ древней, вселенской, соборной, апостольской Церкви въ Римѣ не осталось уже ничего. Римъ себя поставилъ выше вселенной, выше Соборовъ, выше апостоловъ и выше Церкви. И на утвержденіе Пальміери, что соборное начало не осуществляется въ Церкви, мы отвѣтимъ тѣмъ же: соборное начало не осуществляется въ папствѣ. Очевидно, мы другъ друга не понимаемъ, говоря о соборномъ началѣ, и предстоитъ намъ прежде всего объяснить заблуждающимся братьямъ

нашимъ, что такое есть соборное начало. Ибо они за выраженіе этого начала принимаютъ матеріальный фактъ съѣзда въ такомъ то мѣстѣ, столькихъ то епископовъ, послѣ такихъ то формальностей и при такихъ то условіяхъ. Соборное начало, по мнѣнію ихъ, суть эти условія, эти формальности, это число епископовъ и это путешествіе епископовъ въ такое то мѣсто. Остается лишь включить желѣзнодорожные билеты епископовъ въ выраженія соборнаго начала! Вообще, становится иногда трудно, и одновременно глубоко и искренно жалко бѣдныхъ братьевъ нашихъ, когда видишь, что они потеряли всѣ христіанскія понятія о Церкви, что приходится снова, да съ самаго начала, посвящать ихъ въ основныя положенія христіанскаго міровоззрѣнія. И трудно, и жалко становится за нихъ особенно потому, что вмѣсто того не предвзятаго отношенія, которое дѣлаетъ язычниковъ болѣе способными къ воспріятію евангельскихъ истинъ, наши бѣдные заблуждающіеся братья смотрятъ въ гордомъ самобоготвореніи на Церковь и на благодать и предполагаютъ, что монополія Божественной благодати есть исключительное достояніе ихъ первосвященника! Конечно, при такихъ условіяхъ становится очень труднымъ дѣломъ пускаться съ ними въ разсужденія, ибо нельзя же для каждаго вопроса начинать съ того, чтобы объяснять имъ, почему Христосъ пришелъ въ міръ и что такое есть Церковь!

Но какъ бы то ни было, о соборномъ началѣ мы еще распространимся.

На стр. 19 мы читаемъ; „Исторія также доказываетъ, что догматическія опредѣленія иногда давались помѣстными Соборами для всей Церкви, вслѣдствіе утвержденія ихъ верховнымъ авторитетомъ римскаго первосвященника, что напримѣръ доказывается вторымъ Аравзійскимъ Соборомъ (529 г.) противъ полупелагіанцевъ, каноны котораго были снабжены, письмомъ Бонифація II (530—532), торжественною санкціей“.

Отвѣтственнымъ за подобную мистификацію является не Пальміери, а, какъ явствуетъ изъ примѣчанія, Hergenröther, прибавившій къ фантазіямъ своимъ о Церкви и эту фантазію.

Вотъ о чемъ тутъ идетъ рѣчь:

Въ пятомъ вѣкѣ возникло въ Галліи богословское направленіе, имѣвшее цѣлью согласовать осужденное пелагіанство съ православнымъ ученіемъ о благодати. Это направленіе было поддерживаемо тогда нѣкоторыми выдающимися богословами, и особенно аббатомъ Кассіаномъ, настоятелемъ монастыря. Св. Виктора въ Массиліи (нынѣ Марсель).

Тогдашнее духовенство Галліи въ умственномъ и научномъ отношеніяхъ выдавалось среди современниковъ и отличалось интенсивными своими богословскими изслѣдованіями.

Галликанскіе епископы собирались очень часто на болѣе или менѣе полные Соборы, на которыхъ иногда подымались очень трудные догматическіе вопросы, не говоря о вопросахъ дисциплинарныхъ, по которымъ выработано было необозримое количество постановленій. Эти Соборы были настоящимъ институтомъ въ этой странѣ, и они являются культурно-политическимъ факторомъ перваго разряда въ исторіи постепенной формаціи французскихъ націи и государства.

Въ дѣятельность этихъ Соборовъ, обсуждавшихъ иногда, какъ мы уже говорили, перворазрядные вопросы о догматахъ, никто не вмѣшивался. Они по собственной иниціативѣ собирались и рѣшали свои дѣла [1]), не считаясь съ Римомъ, который все-же для Галліи являлся патріаршею метрополіею. Римъ въ тѣ времена вообще не вмѣшивался почти въ эту сложившуюся своеобразно церковную жизнь. Эти собранія часто даже не отвѣчали строгому понятію церковнаго Собора, такъ

[1]) См. Conc. Regense, can. 8; I. Conc. Arausic. can. 29; II. Conc. Arelat. can. 18, 19, 56.

какъ интенсивная жизнь галликанской церкви проявлялась всячески и не стѣснялась никакими строго опредѣленными рамками.

Мы сказали, что примирительное между пелагіанствомъ и православіемъ направленіе въ первой половинѣ пятаго вѣка поддерживалось аббатомъ Кассіаномъ Массильскимъ. Однако, со смертью Кассіана интересъ къ этому лжеученію, именуемому впослѣдствіи полупелагіанствомъ, совершенно остылъ. Не имѣя больше талантливыхъ защитниковъ, это ученіе уступило мѣсто другому, такъ называемому „предестинаціанизму“ (ученіе о предопредѣленіи). Полупелагіанство же снизошло въ разрядъ никого не интересующихъ головоломныхъ вопросовъ, гдѣ-то еще занимающихъ никому не извѣстныхъ любителей того разряда, который не имѣетъ другого кругозора кромѣ собственныхъ упорства и предвзятыхъ мнѣній. Потому ни епископы Галліи, ни римскіе папы за все V столѣтіе этимъ больше не занимались. Даже главный противникъ Кассіана и ученикъ Бл. Августина, Просперъ Аквитанскій, усиліямъ коего особенно слѣдуетъ приписать это полное пораженіе полупелагіанства, не считалъ уже полупелагіанцевъ достойными такого вниманія, чтобы заниматься осужденіемъ ихъ, когда самъ онъ, Просперъ, находился въ Римѣ, въ качествѣ секретаря папы Св. Льва (въ 440 г.).

Такъ обстояло дѣло до начала VI столѣтія. Въ то время Арльской епархіей (Arles), въ Галліи, управлялъ достойный и высокихъ качествъ епископъ Кесарій. Кесарій былъ пламеннымъ послѣдователемъ великаго Иппонскаго святителя Бл. Августина и приверженцемъ всѣхъ его богословскихъ воззрѣній на благодать и на свободу воли. Въ монастырѣ Св. Виктора близъ Марселя, аббатомъ коего нѣкогда состоялъ вышеупомянутый Кассіанъ, и въ монастырѣ Лиринскомъ, всегда отличавшемся сходствомъ мнѣній съ богословами монастыря Св. Виктора,

еще продолжало существовать полупелагіанское лжеученіе. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и епархіальныхъ школахъ Віенской епархіи (Vienne) южной Галліи оно также еще имѣло нѣкоторыхъ послѣдователей. Эти полупелагіанцы во время епископства Кесарія въ Арлѣ напали на него и на православное ученіе. Ученый епископъ Кесарій рѣшилъ тогда покончить съ ними, и съ этою цѣлью составилъ рядъ предложеній, которыя онъ, для большаго вѣса и значенія, подалъ на утвержденіе патріаршей метрополіи, то есть римскаго папы. И эти то предложенія онъ передалъ на подпись собравшимся въ Аравзіи (Orange), въ 529 году, 14 епископамъ, которые сошлись тамъ по случаю освященія храма, построеннаго въ этомъ городѣ патриціемъ Либеріемъ.

И вотъ въ чемъ стало быть заключается „торжественное утвержденіе“ папою помѣстнаго Втораго Аравзійскаго Собора 529-го года, „получившаго черезъ папское утвержденіе общеобязательную силу въ Церкви“.

Такое самовольно-фантастическое толкованіе и громогласная ссылка на какой-то маленькій Соборъ, разрѣшившій чисто мѣстный споръ, никого и нигдѣ, кромѣ въ этой именно мѣстности, не волновавшій, преподаются намъ какъ историческое доказательство обще-церковной обязательности папскихъ рѣшеній, и это на томъ основаніи, что вслѣдствіе просьбы одного епископа, принадлежащаго къ этой патріархіи, римскій патріархъ исполнилъ свой долгъ и придалъ заключеніямъ этого епископа противъ мѣстныхъ еретиковъ возможно большій вѣсъ, высказавшись по вѣрѣ Христовой Церкви!!

Вѣдь это — совсѣмъ не серьезно!

Вѣдь это самое могло бы случиться и безпрерывно случается во всѣхъ церквахъ, и каждый патріархъ или каждый митрополитъ такимъ образомъ поддерживаетъ подвластныхъ ему

епископовъ въ ихъ борьбѣ противъ мѣстныхъ заблужденій! Выходило бы, что каждое рѣшеніе, произнесенное въ духѣ Церкви каждымъ митрополитомъ въ каждомъ подобномъ случаѣ, имѣло бы для Церкви общеобязательное значеніе! Да не только рѣшеніе каждаго митрополита, но каждаго епископа, рѣшающаго споры, въ духѣ Церкви, среди своего епархіальнаго духовенства!

Нѣтъ. Вѣра Церкви противится полу-пелагіанству не потому, что противъ полу-пелагіанства высказался папа Бонифацій, а папа Бонифацій высказался противъ полу-пелагіанства потому, что полу-пелагіанство противится вѣрѣ Церкви, въ чемъ и честь и слава папѣ Бонифацію, что онъ такъ поступилъ. Всѣ бы папы такъ поступали, не то бы стало!!

Впрочемъ, названіе „полу-пелагіанство“ было дано названному ученію лишь многими вѣками позже. Ко времени папы Бонифація и Арлскаго епископа Кесарія пелагіанство давно уже было осуждено Церковью, и „полу-пелагіанство“, собственно говоря, было лишь (какъ показываетъ самое названіе) менѣе рѣзкое проявленіе той-же, осужденной уже ереси. Рѣшеніе Кесарія съ своими 14 епископами и подтвержденіе этого рѣшенія папою даже не касались по этому какого либо неизвѣстнаго, новаго лжеученія, а представляются въ дѣйствительности какъ примѣненіе со всею строгостью высказаннаго уже церковнаго приговора.

Въ чемъ-же, спрашивается, должна заключаться сила историческаго факта какъ доказательства какого нибудь предполагаемаго юридическаго начала?

Въ связи даннаго факта съ предполагаемымъ началомъ.

Какъ доказывается эта связь?

Она доказывается тѣмъ, что предполагаемое начало въ этомъ фактѣ осуществляется.

Какъ-же доказывается, что видимое осуществленіе проистекаетъ именно отъ предполагаемаго начала, а не отъ другого начала или просто отъ случайности?

Этого нельзя доказывать, не выходя изъ кругозора разсматриваемаго факта. Ибо отсутствуетъ необходимая норма сравненія, чтобы судить о факторахъ, производящихъ данный фактъ. (Такъ напримѣръ юристъ, констатирующій въ какой либо странѣ одинъ случай общаго супружескаго владѣнія имуществомъ, не можетъ изъ этого заключить, что въ этомъ фактѣ осуществляется принятая въ этой странѣ обычно-правовая норма. Это нужно провѣрить на всѣхъ однородныхъ фактахъ). Необходимо добыть сравнительную норму. Эта норма имѣется во всѣхъ остальныхъ, однородныхъ фактахъ.

Итакъ, требуемое доказательство дается исключительно тѣмъ, что во всѣхъ однородныхъ фактахъ выступаетъ однородное осуществленіе, которое по этому не можетъ быть ни случайнымъ, ни послѣдствіемъ иныхъ причинъ, а именно только осуществленіемъ того начала, существованіе котораго требуется доказать.

Въ примѣненіи къ папскому тезису это значитъ, что тезисъ этотъ доказывается при помощи историческихъ фактовъ только тогда, когда всѣ однородные факты подтверждаютъ тотъ-же тезисъ.

И это значитъ, что авторитетъ римскаго папы доказывается при помощи историческихъ фактовъ только въ случаѣ осуществленія его во всѣхъ однородныхъ фактахъ. Если этого доказать нельзя, то папскій авторитетъ теряетъ сразу всякую возможность исторической аргументаціи и принужденъ довольствоваться исключительно доктринальною защитою.

И теперь посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ исторіей.

Какъ доказать исторически осуществленіе папскаго авторитета во всѣхъ однородныхъ фактахъ?

Исключительно тѣмъ, что папскія осужденія и рѣшенія всегда во всемъ христіанскомъ мірѣ имѣли законо-обязательную силу.

Какъ же можно это доказать?

Исключительно двумя способами:

1. Тѣмъ, что *осужденные* всегда и вездѣ подчинялись папскому авторитету.

Такое положеніе, какъ вздорное, падаетъ само собой.

2. Тѣмъ, что *Церковь* всегда и вездѣ признавала окончательное значеніе, т. е. законо-обязательную силу папскихъ рѣшеній.

Это именно и преподается намъ какъ историческая истина, причемъ эта „истина“ подкрѣпляется извѣстнымъ афоризмомъ „Roma locuta est, causa finita est“. Этотъ афоризмъ приписывается Бл. Августину, и до того трубили о немъ на всѣ четыре стороны, что такъ и повѣрили! Иппонскій святитель, однако, никогда и нигдѣ этого не говорилъ. И доказать, что Церковь вовсе не признавала окончательнаго значенія и законообязательной силы папскихъ рѣшеній—слишкомъ легко! Стоитъ только брать доказательства въ любомъ количествѣ, изъ исторіи самой, откуда и какъ попало. Хотя бы напримѣръ изъ Собора Сардикійскаго (347 г.).

Извѣстно, что этотъ Соборъ рѣшилъ дѣло Аѳанасія Александрійскаго и Павла Константинопольскаго. До этого, однако, римскій епископъ Юлій, на Соборѣ италійскихъ епископовъ, уже произнесъ рѣшеніе по тому-же дѣлу. Сардикійскій Соборъ стало быть утвердилъ рѣшеніе Собора римскаго и епископа Юлія, а не Юлій утвердилъ рѣшеніе Сардикійскаго Собора. Стало быть и „папское рѣшеніе“ вовсе не было достаточнымъ для прекращенія этого дѣла, а если не достаточнымъ, то и не законо-обязательнымъ... по мнѣнію Церкви.

Никакими софизмами увернуться отъ этого нельзя.

По строгимъ, только что провѣреннымъ правиламъ логики, тутъ передъ папистами разъ на всегда закрываются двери исторіи простымъ указаніемъ на Сардикійскій Соборъ.

Но не только Сардикійскій, а шестой и седьмой вселенскіе Соборы, да и многіе, безчисленные факты доказываютъ что рѣшенія римскаго епископа вовсе не считались достаточными. Если-же недостаточными, то и не законо-обязательными. Пора бы наконецъ покончить съ фикціями, извращающими факты и наводящими туманъ на критическія способности даже безпристрастныхъ умовъ, какимъ-то навожденіемъ коллективной мистификаціи!

Римъ говоритъ, что онъ осудилъ пелагіанство и полупелагіанство. Хорошо. Но Римъ сегодня придерживается оффиціально пелагіанства, или полупелагіанства, которые онъ въ свое время осудилъ.

Мы докажемъ теперь, что пелагіанская ересь нашла себѣ оффиціальное признаніе въ папствѣ.

Доказательствомъ такого положенія слѣдуетъ считать папскую буллу „Unigenitus“. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на историческомъ изслѣдованіи тѣхъ путей, по которымъ пелагіанство нашло себѣ доступъ въ нѣдра латинства и тамъ укоренилось. Это случилось не сразу, а представляетъ собою цѣлый періодъ борьбы іезуитовъ съ другими конгрегаціями романизма, которыя придерживались православнаго ученія. Іезуиты подъ конецъ побѣдили. Но они побѣдили не благодаря богословскимъ успѣхамъ на поприщѣ честнаго состязанія. На этомъ поприщѣ они должны были отступить передъ превосходящей ихъ ученостью, передъ болѣе глубокой вѣрой и большей честностью своихъ соперниковъ. Борьба іезуитовъ на этомъ поприщѣ представляетъ собою рядъ пораженій, и въ извѣстныхъ собра-

ніяхъ „de auxiliis“, при папахъ Климентѣ VIII и Павлѣ V, они едва избѣгли анаѳемы. Слѣдуетъ замѣтить, что пелагіанская или полупелагіанская ересь проповѣдуется іезуитами согласно ученію іезуитскаго патера Молина, написавшаго книгу „De concordantia gratiae et liberi arbitrii“. Это сочиненіе— абсолютно полупелагіанское, прямо разрушающее ученіе о спасеніи тѣмъ, что оно приписываетъ человѣческой свободѣ иниціативу, заслуживающую первый даръ благодати.

Послѣ неуспѣшнаго выступленія въ Римѣ, іезуиты продолжали эту проповѣдь. Но они вскорѣ удостовѣрились въ томъ, что они не могли соперничать ни умомъ, ни наукою со своими противниками. Тогда они скомбинировали другой планъ. При помощи политическихъ интригъ, и пользуясь вліяніемъ французскаго Двора въ Римѣ и римскаго Двора во Франціи (тогда царствовалъ Король Людовикъ XIV), они добились осужденія папою Иннокентіемъ X одного извѣстнаго сочиненія, написаннаго Ипрскимъ епископомъ Янсеніемъ и озаглавленнаго „Augustinus“. Осужденіе это однако подняло цѣлый рядъ скандаловъ, такъ какъ богословская школа въ Поръ-Рояль (Port-Royal) не удовлетворилась этимъ. Школа эта была центромъ отпора іезуитской (полупелагіанской) ереси и она особенно отстаивала православное по духу ученіе Янсенія и его трудъ „Augustinus“. Эту-то школу Поръ-Рояль іезуиты сумѣли представить Королю Людовику XIV, какъ оппозиціонный центръ. На этомъ и былъ построенъ весь іезуитскій планъ. Папа Александръ VII, по требованію Людовика XIV, наложилъ молчаніе на протесты послѣднихъ защитниковъ православнаго ученія. Но тогда заступились французскіе епископы, изъ которыхъ особенно четыре мужественно боролись противъ затемняющей все болѣе и болѣе западный міръ ереси. И они добились того, что папа Климентъ IX отмѣнилъ рѣшеніе Але-

ксандра VII. Этимъ шагомъ было достигнуто, что основанный на различіи такъ называемыхъ вопросовъ „факта и права“ протестъ школы Поръ-Рояль противъ произнесеннаго Иннокентіемъ X осужденія янсенистовъ остался въ силѣ. (Очень интересною является медаль, отчеканенная Людовикомъ XIV по поводу этого событія. Іезуиты выпустили фальшивую медаль, которая одна только значится въ трудѣ іезуита Менестріэ (Ménestrier) о медаляхъ царствованія Людовика XIV. Но они, іезуиты, совсѣмъ забыли про матрицу медали настоящей, которая хранится въ Парижѣ въ Musée de la Monnaie!!).

Іезуиты, среди всѣхъ этихъ интригъ и скандаловъ, преслѣдовали только одну цѣль: принятіе ихъ пелагіанскаго лженученія. Наконецъ они добились своей цѣли слѣдующимъ путемъ:

Священникъ Ораторской конгрегаціи, патеръ Кеснель (Quesnel), опубликовалъ трудъ „Réflexions morales sur le nouveau Testament“, въ которомъ онъ нападалъ на іезуитское ученіе „молинизма“ (пелагіанства).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что конгрегація, къ которой принадлежалъ Кеснель, была основана кардиналомъ Берюль (Bérulle) спеціально для того, чтобы быть противовѣсомъ іезуитскому ордену, и она исполняла свое предназначеніе съ такимъ успѣхомъ, что навлекла на себя особенную его ненависть. Іезуиты, не дерзнувъ предложить папѣ ясное и прямое принятіе „молинизма“, т. е. пелагіанства, пошли кружнымъ путемъ къ той-же цѣли, добившись оффиціальнаго осужденія стараго, каѳолическаго, православнаго ученія. Они сумѣли убѣдить своего горячаго друга и пріятеля, папу Климента XI, въ необходимости осужденія труда Кеснеля. Трудъ Кеснеля, какъ мы уже сказали выше, содержалъ въ себѣ нападки на іезуитскую ересь, и папа Климентъ XI произнесъ формальное осужденіе 101 предложенія, взятыхъ изъ книги Кеснеля.

Если эти предложенія — осуждены, то противныя этимъ предложеніямъ положенія слѣдуетъ считать ученіемъ папства.

Булла Климента XI, является провозглашеніемъ пелагіанской ереси въ папствѣ, и съ этого времени ересь превозмогла въ латинствѣ соборное православное ученіе о спасеніи нашемъ черезъ благодать.

Итакъ, для распознанія римскаго ученія, мы укажемъ на главныя предложенія, осужденныя въ папствѣ буллою „Unigenitus“ папы Климента XI.

Осужденное предложеніе: „Что остается душѣ, потерявшей Бога и Его благодать, кромѣ грѣха и послѣдствій его: надменная бѣдность, убогость лѣнивая, то есть общая неспособность къ труду, къ молитвѣ и ко всякому добру“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Душѣ, потерявшей Бога и Его благодать, остается сила трудиться для своего спасенія, молиться успѣшно и творить всякое добро.

Осужденное предложеніе: „Напрасно, Господи, Ты требуешь, если Самъ не даешь, чего требуешь“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Не напрасно, Господи, Ты требуешь, и Ты намъ не нуженъ для исполненія требованій Твоихъ.

Осужденное предложеніе: „Да, Господи, все возможно для того, кому Ты все дѣлаешь возможнымъ, исполняя оное въ немъ“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Да, Господи, все возможно для того, кто дѣйствуетъ собственною силою и безъ благодати Твоей.

Осужденное предложеніе: „Мы принадлежимъ Богу только черезъ благодать Іисуса Христа: благодать наивысшая, безъ которой нельзя никогда исповѣдывать Іисуса Христа и съ которою никогда отъ Него не отказываются“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Мы принадлежимъ Богу безъ благодати Іисуса Христа; можно исповѣдывать Іисуса Христа безъ благодати освѣщающей и укрѣпляющей насъ; можно отказаться отъ Іисуса Христа даже имѣя благодать, наставляющую нашу свободную волю на исповѣдь.

Осужденное предложеніе: „Благодать можетъ все изгладить въ одинъ мигъ, ибо она есть ничто иное какъ всемогущая воля Божія, повелѣвающая и исполняющая все повелѣваемое ею“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Господь Богъ не имѣетъ силы дать душѣ человѣческой чувствовать вліяніе Свое достаточно ясно, чтобы она рѣшилась непремѣнно хотѣть и дѣйствовать. Отрицается сама благодать. Человѣкъ имѣетъ силу, не только дѣйствовать и дѣлать всякое добро безъ Бога, но и сопротивляться всемогуществу Божіему.

Осужденное предложеніе: „Когда Господь Богъ соединяетъ Свое повелѣніе и внѣшнее Свое слово съ наставленіемъ Своего Духа и съ внутреннею силою Своей благодати, она производитъ въ сердцѣ то послушаніе, котораго требуетъ“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Господь Богъ не можетъ, даже соединяя Свое повелѣніе съ Духомъ и съ внутреннею силою Своей благодати, производить въ сердцѣ человѣческомъ послушаніе.

Осужденное предложеніе: „Сѣмя слова, орошаемое рукою Божіей, всегда приноситъ плодъ“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Сѣмя слова, орошаемое рукою Божіей, не всегда приноситъ плодъ. По этому пророкъ ошибается, когда онъ говоритъ: „Слово Мое, исходящее изъ устъ Моихъ, оно не возвращается ко Мнѣ тщетнымъ, но исполняетъ то, что Мнѣ угодно и совершаетъ то, для чего Я послалъ его (Ис. LV, 11).

Осужденное предложеніе: „Вѣра есть первая благодать и источникъ всѣхъ остальныхъ“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Вѣра не есть первая благодать, и апостолъ Павелъ ошибается, когда онъ говоритъ: „А безъ вѣры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, и ищущимъ Его воздаетъ (къ Евр. XI, 6).

Осужденное предложеніе: „Всѣ тѣ, которыхъ Господь хочетъ спасти черезъ Іисуса Христа, неминуемо спасаются“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Воля Божія не всегда исполняется. Не всѣ тѣ, которыхъ Господь хочетъ спасти черезъ Іисуса Христа, спасаются. По этому Спаситель ошибается, когда Онъ говоритъ: „Воля же Пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить, но все то воскресить въ послѣдній день“ (Іоан. VI, 39).

Осужденное предложеніе: „Только благодать Іисуса Христа дѣлаетъ человѣка способнымъ къ подвигу вѣры. Безъ этого, только нечистота, только грѣхъ“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Безъ благодати Іисуса Христа человѣкъ равно способенъ къ подвигу вѣры. Безъ благодати человѣкъ можетъ быть чистымъ и достойнымъ передъ лицомъ Божьимъ. Спаситель ошибается, когда Онъ говоритъ: „Я есмь Лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. XV, 5). И апостолъ Павелъ говоритъ неправду: „Каждому же изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова“ (Ефес. IV, 7).

Осужденное предложеніе: „Чѣмъ можно быть, какъ только тьмой, заблужденіемъ и грѣхомъ, безъ свѣта вѣры, безъ Іисуса Христа и безъ Его любви“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Безъ вѣры, безъ Іисуса Христа и безъ Его любви, человѣкъ можетъ пребывать въ свѣтѣ и въ праведности.

Осужденное предложеніе: „Вѣра оправдываетъ, когда она дѣйствуетъ. Но она дѣйствуетъ только по любви“.

Отсюда, слѣдовательно,

римское ученіе: Человѣкъ можетъ быть оправданъ и безъ дѣйствующей вѣры. Любви на это не требуется.

. . . . . .

. . . . . .

Мы остановились подробно на вопросѣ объ осужденіи полупелагіанства въ латинствѣ, каковое осужденіе имѣло мѣсто въ 529 году. И мы показали, что это „осужденное“ ученіе является сегодня оффиціальнымъ ученіемъ Рима.

Ученіе же православное [1]), ученіе святой, соборной и апостольской Церкви состоитъ въ томъ, что лишь по благодати Божіей, черезъ Іисуса Христа, наша по существу свободная воля дѣйствуетъ на спасеніе. Приближаясь къ Богу, душа человѣческая преуспѣваетъ не только въ благодати, но и въ пользованіи свободою своею, такъ какъ Господь Богъ, къ Которому она стремится, есть свобода высшая, т. е. чистый Духъ... грѣхъ же есть рабство и тьма. Благодать соединяется со свободою нашей. Она сама становится нашей свободою, и свобода наша становится благодатью, и этотъ союзъ есть самъ Христосъ, пребывающій въ насъ и мы въ Немъ (Іоан. XV, 5). По этому именно, лишь сознательная ненависть къ этой благодати и отвращеніе отъ Нея не по слабости грѣховной, а по гордости мятежной и по презрѣнію къ Ней, *когда Она познана*, есть тотъ грѣхъ противъ Духа Святаго, которому не можетъ быть прощенія ни на этомъ свѣтѣ ни на томъ.

Все же доброе, рѣшительно все, творитъ благодать.

Это есть православное ученіе.

На стр. 22 Пальміери говоритъ о догматахъ съ точки зрѣнія латинской схоластики.

Онъ ихъ раздѣляетъ, расчленяетъ на составныя части и находитъ въ нихъ элементы, относящіеся то къ Богу, то къ Церкви. Съ этимъ можно соглашаться или не соглашаться, оно во всякомъ случаѣ лишено всякаго живого значенія, и по этому мы говорить объ этомъ не станемъ.

На той же страницѣ встрѣчается однако такого рода ученіе: „Догматъ, посколько онъ разсматривается по отношенію

[1]) Ученіе сіе превосходно преподается самимъ римскимъ папою Келестиномъ, въ 10 статьяхъ, препровожденныхъ имъ при письмѣ къ епископамъ Галліи въ 431 г. (Apud Sirm. Concil. antiq. Gall. t. I, p. 58.)

къ Богу, непосредственно касается *Церкви учащей*, на обязанности коей лежатъ изложеніе и утвержденіе богооткровенныхъ истинъ; посколько же онъ разсматривается по отношенію къ Церкви, онъ непосредственно касается *стада вѣрныхъ*, которымъ церковный авторитетъ, исполняя свои функціи, преподаетъ, что какая-либо богооткровенная истина есть догматъ вѣры, во что всѣ вѣрные — обязаны вѣрить".

И затѣмъ, послѣ разбора различныхъ догматическихъ признаковъ, Пальміери объявляетъ (стр. 23), что изъ всего этого ясно усматривается-де: „Какъ сходно съ католическимъ ученіемъ — мнѣніе богослововъ православной Церкви".

Что касается схоластики, мы противъ нея не протестуемъ; такъ какъ каждый воленъ имѣть свою.

Но когда намъ навязываютъ заблужденіе, противное ученію о Церкви, то мы этого не принимаемъ.

Пальміери говоритъ о „*Церкви учащей*". Требуется установить истинный смыслъ этого слова.

Мы его признаемъ, посколько „Церковь учащая" относится къ спеціальнымъ обязанностямъ словеснаго учительства, помощи душевной ищущимъ благого совѣта и христіанскаго подвига. Этимъ высокимъ обязанностямъ себя посвящаютъ пастыри [1]). Но если бы свѣтское лицо хотѣло слѣдовать этому примѣру, и если бы оно хотѣло такимъ образомъ жертвовать собою на служеніе другимъ, то и для него этотъ путь — открытъ. Больше того: туда его именно и зоветъ, примѣромъ и учительствомъ, добрый пастырь. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы принимаемъ слово о „Церкви учащей". Но все это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ тому, о чемъ здѣсь идетъ

[1]) Рѣчь тутъ вовсе не идетъ о благодати рукоположенія на совершеніе таинствъ, ни о законномъ управленіи бого-поставленными пастырями Церковью Христовой на землѣ.

рѣчь. Пальміери говоритъ о „Церкви учащей“ какъ о корпораціи, исключительно имѣющей откровеніе и вѣру Христовой Церкви, и отъ которой остальные члены, члены втораго разряда по вѣрѣ и по благодати, получаютъ откровеніе, благодать и вѣру.

Здѣсь сказывается роковое заблужденіе паписта.

Епископы являются бого-поставленными пастырями, имѣющими авторитетъ по всѣмъ дѣламъ Христовой Церкви въ *мірѣ человѣческомъ*. Относительно же *міра божественнаго*, т. е. *вѣры*, они не являются ни законодателями ни судьями, а только *свидѣтелями*, ибо вѣра есть залогъ, не подлежащій никакому человѣческому суду или законодательству.

Основное различіе между этими обѣими функціями можно прослѣдить по всѣмъ семи вселенскимъ Соборамъ. Никогда и нигдѣ *вѣра* на нихъ не подлежала никакимъ богословскимъ разсужденіямъ. Она считается простымъ вопросомъ *факта*, въ которомъ каждый епископъ является свидѣтелемъ вѣры своей паствы. Но эта паства могла протестовать, когда епископъ приписывалъ ей такую вѣру, которой она не исповѣдывала. Она могла преслѣдовать его и добиться устраненія его по канонамъ. На вселенскихъ Соборахъ епископы участвовали обыкновенно въ сопровожденіи подвѣдомственнаго имъ духовенства, которое также участвовало въ преніяхъ. Міряне же тоже имѣли право участія на Соборахъ. Такимъ образомъ не оставалось мѣста ни для какихъ недоразумѣній, и когда епископы приступали, по исключительно епископскому праву, къ подачѣ своихъ голосовъ, то вѣра Церкви засвидѣтельствовалась искренно и подлинно.

По всѣмъ же остальнымъ вопросамъ управленія Церковью епископы являются бого-установленною авторитетною властью.

Въ папствѣ эти двѣ функціи были смѣшаны, сначала въ

пользу епископовъ, а затѣмъ въ пользу одного папы, не свидѣтельствующаго уже о вѣрѣ паствы своей, а требующаго наоборотъ отъ нея, чтобы она сама была ему свидѣтельницею папской вѣры. Папа сталъ законодателемъ и судьею по этому вопросу совершенно на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ вопросахъ дисциплины.

Обратимся теперь къ догматамъ.

Что же такое представляетъ собою догматъ?

Догматъ есть ничто иное, какъ подлинное словесное свидѣтельство объ истинѣ, хранимой Церковью по благодатной и неизмѣнной вѣрѣ. Безъ вѣры и безъ благодати нельзя сознавать истины, ни тѣмъ паче формулировать подлиннаго церковнаго свидѣтельства о ней. Слѣдовательно, формулировать подлинное догматическое свидѣтельство можно только, имѣя благодатную вѣру. И такъ какъ Пальміери, по латинскому взгляду, приписываетъ одной только части Христовой Церкви, именно „Церкви учащей“ то, что принадлежитъ всему ея тѣлу, то и выходитъ, что одна только часть, именно „Церковь учащая“, имѣетъ монополію благодати и вѣры. Это вытекаетъ съ абсолютною необходимостью изъ того положенія, что эта часть имѣетъ исключительное право на подчиненіе всей паствы своему суверенному суду и законодательству въ вопросахъ вѣры. *Сіе есть право учительства въ латинскомъ смыслѣ.*

Въ Христовой Церкви, напротивъ, законные пастыри имѣютъ не право, а прямую обязанность точнаго сообразованія своего свидѣтельства съ вѣрою паствы, пребывающей въ Христовой Церкви. *Сія есть обязанность учительства въ смыслѣ православномъ.*

Въ папствѣ гарантія истины лежитъ въ зависимости цѣлаго отъ части. Въ Христовой Церкви гарантія истины — зависи-

мость части отъ цѣлаго. Одни только поверхностные умы не видятъ этого фундаментальнаго, ничѣмъ не изгладимаго различія и предполагаютъ, что сліяніе Церкви съ папствомъ не является принципіальною невозможностью.

Папство является кореннымъ извращеніемъ всего христіанскаго міровоззрѣнія. Оно является той дверью, черезъ которую проникъ въ искупленное человѣчество побѣжденный Христовой жертвою искуситель, духъ міра сего, духъ разъединенія, вражды, гордости и властолюбія, духъ, зовущій на порабощеніе въ матерію и въ плоть. Оно есть отказъ отъ любви, растворяющей всякую часть въ духовномъ цѣломъ, въ пользу ненависти, воплощающей себя въ части, поставленной выше всего. И на это дѣло онъ, духъ тьмы, учитывая на столѣтія впередъ свой дьявольскій планъ, наложилъ на себя сладкій ликъ Христа, подъ которымъ онъ прельщаетъ цѣлыя поколѣнія, цѣлые народы, да и самихъ своеихъ служителей и рабовъ, не познающихъ своего господина и въ доброй вѣрѣ полагающихъ, что этотъ господинъ — дѣйствительно Христосъ. Онъ наложилъ на себя ликъ Христа, подъ которымъ онъ, проповѣдуя миръ и любовь подъ своимъ авторитетомъ, прельщаетъ искусно всѣ борющіяся и противоположныя другъ другу страсти, ведущія, черезъ цѣлую цѣпь соціальныхъ и политическихъ треволненій, человѣчество къ кровавой катастрофѣ.

Православный христіанинъ, познавшій его, срываетъ съ него личину и указывая на него, обращается къ своимъ съ тревогою!

Братья! берегитесь!! [1]).

---

[1]) Мы отлично сознаемъ опасность такого утвержденія для писателя, желающаго быть, въ XX вѣкѣ, принятымъ въ серьезъ. Но мы не боимся высказать то, что лежитъ на днѣ сознанія человѣческой совѣсти на Востокѣ и на Западѣ (объ этомъ можно удостовѣриться въ источ-

Но вернемся къ дѣлу. Выходитъ, по латинскому взгляду, что въ нѣдрахъ Церкви якобы существуетъ такая отдѣльная часть, такая корпорація, которая называется „Церковь учащая“ и которая, имѣя по соціально-іерархическому положенію юридическую монополію вѣры и благодати, осуществляетъ эту монополію суверенным „учительствомъ“. И сіе „учительство“ выражается въ законодательствѣ по вопросамъ вѣры, т. е. въ суверенномъ объявленіи догматовъ.

Такого заблужденія, уважаемый Пальміери, Вы намъ не навязывайте, ибо ничего православнаго въ этомъ — нѣтъ!

Вся Церковь Христова есть Церковь учащая. И каждый членъ ея безпрерывно даетъ и получаетъ поученіе, въ вѣрѣ благодатной и живой.

Корпораціи, имѣющей монополію вѣры и благодати, въ Церкви Христовой — нѣтъ.

Вся Церковь Христова учитъ народы, которыхъ она призываетъ къ благодати („Идите, научите всѣ народы“ Матѳ. XXVIII, 19) [1]. Для слышащихъ ея зовъ она открываетъ себя во внутренней своей и благодатной жизни. По этому и слышать зовъ ея можно только по благодати. Для неслышащихъ же и для слѣпыхъ своихъ враговъ она остается непроницаемой, неосязаемой и неуязвимой.

Ибо Церковь Христова живетъ на землѣ для человѣка, не посколько человѣкъ есть существо съ мускулатурой, со спин-

никахъ протестантскаго духовнаго движенія). Первое опредѣленіе внутренняго существа римской ереси было дано Фотіемъ. Геніальный патріархъ пророчествовалъ (см. письмо 2. окружн. къ вост. патр. Edit. London.), что новая ересь (римская) — начало того великаго отступничества, главою котораго будетъ Антихристъ. То было въ 867 году.

[1]) По этому именно каждый христіанинъ, а не только члены несуществующей „Церкви учащей“, исполняетъ сіе святое учительство Церкви, когда онъ отъ Ея имени совершаетъ таинство крещенія надъ ново-обращеннымъ. Такъ и не иначе обосновано его ритуальное правомочіе.

нымъ хребтомъ и двуногое, ни посколько онъ обладаетъ образованіемъ и способностями, ни даже посколько онъ обладаетъ разумомъ, а посколько сердце его исполнено кротости и любви.

Въ Церкви Христовой нѣтъ того „учительства“, которое Вы, уважаемый Пальміери, называете „magisterium infallibile“, и около чего Вы вращаетесь постоянно. *Вся* она, Христова Церковь, и есть „magisterium infallibile“.

О, конечно! Вы непремѣнно потребуете гарантіи, твердой гарантіи, чтобы знать, какъ слѣдуетъ рѣшать то или другое догматическое недоумѣніе.

Мы опредѣлили, выше, догматъ слѣдующимъ образомъ: *подлинное словесное свидѣтельство объ истинѣ, хранимой Церковью по благодатной и неизмѣнной вѣрѣ.*

Мы сказали „подлинное“ свидѣтельство. Конечно. Вѣрующій христіанинъ, сынъ Церкви Христовой, говорящій съ глубокимъ убѣжденіемъ: „Церковь вѣруетъ въ то, что Христосъ тѣломъ лежалъ въ гробу, душею былъ въ аду, Божествомъ на одесную Отца“, — даетъ подлинное свидѣтельство о вѣрѣ. Попугай, говорящій то-же, подлиннаго свидѣтельства о вѣрѣ не даетъ, ни самъ онъ, т. е. попугай, ни человѣкъ, говорящій сіе безъ вѣры, какъ попугай. Итакъ, благодатная вѣра является условіемъ подлинности. Всякое такое свидѣтельство является „догматомъ“ *по существу*. Но *по внѣшности* „догматомъ“ принято считать такого рода подлинное свидѣтельство, которое Церковь сочла нужнымъ, по какимъ нибудь историческимъ условіямъ, обставить особою торжественностью, такимъ образомъ, чтобы несомнѣнная соборная подлинность этого свидѣтельства стала ясною для разума всѣхъ, — даже заблуждающихся. Ибо въ томъ то и дѣло, что словесное свидѣтельство о вѣрѣ вовсе не является истиною самой, а только внѣшнею, раціональною формою для истины. Сія внѣшняя форма вос-

принимается разумомъ и для разума она спеціально составлена. Но разумъ можетъ обладать этою формою безъ истины, лежащей въ ней. Тогда онъ и будетъ передавать эту форму безъ вѣры, т. е. какъ попугай. Истина же воспринимается одною только благодатною вѣрою.

Мы говорили, что Церковь иногда считаетъ нужнымъ обставить подлинное свидѣтельство такими внѣшними признаками, по которымъ каждый (хотя бы и не имѣющій вѣры и потому не могущій воспринимать истины) могъ бы судить посредствомъ одного лишь разума своего о томъ, что таковое свидѣтельство проистекаетъ именно отъ Церкви, а не отъ кого либо другого. Каждое свидѣтельство вѣрующаго христіанина въ дѣйствительности также проистекаетъ отъ Церкви. Но разумъ невѣрующихъ не имѣетъ точки опоры, чтобы удостовѣриться въ этомъ, ибо никто не знаетъ вѣры ближняго своего раціонально. По этому Церковь и преподаетъ разуму всѣхъ эту точку опоры. Для чего она это дѣлаетъ? Она это дѣлаетъ для того, — повторяемъ, — чтобы каждый, однимъ только разумомъ своимъ, могъ знать — не истину, этого разумъ не воспринимаетъ, — а авторство исповѣданія. Но для Церкви, т. е. для самого автора, это авторство и безъ того уже извѣстно. И всѣмъ ея живымъ членамъ оно по этому также уже извѣстно и безъ того. Ибо они имѣютъ органъ воспріятія истины самой, т. е. вѣру. Для Церкви, истина является бого-откровенною, твердо хранимою, твердо сознаваемою ровно въ одинаковой мѣрѣ какъ до, такъ и послѣ соборнаго свидѣтельства о ней. Ибо многія суть истины, еще не нуждавшіяся въ такой особой обстановкѣ церковнаго свидѣтельства.

Вы, уважаемый Пальміери, должны со всѣмъ этимъ согласиться, такъ какъ иначе Вамъ придется допустить, что раньше вселенскихъ Соборовъ, впервые дававшихъ такія со-

борныя свидѣтельства, никто не имѣлъ вѣры, или каждый могъ вѣровать съ разрѣшенія Церкви во что угодно, по причинѣ отсутствія догматическихъ опредѣленій, — какъ это у васъ водится въ папствѣ.

Ибо у васъ сіе соборное свидѣтельство, т. е. догматъ, считается источникомъ вѣдѣнія. Вы воспринимаете только внѣшности. Догматъ однако вовсе не является вѣдѣніемъ, ни источникомъ вѣдѣнія. Онъ является словеснымъ свидѣтельствомъ о вѣдѣніи. Вѣдѣніе сіе является вѣрою живой, обитающей въ сердцѣ. Ибо христіанская вѣра не обитаетъ въ разумѣ, а въ сердцѣ [1]). Ниже мы скажемъ, что такое есть христіанская вѣра, чего наши несчастные латинскіе братья вовсе не вѣдаютъ. И сердце постигаетъ истину въ царствѣ своемъ, которое есть любовь. По этому безъ любви нельзя и вѣровать, нельзя познавать никакихъ истинъ, ни тѣмъ паче о непознанныхъ истинахъ свидѣтельствовать словесно. И вотъ почему подлинное свидѣтельство сіе даетъ только любовь, заявляющая о себѣ во взаимномъ союзѣ, а не авторитетъ.

Не правда ли, уважаемый Пальміери, что сіе выходитъ даже какъ бы логично? Какъ Вы думаете? У васъ предполагается, что то учрежденіе, которое называется „magisterium infallibile“, свидѣтельствуетъ объ истинѣ словесно, т. е., что оно издаетъ догматы. Оно по этому имѣетъ по праву и абсолютную любовь и абсолютную вѣру. Вы однако же признаете, что это учрежденіе, это лицо, можетъ быть и недостойнымъ грѣш-

---

[1]) „Сердце“... т. е. психическое чувство, независимое, въ своихъ внутреннихъ опредѣлительныхъ причинахъ, отъ сознательной воли и отъ разума, гдѣ оно только *отражается* (очень мѣтко—французское выраженіе „la réflexion“, отъ слова „réfléchir“—*отражать*), регулируется и перерабатывается въ раціональное знаніе. По терминологіи новѣйшихъ психическихъ изслѣдованій, этотъ процессъ зарождается въ „подсознательномъ анимическомъ импульсѣ“.

никомъ. Грѣшникъ же не имѣетъ ни вѣры, ни любви. Если же это лицо, будучи грѣшникомъ и не имѣя по этому ни вѣры, ни любви, *всетаки* свидѣтельствуетъ *подлинно* объ истинѣ?

Тогда это будетъ таинствомъ.

Ибо таинство есть дѣйствіе Церкви святой въ одномъ лицѣ, хотя бы и недостойномъ. Итакъ, въ папствѣ имѣется восьмое таинство. На это указалъ въ свое время великій православный богословъ А. С. Хомяковъ. Какое же это восьмое таинство? Это есть таинство логической формы, таинство словеснаго свидѣтельства о раціональномъ знаніи „истинъ", полученныхъ безъ вѣры, посредствомъ таинства. Это есть та мертвящая „вѣра", которая — доступна даже бѣсамъ... (см. А. Хомяковъ „Церковь одна"). Отсюда, изъ этого положенія, отъ котораго никакими софизмами увернуться нельзя, есть одинъ только выходъ... провозглашеніе абсолютной вѣры, абсолютной любви, абсолютной святости того лица... туда, несчастные, ваша единственная дорога... да исполнится то, что написано!! . . . . . .

Но вернемся къ вопросу. Вы недоумѣваете и требуете гарантіи логической и хотите знать достовѣрно, какъ Вамъ вѣровать, когда на Васъ нападаютъ сомнѣнія. И вотъ, Вы съ гордостью указываете на то извѣстное учрежденіе, которое вы себѣ создали для разрѣшенія всякихъ таковыхъ сомнѣній. И оно дѣйствительно рѣшаетъ и преподаетъ разуму вашему словесное свидѣтельство, удостовѣряющее, что вы находитесь не среди знающихъ подлинность церковнаго исповѣданія христіанъ, а среди заблуждающихся, принципіально и обязательно лишенныхъ необходимой для этого христіанской вѣры. По этому вамъ надлежитъ получать эти авторскія свидѣтельства извнѣ. Церковь, какъ мы говорили, считаетъ иногда необходимымъ обставить свое исповѣданіе такъ, чтобы подлинное авторство представ-

лялось яснымъ для всякаго человѣка имѣющаго разумъ. Церковь дѣлаетъ это тогда, когда на ряду съ подлинными свидѣтельствами о церковной вѣрѣ появляются лже-свидѣтельства, выдающія себя тоже за церковныя. Но этого еще недостаточно. Церковь принимаетъ такія торжественныя мѣры лишь тогда, когда требуется налагать запретъ на коллективныя отступленія блуждающаго разума, являющагося въ отчужденности своей отъ вѣры и отъ любви опасностью для существованія самой Церкви на землѣ. Ваши же личныя недоумѣнія и сомнѣнія, какъ Вамъ быть и во что вѣровать, не представляютъ для Церкви и для ея существованія никакой опасности и никакой исторической причины, чтобы соборно удостовѣрить вѣру свою противъ блуждающаго разума Вашего торжественнымъ догматическимъ свидѣтельствомъ. Ищите сами! И если Вы имѣете любовь, то знайте, что никакой гарантіи больше не требуется, чтобы найти разрѣшеніе для Вашихъ сомнѣній. Ибо тогда Вы найдете любовь и вѣру Церкви. Любовь, когда ищетъ любви, всегда и находитъ. Любовь должна быть въ *Васъ*, ищущемъ,— вотъ Ваша гарантія! Но будьте увѣрены также, что если Вы по гордости сердца не найдете разрѣшенія для сомнѣній Вашихъ, и если Вашъ талантъ и Ваши дарованія сдѣлаютъ, что посѣянное Вами дурное сѣмя выростетъ въ опасную смуту, вредящую самому существованію Церкви на землѣ, то Церковь неминуемо окажетъ отпоръ, и тогда пожалуй она и выльетъ свою вѣру въ соборное догматическое свидѣтельство по поднятому Вами сомнѣнію. Фабрикація новыхъ догматическихъ опредѣленій отнюдь не есть, какъ Вы полагаете, постоянная обязанность Церкви. Соборное догматическое свидѣтельство является лишь мѣрою защиты, смотря по времени и по обстоятельствамъ. Вы, уважаемый Пальміери, свысока объявляете, что со времени раскола православная Церковь никогда не пред-

лагала новыхъ догматическихъ опредѣленій, „даже при наличности вѣскихъ побудительныхъ причинъ“. Позвольте Вамъ замѣтить, что о вѣскости наличныхъ побудительныхъ причинъ судитъ Церковь, а не Вы. Затѣмъ, Вы этимъ доказываете только то, что со времени вашего ухода изъ Церкви никто больше на Церковь не нападалъ. На это Вы конечно отвѣтите, что большинство ересей возникало на Востокѣ. Тоже весьма возможно, хотя таковое излюбленное словечко сильно нуждается въ корректурѣ. Бывали и такія времена, когда Римъ былъ вмѣстилищемъ всѣхъ ересей. По этому поводу имѣются даже очень интересные историческіе документы, въ родѣ слѣдующаго: какъ Вы навѣрно знаете, въ 1842 году былъ найденъ полный текстъ извѣстнаго по тотъ день лишь въ отрывкахъ труда Св. Ипполита „φιλοσοφούμενα“, изъ котораго мы узнаемъ происшествія въ Римѣ въ началѣ 3-го столѣтія подъ епископствомъ Кефирина и Каллиста. Послѣдняго, какъ „патрипассіанца“ слѣдуетъ теперь причислить къ отступникамъ, занимавшимъ римскій престолъ, т. е. къ Либерію и къ Гонорію. Ибо онъ послѣ того, какъ сначала осудилъ еретика Савеллія, самъ сталъ еретикомъ и послѣдователемъ нѣкоего Noetus'a, ученика „патрипассіанца“ Praxeas'a. Православные христіане въ Римѣ называли отступниковъ (по обыкновенной въ то время терминологіи, по которой отъ имени начальника давали наименованіе всей сектѣ еретиковъ) „каллистіанцами“. Вообще на этихъ двухъ скандальныхъ римскихъ епископовъ, Кефирина и Каллиста, теперь пролитъ надлежащій свѣтъ, особенно на послѣдняго, который римской церковью причисленъ къ лику святыхъ мучениковъ. Это „мученичество“ состояло въ каторжныхъ работахъ въ рудникахъ Сардиніи за мошенническія банковыя продѣлки. О другомъ мученичествѣ Каллиста ничего не извѣстно. Очень многіе другіе еретики въ первыхъ

вѣкахъ догматизировали въ Римѣ, какъ всѣмъ извѣстно. Однимъ словомъ, изъ того факта, что большинство ересей возникало на Востокѣ, гдѣ вообще духовная спекуляція увлекала умы, монополію ереси Востоку навязывать тоже нельзя. И нельзя тѣмъ паче, что если и возникали ереси на Востокѣ, то на Востокѣ же возникло и само христіанство. Съ теченіемъ времени центръ возникновенія ересей перешелъ съ Востока на Западъ, гдѣ онѣ наконецъ извратили самый принципъ Христовой Церкви. Этого восточные ересеначальники никогда не дѣлали. На Западѣ возникла ересь всѣхъ ересей, — превозношеніе человѣка надъ Церковью, искупленнаго надъ Искупителемъ.

Но даже совсѣмъ независимо отъ сего и безотносительно къ вопросу о томъ, что такое — ересь, обвиненіе Востока въ преизбыткѣ еретиковъ кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ въ устахъ папства, звѣрски пролившаго цѣлые потоки „еретической“ крови и за „ереси“ втоптавшаго все человѣчество въ кровь и въ грязь посредствомъ той ужасной Инквизиціи, которая покрыла всю Европу жатвою смерти. Стонъ убитыхъ жертвъ, цѣлыхъ поколѣній, замученныхъ и павшихъ подъ ударами того духа, съ котораго мы срываемъ Христову личину, чтобы показать его шагающимъ надъ темною бездной во всей ужасающей наготѣ, этотъ страшный стонъ несется, и грозные призраки сгущаются въ красныя тучи, надвигающіяся на своего палача и одушевляющія противъ него соціальныя массы, потерявшія всякую вѣру и всякую любовь! Думаете ли вы, что эта кровь не лежитъ на васъ? Думаете ли вы, что вы изъяты изъ закона солидарности поколѣній между собою, и что вы не погибнете отъ преступленій тѣхъ, преемниками коихъ вы состоите? Думаете ли вы, что смягченіе вашихъ физическихъ нравовъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ

и просвѣщенія, спасетъ васъ самихъ и смертоносный принципъ вашъ отъ той катастрофы, которую вы приготовили себѣ и тысячамъ невинныхъ, увлеченныхъ заблужденіемъ вашимъ въ то политическое и соціальное теченіе, которое называется современною европейскою цивилизаціею, противъ которой вы боретесь тщетно, и которая покончитъ прежде всего со всякою вѣрою, а затѣмъ съ вами?! Вотъ оно: дѣло римскихъ рукъ! смотрите и содрогайтесь!.. и да откроются глаза ваши!..

Милые братья, простите намъ, если мы не можемъ не причинить вамъ острой боли, открывая передъ вами картину вашего заблужденія! Помните, что мы только противъ него выступаемъ, противъ заблужденія вашего, а не противъ васъ!..

Итакъ, понятія о латинской „Церкви учащей“ пусть намъ не навязываютъ. Вся Церковь Христова есть Церковь учащая и она исполняетъ одно безпрерывное учительство.

Это тѣсно связано съ вопросомъ о томъ, что такое есть вѣра.

Прочтите любое наставленіе латинства и вы увидите, что папство сдѣлало изъ вѣры раціональный актъ. Папство говоритъ, что христіанская вѣра есть добровольное принятіе человѣческимъ разумомъ всѣхъ богооткровенныхъ истинъ. Потомъ латинство, убивъ такимъ образомъ христіанскую вѣру, сдѣлало себѣ оракулъ, требующій отъ всѣхъ раціональнаго подчиненія. И этотъ оракулъ дѣйствуетъ либо по личному праву абсолютной святости, вѣры и любви, либо по восьмому таинству раціоналистическаго знанія и мертвящей вѣры... — это для насъ безразлично. Итакъ, онъ преподаетъ разуму чадъ своихъ свое словесное свидѣтельство о подлинности своего собственнаго вѣроисповѣданія, которое по этому и считается подлиннымъ исповѣданіемъ Церкви. И это называется „непогрѣшимое учительство“, и это называется „христіанская вѣра“.

И теперь мы спрашиваемъ: признаете ли вы эту вѣру добродѣтелью? Намъ отвѣтятъ конечно, что эта вѣра есть добродѣтель. И мы продолжаемъ спрашивать: есть ли добродѣтель всякая вѣра, которую мы придаемъ свидѣтельству людей въ обыденной жизни? Намъ отвѣтятъ, конечно, что не всякая такая вѣра есть добродѣтель, ибо добродѣтель есть только вѣра христіанская, а не человѣческая. И мы продолжаемъ спрашивать: какая же разница между вѣрою христіанскою, что есть добродѣтель, и вѣрою человѣческою? Намъ скажутъ теперь, что въ одномъ случаѣ мы придаемъ вѣру словамъ людей, а въ другомъ случаѣ словамъ самого Бога. И мы продолжаемъ спрашивать: кто же свидѣтельствуетъ о томъ, что такія то и такія откровенія были на самомъ дѣлѣ преподаны самимъ Богомъ? Люди ли свидѣтельствуютъ о томъ? Намъ отвѣтятъ, что люди, такъ какъ апостолы, и „Церковь учащая“ и папа... всѣ — люди...

Итакъ, стало быть, никакого различія между вѣрою христіанскою и вѣрою человѣческою — нѣтъ. Всякая вѣра есть вѣра человѣческая. Почему же тогда мы будемъ придавать бо́льшую вѣру словамъ именно *этихъ* людей, а не *другихъ* людей, напримѣръ словамъ Будды, который говоритъ намъ, что онъ — свѣтъ міра, или словамъ Магомета пророка Божьяго? Какая же тутъ особенная добродѣтель?.. Не понимаемъ.

Итакъ, Римъ потерялъ христіанскую вѣру, ибо онъ однимъ лишь установленіемъ авторитета въ вѣрѣ, низвелъ христіанскую вѣру въ разрядъ вѣры человѣческой, сдѣлавъ изъ вѣры христіанской раціональный актъ. Раціональный волевой актъ можно требовать по авторитету: по этому папа и есть авторитетъ по вопросамъ этой человѣческой, раціоналистической „вѣры“.

Нѣтъ. Христіанская вѣра не есть раціонально-волевой актъ. Христіанская вѣра не есть одно только добровольное при-

нятіе человѣческимъ разумомъ всѣхъ богооткровенныхъ истинъ. Христіанская вѣра является *причиною* этого волевого разумнаго дѣйствія, и она обусловливаетъ это дѣйствіе, какъ естественное свое послѣдствіе и какъ дополненіе. При наличности христіанской вѣры, это разумное дѣйствіе вовсе не является свободно-волевымъ, а лишь необходимымъ психическимъ рефлексомъ... воля человѣческая въэтомъ рефлексѣ уступила мѣсто волѣ Божіей, и въ собственномъ своемъ уничтоженіи она нашла себя саму и свою высшую свободу. И глубокая вѣра по этому является основою высшаго разума... Ибо разумъ на вѣрѣ зиждится, а не вѣра на разумѣ [1]). Сія есть тайна великая, которая рѣшительно никѣмъ на свѣтѣ не постигается, какъ только чадами Христовой Церкви, по причастію Духа Божьяго, живущаго въ ней. Христіанская же вѣра есть освященіе и просвѣщеніе всѣхъ наивысшихъ, наиблагороднѣйшихъ, внутреннихъ душевныхъ способностей нашихъ Свѣтомъ, Правдою и Жизнью Божьими. По этому вѣра живая — нераздѣльна отъ любви и представляетъ собою видъ чего-то цѣльнаго, какъ и любовь и надежда суть другіе виды того-же цѣльнаго, имя котораго „благодать“. И эта христіанская вѣра есть добродѣтель. Она-же свидѣтельствуетъ о себѣ въ словесныхъ исповѣданіяхъ, именуемыхъ догматами. Навязывать догматы кому бы то ни было по авторитету, съ точки зрѣнія христіанской, по этому, есть психологическій абсурдъ. Ибо для живого, а не мертваго, разумно-волевого принятія истины, требуется прежде всего побудительная причина, которая дѣйствовала бы на разумъ и на волю. И причина сія не лежитъ ни въ самомъ разумѣ, ни въ самой волѣ, ни въ какихъ бы то ни было объективныхъ факторахъ, дѣй-

[1]) S. Augustin. Tractat. II., „in Ioan.“ Evan. cap. VIII: „Non cognoscimus ut credamus, sed credimus ut cognoscamus“

ствующихъ на разумъ и на волю *извнѣ*, какъ то авторитетъ, разнаго рода расчеты и т. п. Причина сія лежитъ въ одной лишь христіанской вѣрѣ, обитающей въ сердцѣ по любви. И этого никакой авторитетъ черезъ требуемое подчиненіе давать не можетъ. Больше того. Это подчиненіе подъ ярмо авторитета, это принципіальное признаніе авторитета, какъ побудительной церковной причины разумно-волевого принятія истины со стороны всего послушнаго стада, означаетъ собою принципіальный церковный отказъ отъ истиннаго источника требуемаго разумно-волевого дѣйствія, т. е. отказъ отъ христіанской вѣры, отказъ отъ Христа въ пользу римскаго епископа. Съ точки зрѣнія христіанской вѣры, по этому, получается слѣдующее положеніе:

Блестящее единство вѣры, которымъ славится латинство, есть единство общаго безвѣрія.

Да. Вѣра и любовь, для Рима, перестали быть условіемъ церковнаго организма и являются только частною обязанностью каждаго передъ Богомъ. Папство на этомъ не построено, и его существованіе гарантируется любовью и вѣрою не въ большей и не въ меньшей мѣрѣ чѣмъ существованіе всякаго другого соціально-политическаго организма міровъ христіанскаго, магометанскаго или языческаго. Какъ всякій другой, построенный на авторитетѣ организмъ, такъ и папство имѣетъ свои принудительныя средства къ послушанію. Имѣется уголовное законодательство, дѣйствующее своимъ психическимъ принужденіемъ, или устрашеніемъ, на подданныхъ въ виду охраненія государственнаго порядка (уголовно-правовыя теоріи о наказаніяхъ тутъ не причемъ: онѣ всѣ одинаково примѣнимы. Лично мы держимся теоріи Фейербаха о психическомъ принужденіи). Имѣются награды (индульгенціи), тюрьмы (чистилище) и смертная казнь (адъ). Но мы видѣли, что въ эту

организацію не входятъ какъ „conditio sine qua non“ ни любовь ни вѣра. Больше того: этимъ уничтожается въ корнѣ и то и другое.

Итакъ, авторитетъ въ вопросахъ вѣры исключаетъ Божію благодать. Они — несовмѣстимы другъ съ другомъ.

Отнимите же Божію благодать, отнимите любовь и христіанскую вѣру у зданія Христовой Церкви, и все зданіе рушится. Вотъ, уважаемый Пальміери, въ чемъ состоитъ разница между нами. По этому Вы можете писать многотомные труды, чтобы доказать, что никакого сплачивающаго начала у насъ нѣтъ, и Вы будете правы.... по Вашему. Ибо нашего сплачивающаго начала Вы не видите и видѣть не можете. Въ тотъ мигъ, когда Вы бы увидѣли это начало, Вы этимъ самымъ либо присоединились бы уже къ Христовой Церкви, по крайней мѣрѣ по убѣжденію, либо согрѣшили бы противъ Святаго Духа. И по этому все то, что Вы здѣсь читаете, является испытаніемъ для Васъ. Мы Вамъ всѣмъ сердцемъ и всею душею желаемъ, чтобы Вы скорѣе ничего не поняли, нежели чтобы Вы, понявши, упрямились. Ибо Вы грѣшите противъ Сына Человѣческаго, пока еще по невѣдѣнію, и это простится Вамъ. Но горе Вамъ, если Вы поймете сіе, и будете упорствовать! Для Васъ, въ нынѣшнемъ состояніи Вашемъ, и для всѣхъ своихъ враговъ, Церковь Христова есть вполнѣ непроницаемый организмъ.... и это — ваше великое счастіе! Она для васъ — неуязвима, и неуязвима именно потому, что вы не видите ея жизненнаго начала, т. е. именно того мѣста, куда бы только и слѣдовало направить ударъ, — не чтобы уязвить ее: это невозможно, — а чтобы самому пасть въ бездну... Этотъ жизненный принципъ, это сплачивающее начало есть Божія благодать. И если Вы бы видѣли ее, Вы вѣроятно не направили бы въ нее никакого удара, а стали бы сыномъ Церкви. На это

начало никто нападать не можетъ. И Вы тоже нападать на него не можете, и потому Вы пишете многотомные труды, чтобы доказать, что оно не существуетъ. И Вы, по Вашему, правы вполнѣ! *Для Васъ*... оно не существуетъ. Благодать Божія раціонально не опознается. Понимаете ли Вы, что съ Церковью полемизировать нельзя?..

Еще маленькое слово о вѣрѣ. Весьма возможно, что въ понятіи о христіанской вѣрѣ паписты отыщатъ вліяніе протестантства, которое вѣдь извѣстно тѣмъ, что оно противопоставило тому невѣрію, преподаваемому Римомъ подъ именемъ „авторитетной вѣры“ (Autoritätsglauben), свое понятіе о вѣрѣ, какъ о личномъ отношеніи человѣка къ Богу, на почвѣ субъективной.

На это мы скажемъ, что подобное рвеніе протестантства конечно является реакціей и имѣетъ свое основаніе въ благородномъ стремленіи человѣческой души, созданной для вѣры и для любви и попранной въ надеждахъ и въ правахъ своихъ, добытыхъ для нея кровью Спасителя. Но протестантство сдѣлало изъ Церкви Христовой абстрактъ, чѣмъ и подвергло сомнѣнію все откровеніе Божіе. Ибо стремясь вонъ отъ смерти и отъ рабства, оно поставило на первый планъ пресловутое субъективное отношеніе къ Божеству, забывъ про то, что это индивидуальное отношеніе на собственный счетъ—настолько же безсильно противъ заблужденія, насколько оно отдаляется отъ братьевъ, т. е. отъ согласія и отъ любви. Ибо одна только любовь есть истинная сила единенія, и въ ней одной дается и вѣра не заблуждающаяся, по согласію всѣхъ. Протестантство ищетъ потерянной вѣры, но оно ищетъ ее внѣ единой любви. По этому и каждая душа въ протестантствѣ имѣетъ свою вѣру или свое безвѣріе, въ одиночествѣ душевномъ. Предполагаемое „вліяніе“ протестантства на ученіе Церкви

является иллюзіей. Отдѣльныя лица, отдѣльные богословы, могутъ подпасть подъ таковое вліяніе, или подъ вліяніе папства, по слабости своей, и часто дѣйствительно ему подвергались. Пальміери указываетъ на многихъ такихъ богослововъ въ своемъ трудѣ. Что же это доказываетъ противъ Церкви? Ровно ничего. За всѣ эти „вліянія“ и за всѣ порожденныя этимъ вліяніемъ заблужденія отвѣтственными являются только они,— эти отдѣльныя лица, эти отдѣльные богословы. Церковь этихъ заблужденій не беретъ ни на свой счетъ, ни подъ свое покровительство. Съ того самаго момента, какъ богословъ, какое нибудь отдѣльное лицо, — какимъ бы высокимъ положеніемъ оно ни пользовалось, будь оно хотя бы даже патріархомъ, — высказываетъ противное Церкви и вѣрѣ ея заблужденіе, съ того самаго момента оно себя *въ этомъ* исключаетъ изъ ея благодатной среды и говоритъ лично за себя. Однимъ только *фактомъ* своего заблужденія это лицо лишаетъ себя компетенціи говорить отъ ея имени.

Теперь на насъ непремѣнно обрушатся паписты и спросятъ насъ: „Кто-же тогда говоритъ отъ имени Церкви и кто нѣтъ? Какъ же тогда узнать ученіе правильное и какъ спасти себя отъ заблужденія?“

Опять вы требуете гарантій логическихъ! Молитесь! и сами не заблуждайтесь въ сердцахъ вашихъ! тогда и ученія невѣрнаго не примете отъ учителя самозваннаго. Вы безошибочно найдете вѣру Церкви если въ сердцѣ вашемъ есть любовь. Никакихъ другихъ гарантій не требуется. По многимъ вопросамъ вѣры своей Церковь дала и соборное, торжественное, словесное свидѣтельство. Но не думайте, что она требуетъ одного лишь раціональнаго подчиненія вашего этимъ свидѣтельствамъ! Ваше раціональное подчиненіе для Церкви не имѣетъ, само по себѣ, никакой цѣны. Для Церкви важно то, чтобы самое сіе

церковное свидѣтельство было и свидѣтельствомъ *вашей* собственной вѣры и *вашей* собственной братской любви. Она живетъ лишь благодаря свободѣ чадъ своихъ. Отъ подчиненія вашего она отказывается. По вашей же вѣрѣ и по вашей любви вы всегда будете знать достовѣрно, кто говоритъ отъ имени Церкви и кто нѣтъ, и ложнаго свидѣтельства не примете. Чего же вы еще хотите? „Мы хотимъ знать вообще, кто принадлежитъ къ Церкви и кто нѣтъ“, — таковъ будетъ отвѣтъ папистовъ. И тогда мы скажемъ: для васъ, всѣ ваши братья, которые крещены крещеніемъ христіанскимъ и которые участвуютъ въ таинствахъ Христовой Церкви, принадлежатъ къ ней. Насъ же разсудитъ Богъ, ибо Онъ знаетъ, кто имѣетъ вѣру и кто нѣтъ. Судите себя, а не другихъ!

Итакъ, уважаемый Пальміери, всѣ Ваши изслѣдованія о протестантскихъ или римскихъ „вліяніяхъ“ на вѣру Христовой Церкви ровно ничего не доказываютъ. И если Вы нашли какія-то противорѣчія между двумя или тремя богословами и съ гордостью указываете на несомнѣнное латинское или протестантское вліяніе на воззрѣнія того или другого изъ нихъ, то Вы только и доказываете, что то или другое лицо, или тѣ или другія лица, въ такомъ то или такомъ то вопросѣ, подпали подъ латинское или протестантское вліяніе. По вопросу-же о томъ, кто вообще является учителемъ добрымъ и кто заблуждается, Вы лишены всякой компетенціи пока Вы будете упорствовать передъ благодатью. Ибо кого бы Вы ни спросили, Вы вѣдь не можете знать раціонально его любви и вѣры, а потому и не можете, раціонально-же, удостовѣриться въ томъ, отъ Церкви ли онъ говоритъ. Имѣйте Вы *сами* любовь и вѣру, и истина откроется для Васъ. И вѣра и любовь всегда пребудутъ въ Церкви съ такою силою, что не допустятъ никогда побѣды заблужденія надъ ней. Вѣра, любовь и истина находятся

въ Церкви неизмѣнными, ибо Іисусъ Христосъ и любовь Его— съ нами по конецъ дней...

Вотъ Вамъ, уважаемый Пальміери, православное ученіе!

Что Вы на это имѣете сказать?...

Да, конечно! Вы можете сказать, что я Вамъ никакихъ гарантій не даю, что все то, что я сказалъ, есть ученіе Христовой Церкви. Конечно, и Вы будете вполнѣ правы. Я Вамъ никакихъ логическихъ гарантій не даю, ибо то евангельское ученіе, которое относится къ Церкви Христовой, можетъ быть правильно понимаемо только ею самой, чадами же ея по мѣрѣ участія въ ней.

Я же, говоря съ Вами, если говорю отъ себя, заблуждаюсь, и всякое заблужденіе мое есть мое заблужденіе личное. Если же я правду говорю, то правда сія—отъ Церкви. Ею-же я мнѣніе братьевъ предъявляю. И противъ этого Вы, дорогой, — вполнѣ безсильны! Нечего Вамъ сопротивляться. Вы легкомысленно думали напасть на Церковь, а она Вамъ отвѣчаетъ призывомъ къ свободѣ и къ любви!.. Но если Вы хотите упрямиться, то возьмите Ваше талантливое перо и докажите, что Церковь заблуждается! Только благоволите тогда оставить меня въ сторонѣ! Ибо я имѣю несомнѣнное право заблуждаться. И это самое право принадлежитъ всѣмъ намъ. Такъ что Вы ни противъ кого изъ насъ въ отдѣльности не пишите! Вы вѣдь хотите напасть на православную Церковь, не такъ ли?! Ну, такъ оставьте насъ въ покоѣ съ нашими личными заблужденіями. Итакъ, противъ чего-же Вы тогда будете писать?.. Видите-ли, какъ Вы на Церковь и напасть даже не можете! И Вы даже ничего не выиграете, если скажете, что такая Церковь совсѣмъ не существуетъ. Это именно и будетъ то пораженіе Ваше, которое является цѣлью отвѣта сего. Мы вѣдь то и дѣлаемъ, что все время доказываемъ, что *для Васъ* она не существуетъ.

Для Васъ, дорогой, она является только фикціею. И если Вы на это отвѣтите, что она является фикціею и для насъ самихъ, то и это ни мало Вамъ не поможетъ. Ибо какъ же Вы докажете, что Церковь для насъ не существуетъ, когда мы приписываемъ Вашу немощь не отсутствію Церкви, а отсутствію Вашихъ органовъ зрѣнія?! Согласитесь же, наконецъ, что Вы находитесь въ положеніи самомъ... какъ бы это сказать чтобы Васъ не обидѣть... странномъ: получаете все время удары и не видите откуда они!

Оставьте Ваше дерзновенное предпріятіе и приходите къ намъ! Это будетъ лучше. И помолитесь хорошенько! Церковь, братъ дорогой, разумомъ человѣческимъ не постигается и никакими опредѣлительными рамками человѣческой діалектики не обхватывается. Не потому чтобы она была неопредѣленна или неразумна, а потому что она стоитъ безконечно выше разума нашего, будучи откровеніемъ Божественнаго Разума на землѣ. Вы хотѣли, въ Римѣ, постичь этотъ Божественный Разумъ и руководить Имъ посредствомъ несчастныхъ вашихъ человѣческихъ ума и логики! Построили себѣ престолъ до неба, и всѣмъ пониманіемъ, всею душею... ринулись въ прахъ! . . . .

. . . . . .

На стр. 23 Пальміери говоритъ слѣдующее: если де учительство въ православіи продолжается и по сей день, то неправильно православная Церковь себя называетъ „Церковью семи вселенскихъ Соборовъ“. Ибо это можно-де понимать двоякимъ образомъ:

1. Только семь дѣйствительныхъ вселенскихъ Соборовъ могли имѣть мѣсто въ Церкви, и созваніе новаго вселенскаго Собора воспрещается.

2. Съ восьмого столѣтія, т. е. послѣ раскола, церковное учительство проявлять себя больше не можетъ.

Нѣтъ, уважаемый Пальміери, ни то ни другое изъ Вашихъ двухъ объясненій не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. А объясненіе имѣется очень простое. Церковь дѣйствительно признаетъ только семь вселенскихъ Соборовъ, и потому она называется „Церковью семи вселенскихъ Соборовъ“. Но если это названіе Вамъ почему-то не нравится, то оставимъ его въ сторонѣ! Отъ названія дѣло не измѣняется. Что же касается воспрещенія созванія новаго Собора вселенскаго, то мы спрашиваемъ себя и Васъ, что это такое за странное заключеніе выведено Вами изъ этого названія, обозначающаго простой историческій фактъ? Отъ того-ли, что на дѣлѣ послѣ вашего паденія вселенскіе Соборы больше не собирались? Да развѣ отсюда слѣдуетъ предполагаемое такого рода запрещеніе? Вѣдь въ папствѣ, напримѣръ, престолъ съ незапамятныхъ временъ занимаютъ только итальянцы, и развѣ изъ этого у васъ можно заключить, что другимъ національностямъ ношеніе тіары воспрещается? Вѣдь это, какъ и собраніе вселенскаго Собора, есть обстоятельство историческое, смотря по времени и по мѣсту.

Что же касается второго объясненія, что съ восьмого столѣтія учительство Христовой Церкви, по случаю отсутствія вселенскихъ Соборовъ за этотъ періодъ, себя больше не проявляетъ, то отсюда можно вывести, что Пальміери не знаетъ ни учительства ни соборности, предполагая, что учительство и соборность суть опредѣленныя матеріальныя условія съѣзда въ такомъ то мѣстѣ, столькихъ то епископовъ, изъ такихъ то городовъ, послѣ такого то путешествія и въ такой то обстановкѣ. Соборность и учительство себя проявляютъ безпрерывно въ Христовой Церкви. А въ какихъ именно внѣшнихъ формахъ себя проявляютъ это учительство и эта соборность, это зависитъ отъ обстоятельствъ историческихъ, отъ условій времени и мѣста. Отъ того, что Церковь въ опредѣленный пе-

ріодъ созываетъ Соборы, или отъ того, что она ихъ не созываетъ, никомъ образомъ нельзя заключить, что въ такомъ то періодѣ существуютъ соборность и учительство, а въ другомъ періодѣ отсутствуютъ. Это значитъ просто то, что въ такомъ то періодѣ обстоятельства требовали, чтобы учительство и соборность проявляли себя *такимъ* образомъ, въ другомъ же періодѣ измѣнившіяся обстоятельства этого именно способа проявленія не требовали. Отъ этого ни соборность, ни учительство не измѣняются ни въ своемъ безпрерывномъ существованіи, ни въ своемъ неизмѣнномъ характерѣ. Нами управляетъ законъ жизни, а не мертвая буква.

Въ послѣднихъ параграфахъ этой главы Пальміери вращается опять вокругъ „права“ каждаго вѣрнаго вѣрить въ то или другое, „права“ того учрежденія, что называется у него „magisterium infallibile“ провозглашать истины, и т. д., и все это въ полемикѣ съ Хостинымъ.

Мы, какъ уже говорили, въ эти споры не вмѣшиваемся. Мы только слушаемъ и удивляемся этому ученію о Церкви, предполагающему, что залогъ Христова откровенія ввѣряется правовому себялюбію. Христова Церковь, по этому ученію, есть общество людей, постоянно тяжущихся изъ за даровъ благодати. Во имя согласованія всѣхъ этихъ личныхъ „правъ“, это общество имѣетъ свой полицейскій авторитетъ, налагающій на каждый эгоизмъ то минимальное стѣсненіе, которое является необходимымъ для его совмѣстимости со всѣми остальными эгоизмами. При такихъ условіяхъ каждое „право“ на небесную добычу можетъ получать свое постоянное безопасное удовлетвореніе. Иначе, безъ полиціи, они другъ друга заклюютъ изъ за добычи небесной!...

Видно, что въ *Римѣ* создана эта теорія!

III.

Мы находимся теперь въ томъ формально-матеріальномъ мірѣ, въ которомъ христіанство превратилось въ схоластику.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы какъ нибудь объяснить необъяснимое различіе между римскимъ „догматическимъ развитіемъ“ и догматическимъ новшествомъ.

Позвольте намъ, уважаемый Пальміери, сказать, что это различіе объясняется какъ нельзя болѣе коротко и какъ нельзя болѣе ясно: догматическое новшество, видите-ли, есть словесное лжесвидѣтельство о благодатной и неизмѣнной вѣрѣ Христовой Церкви. Догматическое же развитіе есть поочередное появленіе соборныхъ, а потому, разумѣется, и подлинныхъ словесныхъ свидѣтельствъ о той-же вѣрѣ.

Видите-ли, какъ вопросъ о римскихъ догматахъ для насъ легко разрѣшается! Критерій, не правда-ли, — одинъ, и сводится просто къ тому, вѣруемъ ли мы такъ, какъ объ этомъ словесно свидѣтельствуетъ папа?! Но вѣдь самъ папа ни намъ, ни даже вамъ самимъ, этого вовсе не приписываетъ! Самъ папа заблаговременно уже позаботился о томъ, чтобы такого спорнаго вопроса вовсе не было! Вѣдь онъ *самъ* никакого притязанія даже не имѣетъ на то, чтобы его слова были свидѣтельствомъ о какой либо церковной вѣрѣ! Онъ никакой церковной вѣрѣ своихъ засвидѣтельствованныхъ имъ-же мнѣній вовсе не приписываетъ, а прямо предписываетъ церковной вѣрѣ не быть, а быть только собственному своему свидѣтельству о собственной-же папской вѣрѣ. Церковной же вѣрѣ онъ позволяетъ быть лишь посколько она низводится изъ категоріи объекта папскаго свидѣтельства въ категорію свидѣтеля папскихъ мнѣній. Въ этомъ и заключается его авторитетъ. И этимъ именно онъ отъ подлиннаго свидѣтельства о церков-

ной вѣрѣ отказался разъ на всегда принципіально и возвелъ догматическое новшество, т. е. *словесное лжесвидѣтельство о церковной вѣрѣ*, въ принципъ.

И опять Вы получили ударъ и не знаете откуда! Но мы Васъ не оставимъ въ этомъ жалкомъ положеніи.

Слушайте-же, несчастный, наставленіе отъ Церкви:

Божественное откровеніе дано Спасителемъ нашимъ разъ на всегда и во всей жизненной полнотѣ. Церковь имѣетъ вѣру въ полности и хранитъ ее въ полности. Отдѣльные члены Церкви, по грѣховному своему несовершенству, не вполнѣ, однако, способны участвовать въ благодати абсолютной вѣры. По этому они и не могутъ словесно свидѣтельствовать о ней въ абсолютной полности, какъ свидѣтельствовалъ Спаситель и какъ свидѣтельствуетъ вся Церковь въ Немъ. Эти отдѣльныя лица свидѣтельствуютъ о вѣрѣ лишь по мѣрѣ участія ихъ въ Церкви. Это же участіе дается по мѣрѣ приближенія къ ней. Приближеніе же къ Церкви состоитъ въ постепенномъ уничтоженіи личной грѣховной и себялюбивой разрозненности, растворенiемъ себя въ святости совершенной, т. е. въ Церкви, черезъ любовь. Итакъ, всякое заблужденіе есть себялюбіе, есть несовершенство, есть грѣхъ. Отсюда ясно можно видѣть, какой неимовѣрный абсурдъ представляетъ собою уничтоженіе заблужденія черезъ авторитетъ.

Итакъ, Церковь имѣетъ вѣру во всей животворящей полнотѣ... и это значитъ, что *всѣ вмѣстѣ имѣютъ то, чѣмъ отдѣльно не обладаетъ никто.*

Отдѣльныя лица, по грѣховности своей, часто лжесвидѣтельствуютъ о вѣрѣ Церкви. Пока таковое грѣховное несовершенство проявляется въ ограниченномъ кругѣ, Церковь борется съ заблужденіемъ, призывая грѣшниковъ къ покаянію. Она ихъ призываетъ къ участію въ благодатной жизни своей, къ

тому участію, которое является основою добраго свидѣтельства. Она ихъ призываетъ къ этому участію посредствомъ молитвы, таинствъ и словеснаго учительства своихъ пастырей, поддерживаемыхъ учительствомъ всего народа христіанскаго, пребывающаго въ вѣрѣ. Но мятежная гордость человѣческая, ищущая себѣ оправданіе въ разумѣ своемъ, часто не слышитъ этого зова. Она презираетъ братьевъ, она себя считаетъ ученѣе и разумнѣе ихъ и на этомъ основаніи предполагаетъ, что Божественная истина находится на сторонѣ ея учености и ея человѣческаго разума. Старое, роковое, всегда повторяющееся грѣхопаденіе: „И будете какъ Боги, знающіе добро и зло!“ Итакъ, гордость разума увлекаетъ сердце, и будучи подкрѣплена талантомъ и знаніями, она соблазняетъ братьевъ, пастырей, и можетъ наконецъ добиться того, что на болѣзнь члена своего отзовется все тѣло Церкви. Тогда вся Церковь вызывается на защиту своего богообѣщаннаго существованія на землѣ. И Церковь Христова, либо собравшись въ лицѣ говорящихъ отъ ея имени свидѣтелей на Соборъ, либо инымъ какимъ-либо удобнымъ по времени и по обстоятельствамъ способомъ, даетъ словесное, соборное, подлинное свидѣтельство свое о своей вѣрѣ. И это подлинное свидѣтельство противопоставляется тому лжесвидѣтельству, что вызвало смуту. И получился „догматъ“, въ опредѣленномъ смыслѣ. Это къ вѣрѣ ничего не прибавляетъ и отъ вѣры ничего не отнимаетъ. Это— простой историческій инцидентъ. Это вовсе даже не относится къ вѣрѣ, а просто къ Исторіи Церкви. Ибо для Церкви и для живыхъ ея членовъ, вѣра всегда была и будетъ одинаково ясною во всѣ времена. Самъ свидѣтель вѣдь знаетъ свое собственное свидѣтельство, и для него является по существу вполнѣ безразличнымъ, приглашаютъ ли его, или нѣтъ, высказать это свидѣтельство въ особой обстановкѣ! Эта особая

обстановка, уважаемый Пальміери, и есть „раскрытіе“ вѣры, по вашему „explicite“. Отсутствіе же этой особой обстановки есть то, что Вы называете „implicite“. Это различіе къ вѣрѣ вовсе не относится, а относится лишь къ Исторіи Церкви, какъ мы уже говорили. Но у васъ обстановка сія играетъ большую роль, ибо она сама опредѣляетъ ваши вѣренья, и потому для васъ она сама относится къ „вѣрѣ“.

На вселенскихъ Соборахъ подлинныя свидѣтельства о вѣрѣ, короче,—*догматы*, всегда провозглашались въ отпоръ какому-нибудь лжесвидѣтельству о вѣрѣ, короче, — *ереси*. Это прекрасно подтверждается посланіемъ Халкедонскаго Собора къ Императору Маркіану, на что ссылается и самъ Пальміери (стр. 51). Это всегда такъ было въ Христовой Церкви [1]) и продолжаетъ быть такъ и сегодня.

Теперь посмотримъ, что происходитъ въ папствѣ.

Папство провозглашаетъ догматы не въ отпоръ какой-нибудь ереси, а съ безвольнаго подчиненія своего стада, само беретъ на себя роль прежнихъ еретиковъ. И по этому оно вовсе не считаетъ отступниками тѣхъ, которые *до* провозглашенія какого-либо „догмата“ этого „догмата“ не признавали. Отсутствовало лжесвидѣтельство, и вопросъ рѣшается какъ угодно, по отсутствію церковной вѣры. Появилось лжесвидѣтельство, и вѣренье преподается въ опредѣленномъ смыслѣ. Вчера какъ угодно. Сегодня такъ и не иначе. Требовать бо́льшаго для новшества было бы нелѣпо.

Апостольская Церковь, свидѣтельствующая о вѣрѣ своей на Соборѣ и осуждающая лжесвидѣтелей, признавала таковыхъ еретиками какъ до, такъ и послѣ своего соборнаго выступленія. И по этому она налагала анаѳему на этихъ ерети-

[1]) См. у Кирилла Александрійскаго письмо 10 по поводу наименованія „Богоматери“.

ковъ, хотя бы и давно умершихъ. Такъ напримѣръ папа Гонорій, умершій до шестого вселенскаго Собора, подвергся анаѳемѣ Церкви на этомъ Соборѣ какъ моноѳелитъ. Въ Христовой Церкви вовсе нельзя вѣровать сегодня какъ угодно, а по появленіи догматическаго свидѣтельства только опредѣленнымъ образомъ.

И этимъ выводится и историческое подтвержденіе, что по мнѣнію Церкви появленіе догматическаго свидѣтельства очевидно вовсе не вліяетъ на опредѣленность соборной вѣры.

Догматъ опредѣляется вѣрою.

Въ папствѣ вѣренье опредѣляется догматомъ.

Вѣра обитаетъ въ сердцѣ и есть благодать.

Въ папствѣ вѣренье обитаетъ въ разумѣ и есть добровольный раціональный актъ.

На глубокой вѣрѣ зиждится высшій разумъ.

Въ папствѣ на человѣческомъ разумѣ построено вѣренье.

Въ апостольской Церкви несогласные съ новшествами отбрасываютъ лжесвидѣтелей.

Въ папствѣ отбрасываются несогласные.

Всѣ мы знаемъ, противъ какихъ именно новшествъ были даны догматическія свидѣтельства семи вселенскихъ Соборовъ.

Но противъ какихъ именно новшествъ состоялись Ватиканскій Соборъ и догматическое опредѣленіе папской непогрѣшимости, этого мы не знаемъ.

Конечно.

Ибо все это само есть новшество.

Выведенныя здѣсь положенія опредѣляютъ въ точности различіе между „раскрытыми“ и „нераскрытыми“ догматами.

Съ точки зрѣнія Церкви, это различіе совсѣмъ не существуетъ.

Ибо различіе сіе лежитъ въ историческомъ обстоятельствѣ, при которомъ Церкви пришлось когда-то свидѣтельствовать о неизмѣнной вѣрѣ своей совершенно особымъ образомъ. Для Церкви же это историческое обстоятельство является вполнѣ безразличнымъ. Она и безъ того знаетъ вѣру свою и въ историческихъ обстоятельствахъ вовсе не нуждается для какого-то совсѣмъ ненужнаго ей „раскрытія“ себѣ самой ясной совсѣмъ собственной вѣры.

Не то для отдѣльныхъ лицъ.

Наше внутреннее усовершенствованіе, усовершенствованіе не Церкви святой, въ немъ не нуждающейся, а наше *личное* усовершенствованіе, усовершенствованіе отдѣльныхъ и порочныхъ членовъ, совершается участіемъ въ Святости совершенной, т. е. въ Церкви, черезъ отказъ отъ себя и черезъ любовь. И это участіе въ жизни Христовой Церкви освобождаетъ насъ отъ грѣха и отъ заблужденія. По этому Христова Церковь является милостью для рода человѣческаго. И съ постепеннымъ освобожденіемъ отъ заблужденія совершается въ сердцѣ нашемъ и раскрытіе вѣры, и въ разумѣ нашемъ соотвѣтствующее раскрытіе догматовъ. Научно-богословскимъ запамятованіемъ числа соборныхъ свидѣтельствъ, или вообще изученіемъ догматовъ наизусть, вовсе не совершается въ насъ никакого раскрытія. Этого можно было бы требовать и отъ язычника и даже добиться отъ попугая.

Итакъ, дѣйствительное *раскрытіе догматовъ*, въ смыслѣ развитія и достиженія несознанныхъ прежде истинъ, есть актъ разрозненыхъ, отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ единенію. Церковь же Христова есть сама сіе сущее единеніе, сія любовь и сія благодать, и потому ни въ какомъ „раскрытіи“ своихъ догматовъ для себя не нуждается, ибо имѣетъ все въ полности.

Теперь, весь этотъ разрабатываемый въ этой главѣ во-

просъ о томъ, что такое обозначаютъ латинскіе термины „credere explicite“ и „credere implicite“, не представляетъ уже для насъ православныхъ ровно никакихъ трудностей.

Не то римляне. Сдѣлавъ изъ вѣры раціонально-волевой актъ, для нихъ догматъ основанъ самъ на себѣ и представляется въ видѣ чего то цѣльнаго, обитающаго въ разумѣ и не нуждающагося ни въ какомъ другомъ подспорьѣ кромѣ силъ человѣческаго разума. И такъ какъ истинный его источникъ изсякъ, то онъ получается при помощи оракула, что на Ватиканской горѣ. Но одновременно получается и страшная путаница. Ибо раскрытіе новыхъ догматовъ, какъ упражненіе, какъ выводъ чисто раціональный, напрашивается само собой. И это раскрытіе новыхъ догматовъ, не будучи уже основано на вѣрѣ, само представляется какъ дисциплина логическихъ выводовъ, ждущихъ только удобной соціальной конъюнктуры для того, чтобы заявить о себѣ, чтобы стать „обязательными“ и чтобы руководить тѣмъ, что тамъ называется „вѣрою“. Итакъ выработалась цѣлая сложная, неуклюжая, схоластическая система, на предметъ изученія раціонально-механическихъ правилъ, по которымъ двигаются какъ „раскрытые“ такъ и „нераскрытые“ догматы, проистекающіе логическимъ путемъ одни отъ другихъ,—все на раціональной почвѣ. Конечно: для предупрежденія ирраціональныхъ путаницъ во всемъ этомъ сумбурѣ необходима вся премудрость египетская.

Такъ папство отдалилось отъ христіанства.

Вотъ эту самую неуклюжую систему о догматическомъ развитіи Пальміери преподаетъ намъ въ третьей главѣ своего труда. Мы старались ее обезсилить не въ выводахъ, а въ самомъ раціоналистическомъ корнѣ своемъ, не имѣющемъ ничего общаго съ христіанскою вѣрою, свидѣтельствующей о себѣ въ догматахъ.

Для большей ясности того, что такое представляетъ собою, съ точки зрѣнія Церкви, такъ называемый „нераскрытый“ догматъ, мы постараемся привести этому примѣръ.

Вся Церковь сознаетъ въ любви и вѣрѣ, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ далъ намъ Божественное откровеніе безъ всякой примѣси заблужденія. Ибо Онъ не могъ заблуждаться. Истина ему присуща по естеству, ибо Онъ — Богъ и Господь нашъ. И Церковь вѣруетъ и знаетъ, ясно, полно, точно и опредѣленно, что истина есть Божье качество по самому существу. Объ этомъ каждый сынъ Церкви можетъ свидѣтельствовать и раціонально. Такъ вѣрила Церковь, такъ она вѣруетъ, такъ всегда будетъ вѣровать. Никакимъ сомнѣніямъ, никакой безсознательной неопредѣленности эта истина не подвергается. Ибо грѣхъ, ересь и заблужденіе не приставали къ Церкви, по сей день, съ этой стороны. Всякій отвергающій сію истину считается eo ipso и еретикомъ и противникомъ Церкви.

Представимъ себѣ однако, въ видѣ предположенія, что гдѣ нибудь появился бы человѣкъ, проповѣдывающій слѣдующую ересь: „Іисусъ Христосъ, хотя и Господь и Богъ нашъ, могъ и ошибаться, по человѣческому Своему свойству. Это доказывается тѣмъ, что Онъ „преуспѣвалъ въ премудрости“ (Луки, гл. II, 52). Если преуспѣвалъ, значитъ усовершенствовался. Если усовершенствовался, значитъ не имѣлъ совершенства по существу, а потому и не имѣлъ абсолютной истины. Истину же имѣетъ Божество не по существу, ни по ѵпостаси Сына, а по ѵпостаси Духа Святаго, который и называется Духомъ Истины. Истина принадлежитъ лишь одной изъ трехъ ѵпостасей Божества, именно Духу Святому. Іисусъ же, будучи Вторымъ Лицомъ, а не Третьимъ, могъ ошибаться. *Истина— принадлежитъ Триединому Богу по ѵпостаси, а не по существу*“.

Такого рода ересь была бы новшествомъ, противнымъ вѣрѣ Церкви какъ вчера, такъ и сегодня. Представимъ себѣ однако, что талантливый проповѣдникъ этой ереси успѣлъ бы соблазнить тысячи братьевъ, въ томъ числѣ и вліятельныхъ пастырей, и что всѣ они стояли бы на томъ, что такова есть вѣра Церкви. И вотъ, дѣло дошло бы до того, что Церковь заступилась бы за вѣру свою противъ этого ложнаго толкованія. Церковь дала бы опредѣленіе *своей* вѣры противъ ереси и провозгласила бы догматъ: *„Истина принадлежитъ Триединому Богу по существу, а не по ѵпостаси“*.

Вотъ и новое догматическое опредѣленіе.

Догматъ этотъ нигдѣ еще соборно не провозглашенъ. Развѣ для вѣрующаго христіанина этотъ самый догматъ представляется отъ этого болѣе спорнымъ? Развѣ можно, оставаясь въ Церкви, вѣрить такъ или сякъ, съ разрѣшенія Церкви, на томъ основаніи, что догматъ этотъ еще не получилъ соборной санкціи? Конечно нѣтъ. Вотъ какъ смотритъ Церковь на пресловутое „догматическое развитіе“.

Вы, уважаемый Пальміери, можетъ быть опять потребуете гарантіи, что разработанный взглядъ на догматы есть истинный взглядъ Церкви. Вы, можетъ быть, найдете сочиненія православнаго богослова, противорѣчащія этому взгляду, и Вы гордо укажете на это разногласіе, чтобы заключить, что Церковь не вѣдаетъ собственной вѣры своей... Отлично. Позвольте однако на это замѣтить Вамъ, что опять таки Вы не осязаете Церкви. Вы можете только доказывать разногласіе между нами и другимъ богословомъ и отсюда вывести, что одинъ изъ насъ не вѣрно передаетъ общее мнѣніе братьевъ. По вопросу же о томъ, кто именно изъ насъ передаетъ это общее мнѣніе правильно и кто нѣтъ, Вы, уважаемый Пальміери, лишены всякой компетенціи. Это вѣдаютъ и знаютъ они, братья, народъ христіан-

скій, мнѣнія котораго Вы не знаете, такъ какъ не принадлежите къ нимъ. Вы должны довольствоваться немощнымъ констатированіемъ внѣшнихъ фактовъ, значеніе и основаніе которыхъ для Васъ не доступны. Имѣйте сначала любовь, и тогда разсудите, какое мнѣніе есть мнѣніе братьевъ... ибо тогда Вы будете сыномъ Церкви, доказывающимъ Ваше единеніе, Вашу вѣру и Вашу любовь пріобщеніемъ къ таинствамъ, къ благодати и къ надеждамъ Христовой Церкви...

И теперь, ставъ твердою ногою на незыблемую почву христіанской вѣры, для насъ будетъ очень легко приложить православную мѣру ко всему, что преподается намъ въ послѣдующихъ частяхъ этой третьей главы латинскаго сочиненія.

На стр. 33 авторъ говоритъ, что латинство исповѣдуетъ неизмѣнность догматовъ. Мы видѣли, что это предполагается такъ лишь на основаніи софизма. Ибо догматъ, выведенный изъ другого догмата путемъ „раскрытія“, только тогда выражаетъ истину, а не ложь, когда онъ и безъ того уже принадлежитъ къ неизмѣнно ясному и одинаково сознаваемому въ абсолютной точности откровенію, и диктуется вѣрою живой. Но мы видѣли, что въ латинствѣ основаніе таковыхъ догматовъ дается не вѣрою, которая уничтожена черезъ смѣшеніе съ принципомъ авторитета, а разумомъ человѣческимъ. Разумъ же человѣческій — безконечно слабъ передъ Разумомъ Божественнымъ, глаголящимъ въ откровеніи. И разумъ человѣческій, прилагающій къ этому Божественному Разуму свои логическія дисциплины и воображающій себѣ, что Божественный Разумъ идетъ по путямъ схоластики... часто ошибается: больше того... онъ *всегда* ошибается. И такъ какъ раскрытіе догматовъ въ папствѣ есть дѣло авторитета по отношенію къ безвольному стаду, то и предполагается, что авторитетъ ошибаться не можетъ, т. е., что у него самого имѣется абсолютное

знаніе истины по восьмому таинству человѣческаго разума. Слѣдовательно авторитетъ, по сему таинству человѣческаго разума, безъ вѣры, издаетъ логически раскрытыя догматическія опредѣленія. И эти новыя догматическія опредѣленія, не проистекающія изъ вѣры, а напротивъ того сами требующія себѣ „вѣру“, суть измѣненія и новшества по самому корню своему.

На стр. 45 Пальміери говоритъ: „Слѣдовательно, подразумѣваемая вѣра (implicite) имѣется тогда, когда мы вѣруемъ во что либо, въ чемъ заключаются иныя истины, хотя бы для насъ и неизвѣстныя, или во что мы не можемъ вѣровать, не вѣруя сознательно тѣмъ же самымъ и въ другія положенія“.

Это объясненіе взято авторомъ у іезуита, протософиста Суареса (Francisco Suarez), какъ усматривается изъ примѣчанія.

И на это отвѣчаетъ православный христіанинъ:

Если Вы эту самую фразу „хотя бы для насъ и неизвѣстныя“ относите лично къ себѣ, то съ этимъ можно согласиться, такъ какъ всѣ мы, въ разрозненности, въ грѣховности, въ себялюбіи нашемъ, далеко не вмѣщаемъ въ себя всей благодатной вѣры Христовой Церкви и полноты ея Божественнаго откровенія. Въ такомъ случаѣ, совершенствуясь, мы „раскрываемъ“ въ себѣ вѣру и догматы, по мѣрѣ приближенія нашего къ ней черезъ любовь.

Но если Вы эту фразу относите къ Церкви, имѣющей въ совершенной святости своей всю полноту Божественнаго откровенія, то это есть простое безчестіе, ересь и новшество. Мы вполнѣ оправдываемъ данное Вами опредѣленіе, посколько оно относится къ вашему первосвященнику, равно какъ и ко всѣмъ намъ. Но что первосвященникъ вашъ при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ всетаки считаетъ себя центромъ Христовой

Церкви, это достойно всякаго состраданія. Ибо это только доказываетъ, что вы утратили самое понятіе о Христовой Церкви, низведеніемъ ея Божественнаго откровенія (по собственному же Вашему опредѣленію), до уровня либо римскаго епископа, либо всѣхъ насъ: это здѣсь вполнѣ безразлично, такъ какъ мы вѣдь не споримъ о словахъ. Ваша уменьшенная по собственному Вашему опредѣленію церковь такимъ образомъ лишена всякой сравнительной нормы передъ Церковью Христа! Объявите сначала, что римскій епископъ имѣетъ абсолютную святость! Тогда можно будетъ приступить къ сравненіямъ.

На стр. 53 встрѣчается фраза, которой мы не желаемъ пропустить, хотя мы и отвѣтили уже на все, что относится сюда:

„Вѣрныхъ раздѣляютъ различныя мнѣнія. Миръ Церкви подвергался бы опасности со стороны несогласныхъ, если бы какой-нибудь высшій авторитетъ, которому бы всѣ повиновались, не соединялъ бы спорящихъ узами единства“.

Это относится не къ міру конечному, міру вражды, въ которомъ богоузаконенный авторитетъ имѣетъ свое подобающее мѣсто, а къ міру безконечному, міру любви и вѣры, что есть Духъ Церкви. Стало быть, этотъ безконечный духъ, воплотившійся въ конечномъ тѣлѣ, поддерживается и получаетъ жизнь свою отъ этого конечнаго тѣла, въ которомъ царствуетъ авторитетъ, а не наоборотъ, т. е. не тѣло получаетъ жизнь отъ духа!! Стало быть этотъ безконечный духъ, этотъ миръ и эта вѣра, поддерживаются не Іисусомъ Христомъ и неизмѣнною Его любовью, пребывающею среди насъ по конецъ дней, а авторитетомъ конечнаго міра! Стало быть та сила, которая въ концѣ концовъ побѣждаетъ наши распри, нашу ненависть,— не Христосъ и Его безконечная любовь, вселяющаяся въ наши

безсмертныя души, а папа и его конечный авторитетъ! Итакъ: не вѣруя въ силу безконечной Христовой любви, папство хочетъ лишить безсмертныя души безконечнаго удѣла, толкая ихъ во тьму внѣшнюю, въ конечный міръ, гдѣ царствуетъ смерть.

Сія невозможная попытка найдетъ себѣ конецъ лишь въ катастрофѣ, соотвѣтствующей тяжести преступленія . . .

. . . . . .

На той же страницѣ 53 Пальміери говоритъ, что слово „ὁμοούσιον“ (единосущный), принятое Никейскимъ Соборомъ противъ аріанства, имѣетъ римское происхожденіе.

Мы вовсе не думаемъ оспаривать православнаго подвижничества древняго Рима въ Христовой Церкви, и для насъ, православныхъ, римское происхожденіе слова „ὁμοούσιον“ само по себѣ, вовсе не является менѣе желательнымъ, чѣмъ какое либо иное его происхожденіе. Главное то, что Церковь приняла это опредѣленіе, и этого вполнѣ достаточно.

Однако, въ замѣчаніи Пальміери кроется иная мысль. Вотъ что говоритъ нашъ латинскій авторъ: „Доказано, что слово „ὁμοούσιον“, которое покончило съ аріанствомъ, имѣетъ римское происхожденіе. Гарнакъ (Harnack) полагаетъ, что слово сіе было утверждено отцами Собора по авторству Осія, епископа Кордобскаго, который засѣдалъ на первомъ Никейскомъ Соборѣ въ качествѣ предсѣдателя (πρόεδρος)“.

Такъ какъ Осій былъ испанскій, именно Кордобскій епископъ, то „римское“, а не „испанское“ происхожденіе слова „ὁμοούσιον“ въ мысли Пальміери преподается намъ съ незамѣтнымъ, такъ сказать, наставленіемъ, что слово это было предложено Римомъ черезъ Осія, предсѣдательствовавшаго (πρόεδρος см. выше) на Никейскомъ Соборѣ въ качествѣ представителя папы.

И это есть полнѣйшая фантазія.

Во первыхъ, оставимъ въ сторонѣ этотъ титулъ „папы“, говоря о событіяхъ первыхъ четырехъ столѣтій, и назовемъ лишь „римскаго епископа“, ибо такъ выражаются всѣ историческіе документы этого періода. Затѣмъ, на Никейскомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ самъ Императоръ Константинъ. Онъ-же и созвалъ этотъ Соборъ. Таково единодушное свидѣтельство всѣхъ историковъ и писателей, Евсевія, Ѳеодорита, Сократа, Созомена и даже того Геласія, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Паписты себѣ сочинили какой-то юридическій моментъ, по которому Императоръ якобы созвалъ Соборъ съ согласія „папы“ въ смыслѣ какого-то офиціальнаго или правоваго полномочія. Эти фантазіи не требуютъ даже опроверженія, такъ какъ сами онѣ предъявляются безъ всякихъ доказательствъ. Да и откуда папистамъ взять такія доказательства, которыя не существуютъ?!

Конечно, Императоры не имѣютъ *каноническаго* права созывать Соборы. Но если прямая дѣятельность Императоровъ, въ первые вѣка, по созыванію Соборовъ, не доказываетъ ихъ канонической прерогативы, то она во всякомъ случаѣ доказываетъ отсутствіе таковой канонической прерогативы за кѣмъ нибудь другимъ.

Изъ сочиненій современника, Евсевія Кесарійскаго, принимавшаго участіе на этомъ Соборѣ (первомъ Никейскомъ), усматривается, что послѣ открытія Собора Императоромъ Константиномъ, епископъ, занимающій „первое по правой сторонѣ мѣсто“, обратился къ Императору съ краткой рѣчью. Евсевій не говоритъ, кто именно былъ этотъ епископъ, изъ чего можно было бы заключить, что это былъ онъ самъ, Евсевій, особенно если обратить вниманіе на переданное имъ въ началѣ своего труда „Жизнь Константина“ извѣстіе. Вотъ его слова: „Я самъ недавно обратился съ хвалою къ побѣдоносному князю, сидѣвшему въ собраніи служителей Господнихъ“.

Историкъ Сократъ передаетъ, что это былъ дѣйствительно Евсевій.

Созоменъ говоритъ то-же самое (Hist. Eccl. I, 10).

Ѳеодоритъ передаетъ, что этотъ епископъ былъ Евстаѳій Антіохійскій (Hist. Eccl. I, 6. 7).

Никита Акоминатъ (Хоніатъ) передаетъ, по свѣдѣніямъ, взятымъ у Ѳеодора Мопсуэстійскаго, что этотъ епископъ былъ Александръ Александрійскій (Thesaur. fid. orthodox. V, 7).

Кто бы однако ни занималъ пресловутаго перваго мѣста, одно является абсолютно безспорнымъ: легаты римскаго епископа этого мѣста не занимали. Всѣ историки, заслуживающіе довѣрія, считаютъ этотъ фактъ не подлежащимъ сомнѣнію.

Въ Римѣ теперь утверждаютъ, что на Никейскомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ Осій Кордобскій въ качествѣ *папскаго легата* (sic)! Паписты опираются на разсказъ Геласія Кизикскаго, епископа въ Кесаріи Виѳинской во второй половинѣ пятаго вѣка (Его „Исторія Никейскаго Собора“ издана въ Парижѣ Балфуромъ, въ 1599 г., на греческомъ и латинскомъ языкахъ). Этотъ Геласій однако провинился въ самыхъ грубыхъ ошибкахъ. Даже тѣ, которые основываются на его разсказѣ для поддержанія своихъ теорій, съ этимъ соглашаются. Вотъ что говоритъ о Геласіи Кизикскомъ іезуитъ Феллеръ въ своемъ историческомъ словарѣ: „Греческій писатель пятаго столѣтія, который написалъ Исторію Никейскаго Собора, созваннаго въ 325 году. Эта Исторія — только романъ, по мнѣнію лучшихъ критиковъ. Она по крайней мѣрѣ по многимъ пунктамъ не сходится съ актами и съ свѣдѣніями наиболѣе заслуживающими довѣрія“. Іезуитъ прибавляетъ, что Геласій имѣлъ добрыя побудительныя причины и по этому немножко разукрасилъ свою Исторію. Никакихъ, конечно, особыхъ добрыхъ побудительныхъ причинъ Геласій не имѣлъ,

какъ то предполагаетъ іезуитъ. Онъ просто, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, прибавилъ свои фантазіи, диктуемыя воображеніемъ и предразсудками, къ свѣдѣніямъ имѣвшимся у него подъ рукою. И эти свѣдѣнія онъ взялъ изъ Исторій Руффина и Сократа, и главнымъ образомъ изъ „Жизни Константина“ Евсевія Кесарійскаго. Другихъ источниковъ Геласій не имѣлъ, какъ явствуетъ неопровержимо изъ простого сравненія его труда съ названными сочиненіями. Въ частности именно пресловутое свѣдѣніе объ Осіи представляется въ видѣ простой вставки въ самый текстъ Евсевія Кесарійскаго. Для доказательства мы приведемъ оба текста параллельно:

Текстъ Евсевія. „Жизнь Константина“ книга III, гл. 7.	Текстъ Геласія. „Исторія Никейскаго Собора“ книга II, гл. 5.
„Изъ Испаній прибылъ епископъ очень знаменитый который явился на засѣданіе со многими другими“.	„Изъ Испаній прибылъ *Осій* очень знаменитый, *занимавшій мѣсто епископа Великаго Рима съ пресвитерами Витономъ и Викентіемъ*, который явился на засѣданіе со многими другими“.
„Епископъ Царскаго города отсутствовалъ по преклонности лѣтъ, но его пресвитеры присутствовали и замѣщали его“.	„Епископъ Царскаго города, *именуемый Митрофанъ*, отсутствовалъ по преклонности лѣтъ, но его пресвитеры присутствовали и замѣщали его“.

Ясно, что Геласій дополнилъ Евсевія по своему. Если бы онъ вставилъ только имена Осія и двухъ римскихъ пресвитеровъ, никто бы не имѣлъ права протестовать. Но какъ простить ему то смѣшное недоразумѣніе, благодаря которому онъ

въ текстѣ Евсевія подъ выраженіемъ „Царскаго города“ понялъ не Римъ, а Константинополь, который въ то время еще не былъ столицею и назывался Византіею! Какъ простить ему, что онъ по этому недоразумѣнію привелъ сюда, какъ „епископа Царскаго города“ не Сильвестра Римскаго, а Митрофана Византійскаго! [1]). И того достаточно, чтобы по сравненіи обоихъ приведенныхъ текстовъ имѣть ясное представленіе о мѣрѣ довѣрія, котораго заслуживаетъ Геласій. Да и кромѣ того, очевидецъ Евсевій Кесарійскій, присутствовавшій на Никейскомъ Соборѣ, ясно и точно говоритъ, что епископа Царскаго города замѣщали его пресвитеры. Осій же, какъ извѣстно, былъ Кордобскимъ епископомъ.

И вотъ, на одномъ только Геласіи Кизикскомъ основывается рѣшительно все, что впослѣдствіи было писано объ Осіи, „папскомъ представителѣ, предсѣдательствовавшемъ въ Никеѣ“ (см. также Tillemont, Memoires pour servir à l'Histoire Ecclésiastique, t. VI. Histoire du Concile de Nicée, art. 11). Ко всѣмъ свидѣтельствамъ, отвергающимъ эту римскую фантазію, слѣдуетъ прибавить и свидѣтельство преемника самого Сильвестра, епископа Римскаго Юлія I-го, который упоминаетъ лишь о двухъ пресвитерахъ какъ о представителяхъ Рима на Никейскомъ Соборѣ. (Jul. Epist. ad Antioch. § 16).

Осій Кордобскій, къ тому же, не именуется римскимъ представителемъ, въ актахъ и въ письмахъ самого Никейскаго

---

[1]) Геласій здѣсь провинился въ цѣломъ рядѣ грубыхъ ошибокъ. Онъ называетъ Византію „Константинополемъ“ и вмѣсто византійскаго епископа Александра, присутствовавшаго на Соборѣ, называетъ Митрофана, яко-бы епископа этого города, не участвовавшаго на Соборѣ по преклонности лѣтъ. Объ Александрѣ же, бывшемъ епископомъ Византіи уже до Никейскаго Собора (см. письмо Александра Александрійскаго къ Александру Византійскому по дѣлу Арія, у Ѳеодорита Hist. Eccl. lib. I.), Геласій говоритъ, что онъ тогда состоялъ лишь въ санѣ пресвитера.

Собора, рѣшительно нигдѣ. Такъ что даже если бы на этомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ Осій, то и тогда даже это ровно ничего не доказывало бы въ пользу римской фантазіи. Но Осій вовсе и не предсѣдательствовалъ. (Подписи, стоящія подъ актами Собора и опубликованныя въ различныхъ Сводахъ Соборовъ не имѣютъ никакой доказательной силы, ибо эти подписи—не подлинныя. Кромѣ того, римскіе посланцы могли и подписаться первыми за своего епископа, и это только доказывало бы, что римскій епископъ по вліянію и почету считался первымъ епископомъ. Во главѣ этихъ подписей однако находится Осій, и за симъ слѣдуютъ подписи римскихъ пресвитеровъ Витона и Викентія. Этотъ порядокъ доказываетъ, что подписи безспорно были приведены сюда по разсказу Геласія Кизикскаго заднимъ числомъ, т. е. впослѣдствіи).

Въ дѣйствительности, въ Никеѣ послѣ Императора первыя мѣста (церковное предсѣдательство) имѣли епископы важнѣйшихъ каѳедръ. Ихъ было нѣсколько. Евсевій говоритъ, что Константинъ первый обратился къ Собору съ рѣчью (Евсевій передаетъ эту рѣчь въ „Жизни Конст.“ кн. III, гл. 12), послѣ которой онъ далъ слово „предсѣдателямъ“ „τοῖς τῆς συνόδου προέδροις“, въ множественномъ числѣ. Мы видѣли, что различные историки передаютъ различныя имена. Если непремѣнно требуется ограничить это „предсѣдательство“ въ одномъ единственномъ лицѣ (мы не видимъ этой необходимости, такъ какъ на дѣлѣ предсѣдательствовалъ Константинъ), то всего вѣроятнѣе, что первый предсѣдательствующій былъ Евстаѳій Антіохійскій, какъ говоритъ Ѳеодоритъ. Ибо даже въ случаѣ, если *до* Никейскаго Собора Александрійская каѳедра по почету стояла бы уже выше Антіохійской (что не доказано), то и тогда можно предположить, что Александръ Александрійскій уступилъ свое мѣсто Евстаѳію Антіохійскому, такъ какъ Але-

ксандръ былъ судьей и стороной въ дѣлѣ Арія, котораго собирались судить. Но, повторяемъ, никакой необходимости въ такомъ добавочномъ формализмѣ нѣтъ. Въ Никеѣ первыя мѣста занимались епископами важнѣйшихъ каѳедръ, такъ что „предсѣдателей“ было нѣсколько. Это соотвѣтствуетъ и тексту очевидца и участника въ Соборѣ, Евсевія, который говоритъ „τοῖς τῆς συνόδου προέδροις“.

Итакъ, Осій не былъ представителемъ римскаго епископа въ Никеѣ, и на Соборѣ ни онъ, ни Витонъ, ни Викентій (которые, какъ пресвитеры, не могли засѣдать на высшихъ передъ епископами мѣстахъ) не предсѣдательствовали.

Всѣ эти фантазіи опираются на одно только ложное свидѣтельство Геласія Кизикскаго.

Какъ бы то ни было, но разсказъ Геласія распространился на Востокѣ, и въ седьмомъ столѣтіи шестой вселенскій Соборъ противъ этой ошибки не протестовалъ, когда она была высказана въ его присутствіи. Всякому однако ясно, что Соборъ не произноситъ никакихъ догматическихъ опредѣленій касательно историческихъ фактовъ. Молчаливое принятіе шестымъ вселенскимъ Соборомъ ложнаго историческаго свѣдѣнія, преподаннаго неосвѣдомленнымъ историкомъ, противорѣчащимъ всей исторіи и всѣмъ ея безспорнымъ памятникамъ, не имѣетъ ровно никакой силы въ пользу этого ложнаго свѣдѣнія. Такихъ доказательствъ нельзя противопоставить свидѣтельству современника и свидѣтельству самого Никейскаго Собора.

Константинъ, созвавшій Никейскій Соборъ и предсѣдательствовавшій на немъ, также обнародовалъ Соборныя рѣшенія (см. письмо Константина ко всѣмъ епископамъ не присутствовавшимъ въ Никеѣ, у Евсевія, „Жизнь Константина“, кн. III). Римскій епископъ Сильвестръ въ этомъ не участвовалъ ни прямо ни косвенно въ большей мѣрѣ чѣмъ другіе.

Итакъ, уважаемый Пальміери, мы не видимъ, почему слово „единосущный“ (ὁμοούσιον) имѣло бы скорѣе римское, чѣмъ какое либо иное происхожденіе?! И когда Вы намъ передаете очень интересное, само по себѣ, мнѣніе протестантскаго богослова, считающаго Осія Кордобскаго авторомъ этого счастливаго термина, то позвольте намъ изъ Вашихъ сужденій по сему поводу выбросить двѣ вещи: 1.—подразумѣваемое Вами представительство „папы“ въ лицѣ Осія, и 2.—слово „πρόεδρος“ (предсѣдатель), относимое Вами къ Осію...

На стр. 54 Пальміери удивленно спрашиваетъ, почему „догматическое развитіе“, проявлявшееся въ первыхъ вѣкахъ, не должно болѣе имѣть мѣста, „какъ говорятъ православные богословы“.

Въ этомъ вовсе не заключается вопросъ.

Мы уже объяснили, въ чемъ именно состоитъ догматическое развитіе. И какіе бы неуклюжіе софизмы ни пускались въ ходъ, чтобы какъ нибудь объяснить, что неизвѣстное еще откровеніе, лежащее въ откровеніи извѣстномъ (какъ бы спрятанное тамъ, что ли!) и сознаваемое Церковью лишь постепенно, не есть откровеніе новое, — все это ровно ничего не объясняетъ. Божественное откровеніе не есть какой нибудь мѣшокъ, полученный Церковью въ подарокъ съ разрѣшеніемъ доставать изъ этого мѣшка всякія новосознаваемыя истины, подаренныя Церкви въ мѣшкѣ и вмѣстѣ съ нимъ. Все это — ничто иное какъ заблужденіе гордости человѣческой, считающей Христову истину мертвымъ предметомъ, нуждающимся въ дополненіи, и Церковь Христову обществомъ земнымъ, оторваннымъ отъ общенія небеснаго. Нѣтъ. Божественное откровеніе, повторяемъ, ввѣрено Церкви для полнаго его сознанія и разъ навсегда. „Раскрытіе“ же вѣры относится только лично къ намъ, порочнымъ и несовершеннымъ членамъ нераздѣльной и

совершенной Церкви. Иначе, пресловутое „раскрытіе“ является простымъ историческимъ обстоятельствомъ, при которомъ Церковь считаетъ нужнымъ свидѣтельствовать о какомъ нибудь пунктѣ своей неизмѣнной вѣры соборно. Если, по этому, латинскій авторъ спрашиваетъ, почему это „раскрытіе“ или „догматическое развитіе“ „не должно“ имѣть мѣста, то мы ему отвѣчаемъ, что не вѣдаемъ, о чемъ онъ говоритъ. Откуда это онъ взялъ подобное свѣдѣніе?.. „какъ говорятъ православные богословы“, прибавляетъ Пальміери. Православный богословъ, говорящій отъ имени Церкви, говоритъ просто на просто то, что является свидѣтельствомъ Церкви о себѣ. А Церковь о себѣ свидѣтельствуетъ, что со времени пришествія Искупителя никакого „раскрытія“ или „развитія“ ей больше не нужно, да и немыслимо, ибо она получила въ даръ самую безконечность. И тотъ-же православный богословъ, говорящій отъ имени Церкви, и не думаетъ отнимать у Церкви свободную возможность свидѣтельствовать о вѣрѣ своей соборнымъ свидѣтельствомъ, когда сіе потребовалось бы. Онъ-же и приглашаетъ всѣхъ разрозненныхъ членовъ Христовой Церкви къ „развитію“, т. е. къ „раскрытію“ вѣры Церкви въ сердцахъ и догматовъ ея въ разумѣ. И если Вы, уважаемый Пальміери, нашли православнаго богослова говорящаго иное, то мы Вамъ сообщаемъ, что этотъ богословъ богословствовалъ за свой счетъ, а не за счетъ Церкви. И опять Вы лишены здѣсь всякой компетенціи, чтобы знать, кто изъ насъ говоритъ отъ Церкви и кто нѣтъ. Это знаетъ сама Церковь и того вполнѣ достаточно. Но если Вы ее сумѣете убѣдить въ необходимости дать Вамъ на этотъ вопросъ соборный, засвидѣтельствованный отвѣтъ, она это навѣрно сдѣлаетъ. Мы сами не видимъ этой необходимости. И она ея должно быть тоже не видитъ.

Вполнѣ возможно, что на православное свидѣтельство о

полномъ откровеніи, не нуждающемся для Церкви ни въ какомъ „развитіи“, паписты скажутъ извѣстное словечко о мертвенности христіанской вѣры. И на это мы просто отвѣчаемъ, что въ папствѣ апостольская вѣра — такъ мертва, что для приведенія этого трупа въ движеніе оно изъ него сдѣлало раціонально-механическій автоматъ. Для насъ же апостольская вѣра *сама по себѣ* полна жизни и благодати и не нуждается въ усовершенствованіи черезъ наше человѣческое мудрствованіе. Мы получаемъ жизнь отъ нея, — а не наоборотъ. Мы этого вопроса, почему съ девятаго вѣка соборныя свидѣтельства о вѣрѣ „не должны“ имѣть мѣста, не понимаемъ. Посколько здѣсь имѣется въ виду вопросъ правовой, это—чистый абсурдъ. Посколько же имѣется въ виду вопросъ факта, т. е. *по какой причинѣ* съ девятаго вѣка соборныя свидѣтельства о вѣрѣ, посредствомъ тѣхъ именно собраній, что называются вселенскими Соборами, не имѣли мѣста по сей день, то за этотъ періодъ слѣдуетъ обратиться за отвѣтомъ къ обстоятельствамъ и поставить вопросъ такъ: почему именно съ девятаго вѣка по сей день обстоятельства не требовали, чтобы Церковь засвидѣтельствовала вѣру свою именно посредствомъ вселенскихъ Соборовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ относится къ исторіи ересей, возникающихъ въ Церкви. Абсолютное вѣроисповѣдное единство православныхъ церквей доказываетъ, что за весь этотъ періодъ торжественныя свидѣтельства о вѣрѣ посредствомъ именно вселенскихъ Соборовъ не представлялись желательными или необходимыми. И этимъ мы и отвѣтили латинскому автору также на его замѣчаніе, на стр. 56, состоящее въ томъ, что между теоріей и практикой въ Церкви существуетъ яко-бы противорѣчіе. Это, яко-бы, доказывается тѣмъ, что Церковь теоретически признаетъ, а практически отрицаетъ пресловутое „раскрытіе“ или „разви-

тіе“ догматовъ. Если христіанское понятіе объ этомъ стало ясно, то и ясно становится теперь то, что является причиною недоумѣнія Пальміери. Никакого противорѣчія между теоріей и практикой — нѣтъ. Церковь дѣйствуетъ, когда это — необходимо. Когда обстоятельства не требуютъ опредѣленнаго способа дѣйствій, она этого опредѣленнаго способа не употребляетъ. Неизмѣнный принципъ обусловливаетъ всякое дѣйствіе Церкви. Постоянная фабрикація новыхъ догматовъ вовсе не есть церковный принципъ. Новое „догматическое опредѣленіе“ въ Церкви соотвѣтствуетъ практически тому-же принципу, которому въ другихъ обстоятельствахъ соотвѣтствуетъ воздержаніе отъ такого свидѣтельства. Такъ что между теоріей и практикой имѣется полное соотвѣтствіе. Опять Вы, уважаемый Пальміери, копаетесь въ матеріальностяхъ, которыя и принимаете за принципы... и это по принципіальной немощи папства подыматься выше земли и осязать принципы тамъ, гдѣ они въ дѣйствительности обрѣтаются. Они же находятся въ мірѣ духовномъ, недоступномъ для папства.

На стр. 56 Пальміери приписываетъ „догматическое развитіе“ первыхъ девяти вѣковъ тому учрежденію, что называется у него „magisterium infallibile“, т. е. папѣ...

Уважаемый Пальміери: вся Ваша книга написана серьезно и научно. Но вотъ, это — совсѣмъ непростительная въ ученомъ трудѣ несвязность.

На стр. 59, латинскій авторъ раздѣляетъ причины „догматическаго развитія“ на двѣ категоріи, прямыя и косвенныя.

О прямыхъ причинахъ онъ выражается такъ: „первая, прямая причина находится въ самомъ сознаніи христіанскомъ, которое, слѣдуя законамъ жизни, восходитъ отъ низшей ступени познанія къ высшей“.

Для отдѣльныхъ лицъ мы это принимаемъ совершенно. Но они восходятъ по ступенямъ познанія не по мѣрѣ учености и умственныхъ способностей, а по мѣрѣ вѣры, даруемой любовнымъ участіемъ въ Церкви. Но по отношенію къ ней самой, къ Христовой Церкви, всякая такая предполагаемая возможность высшей степени познанія является ересью и доказываетъ только утрату всякаго понятія о Церкви. Церковь знаетъ всю истину въ полности, ибо она есть тѣло безконечное, къ которому принадлежатъ и всѣ силы небесныя, всѣ ангелы, архангелы, и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, глава Церкви, сидящій по одесную Отца. Намъ скажутъ, что рѣчь идетъ о земной ея части, т. е. о Церкви такъ называемой „видимой“. На это мы отвѣтимъ, что части сей дано разъ навсегда вся относительная полнота вѣдѣнія, соотвѣтствующаго ей какъ живому и совершенному члену безконечной и нераздѣльной Церкви.

Вторую категорію причинъ „догматическаго развитія“ Пальміери называетъ причинами косвенными. Сюда относятся возникающія ереси, принуждающія Церковь соборно засвидѣтельствовать свою вѣру передъ лицомъ заблужденія. Это—вполнѣ правильно. Больше того. Это по сей день была исключительною историческою причиною пресловутой дѣятельности Церкви по „раскрытію“ догматовъ. Только по этой причинѣ имѣли мѣсто вселенскіе Соборы. Оно и понятно. Съ какой-же стати Церковь стала бы безъ особыхъ побудительныхъ причинъ устраивать Соборы для ненужныхъ совсѣмъ торжественныхъ свидѣтельствъ о неоспариваемыхъ истинахъ?! Только развѣ для дисциплинарнаго управленія Соборы напрашиваются одинаково какъ по косвеннымъ, такъ и по прямымъ причинамъ. На Соборахъ нужно вообще строго различать вѣроисповѣдныя свидѣтельства отъ дисциплинарнаго законодательства. Первая, дог-

матическая часть, является исключительно вопросомъ о существующемъ *фактѣ* и не подлежитъ никакимъ богословскимъ разсужденіямъ. По этой части каждый епископъ просто свидѣтельствуетъ о вѣрѣ своей паствы, пребывающей въ Христовой Церкви. По второй же части каждый епископъ законодательствуетъ соборно. Мы объ этомъ уже говорили. Изъ смѣшенія этихъ двухъ различныхъ функцій папство именно и сочинило свою гибельную путаницу.

Обратимъ попутно вниманіе на постоянное подтвержденіе папистами, что никакое новое откровеніе, болѣе совершенное чѣмъ апостольское, не можетъ имѣть мѣста. На это указываетъ Пальміери на стр. 62, и на стр. 71 онъ подкрѣпляетъ сіе приведеніемъ 21-го предложенія, осужденнаго „Св. Инквизиціею“ въ декретѣ „Lamentabili“: „Откровеніе какъ объектъ католической вѣры не было дано апостолами въ полности“.

Вотъ уже подлинно та несходность между теоріей и практикой, о которой мы говорили выше. То-есть, сходство это подгоняется посредствомъ софизмовъ. Но это никого не убѣждаетъ, даже изъ самихъ папистовъ, которые вполнѣ довольствуются условностью, какъ здѣсь, такъ и по всей линіи. Мы скажемъ, ниже, словечко о томъ, что никакого убѣжденія у профессіоналовъ папства въ дѣйствительности—нѣтъ. Мы, конечно, этого отсутствія убѣжденія не признаемъ какъ поголовное явленіе, но все же оно является хроническою болѣзнью, все болѣе распространяющейся, и подъ конецъ превращающейся въ повальный атеизмъ, который и покончитъ съ папствомъ. То будетъ конецъ, въ религіозной и соціальной анархіи, того ложнаго, *анархическаго* по существу своему принципа духовнаго безпорядка, что нѣкогда бросило вызовъ Божеству словами: „Церковь, это — я!“

Сіи слова проповѣдываются человѣкомъ.

Человѣкъ несовершенный, грѣшный, страдающій всѣми немощами души и тѣла на подобіе всѣмъ намъ, объявилъ человѣчеству, что безконечная, совершенная, безгрѣшная, безсмертная, Святая Христова Церковь, это —. . . . . онъ. . . . ! ! !

Было бы смѣшно, если бы это не было грозно!

Ибо печать *анархіи* лежитъ на его челѣ. Деспотизмъ не можетъ отсрочить ея окончательной, уничтожающей побѣды...

То будетъ судъ, несчастные братья!!

Тогда будетъ рѣшенъ нашъ древній споръ о Церкви.

А между тѣмъ, ни наши, ни ваши труды этого рѣшенія не ускорятъ и не отсрочатъ. Но вы сами принуждаете насъ предотвратить соблазны, угрожающіе совѣсти многихъ отъ вашихъ выступленій. И мы защищаемъ противъ васъ совѣсть слабѣйшихъ братьевъ. Не Церковь мы защищаемъ. Ибо Церковь стоитъ безконечно выше вашихъ нападокъ и въ нашей защитѣ противъ васъ вовсе не нуждается. Ваше собственное будущее спасеніе, религіозная мысль всего человѣчества, находятся въ полной безопасности отъ вашихъ легкомысленныхъ выпадовъ... за каковую милость вы можете благодарить Бога, хотя вы этого пока еще и не понимаете. Оставьте насъ впредь въ покоѣ! Мы на васъ нападать не станемъ. Ибо вы и безъ нападокъ нашихъ... сами упадете.

На стр. 63 Пальміери объявляетъ, что православное ученіе о „догматическомъ развитіи“ сходится съ латинскимъ.

Скопированная у папистовъ схоластика приносила намъ много вреда. Несомнѣнно. Ибо латинское вліяніе не могло не проявляться въ твореніяхъ даже лучшихъ богослововъ, что порою отнимало у нихъ, по нѣкоторымъ вопросамъ, ясное сознаніе о характерѣ Христовой Церкви. За это отвѣчаютъ конечно только они, а не Церковь.

Нѣтъ, уважаемый Пальміери. Какихъ бы богослововъ Вы ни приводили въ защиту предполагаемаго между нами сходства, мы Вамъ объявляемъ, что ничего общаго между вашимъ „догматическимъ развитіемъ“ и между неизмѣнною, полною и совершенною вѣрою Христовой Церкви — нѣтъ. Мы ко всей Церкви взываемъ и говоримъ: братья, правильно ли мы здѣсь изложили вѣру вашу? Правильно ли мы здѣсь указали иновѣрцу на вашу надежду и на вашу любовь? Если правильно, то вамъ спасибо за то, что мы участвуемъ въ нихъ! Ибо не отъ себя мы желаемъ говорить.

И опять Вы, уважаемый Пальміери, лишены здѣсь всякой компетенціи чтобы знать, какъ именно вѣруетъ Церковь, ибо Вы не имѣете участія въ ней.

На стр. 64 Пальміери, на основаніи свидѣтельства Христовой Церкви, что она хранитъ и бережетъ ввѣренное ей Божественное откровеніе, выводитъ, что, слѣдовательно, предполагается въ Церкви существованіе „учительства“, имѣющаго въ вопросахъ вѣры авторитетъ надъ всѣми вѣрными. („Supponitur igitur eam potiri magisterio ecclesiastico quod auctoritatem exercet in cunctos fideles“).

Затѣмъ выводится, что этотъ предполагаемый авторитетъ могъ бы сосредоточиваться либо въ Соборахъ, либо въ какомъ нибудь верховномъ епископѣ, либо въ постоянномъ согласіи церквей.

Затѣмъ отбрасываются Соборы, такъ какъ они съ девятаго вѣка не собирались.

Отбрасывается понятіе о верховномъ епископѣ, какъ противорѣчащее неопровержимому даже для еретиковъ свидѣтельству всей Церкви.

Отбрасывается постоянное согласіе церквей какъ историческая фикція.

Изъ всего этого слѣдуетъ-де, что „учительство“ въ Церкви погасло.

Отлично.

Но всѣ эти выводы — годны только для папистовъ. Ибо всѣ они основаны на томъ первомъ положеніи, что въ Церкви предполагается существованіе авторитета по вопросамъ вѣры, въ виду того, что Церковь хранитъ Божественное откровеніе.

Нѣтъ, уважаемый Пальміери.

Всѣ Ваши выводы рушатся въ самомъ основаніи.

Вы самыхъ основъ Христовой Церкви не вѣдаете, а сочиняете о ней многотомные труды.

Всѣ Ваши выводы рушатся въ самомъ основаніи, такъ какъ храненіе Церковью Христовой своей вѣры предполагаетъ именно *отсутствіе* того авторитета, о которомъ Вы говорите, а не *присутствіе* его. Присутствіе же этого авторитета имѣетъ, напротивъ, основаніемъ то предположеніе, что Церковь перестала быть хранительницею вѣры Христовой. Видите ли, какъ мы расходимся! И съ авторитетомъ рушатся всѣ Ваши доказательства, такъ какъ учительство и храненіе вѣры вовсе не обязаны ограничиваться только вселенскими Соборами. Такъ, отсутствіе за какой нибудь періодъ продолжительный или краткій, вселенскихъ Соборовъ, вовсе ничего не доказываетъ ни за, ни противъ учительства и храненія вѣры. Вы хотите навязать намъ ваше безжизненное начало и предполагаете, что вселенскій Соборъ есть самое это учительство въ собственномъ смыслѣ. Мы же Вамъ говоримъ, что вселенскій Соборъ есть только одно изъ проявленій учительства, принадлежащаго всему тѣлу Церкви Христовой. Вы опять копаетесь въ матеріальностяхъ и летѣть въ духовныя высоты не можете: отъ собственной тяжести падаете!

Вотъ Вамъ отвѣтъ на то, что учительство Церкви якобы

погасло по отсутствію вселенскихъ Соборовъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что вселенскій Соборъ, какъ авторитетъ и какъ „учительство“ въ латинскомъ смыслѣ, до окончательнаго умерщвленія соборнаго начала провозглашеніемъ папскаго превосходства надъ Соборами, былъ очень болѣзненною шишкою на тѣлѣ папства. Борьба между папствомъ и Соборами, протянувшаяся многія столѣтія и окончившаяся пораженіемъ и уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ соборнаго христіанскаго начала, является трагическою „via crucis“ убитой западной Церкви.

Что касается недостатка церковнаго учительства по отсутствію единоличнаго авторитета какого нибудь епископа въ вопросахъ вѣры, то этотъ вопросъ вѣдь сводится къ самому существу папской ереси. Мы доказали уже, что авторитетъ въ вѣрѣ исключаетъ, въ самомъ принципѣ своемъ, вѣру, надежду и любовь. Онъ, точнѣе, исключаетъ подлинное учительство, ибо исключаетъ благодать, на которой учительство основывается. Какъ разъ противное тому, что хотѣлъ бы доказать на этомъ-же основаніи папистъ!

Что же касается общаго согласія церквей, то съ этой стороны Пальміери дѣйствительно подходитъ къ жизненному началу христіанства. Онъ хочетъ устранить его тѣмъ, что называетъ это историческою фикціею („figmentum“). О всей слабости такого отвѣта мы распространились уже до того подробно, что повторять по этому поводу здѣсь ничего не приходится. Пальміери попутно опять указываетъ на болгарскую церковь, какъ на доказательство отсутствія этого согласія церквей. Объ этомъ мы также уже говорили въ подробности. Итакъ, здѣсь, мы прибавимъ лишь одно: мы считаемъ латинскаго автора вполнѣ добросовѣстнымъ, когда онъ говоритъ о фикціяхъ. Для папства все представляется какъ фикція: любовь—пустая болтовня, вѣра—фикція, сила Христовой благо-

дати, сплочающей Церковь во едино—недоказанное предположеніе, да и сама Церковь со всѣмъ своимъ пустословіемъ о соборности и т. п. — миѳъ, и для того, чтобы покончить со всѣми этими предразсудками, мы сдѣлаемъ себѣ кумиръ. Вотъ—человѣкъ, котораго можно видѣть, слышать, присутствіе котораго можно ощущать посредствомъ *матеріальныхъ*, внѣшнихъ чувствъ нашихъ, вотъ этотъ человѣкъ — авторитетъ. Это — не фикція. Остается, правда, еще одна фикція, одна единственная... этотъ человѣкъ получаетъ всю полноту вѣдѣнія и святости по предполагаемому таинству, а самъ не есть абсолютный Богъ и Господь нашъ.

Можно бы и съ этою фикціею покончить! Какъ вы думаете, уважаемый Пальміери?

Итакъ, вся эта аргументація объ отсутствіи учительства и т. п., все это къ дѣлу вовсе не подходитъ.

Остановимся попутно и на нѣкоторыхъ другихъ несообразностяхъ, встрѣчающихся на этихъ страницахъ.

Пальміери „доказываетъ“, что помѣстные Соборы также не могли имѣть, въ православной Христовой Церкви, той законообязательной силы по вопросамъ вѣры, которой непремѣнно требуетъ папистъ. Конечно нѣтъ!! Это постоянное вламываніе въ открытыя двери—дѣйствительно въ высшей степени забавно. И было бы еще забавнѣе, если бы оно не было такъ грустно.

Что касается противорѣчащихъ другъ другу свидѣтельствъ помѣстныхъ Соборовъ, то мы вѣдь не отвергаемъ возможности таковыхъ противорѣчій, хотя и не видимъ годныхъ для такого обвиненія примѣровъ. Того, что Церковь не считаетъ *своимъ* свидѣтельствомъ, того она не принимаетъ и дѣло съ концомъ. Опять мы слышимъ вопросъ: „Какая же гарантія и какъ намъ знать достовѣрно, при помощи слуха, зрѣнія и разума, какое свидѣтельство есть свидѣтельство Церкви?“

Оставьте этотъ старый конекъ, ибо, какъ вы видите, на немъ нельзя съ Церковью полемизировать! Да вообще полемика съ Церковью по существу своему, т. е. по существу самой Церкви, — невозможна. Поэтому и Церковь никакого такъ называемаго „полемическаго“ богословія не признаетъ. Для нея существуетъ только богословіе обличительное. Поэтому сію отрасль богословія вполнѣ правильно такъ именно и стали называть въ православныхъ духовныхъ академіяхъ.

Для доказательства того, что на русскихъ помѣстныхъ Соборахъ были приняты противорѣчивыя догматическія рѣшенія, Пальміери приводитъ Соборъ 1620 года, на которомъ было рѣшено установить повторительное крещеніе латинянъ, обращающихся изъ папства въ Церковь. Этотъ аргументъ о повторительномъ крещеніи нами уже разработанъ и обезсиленъ. Затѣмъ приводятся наложенныя на патріарха Никона въ 1667 году церковныя наказанія, снятыя затѣмъ съ него восточными патріархами. Это — по поводу противорѣчій въ вопросахъ вѣры?? Не понимаемъ.

Уважаемый Пальміери, о противорѣчіяхъ Вамъ писать вообще не приходится. Ибо у васъ въ папствѣ почти всѣ вопросы христіанской вѣры переходили попеременно изъ одного противорѣчія въ другое, пока они наконецъ не вылились въ систему одного единственнаго, колоссальнѣйшаго противорѣчія сплоченныхъ силъ міра сего противъ благодати небесной, данной человѣчеству Христомъ..... „такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога [1]).“

[1]) Въ чинопослѣдованіи провозглашенія каждаго новаго римскаго папы происходитъ одно дѣйствіе, полное глубокаго, затаеннаго смысла, несознаваемаго самими несчастными, участвующими въ этомъ страшномъ обрядѣ. Новый папа въ Соборѣ Св. Петра восходитъ лично на самый Престолъ, на которомъ совершается безкровная жертва..... И возсѣдаетъ на немъ...

(Второе посланіе Св. Апостола Павла къ Θессалоникійцамъ гл. II, 4) [1]).

Кстати сказать, о томъ, что Московскій Соборъ 1660 г. высказался слѣдующимъ образомъ: „Ему же царю свою Церковь Господь преда“, необходимо сказать нѣсколько словъ.

Въ этой ссылкѣ Пальміери лежитъ цѣлая система обвиненій, направленныхъ противъ русской церкви. Мы могли бы и вовсе не упоминать объ этомъ, такъ какъ наша задача, собственно говоря, сводится къ тому, чтобы показать тщетность всякихъ вражескихъ нападокъ противъ Церкви Христовой, къ которой помѣстная русская церковь относится лишь какъ часть къ цѣлому. Слѣдовательно, можно было бы и доказывать, что русская помѣстная церковь отпала отъ Церкви Христовой, и всетаки этотъ выводъ ни мало не годился бы для папистовъ, берущихся за полемику противъ православія. Больше того: можно было бы даже доказать, что все земное человѣчество безъ исключенія отпало отъ Церкви, и всетаки Церковь сама продолжала бы стоять внѣ всякихъ возможныхъ сомнѣній и нападокъ. Но противъ такой возможности земное человѣчество обезпечено обѣщаніемъ Спасителя. Отсюда видно, что Церковь Христова есть такой организмъ, на который и нападать невозможно. Она живетъ въ абсолютномъ, нераздѣльномъ единствѣ и есть открытіе Божіей благодати на землѣ. Если отдѣльное лицо, множество лицъ, приходъ, епархія, помѣстная церковь, предадутъ себя по какому либо вопросу грѣху, т. е. заблужденію, противъ котораго никто изъ нихъ въ отдѣльности —

---

[1]) Полный текстъ: „Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не прійдетъ, доколѣ не прійдетъ прежде отступленіе, и не откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и *превозносящійся выше всего*, называемаго Богомъ, *или святынею*, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога“.

не гарантированъ, то они однимъ только этимъ фактомъ, въ этомъ грѣховномъ заблужденіи своемъ, лишаютъ себя компетенціи говорить отъ имени Церкви и говорятъ лично за себя. Церковь во всякомъ случаѣ стоитъ выше всякаго заблужденія, и никакое заблужденіе никогда ничего противъ Церкви не доказываетъ, такъ какъ оно, по одному своему существу, — не отъ Церкви.

Вотъ, уважаемый Пальміери, что такое представляетъ собою для православнаго христіанина Христова Церковь. И вы, несчастные, хотите навязать намъ ваше мелочное и несчастненькое понятіе о ней!! И на этомъ основаніи вы хотите полемизировать съ нами!!!.....?

Но вернемся къ церкви русской. Какъ мы видѣли, какое либо заблужденіе этой помѣстной церкви ничего противъ православія не доказывало бы. Ея заблужденіе было бы только ея личною немощью. Она же лично для себя никакихъ притязаній не предъявляетъ на непогрѣшимость. Ибо въ Церкви Христовой порочные члены составляютъ безпорочное цѣлое по союзу взаимной любви. Но она, русская церковь, близка нашему русскому сердцу, и по этому мы бросаемъ Вамъ вызовъ, уважаемый Пальміери, прося Васъ доказать, если можете, что русская помѣстная церковь отпала отъ тѣла Христова! Вы этого не можете, хотя бы уже только потому, что Вы этого тѣла Христова, т. е. Церкви, ни видите ни вѣдаете. Какъ же Вы тогда можете знать, кто отъ этого тѣла отпалъ и кто нѣтъ?!

И теперь мы Вамъ отвѣтимъ, что слѣдуетъ понимать подъ этими словами помѣстнаго Собора 1660 года: „Ему-же царю свою Церковь Господь преда.“ И мы объяснимъ Вамъ это не нашими словами, а словами А. С. Хомякова („Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. По поводу брошюры г. Лоранси“ 1853 г.).

„Когда, послѣ многихъ крушеній и бѣдствій, русскій народъ, общимъ совѣтомъ, избралъ Михаила Романова своимъ наслѣдственнымъ государемъ (таково высокое происхожденіе Императорской власти въ Россіи), народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, Государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія; повторяю: *главою народа въ дѣлахъ церковныхъ* и, въ этомъ смыслѣ, главою мѣстной церкви, но единственно въ этомъ смыслѣ. Народъ не передавалъ и не могъ передать своему государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, а едва ли кто либо предположитъ, чтобъ русскій народъ когда либо почиталъ себя призваннымъ править Церковью. Онъ имѣлъ изначала, какъ и всѣ народы, образующіе православную Церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, и этотъ свой голосъ онъ могъ передать своему представителю. Онъ имѣлъ право, или, точнѣе, обязанность блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ Соборовъ приводились въ исполненіе; это право онъ могъ довѣрить своему избраннику и его преемникамъ. Онъ имѣлъ право отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязненнаго на нее нападенія; это право онъ также могъ передать своему государю. Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, обще-церковнаго благочинія, догматическаго ученія, Церковнаго управленія, а потому не могъ и передать такой власти своему Царю. Это вполнѣ засвидѣтельствовано всѣми послѣдующими событіями. Низложенъ былъ патріархъ, но это совершилось не по волѣ государя, а по суду восточныхъ патріарховъ и отечественныхъ епископовъ. Позднѣе, на мѣсто патріаршества учрежденъ былъ Синодъ; и эта перемѣна введена была не властью государя, а тѣми-же восточными епископами, которыми, съ согласія свѣтской власти,

патріаршество было въ Россіи установлено. Эти факты достаточно показываютъ, что титулъ главы церкви означаетъ народоначальника въ дѣлахъ церковныхъ; другого смысла онъ въ дѣйствительности не имѣетъ и имѣть не можетъ; а какъ только признанъ этотъ смыслъ, такъ обращаются въ ничто всѣ обвиненія, основанныя на двусмысліи."

Можно съ Хомяковымъ соглашаться или не соглашаться на счетъ оцѣнки приводимыхъ имъ историческихъ фактовъ, отъ этого вопросъ не измѣняется ни на іоту. Хомяковъ вполнѣ правильно установилъ лишь то, что русскій государь является главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, что русскій народъ не считаетъ себя призваннымъ править Церковью, и что ни онъ, ни русскій государь не являются главою Христовой Церкви на землѣ. Слова же Собора 1660 года „ему же царю свою Церковь Господь преда" также не имѣютъ и не могутъ имѣть иного смысла кромѣ указаннаго Хомяковымъ.

Остановимся теперь на ссылкѣ, которую Пальміери дѣлаетъ на стр. 67 по вопросу о латинскихъ заблужденіяхъ.

Оказывается-де, что мы, православные, не имѣемъ права считать латинскія ученія заблужденіями, такъ какъ Церковь по сей день не высказывалась догматически о томъ, что паписты заблуждаются.

Это можно понимать въ двоякомъ смыслѣ:

1) Церковь во время нарожденія самаго раскола не устранила этого принципіальнаго разногласія соборнымъ рѣшеніемъ западныхъ и восточныхъ церквей.

Позвольте сказать Вамъ на это, что сіе положеніе не имѣетъ ровно никакого смысла. Это — то же самое, какъ если бы одинъ изъ братьевъ собравшейся на совѣтъ семьи разогналъ бы эту семью палкою своею и затѣмъ сталъ бы утверждать, что

его нельзя считать дѣйствующимъ, въ общемъ домохозяйствѣ, въ противоположность семейной волѣ, такъ какъ совѣтъ этотъ не состоялся!

Вы вѣдь противъ самой Церкви возстали! Вы возстали принципіально противъ всякихъ соборныхъ рѣшеній по существу, провозгласивъ себя самихъ вершителями соборныхъ судебъ! Какія-же вамъ еще нужны соборныя рѣшенія?! Да вѣдь это— нелѣпость!

2) Православная, соборная Христова Церковь послѣ отпаденія Запада не высказывалась догматически о томъ, что латинскія теоріи являются заблужденіями.

На это мы опять повторяемъ, что Церковь не занимается римскимъ богословіемъ. Она знаетъ и судитъ только себя, по благодати Духа Божьяго, живущаго въ ней. Васъ же, римлянъ, и заблужденій вашихъ она не призвана судить, и оставляетъ это на волю Господню: заблужденія ваши на судъ, васъ же самихъ на милость Его. Она только молится о васъ. Ваши заблужденія ея не смущаютъ, и никакого соборнаго свидѣтельства на этотъ счетъ, слѣдовательно, не требуется. Живой ея организмъ просто борется вездѣ, гдѣ появляется зараза. Если-бы когда либо одно изъ вашихъ заблужденій успѣло проникнуть въ Церковь достаточно глубоко, чтобы въ нѣдрахъ ея самой вызвать болѣзненныя сомнѣнія и лихорадочные вопросы цѣлыхъ епархій, есть-ли это заблужденіе подлинно вѣра Христовой Церкви или нѣтъ, то будьте увѣрены, что живой организмъ отозвался бы цѣлебною реакціей въ видѣ соборнаго свидѣтельства. А пока, на что намъ оно?!

Пресловутую, опровергнутую здѣсь аргументацію о яко-бы не осужденныхъ Церковью латинскихъ заблужденіяхъ, Пальміери, какъ явствуетъ изъ примѣчанія, взялъ у русскаго философа Вл. Соловьева. Вл. Соловьевъ является единственнымъ

по исключительности примѣромъ, доказывающимъ, что постиженіе Церкви Христовой дается не способностямъ единоличнаго ума человѣческаго, хотя бы и геніальнѣйшаго, а лишь вѣрѣ, обитающей въ сердцахъ нашихъ. По способностямъ ума своего, философъ не имѣетъ никакого преимущества, въ познаніи этихъ высшихъ истинъ Христовой Церкви, передъ послѣднимъ невѣждой. Было бы желательно, чтобы нѣкоторыя умственныя сферы нашего отечества, поклонники безсмертнаго русскаго философа, слишкомъ легко увлекающіеся прельщающими совѣсть лжеученіями, призадумались надъ этою христіанской истиной...

О конечно. Вл. Соловьевъ былъ папистомъ совершенно особаго качества. Такихъ папистовъ во всемъ папствѣ нѣтъ. Говорятъ, что онъ якобы остался православнымъ, будучи папистомъ. Эта добрая душа, увлеченная силою своего геніальнаго ума, предполагала, что по намѣченному пути абсолютнаго отверженія всякаго раскола когда нибудь сольется Церковь съ Римомъ. Эта утопія являлась завѣтною мечтою великаго философа, предполагавшаго, что не опознанный имъ принципъ Церкви допускаетъ такія сдѣлки. Вл. Соловьевъ перешелъ въ латинство и будучи латинянином будто бы остался и православнымъ. (Мы не знаемъ, правда ли это. Но мы отвѣчаемъ на предположеніе). Но онъ самъ не замѣчалъ, что православные латиняне вовсе не выражаютъ никакой идеи! Они выражаютъ одно изъ двухъ: либо внесеніе православной идеи въ папство, т. е. уничтоженіе того именно начала, которое опредѣляетъ сущность папства, либо внесеніе латинскаго начала въ православіе, т. е. отказъ отъ Церкви. Въ первомъ случаѣ получатся православные римляне, ничѣмъ не отличающіеся отъ всѣхъ остальныхъ православныхъ.... на каковой предметъ и перейти не стоило. Во второмъ же случаѣ получатся восточные паписты, на что и можно было бы переходить безъ всякихъ компромиссовъ. Это отверженіе раскола

является просто мечтою души, пожелавшей любить и самую ненависть, утверждать и самое отрицаніе. Но любовь къ ненависти перестаетъ быть любовью и переходитъ въ предательство любви и надежды братьевъ. Миролюбіе Соловьева не покоится на дѣйствительномъ нравственномъ утвержденіи, а лишь на отрицаніи борьбы. Борьба же, сама по себѣ, есть нравственное начало и принципъ всякаго утвержденія. Безнравственность борьбы начинается лишь тамъ, гдѣ она ведется за неправду. Но борьба со зломъ есть и высокая правда и истинная любовь, ею же и одушевляется весь сонмъ безплотныхъ силъ Архангела Михаила.

Великія сомнѣнія и недоумѣнія соблазнили за послѣднія времена православныхъ христіанъ отъ того глубоконевѣжественнаго толкованія евангельскихъ словъ о непротивленіи злу. Никакого такого ученія въ Евангеліи — нѣтъ, ибо слова Спасителя нашего гласятъ такъ: „Не противься *злому!*“ Это самое слово „злому“ было передѣлано въ „злу“ недоучками, лишенными способности различить матерію отъ духа, или скорѣе наоборотъ, духа отъ матеріи. Ибо въ мірѣ христіанской любви и прощенія, въ томъ мірѣ высокихъ счастія и идеаловъ, куда Церковь ведетъ человѣчество черезъ лишенія и борьбы, тамъ уничтожается всякое зло и осуществляется наисильнѣйшее сопротивленіе *злу* посредствомъ милости и прощенія *злому*.

Мы должны мириться съ заблуждающимся и любить его. Но противъ заблужденія мы должны бороться всѣми нашими силами. Мы не можемъ мириться съ недобрымъ началомъ. Вл. Соловьевъ хотѣлъ мириться съ нимъ, т. е. другими словами: онъ отказался отъ борьбы противъ зла въ мірѣ началъ принятіемъ начала недобраго. Это именно и есть отказъ отъ духовной борьбы, отказъ отъ участія въ усовершенствованіи

міра. Нельзя служить двумъ господамъ. Мы о началахъ говоримъ, а не о людяхъ. Всѣ люди — братья и они должны любить другъ друга, какъ учитъ Церковь и какъ того желалъ Вл. Соловьевъ. Истинное же единеніе завершается единствомъ духовной правды. Борьба за сіе единство является любовью мира. Идейное безразличіе къ двумъ несовмѣстимымъ принципамъ, изъ которыхъ одинъ является категорическимъ отрицаніемъ другого, является только отказомъ отъ борьбы, а не любовью мира. Оно представляется какъ уклоненіе отъ нравственнаго долга, то есть, собственно говоря, является утвержденіемъ отрицанія...

И никакія мечты, никакія стремленія величайшаго изъ философовъ не сдѣлаютъ, чтобы это было иначе. Этотъ отказъ отъ борьбы есть начало небытія, Нирвана, принципъ пассивнаго, чистаго буддизма, а вовсе не христіанства, активнаго, взявшаго на себя приведеніе падшей плоти сего міра обратно къ духу, къ Богу, а не оставленіе ея на произволъ собственной, несчастной судьбы.

Соединеніе папства съ Церковью является только обманомъ. Это — не начало міра духовнаго, ни вообще какое либо начало. Оно поэтому и лишено жизнеспособности въ самомъ корнѣ своемъ. Унія вездѣ сама собою распадается, что бы ни дѣлало папство, даже тамъ, гдѣ руки у него вполнѣ развязаны. Тѣмъ паче не суждено подобному обману возвыситься надъ Церковью и надъ папствомъ въ видѣ высшей мѣры познанія. Болѣе высокаго начала, чѣмъ начало Христовой Церкви — нѣтъ и быть не можетъ, ибо оно не нашими силами постигается, а есть откровеніе разума Божественнаго на землѣ. Соединеніе этого начала съ княземъ міра сего на правахъ равенства — невозможно. Такое соединеніе будетъ только приговоромъ надъ однимъ изъ нихъ, ибо каждое изъ обоихъ, по

духовной, внутренней сущности своей, является отрицаніемъ другого. Папство есть отрицаніе міра божественнаго отъ имени міра человѣческаго. Оно есть прямое, радикальное отрицаніе Церкви. Вл. Соловьевъ, отвергнувъ духовную дѣйствительность этой пропасти, отвергъ и Церковь и папство, и отвергъ по этому и дѣйствительность своего собственнаго перехода въ латинство.

Мы не сомнѣваемся, что сліяніе Востока съ Западомъ нѣкогда состоится. Пусть объединенное человѣчество будетъ имѣть и свою правильно устроенную, высшую церковную власть, которую Вл. Соловьевъ видѣлъ въ Римѣ, или гдѣ бы то ни было. Но это сліяніе будетъ приговоромъ надъ однимъ изъ двухъ противоположныхъ началъ. Будущій первосвященникъ будетъ либо начальникомъ земныхъ дѣлъ Церкви и братомъ нашимъ въ вѣрѣ и въ совѣсти передъ Христомъ, либо онъ будетъ господиномъ, папою и владыкою вѣры, т. е. безвѣрія нашего. Этого, конечно, не допуститъ Христосъ, блюдящій человѣчество. Никакія сдѣлки между обоими началами — невозможны. Онѣ невозможны категорически, радикально, абсолютно [1]).

---

[1]) Иные пожалуй скажутъ, что православіе могло бы соединиться съ папствомъ черезъ то, что папа былъ бы непогрѣшимымъ по согласію со всѣмъ тѣломъ Церкви. Да, конечно. И это было бы подлиннымъ церковнымъ тезисомъ истиннаго православнаго вселенскаго патріаршества. Но это было бы уничтоженіемъ папства. Ибо при наличности этого условія непогрѣшимость принадлежитъ не только папѣ, а каждому изъ насъ безъ всякаго различія. Кромѣ того, этотъ тезисъ является также историческимъ осужденіемъ самого папства, которое вѣдь вышло не изъ согласія съ церковнымъ тѣломъ, а совершенно наоборотъ. Да и логически, самое его существованіе вѣдь основывается не на согласіи, а на категорически предполагаемомъ *необходимомъ* раздорѣ, надъ которымъ по этому именно и возвышается его авторитетъ. Другого разумнаго основанія этотъ авторитетъ не имѣетъ.

Мы передаемъ сіе на благоусмотрѣніе тѣхъ мечтателей, которыхъ безсмертный философъ передалъ въ руки папства, и которые соглашаются быть орудіемъ папства противъ насъ.

На стр. 71 латинскій авторъ говоритъ: „Мы обращаемъ вниманіе (читателя) на то, что ученіе католической Церкви въ спорныхъ вопросахъ о вѣрѣ черпается изъ догматическихъ опредѣленій, актовъ и декретовъ, и изъ документовъ, исходящихъ отъ первосвященника“.

Мы это принимаемъ къ свѣдѣнію. Но мы желали бы знать, какъ намъ быть, когда въ вопросахъ догматическихъ встрѣчаются противорѣчивыя опредѣленія? Напримѣръ, какого либо папы съ одной стороны, съ другой же стороны латинскаго „вселенскаго“ Собора, утвержденнаго другимъ папою? Или противорѣчивыя опредѣленія по тому-же вопросу двухъ папъ? Кто изъ нихъ является компетентнымъ, первый или второй? Для васъ, латинянъ, этотъ вопросъ, понятно, не существуетъ: царствующій папа просто приказываетъ вамъ молчать и налагаетъ свое объясненіе, благодаря чему и предполагается, что прежній папа не говорилъ „ко всей Церкви какъ учитель вѣры“ (ex cathedra). И на этомъ всѣ успокаиваются. Но согласитесь, что для насъ вѣдь этотъ вопросъ совсѣмъ не рѣшается такъ легко, ибо мы не имѣемъ основанія, пока, отказываться отъ свободы нашей совѣсти, а потому и не видимъ, почему изъ всѣхъ папъ наиболѣе близкій къ намъ по времени долженъ считаться болѣе компетентнымъ. Вотъ, напримѣръ, кто изъ обоихъ является болѣе компетентнымъ: Бонифацій II, который осудилъ полупелагіанство (какъ мы видѣли выше), или Климентъ XI, который его ввелъ? Іоаннъ XXII, который въ извѣстной буллѣ опредѣлилъ, что окончательное блаженство святыхъ праведниковъ, исполнится лишь послѣ Христова по-

слѣдняго суда, или настоящее ученіе латинства, проповѣдуемое преемниками Іоанна XXII, по которому святые праведники получаютъ это блаженство немедленно? Мартинъ V, утвердившій буллою отъ 22 апрѣля 1418 г. Костанцскій Соборъ, который опредѣлилъ (см. IV-ое засѣданіе) авторитетъ Соборовъ надъ папами, или Пій IX съ Ватиканскимъ Соборомъ, провозгласившіе непогрѣшимый авторитетъ папы надъ Церковью и надъ всѣми ея Соборами? Евгеній IV съ Базельскимъ Соборомъ, также опредѣлившіе превосходство Соборовъ надъ папами, или тотъ же Пій IX съ Соборомъ Ватиканскимъ? Наконецъ, было бы также очень интересно знать, какъ слѣдуетъ смотрѣть на послѣдующія противорѣчивыя опредѣленія одного и того-же папы по одному и тому-же вопросу? Какой, напримѣръ, изъ обоихъ, съ совершенно одинаковою торжественностью изданныхъ актовъ папы Вигилія слѣдуетъ считать непогрѣшимымъ: „Judicatum“, въ которомъ осуждаются Три Главы, или „Constitutum“ въ которомъ эти произведенія оправдываются? [1]) Наконецъ, мы хотѣли-бы также знать, на какомъ основаніи письмо папы Вигилія къ Константинопольскому патріарху Евтихію, въ которомъ Вигилій принимаетъ („утверждаетъ“) пятый вселенскій Соборъ, должно яко-бы считаться болѣе непогрѣшимымъ и обязательнымъ для Церкви актомъ, нежели письмо папы Гонорія къ Константинопольскому-же патріарху Сергію, въ которомъ Гонорій принимаетъ моноѳелитскую ересь, за что и былъ проклятъ шестымъ вселенскимъ Соборомъ? [2])

Но такъ какъ перечисленіе всѣхъ несообразностей и противорѣчій не входитъ въ наши намѣренія, то мы на этомъ остановимся. И пока, мы позволимъ себѣ, когда потребуется

---

[1]) Оправдывается, собственно, только одна изъ Трехъ Главъ (письмо Ивы), но для сущности дѣла это безразлично.

[2]) Въ случаѣ, если намъ на этотъ вопросъ отвѣтятъ, что папа Ви-

опредѣлить римскій взглядъ на какой нибудь вопросъ, сдѣлать маленькую корректуру въ преподанномъ намъ Пальміери правилѣ: ученіе папства вовсе не опредѣляется *всѣми* его актами, догматическими буллами и т. п., а только *послѣдними*, по времени, появившимися по каждому вопросу документами.

На стр. 72 Пальміери удивленно спрашиваетъ, почему римская прибавка къ символу вѣры слова „Filioque“ („и отъ Сына“) представляетъ собою такое богохульство? Вѣдь Никейскій Соборъ ввелъ-де туда слово „ὁμοούσιον“ („единосущный“), также вѣдь нигдѣ въ Св. Писаніи не находящееся! Почему-же тогда Риму не дѣлать на томъ-же основаніи своихъ вставокъ, объясняющихся „догматическимъ развитіемъ?“

Уважаемый Пальміери: о вашей вставкѣ „и отъ Сына“ мы съ Вами, ниже, серьезно и какъ слѣдуетъ поговоримъ. На этотъ же вопросъ Вашъ мы отвѣтимъ сейчасъ. Это вѣдь такъ просто и такъ ясно! То, видите, былъ Никейскій Соборъ, а это, видите-ли, только вы! Такъ что весь вопросъ заключается въ томъ, кто вы именно такіе передъ лицомъ Церкви, свидѣтельствовавшей о себѣ въ Никеѣ.

Слово „ὁμοούσιον“ нигдѣ, дѣйствительно, въ Св. Писаніи не находится. Но вся Церковь единодушно приняла это слово, засвидѣтельствовавъ онымъ свою соборную апостольскую вѣру, никогда не сомнѣвавшуюся, ни въ этомъ вопросѣ откровенія ни въ какомъ либо другомъ. И этимъ словомъ Церковь осудила аріанство. Слово-же „Filioque“ („и отъ Сына“) не

гилій „утвердилъ“ 5 вселенскій Соборъ не черезъ письмо къ патріарху Евтихію, а черезъ новое „Constitutum“ (предназначенное впрочемъ только для Запада), то мы спрашиваемъ, почему сіе второе папское „Constitutum“, осуждающее всѣ Три Главы, должно считаться болѣе непогрѣшимымъ актомъ, нежели первое „Constitutum“, о которомъ мы говорили выше, и въ которомъ эти документы оправдываются?

было принято единодушно всею Церковью, такъ какъ съ этимъ не соглашался весь Востокъ, также вѣдь принадлежащій къ Церкви!

Слово это вовсе не было направлено противъ тѣхъ, кто съ нимъ не соглашался. Иначе, оно вовсе не было направлено противъ пребывающаго въ правой вѣрѣ Востока, ни даже противъ какой нибудь восточной ереси. Востокъ пребывалъ въ Церкви, и будучи въ Церкви, *отъ имени Церкви* не соглашался съ этимъ опредѣленіемъ. Аріане тоже не соглашались съ словомъ „единосущный“. Но это слово было единодушнымъ свидѣтельствомъ Церкви противъ нихъ, аріанъ. Востокъ же не соглашался съ словомъ „Filioque“ будучи призванъ, какъ правовѣрный членъ Церкви, участвовать во всякомъ соборномъ свидѣтельствѣ апостольской вѣры. Слово „Filioque“ ведетъ свое начало отъ опредѣленій помѣстныхъ Соборовъ въ Испаніи. Въ Испаніи-же возникла впослѣдствіи и ересь такъ называемыхъ „адоптивистовъ“, подавшихъ впервые фактическій поводъ къ распространенію пресловутой вставки. „Адоптивисты“ проповѣдывали, что Іисусъ Христосъ былъ не Сыномъ Божіимъ по упостаси, а усыновленнымъ. Эту ересь выдумали два испанскихъ епископа, Феликсъ Ургельскій и Элипандъ Толедскій. Въ борьбѣ противъ нихъ и стали опираться на слово „Filioque“. Но вотъ: Востокъ совсѣмъ не соглашался съ этимъ опредѣленіемъ. И ужъ конечно не по участію въ „адоптивизмѣ!“ Итакъ, слово „Filioque“ въ корнѣ своемъ лишено характера соборнаго свидѣтельства, любовнаго, единогласнаго мнѣнія Христовой Церкви. Оно является мнѣніемъ римскимъ, и больше ничѣмъ. Для того, чтобы затѣмъ возвести это собственное мнѣніе въ достоинство церковнаго свидѣтельства, существовалъ одинъ только выходъ: провозглашеніе того авторитета, который себя поставилъ выше Церкви, который отказался отъ любви

и отъ соборности, и который бросилъ въ лицо Самому Спасителю гордый вызовъ словами:

Церковь — это я!

По этому пути пошелъ Римъ. И послѣ 1000-лѣтняго состязанія съ непокорными западными остатками древняго единства, онъ въ 1870 г. достигъ своей конечной цѣли... то есть конечной цѣли, исключая того послѣдняго. чисто уже формальнаго, а потому пожалуй и ненужнаго шага...

Самое слово „Filioque“ ко времени своего возникновенія вовсе не было тотчасъ принято Римомъ. Николай I, папа римскій, защищалъ эту прибавку. Левъ III не рѣшался прямо высказаться ни за ни противъ. Іоаннъ VIII называлъ ее богохульствомъ. Окончательно она была принята Римомъ въ самую эпоху его окончательнаго-же отпаденія, т. е. въ XI столѣтіи.

Ложность прибавки не нуждается ровно ни въ какихъ доказательствахъ.

Совершенно достаточно, знать, что прибавка просто не есть соборное свидѣтельство Христовой Церкви. Ибо только соборныя свидѣтельства Церкви, по закону взаимной любви, имѣютъ преимущество непогрѣшимости. Попытка завладѣть хранимымъ Церковью залогомъ Христова откровенія при помощи иныхъ средствъ, доказательствъ и мудрствованій, является сумасшедшею надменностью. Святотатство сіе карается изверженіемъ пытующаго разума изъ храма истины, доступной лишь соборному единомыслію Церкви. Отсутствіе же этого единомыслія въ вопросѣ о вставкѣ слова „Filioque“ не нуждается въ другихъ доказательствахъ кромѣ голаго факта несогласія цѣлой половины христіанскаго міра съ этимъ словомъ. По одному этому факту, прибавка „Filioque“ по радикальной необходимости является заблужденіемъ. Всякія иныя доказательства представляются лишними [1]).

[1]) О невозможности познанія истины въ вопросахъ вѣры иначе

Съ тѣхъ поръ было извращено все римское понятіе о христіанствѣ.

Аврелій Пальміери побѣдоносно заявляетъ, что противъ насъ, православныхъ, единодушно высказываются по этому поводу не только паписты, но и протестанты и такъ называемые старокатолики. Неужели мы, — такъ недоумѣваетъ Пальміери,—себѣ воображаемъ, что одна только греко-русская наука, послѣ раскола, осталась на высотѣ непогрѣшимаго богословскаго критерія!

Выходитъ, что Божественная истина, да притомъ такая, которая относится къ внутреннему существу самого Бога, постигается черезъ научное изслѣдованіе!

Несчастный Пальміери! Божественныя истины, хранимыя Церковью Христовой,—доступны только вѣрѣ, по союзу взаимной любви, отъ которой вы всѣ отказались. И Вы еще протестуете, когда васъ обвиняютъ въ раціонализмѣ! Да развѣ Вы думаете, что оттого, что вы на словахъ, въ буллахъ или иначе осуждаете философскій раціонализмъ, ваша собственная раціоналистическая немощь не существуетъ? Вы на дѣлѣ вовсе не осуждаете раціонализма. Вы осуждаете только всякій другой раціонализмъ кромѣ вашего собственнаго. Всѣ ваши геніальныя научныя изслѣдованія—ничто иное какъ произведенія раціона-

---

какъ посредствомъ соборнаго рѣшенія, опредѣленно высказался также 5 вселенскій Соборъ (2 Константинопольскій), признанный и въ папствѣ. Этотъ Соборъ, въ декларації 2 Іюня 553 г. (8-ое засѣданіе), на этомъ именно основаніи жалуется на папу Вигилія, заявившаго о намѣреніи своемъ высказать свое мнѣніе отдѣльно, несмотря на то что онъ, Вигилій, находился тогда въ Константинополѣ. Эти несчастные отцы очевидно вовсе не знали, что папа Вигилій для познанія истины въ какихъ-то соборныхъ мнѣніяхъ вовсе не нуждался. Напрасно только этотъ Соборъ „признается“ въ папствѣ. Это неудобство причинено Вигиліемъ, который своимъ „утвержденіемъ“ поставилъ себя да и всю Церковь въ противорѣчіе съ папою Піемъ IX...

листическаго критерія, блуждающаго во мракѣ собственной слѣпоты. Вся ученость ваша, на которую Вы такъ гордо ссылаетесь, хотя бы и подкрѣпленная ученостью всего человѣчества, не пребывающаго въ Церкви, есть только мудрствованіе по стихіямъ міра сего, въ которомъ вы можете совершить великія дѣла, изучая премудрость Божію въ Его твореніяхъ. Но все это человѣческое мудрствованіе, вся эта ученость, передъ самимъ Божествомъ—ничто иное, какъ мракъ и невѣжество. Вы можете, по человѣческой учености вашей, имѣть всякое преимущество передъ чадами Христовой Церкви. Но если вы—не отъ Церкви, то, въ вопросахъ *вѣры*, вы можете быть только учениками нашими, но отнюдь не равными намъ. Вотъ нашъ простой и ясный отвѣтъ.

Эта полная всякихъ заблужденій глава завершается разборомъ канона Викентія Лиринскаго, видящаго признакъ соборнаго ученія лишь въ томъ, что было вѣрою всѣхъ, всегда и повсюду. „Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus".

Отъ этого неудобнаго для папства канона латинскій авторъ отдѣлывается двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ, оказывается, что мы, православные, придаемъ преувеличенное значеніе Викентію Лиринскому и его канону.

Это признаніе является самообличеніемъ римскаго полемиста. Ибо этотъ канонъ имѣетъ значеніе не потому, что преподается Викентіемъ Лиринскимъ, а потому что Викентій Лиринскій высказалъ то, что объ этомъ тезисѣ думали и думаютъ всѣ христіане повсюду и во всѣ времена.

Затѣмъ идетъ длинный разборъ, краткое заключеніе котораго—таковъ: Лиринскій канонъ имѣетъ-де только утвердительное значеніе, отрицательнаго же онъ не имѣетъ. Это значитъ, что дѣйствительно-де все то, что было вѣрою всѣхъ, повсюду

и во всѣ времена, все то, конечно, слѣдуетъ и теперь, какъ всегда, считать вѣроисповѣдною истиною. Но не всякая вѣроисповѣдная истина была-де извѣстна всѣмъ, повсюду и во всѣ времена.

Таково можетъ быть мнѣніе паписта.

Но во всякомъ случаѣ оно не было мнѣніемъ самого Викентія Лиринскаго, о которомъ именно идетъ рѣчь. Ибо вотъ что говоритъ Викентій Лиринскій: „и, въ самой Церкви соборной, слѣдуетъ прилагать крайнее стараніе къ тому, чтобы привязываться только къ тому, что было вѣрою всѣхъ, повсюду и во всѣ времена“. (Vincent. Lirin. Comm. § 2).

Викентій Лиринскій ничего не знаетъ о непогрѣшимомъ авторитетѣ римскаго епископа, и въ вопросахъ вѣры онъ не полагаетъ, какъ Вы, уважаемый Пальміери, что можно принимать вѣроисповѣдныя положенія, хотя бы они и не были извѣстны всѣмъ, повсюду и во всѣ времена. Вы ровно ничего не хотите понять изъ всего, что Викентій Лиринскій говоритъ о развитіи мудрости, благочестія и познаній всѣхъ и каждаго въ Христовой Церкви, и Вы спѣшите вывести оттуда что то такое, что самъ Викентій Лиринскій отбрасываетъ словами: *только* то, что было вѣрою всѣхъ, повсюду и во всѣ времена [1]).

Касательно Викентія Лиринскаго, свидѣтельствующаго, какъ и всѣ отцы Церкви, противъ васъ, Вы, слѣдовательно, остаетесь при одномъ: мы, православные, придаемъ всему этому преувеличенное значеніе.

Но мы о Лиринскомъ тезисѣ имѣемъ сказать нѣсколько словъ. Этотъ тезисъ не относится къ безконечному міру синтеза, вѣры, безграничнаго цѣлаго и свободы. Онъ относится

[1]) См. напримѣръ, также въ письмѣ 13 римскаго епископа Келестина (къ Несторію), и въ письмѣ 6 римскаго епископа Ксиста (къ Іоанну Антіохійскому) (см. въ письмѣ 52 Кирилла Алекс.).

къ конечному міру анализа, разума, ограниченныхъ частей и необходимости. А это значитъ, что онъ не является тезисомъ церковнымъ, а только богословскимъ. Онъ — не тезисъ вѣры, а только разума, т. е. науки. Части постепенно развиваются и приближаются къ совершенному цѣлому, таковъ смыслъ наставленій Лиринскаго богослова о развитіи мудрости въ Церкви. И въ этомъ смыслѣ слово „Церковь“ у него понимается какъ совокупность всѣхъ ея ограниченныхъ частей, взятыхъ порознь. И таково вполнѣ вѣрное, разумное богословское правило. Смотрите глазами разума Вашего, уважаемый Пальміери, на всѣ догматы Церкви! Вѣруемъ ли мы во что либо, во что не вѣровали бы всѣ, повсюду, во всѣ времена? Вотъ Вамъ научная провѣрка богословскаго тезиса Викентія Лиринскаго.

Но этотъ богословскій тезисъ, какъ мы уже говорили, не является тезисомъ церковнымъ. Церковь имѣетъ абсолютную свободу, ибо ею руководитъ свобода наивысшая, духъ чистый, Духъ Святой, не подлежащій правиламъ необходимости и тройственнаго измѣренія. Тезисъ Церкви никакою наукою, никакими рамками человѣческаго ограниченнаго разума не обхватывается. Онъ постигается только вѣрою. Діалектически же онъ гласитъ просто на просто такъ: Церковь Себя Саму изъ Себя Самой опредѣляетъ [1]). Этотъ тезисъ наукою не осязается. Онъ — доступенъ лишь для тѣхъ, которые не разумомъ, а сердцемъ исповѣдуютъ какъ дѣти: „вѣрую во едину святую соборную и апостольскую Церковь“. И со времени вашего бѣдственнаго паденія вы напрасно сохранили въ символѣ вашемъ сіи пустыя для васъ слова, несчастные братья! Ибо

[1]) Выяснено въ началѣ 90-хъ годовъ протоіереемъ Е. К. Смирновымъ въ полемикѣ его съ А. А. Кирѣевымъ по старокатолическому вопросу. См. двѣ статьи протоіерея Смирнова: „Опознаетъ ли православная Церковь православіе старокатоликовъ“ Церк. Вѣд. С. П. Б. и „Православенъ ли старокатолицизмъ“ Вѣра и Разумъ. Харьковъ.

нечего вамъ уже вѣровать въ Святую Церковь. Вы вѣдь ее постигли разумомъ! Святая Церковь по вашему вѣдь опредѣляется раціонально!! Какъ же можно „вѣровать“ въ то, что доказывается научно??!

Весь организмъ Церкви низведенъ до уровня вашей собственной логики. По этому и участіе въ ней дается вамъ по мѣрѣ логики и человѣческаго разума, и привилегированными ея сыновьями являются члены „Церкви учащей“, которая одна лишь имѣетъ право полнаго участія въ таинствѣ пріобщенія. Члены второго разряда участвуютъ въ этомъ таинствѣ лишь по соотвѣтствующей имъ символикѣ тѣла безъ крови, т. е. матеріи лишенной духа. Дѣтямъ же, не обладающимъ ученостью и логикой, въ этой церкви мѣста нѣтъ, или же полагается мѣсто самое послѣднее, что и выражается символически тѣмъ, что они не имѣютъ права на пріобщеніе. . .

. . . . . .

„Приносили къ Нему и младенцевъ, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ; ученики же, видя то, возбраняли имъ. Но Іисусъ, подозвавъ ихъ, сказалъ: пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не возбраняйте имъ; ибо таковыхъ есть Царстіе Божіе. Истинно говорю вамъ: кто не приметъ Царствія Божія какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“. (Луки XVIII, 15. 16. 17).

Мы не хотимъ перейти къ слѣдующимъ главамъ, не обративъ вниманія на странную ссылку. На стр. 73 приводится справка Лебедева, относящаяся къ положенію римскаго епископа въ древней Церкви. „Всегда и неизмѣнно выше другихъ патріарховъ былъ епископъ римскій. Такъ было съ самаго начала христіанской исторіи. Равнаго съ нимъ епископа не было и быть не могло“. (Духовенство древней вселенской Церкви отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка).

И на это замѣчаетъ Пальміери: „Если слѣдовательно почитаемый всѣми православными писатель ясно доказываетъ при помощи исторіи, что въ первыхъ вѣкахъ христіанской вѣры римское первенство существовало, съ общаго согласія всѣхъ, и безъ всякаго противорѣчія, *если первенство сіе является бого-установленнымъ черезъ Іисуса Христа и переданнымъ и утвержденнымъ черезъ апостольское преданіе* [1]), почему же съ надменностью вѣры утверждаютъ, что первенство это было догматически провозглашено католическою Церковью?“

Да просто потому, что подчеркнутыя нами здѣсь слова являются вымысломъ, преподаваемымъ милліонъ разъ, и милліонъ разъ отвергнутымъ и опровергнутымъ. Мы не вступаемъ въ пререканія съ Лебедевымъ, хотя можетъ быть и не соглашаемся съ его вышеприведенною справкою. Для Церкви это является вопросомъ второстепеннымъ, съ точки же зрѣнія вѣроисповѣдной его значеніе равняется нулю. Лебедевъ можетъ быть либо неправъ, либо совершенно правъ. Все значеніе римскаго епископа было во всякомъ случаѣ основано лишь на томъ, что онъ былъ епископомъ столицы. Что же тутъ особеннаго? Развѣ въ православномъ мірѣ столицы не имѣютъ своихъ первенствующихъ епископовъ? Какое же это имѣетъ отношеніе къ догматамъ? Это отношеніе — выдумано папствомъ.

---

[1]) Лже-преданіе сіе было въ первый разъ декретировано на мѣстномъ римскомъ Соборѣ при папѣ Геласіи, въ 494 г. (apud Labbe et Hard.). Развитіе его къ тому времени, какъ видно, успѣло уже окончательно опредѣлиться по роковому направленію. Но самое папство, какъ продуктъ его окончательной формаціи, было тогда еще впереди, хотя жалкая слава изобрѣтенія папской теоріи безусловно принадлежитъ Геласію. Способъ практическаго примѣненія этой теоріи былъ найденъ папою Адріаномъ въ 785 г., посредствомъ лже-исидоровскихъ декреталій.

IV.

Эта глава не требуетъ почти возраженій. Ибо мы, стоя на почвѣ Церкви, въ научныя пререканія между отдѣльными богословами не вмѣшиваемся. Пальміери, видя и отмѣчая вліяніе Толстого, Розанова, Мережковскаго и др. на современное русское общество, не пропускаетъ случая выставить на видъ нерадѣніе (incuria) русскаго духовенства. Противъ этого мы также не возражаемъ, такъ какъ мы здѣсь не пишемъ ни критики, ни апологіи отдѣльныхъ членовъ Христовой церкви, будь эти члены даже цѣлое духовенство помѣстной церкви. Пальміери, конечно, подчеркиваетъ преимущество папской системы, которая ясно и авторитетно отмѣчаетъ и осуждаетъ ереси и заблужденія, между тѣмъ какъ православные богословы расходятся въ мнѣніяхъ по отношенію къ этимъ заблужденіямъ. Изъ этого слѣдуетъ-де, что восточныя церкви не имѣютъ защиты противъ заразы.

Мы Вамъ уже объяснили, уважаемый Пальміери, что защита Церкви отъ заразы есть Самъ Христосъ и Его благодать, дѣйствующая въ сердцахъ нашихъ. Пусть расходятся богословы, пишущіе о вашихъ или иныхъ заблужденіяхъ! Развѣ эти богословы имѣютъ научную гарантію противъ научнаго-же заблужденія? Вы, по невѣрію, замѣнили силу Христовой благодати вашимъ авторитетомъ, дѣйствующимъ, конечно, не на сердца, а на зрѣніе, слухъ, разумъ и науку (по этому у васъ и свободной науки даже нѣтъ!). И вы себѣ воображаете, что вы—гарантированы отъ заразы! Когда вся исторія новѣйшихъ временъ является сплошною заразою, вызванною вами, и собирающейся уничтожить васъ самихъ, Ватиканъ и все что въ немъ! Сознательно убивъ вѣру, чтобы построить на трупахъ ваше единство безвѣрія, вы полагаете, что вы снабжены ору-

жіемъ противъ этихъ труповъ, обратившихся въ грозныя привидѣнія, одушевленныя непримиримою ненавистью противъ васъ, и собирающіяся требовать отчета у васъ за то, что вы отравили источники, изъ которыхъ они черпали свою любовь и свою вѣру! Откройте-же ваши глаза! И на различныя точки зрѣнія православныхъ богослововъ не указывайте, если Вы желаете что либо сказать противъ Церкви! Церковь знаетъ своихъ и ложнаго учительства не принимаетъ.

Вы, недоумѣвая, спрашиваете, какой у насъ существуетъ авторитетъ, имѣющій право исключить гр. Толстого изъ *всей* Церкви, какъ то было сдѣлано. Нѣтъ, уважаемый Пальміери, то не было сдѣлано такъ, какъ Вы полагаете. У насъ есть законная пастырская власть, имѣющая право констатировать, что какой нибудь отступникъ исключилъ себя изъ Церкви, и имѣющая право привести этотъ приговоръ въ исполненіе. И такъ какъ эта пастырская власть простирается надъ русскою помѣстною церковью, то она и исключаетъ отступника изъ этой помѣстной церкви. Т. е., она отказываетъ ему въ своемъ общеніи. Графъ Толстой былъ исключенъ изъ русской церкви за то, что онъ глумился надъ любовью и вѣрою своихъ братьевъ, желаніемъ не только обнажить ихъ гадкіе и нелюбовные пороки, но и осмѣять Церковь саму и ея таинства, изъ которыхъ мы, порочные и несчастные, черпаемъ силу для постепеннаго уничтоженія тѣхъ именно душевныхъ бѣдствій нашихъ, противъ коихъ правильно писалъ Толстой. Иначе русская церковъ его бы не осудила. Осудила она его не за бичеваніе общественныхъ пороковъ, ни тѣмъ паче за его проповѣдь возвышающейся надъ всѣми предразсудками любви, а за огульное отрицаніе нашей надежды на спасеніе отъ бѣдъ. Иначе: она осудила гр. Толстого за то, что онъ обличаемымъ грѣшникамъ отказалъ въ своей любви и въ своемъ церков-

номъ общеніи во Христѣ. Но Вы, уважаемый Пальміери, можетъ быть скажете, что этотъ приговоръ для другихъ православныхъ церквей — не обязателенъ... Совершенно вѣрно. Онъ для другихъ церквей — не обязателенъ [1]). Слѣдовательно, другія церкви, если того пожелаютъ, могли бы и принимать отступника въ свое общеніе. Мы же Вамъ объяснили уже, что нами правятъ законы жизни. Другой вопросъ, конечно, тотъ, пожелаютъ ли остальныя церкви дать таковой знакъ недовѣрія церкви русской. Таково ихъ несомнѣнное право. Но пожелаютъ-ли?! Вотъ въ чемъ заключается весь вопросъ, ибо на такомъ союзѣ взаимнаго довѣрія зиждится вся Церковь Христова на землѣ. Исторія Церкви преподаетъ намъ множество примѣровъ лицъ, исключенныхъ изъ общенія однѣхъ церквей и принятыхъ или не принятыхъ въ общеніе другихъ. И римская церковь принимала въ этомъ совершенно равное со всѣми другими церквами участіе и вовсе не пользовалась никакимъ „авторитетомъ“ въ этихъ дѣлахъ. Многія смуты возникали именно по этому поводу, такъ какъ еретики, исключенные изъ одной помѣстной церкви, иногда совращали другую помѣстную церковь, пока наконецъ, смотря по обстоятельствамъ, вся Церковь не отзывалась, либо на Соборѣ, либо какъ нибудь иначе. Все это — вопросъ факта, и отнюдь не вопросъ правовой.

---

[1]) Мы стоимъ на почвѣ церковной, а не правовой. О взаимной обязательности церковныхъ приговоровъ существуетъ конечно множество постановленій, и этотъ юридическій вопросъ могъ бы пожалуй быть рѣшенъ иначе. Но это насъ здѣсь совсѣмъ не интересуетъ, такъ какъ мы только выставляемъ на видъ второстепенное значеніе всякихъ такихъ правовыхъ положеній, могущихъ существовать или не существовать, безотносительно къ церковному рѣшенію этого вопроса по существу. Мы по этому преднамѣренно принимаемъ самое „выгодное“ для паписта, по его мнѣнію, положеніе: отсутствіе всякой юридической гарантіи въ Церкви.

На счетъ графа Толстого никакія недоразумѣнія между церквами не возникали. И того вполнѣ достаточно. Чего-же Вы еще хотите? Вы хотите, можетъ быть, знать, на какомъ основаніи намъ, православнымъ, слѣдуетъ принимать рѣшенія нашихъ пастырей и ученіе нашей церкви, а не ученіе гр. Толстого, въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ они расходятся?

Ищите сами! Можетъ быть найдете! Если Вы — сынъ Церкви, Вы найдете навѣрно. И того для Церкви, какъ и для Васъ — достаточно.

На стр. 115 Пальміери приводитъ высказанную уже неоднократно мысль, что православная вѣра является вѣрою славянскихъ народовъ и началомъ славянскаго единенія. Это, по мнѣнію Пальміери, — историческая нелѣпость, такъ какъ существуютъ и славянскія народности, исповѣдывающія латинство, что не мѣшаетъ-де имъ вести себя по славянски.

Конечно. Но ни одна славянская народность, исповѣдывающая латинство, не сохранила своей независимости. Пальміери можетъ быть скажетъ, что это никакой связи съ вѣроисповѣднымъ вопросомъ не имѣетъ. Мы настаиваемъ и готовы были бы и доказать, что папство для латинскихъ славянъ было первымъ факторомъ разрушенія. Но это не входитъ ни въ цѣль, ни въ рамки нашего труда.

Папство вообще для всѣхъ народовъ, и не только для славянъ, отжило свою жизнь и является принципомъ соціальной и политической смерти, отъ которой латинствующіе народы увертываются только въ сторону безвѣрія и такъ называемой „анти-клерикальной“ политики. Иныя соціально-политическія латинскія силы еще дѣйствуютъ съ кажущимся успѣхомъ въ другихъ странахъ. Но что именно будетъ, и что изъ всего этого выйдетъ въ концѣ концовъ, это — иной вопросъ.

Вообще, не нужно быть великимъ пророкомъ, чтобы предсказать, къ какой невиданной еще катастрофѣ приближается современное культурное человѣчество. И въ этой катастрофѣ иноплеменное нашествіе будетъ только заключительнымъ актомъ той міровой драмы, которая разыгрывается на почвѣ принципіальнаго обоготворенія себялюбія и пренебреженія ко Христу. Опоясившійся мечемъ отъ меча погибнетъ, зло же вызываетъ зло и по законамъ мірозданія оно такимъ образомъ собою же себя само уничтожаетъ. То будетъ карою Божіей за вѣковое преступленіе, воспитавшее въ душахъ европейскихъ народовъ безвѣріе, коллективную алчность и ненасытное властолюбіе. Конечно, этотъ первородный недугъ самъ по себѣ принадлежитъ всѣмъ намъ. Но папскій Римъ взялъ на себя его преемство въ отпоръ Христу, избавившему насъ отъ него. И преемствомъ симъ онъ вскормилъ европейскіе народы. Личина-же Христова позволила Риму возвести этотъ первородный недугъ въ чудовищное, принципіальное, духовное отрицаніе. Этого на свѣтѣ еще никогда не бывало. По этому, обратною мѣрою сего отрицанія является на этотъ разъ самъ Христосъ. Блестящая-же раціонально-матеріальная культура является въ оторванности своей отъ высшихъ началъ духовною смертью человѣчества и его грядущимъ разореніемъ...

Но милость Божія — велика, и переломъ сей будетъ одновременно и спасеніемъ и воскресеніемъ погибающихъ. На стражѣ воскрешающаго духа стоитъ Церковь Христова, Спасительница рода человѣческаго. Ея время наступаетъ, и новые народы, одушевляемые Ею, призываются къ жизни. То будетъ свѣтъ съ Востока. Онъ возсіяетъ новыми идеалами и надеждою для обновленнаго человѣчества.

V.

Эта глава содержитъ въ себѣ одно совершенно изумительное въ устахъ паписта обвиненіе.

Оказывается (см. примѣчаніе на стр. 143), что греческая церковь внесла многія измѣненія въ вѣроученіе, въ священноначаліе и въ литургію...!

Это обвиненіе взято у англійскаго автора и приводится такъ, просто, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Что же намъ, на самомъ дѣлѣ, отвѣтить на подобную выходку??!

Зачѣмъ Вы это сюда привели?

Это — недобросовѣстно, уважаемый Пальміери.

Мы очень сожалѣемъ, что Вы это сдѣлали.

Вы сами знаете, почему оно — недобросовѣстно.

Вы — очень ученый человѣкъ, имѣющій навѣрно глубокія литургическія свѣдѣнія, знающій, въ чемъ состоитъ священноначаліе, и изучившій по мѣрѣ силъ догматы, которыхъ придерживается греческая церковь. Зачѣмъ же Вы тогда привели сюда это обвиненіе протестанта?

Впрочемъ, какъ это такъ? Вы, кажется, латинянинъ, и кое-что сказали, обвиняя другихъ въ вѣроисповѣдныхъ измѣненіяхъ.

Вы, кажется, — папистъ, имѣющій епископа епископовъ, и кое-что сказали, обвиняя другихъ въ измѣненіяхъ въ священно-началіи.

Вы, кажется, — римскій іерей, и вѣроятно ежедневно читаете „мессу“, которой Вы не могли, при учености Вашей, не сравнивать съ старинными типами христіанскихъ литургій, какъ западныхъ такъ и восточныхъ, не исключая литургій

читаемыхъ греческою церковью и нами... но Вы кое-что сказали, обвиняя другихъ въ литургическихъ измѣненіяхъ...

Не хорошо совсѣмъ.

Интереснымъ является, впрочемъ, въ этой главѣ, перечень кіевскихъ и иныхъ русскихъ богослововъ, принимавшихъ, или по крайней мѣрѣ не осуждавшихъ еретическаго ученія о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи.

Уважаемый Пальміери: нечего намъ съ Вами толковать объ этомъ, по сколько мы стоимъ на почвѣ церковной. Церковь вашими заблужденіями вовсе не занимается. Она вашего догмата о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы не считаетъ своимъ свидѣтельствомъ. Она вѣруетъ, что Пресвятая Дѣва, имѣющая непостижимое надъ всею видимою и невидимою тварью превосходство, все-таки была спасена Христомъ, такъ какъ унаслѣдовала первородный грѣхъ по факту своего рожденія отъ Іоакима, а не отъ Святаго Духа. Вашимъ же богословіемъ, повторяемъ, Церковь совсѣмъ не занимается.

Но мы не можемъ устоять противъ желанія нашего. По этому мы на мигъ оставляемъ неприступную для Васъ крѣпость Церкви, и выходимъ къ Вамъ, на вашу почву, чтобы поговорить съ Вами о безпорочномъ зачатіи Богородицы.

Безпорочное зачатіе Пресвятой Дѣвы!...

Скажите намъ: въ грѣшный ли міръ снизошелъ Христосъ?

Мы будемъ отвѣчать за Васъ и скажемъ: да, Онъ явился во плоти грѣшнаго міра.

Унаслѣдовалъ ли Самъ Христосъ первородный грѣхъ міра?

Нѣтъ.

Почему?

Потому что Онъ родился не отъ похоти, а отъ Духа.

Что же это значитъ?

Это значитъ что Онъ, Невинный, Самъ не имѣетъ участія въ этомъ грѣхѣ.

Взялъ ли Онъ на Себя этотъ первородный грѣхъ міра?

Да, взялъ.

Откуда-же Онъ его взялъ?

Отъ человѣчества.

Черезъ кого?

Черезъ Мать Свою.

Итакъ Онъ, Невинный Агнецъ, взялъ на Себя весь первородный грѣхъ міра, получивъ его безъ вины отъ Дѣвы-Матери, во чревѣ Которой Онъ воплотился добровольно именно ради этого.

Но вы, паписты, говорите, что Богородица не унаслѣдовала этого грѣха и потому его не имѣла! Какъ же Она тогда могла вручить его Христу для искупленія? Какъ же Она могла наложить на плечи невиннаго Искупителя то, чего Она не имѣла? Вѣдь Она должна была наложить Ему на плечи этотъ грѣхъ отъ имени всего человѣчества! Вѣдь для этого именно Невинный Спаситель добровольно воплотился въ Ней! Вѣдь первородный грѣхъ именно и лежитъ, не въ нашей плоти самой, а въ несчастной ея *матеріализаціи*, по способу ея проявленія въ мірѣ! И въ этомъ равно участвовали и Дѣва-Мать и Спаситель: Дѣва-Мать по наслѣдію этого грѣха, Спаситель же добровольно!!! Какъ же это такъ?!

Итакъ, эта смертельная ересь является глубокимъ, символическимъ отрицаніемъ нашего спасенія. Марія, дѣйствующая въ воплощеніи отъ имени вселенскаго человѣчества, отъ имени вселенскаго человѣчества въ спасеніи не нуждается, ибо Она— совершенна и безгрѣшна какъ Само Божество.... Ересь въ Ея лицѣ отрицаетъ дѣйствительность перваго паденія. Точнѣе: она отрицаетъ подлинность жертвы Христа....

VI.

Эта глава содержитъ въ себѣ апологію схоластики. Мы въ это не вмѣшиваемся.

VII.

Мы старались, предыдущими объясненіями, выставить на видъ два положенія:

1) Церковь знаетъ и судитъ только себя, по благодати и по свободѣ, данной ей Царемъ, Главою и Спасителемъ ея Іисусомъ Христомъ.

2) Рѣшительно никто, какъ бы высоко онъ ни стоялъ умомъ и знаніями, не способенъ, если онъ не отъ Церкви, ни видѣть ея, ни слышать ея зова иначе, какъ ставъ ея членомъ, по благодати.

Отсюда, отношеніе наше ко всему, что выставляется противъ Церкви на той почвѣ, на которую теперь сталъ Пальміери, опредѣлится съ полною безошибочностью. Пальміери сталъ на почву символическаго богословія, которое онъ опредѣляетъ такъ:

„Наука, извлекающая изъ подлинныхъ документовъ церквей и христіанскихъ сектъ ихъ вѣроученія, объясняющая ихъ и критически сравнивающая ихъ другъ съ другомъ“.

Мы ничего не имѣемъ противъ этого опредѣленія.

Но мы имѣемъ многое, и очень вѣское, сказать о томъ, до какой именно степени вѣроученіе Христовой Церкви можетъ быть предметомъ научныхъ изслѣдованій для стоящихъ внѣ церковнаго общенія иновѣрцевъ.

Прежде всего, изъ числа предметовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію постороннихъ, слѣдуетъ вполнѣ изъять самый источникъ изслѣдуемыхъ вѣроученій, что есть благодатная вѣра

Христовой Церкви. Этотъ источникъ рѣшительно ни для кого не доступенъ, какъ только въ полности для Церкви самой и для живыхъ ея членовъ по мѣрѣ участія въ ней.

Дѣло, слѣдовательно, идетъ только о словесныхъ свидѣтельствахъ объ этомъ источникѣ, т. е. короче, о догматахъ, которые мы опредѣлили, выше, слѣдующимъ образомъ: подлинныя словесныя свидѣтельства объ истинѣ хранимой Церковью по благодатной и неизмѣнной вѣрѣ.

Итакъ, одни только эти словесныя свидѣтельства могутъ служить, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, предметомъ научнаго изслѣдованія для иновѣрцевъ. Но при этомъ, конечно, эти словесныя свидѣтельства могутъ служить матеріаломъ для дѣльнаго труда при условіи именно только ихъ подлинности. Иначе, весь трудъ будетъ лишнимъ. Но тутъ то и начинается бѣда! Ибо требуется твердый критерій, по которому посторонній могъ бы удостовѣриться въ этой подлинности. Единственный же истинно твердый критерій есть та самая благодатная вѣра, которою дано изучаемое свидѣтельство, и въ которой иновѣрецъ не только не участвуетъ, но даже прямо *старается* не участвовать, изучая догматы Церкви для какихъ-то враждебныхъ цѣлей. Ему приходится довольствоваться внѣшними признаками искомой подлинности. И такимъ признакомъ можетъ служить только формально, торжественно, словесно выраженное всѣми церквами согласіе съ изучаемымъ свидѣтельствомъ о вѣрѣ, точнѣе, съ изучаемымъ вѣроопредѣленіемъ. Въ такомъ безусловномъ положеніи находятся опредѣленія семи вселенскихъ Соборовъ. Но вѣдь для Церкви, какъ мы уже видѣли, это обстоятельство является только безразличнымъ по существу историческимъ инцидентомъ, вовсе не обусловливающимъ ясной всегда собственной вѣры. Для Церкви важенъ не Соборъ, а важна соборность, которая выражается всячески, на Соборѣ ли

или не на Соборѣ. Соборность же есть жизненная сила, самоопредѣляющаяся, благодатная, ни отъ какихъ внѣшнихъ силъ, юридическихъ регламентацій или матеріальныхъ обстоятельствъ не зависящая, а напротивъ того сама производящая внѣшнія явленія, на подобіе тому какъ жизнь въ человѣческомъ организмѣ обусловливаетъ собою разнородныя функціи. Соборность не доказывается и не подлежитъ сама никакимъ условіямъ. Она просто *существуетъ* и имѣетъ основаніе во Христѣ, пребывающемъ съ нами по конецъ вѣковъ. Это есть никто иной какъ Самъ Духъ Святой.

И съ этимъ безвозвратно отпадаетъ для иновѣрца всякая возможность удостовѣриться въ соборности.

Какъ же ему быть, когда ему приходится изучать разныя опредѣленія, не входящія въ составъ опредѣленій вселенскихъ Соборовъ? Вѣдь онъ долженъ разузнать, помощью однихъ *только* внѣшнихъ признаковъ, соотвѣтствіе этихъ опредѣленій, или несоотвѣтствіе ихъ съ вѣрою Церкви! Если онъ этого добиться не можетъ, вся его работа, какъ лишенная коренныхъ критическихъ условій, рушится въ самомъ основаніи. Въ этомъ случаѣ ему остается только одно: видя шаткость и невозможность своего логическаго положенія, онъ, не имѣя никакого критерія, гордо объявляетъ, что критерій просто не существуетъ.

Не думайте, уважаемый Пальміери, что мы оспариваемъ этотъ совершенно логичный, совершенно правильный выводъ, къ которому Вы стремитесь побѣдоносно черезъ воображаемыя препятствія! Мы Васъ просили бы не терять драгоцѣннаго для ученаго человѣка, какъ Вы, времени чтобы доказывать то, къ чему мы сами Васъ приводимъ черезъ всѣ открытыя двери. *Для Васъ* — это — единственный возможный выводъ. И оно *должно* быть по сему. Христіанство не имѣло бы никакой

цѣны, если бы можно было сдѣлаться христіаниномъ по логикѣ. Разумъ и логика были и у язычниковъ, и въ этомъ никакой особой благодати нѣтъ.

Но вернемся къ дѣлу, и посмотримъ, каково можетъ быть на практикѣ положеніе иновѣрца, сталкивающагося въ своихъ изслѣдованіяхъ съ разными вѣроопредѣленіями. Этотъ иновѣрецъ, положимъ, желаетъ удостовѣриться въ подлинности каждаго такого опредѣленія, т. е. въ томъ, *отъ Церкви* ли оно или нѣтъ.

Въ этой работѣ онъ можетъ быть поставленъ въ разныя положенія, которыя мы теперь разберемъ поочередно.

I. Высказанное въ изучаемомъ вѣроопредѣленіи положеніе сходится съ какимъ нибудь опредѣленіемъ, засвидѣтельствованнымъ на вселенскомъ Соборѣ.

Въ такомъ случаѣ иновѣрецъ въ правѣ сказать, что изучаемое вѣроопредѣленіе — отъ Церкви. Большинство догматовъ находятся въ такомъ положеніи.

II. Изучаемое вѣроопредѣленіе прямо противорѣчитъ какому нибудь положенію, засвидѣтельствованному на вселенскомъ Соборѣ.

Въ такомъ случаѣ иновѣрецъ въ правѣ сказать, что изучаемое вѣроопредѣленіе — не отъ Церкви.

III. Изучаемое вѣроопредѣленіе входитъ въ составъ такихъ положеній, которыми вселенскіе Соборы не имѣли случая, ни повода заниматься.

Въ такомъ случаѣ иновѣрецъ можетъ очутиться опять таки въ разныхъ положеніяхъ, которыя сводятся къ слѣдующему:

а) Какое нибудь отдѣльное лицо или духовная власть помѣстной церкви, высказали изучаемое вѣроопредѣленіе, и другое лицо, или духовная власть другой помѣстной церкви, опротестовали оное.

б) — Какое нибудь отдѣльное лицо, или духовная власть помѣстной церкви, высказали изучаемое вѣроопредѣленіе, и никто противъ этого не протестовалъ.

в)—Изучаемое вѣроопредѣленіе было повторено и подтверждено во всеуслышаніе всѣми, со всѣхъ сторонъ.

Разберемъ теперь, одно за другимъ, эти три послѣднихъ положенія:

а) — Какое нибудь отдѣльное лицо, или духовная власть помѣстной церкви, высказали изучаемое вѣроопредѣленіе, и другое лицо, или духовная власть другой помѣстной церкви, опротестовали оное.

Въ этомъ случаѣ иновѣрецъ лишенъ абсолютно всякаго логическаго подспорья чтобы знать, кто изъ несогласныхъ говоритъ отъ имени Церкви и кто нѣтъ. Онъ находится въ такомъ-же положеніи, въ которомъ находился бы человѣкъ, раціонально ищущій религіозной истины, и къ которому явились бы два проповѣдника, одинъ отъ христіанства, и другой отъ наилогичнѣйшей для человѣческаго разума религіи, т. е. отъ буддизма. Этотъ искатель истины не имѣетъ ровно никакого разумнаго подспорья, чтобы знать, кто изъ обоихъ, христіанинъ-ли или буддистъ, говоритъ отъ лица искомой Истины и кто нѣтъ. Ибо оба проповѣдника утверждаютъ то-же самое, каждый за себя. Да и пожалуй буддистъ окажется логичнѣйшимъ изъ обоихъ, для раціональнаго искателя истины. Тутъ требуется критерій совсѣмъ иной. Въ такомъ-же положеніи находится и посторонній передъ лицомъ двухъ несогласныхъ между собою свидѣтелей церковной вѣры. Мы уже говорили, что Церковь вовсе не считаетъ необходимымъ предпринимать особые соборные шаги, чтобы заставить насильно замолчать того изъ несогласныхъ, который говоритъ противное вѣрѣ... пока таковое несогласіе не угрожаетъ ея благодатному существованію на землѣ.

Сама она обладаетъ полною вѣрою, всегда даруемой по благодати каждому ея члену по мѣрѣ его приближенія къ ней. По этому и тотъ изъ несогласныхъ, который ошибается, всегда призывается, постояннымъ благодатнымъ душевнымъ воздѣйствіемъ, къ единенію и къ исправленію своихъ ошибокъ. И тогда ложное его вѣроопредѣленіе, нѣкогда высказанное имъ, остается какъ неодушевленный памятникъ прежняго заблужденія, не заражающаго болѣе его души. И этотъ неодушевленный памятникъ подавно никакого отношенія не имѣетъ къ вѣрѣ Христовой Церкви. Такъ исправляются, по благодати Христовой, вѣроисповѣдныя заблужденія отдѣльныхъ членовъ Церкви.

Но среди всего этого посторонній наблюдатель является абсолютно безсильнымъ. Онъ не можетъ добиться никакого доступнаго критерія. Онъ даже не можетъ знать, видѣвъ какое-либо вѣроопредѣленіе, имѣетъ ли оно какую нибудь связь съ вѣрою, не только всей Церкви, но даже той лишь помѣстной церкви, гдѣ оно появилось! И хотя бы авторомъ этого вѣроопредѣленія былъ даже самъ епископъ той помѣстной церкви, то и отъ этого посторонній наблюдатель ничего не выиграетъ. Ибо епископы, какъ грѣшники, могутъ быть и лжесвидѣтелями вѣры! Постороннему наблюдателю необходимо заручиться гарантіями, что помѣстная церковь принимаетъ это вѣроопредѣленіе какъ свое. И тутъ начинаются тѣ-же мытарства. Откуда и какъ ему добиться такихъ гарантій, когда самъ онъ въ этой помѣстной церкви и въ вѣрѣ ея не участвуетъ?!

И все это только оттого, что Христова Церковь есть живое тѣло, котораго нельзя расчленять и разсматривать аналитически, какъ то предполагаютъ паписты. Церковь Христова—не мертвый автоматъ, не машина, построенная по правиламъ человѣческаго разума, а живое тѣло, для опознанія коего необходимо допытаться жизненнаго его начала, которое есть Самъ Духъ Святой. И

никакими силами человѣческаго разума это начало не постигается.

б) — Какое нибудь отдѣльное лицо, или духовная власть помѣстной церкви, высказали изучаемое вѣроопредѣленіе, и никто противъ этого не протестовалъ.

Въ этомъ случаѣ посторонній находится въ одинаково трудномъ положеніи. Когда таковое опредѣленіе остается въ кругу извѣстнѣйшихъ всему міру христіанскихъ исповѣданій, и въ частности тѣхъ, въ которыхъ еще діалектически участвуютъ отпавшіе члены Церкви, тогда опредѣленіе это представляется постороннему съ достаточными внѣшними гарантіями подлинности. Онъ въ правѣ сказать, что такое опредѣленіе — отъ Церкви. Но вѣдь можетъ также случиться, что исповѣданіе отдѣльнаго члена Церкви будетъ содержать въ себѣ нѣчто такое, во что вѣруетъ Церковь по апостольскому преданію, но о чемъ никакой общеизвѣстной документаціи не существуетъ, или существуетъ только по мѣрѣ пониманія, даруемаго участіемъ въ Церкви. Въ такомъ случаѣ посторонній лишается всякой компетенціи, такъ какъ онъ въ Церкви не участвуетъ. Если-же онъ найдетъ въ свято-отеческой или вообще церковной литературѣ какія либо доказательства за или противъ изучаемаго исповѣданія, то онъ отъ этого тоже ничего не выиграетъ. Ибо съ каждымъ литературнымъ памятникомъ ему приходится пройти черезъ тѣ-же трудности. Онъ не участвуетъ въ Христовой Церкви и потому лишенъ принципіальной возможности знать, какое ему приходится придавать значеніе каждому памятнику. Онъ никакой жизни нигдѣ видѣть не можетъ. Кромѣ того, указанный здѣсь случай можетъ и представляться въ иномъ видѣ: какое либо отдѣльное исповѣданіе, не опротестованное такъ, чтобы объ этомъ протестѣ былъ оповѣщенъ весь міръ, можетъ просуществовать нѣкоторый періодъ безъ особаго вреда, и за-

тѣмъ вдругъ навлечь на себя сначала все большія и большія нареканія, а затѣмъ и форменный протестъ. Все это зависитъ отъ жизненныхъ условій, окружающихъ Церковь, облегчающихъ или затрудняющихъ ту главную задачу, которую она исполняетъ на землѣ: храненіе въ неизмѣнной чистотѣ залога Христова откровенія. Среди всего этого постороннему разобраться рѣшительно не по силамъ.

И теперь мы слышимъ уже обвиненіе паписта: „если Церковь хранитъ истину въ такомъ состояніи, что до нея добраться нельзя, то какая-же можетъ быть цѣль ея существованія для людей?“

Не спѣшите! Всякій можетъ слышать проповѣдуемыя Церковью догматическія истины. Догматическія истины находятся открытыми, и соборно засвидѣтельствованными для пытливыхъ умовъ постороннихъ въ той именно мѣрѣ, въ которой логическое пониманіе ихъ можетъ быть удовлетворено для призыва свѣта и благодати въ сердце. Вѣра же, вселившись въ сердце, даетъ и разуму полную мѣру пониманія.

в)—Изучаемое вѣроопредѣленіе было повторено и подтверждено во всеуслышаніе всѣми, со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ случаѣ, и только въ этомъ, иновѣрецъ можетъ достовѣрно сказать, что такое исповѣданіе—отъ Церкви. Какъ мы видѣли, каждое исповѣданіе отдѣльнаго лица въ дѣйствительности тоже можетъ быть свидѣтельствомъ Церкви. Но посторонній изслѣдователь никакой компетенціи не имѣетъ, чтобы судить о подлинности или о ложности такого свидѣтельства. Научные споры и ученыя изслѣдованія иновѣрцевъ о символическихъ книгахъ нашихъ, всѣ эти мнѣнія, приведенныя также въ трудѣ Пальміери, разныхъ протестантскихъ, старокатолическихъ и латинскихъ богослововъ, всѣ эти разсужденія о томъ, имѣетъ ли „обязательное символическое значеніе“ исповѣданіе

какого нибудь Кирилла Лукариса, Геннадія Схоларія, Митрофана Критопуло и другихъ, все это было бы смѣшно и забавно, если бы оно не было такъ грустно! Какъ только кѣмъ нибудь, гдѣ нибудь, что нибудь въ Церкви высказывается, то одна только Церковь и живые члены ея знаютъ достовѣрно, какъ слѣдуетъ относиться къ этому. Если они считаютъ нужнымъ словесно и формально засвидѣтельствовать свое общее мнѣніе, тогда и для иновѣрца свидѣтельство Церкви будетъ понятно, по крайней мѣрѣ раціонально. Но если это внѣшнее и чисто формальное обстоятельство отсутствуетъ, тогда посторонніе, пока они противятся благодати, непреложно находятся въ положеніи слѣпого передъ картиной. У нихъ просто на просто отсутствуетъ органъ воспріятія. И по этому и спорить съ ними нечего. Компетенція иновѣрца, чтобы судить о подлинности любого вѣроопредѣленія, зависитъ отъ того, можетъ ли онъ сказать объ этомъ что нибудь толковое. Онъ можетъ это дѣлать, какъ по отношенію къ опредѣленіямъ семи вселенскихъ Соборовъ, такъ и но всѣмъ пунктамъ вѣроученія, по которымъ формальное согласіе церквей было подтверждено во всеуслышаніе. Всякое иного рода вѣроопредѣленіе ускользаетъ отъ компетенціи враговъ Церкви ровно по мѣрѣ матеріальной трудности собиранія документовъ о существованіи соборнаго согласія.

Уважаемый Пальміери: Вы къ Церкви ни съ какой стороны подойти не можете, зажавъ себѣ съ предвзятымъ умысломъ глаза.

Итакъ, наше отношеніе къ критикѣ Пальміери по адресу нашихъ символическихъ документовъ упрощается чрезвычайно. Какъ мы видѣли, Пальміери опредѣляетъ символическое богословіе слѣдующимъ образомъ: „Наука, извлекающая изъ подлинныхъ документовъ церквей и христіанскихъ сектъ ихъ вѣроученія, объясняющая ихъ и критически сравнивающая ихъ другъ

съ другомъ". (см. выше). Это опредѣленіе годится вполнѣ для богослова, занимающагося изученіемъ какого бы то ни было иного вѣроученія, кромѣ Соборнаго Христіанскаго Православнаго. Но для богослова, занимающагося со своей иновѣрческой точки зрѣнія „изученіемъ", т. е. раціональнымъ усвоеніемъ подлиннаго вѣроученія Христовой Церкви, оно годится только въ теоріи, такъ какъ на практикѣ этотъ иновѣрческій богословъ лишенъ психической возможности заниматься этою непроницаемою для него „наукою". Этимъ именно и отличается христіанство отъ всѣхъ безъ исключенія религій, появившихся на исторической поверхности временъ.

Для Васъ, уважаемый Пальміери, повторяемъ, сама вѣра Христовой Церкви, хотя бы и сто разъ выраженная, — недоступна и непонятна по существу. По этому и наши вѣроопредѣленія являются неосязаемыми для Васъ, такъ какъ сущность апостольскаго ученія, т. е. самое именно условіе его осязаемости, лежитъ внѣ доступной разуму Вашему логической его формы. Вы можете только вращаться въ матеріальныхъ, словесныхъ выраженіяхъ. Критерія же о томъ, сходятся ли эти выраженія съ вѣрою Церкви или нѣтъ, Вы не имѣете. Вы можете только замѣнить этотъ подлинный критерій, въ извѣстныхъ случаяхъ, наблюденіемъ и констатированіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ совпаденій, имѣющихъ иногда мѣсто при подлинныхъ свидѣтельствахъ о церковной вѣрѣ. И мы уже показали, съ какими трудностями Вамъ при этомъ приходится считаться. И этимъ мы изъ даннаго Вами опредѣленія символическаго богословія, примѣнительно къ изученію Вами вѣроопредѣленій Христовой Церкви, вычеркнули слово „вѣроученія" какъ объектъ Вашихъ изслѣдованій, посколько дѣло идетъ объ осязаемости этихъ вѣроученій по существу. Этимъ-же мы и вычеркнули здѣсь, изъ того-же опредѣленія Вашего, добрую

часть „подлинныхъ документовъ“. Ибо. не всѣ подлинные документы прошли черезъ тѣ формальности, которыя однѣ лишь даютъ Вамъ право предполагать ихъ подлинность.

Итакъ мы Вамъ, уважаемый Пальміери, на очень толковое, впрочемъ, опредѣленіе науки символическаго богословія отвѣчаемъ:

Да. Но едва ли отъ этого что нибудь остается, чтобы Вы могли, по поставленнымъ себѣ правиламъ, сказать что нибудь о Церкви.

Итакъ, то громадное, коренное опроверженіе, которое мы выдвигаемъ противъ бутафорныхъ нападокъ папства на Христову Церковь, уничтожаетъ всякія вообще основы какой либо толковой полемики противъ насъ. *Мы находимся въ неприступной крѣпости, стоя на почвѣ церковной.* Мы потому, собственно говоря, и не нуждались бы вовсе въ детальныхъ опроверженіяхъ тѣхъ мелочей, которыя Пальміери выдвигаетъ противъ Церкви. Ибо эти мелочи являются только вѣтвями того растенія, которое мы вырываемъ съ корнями.

Мы однако соглашаемся оставить нашу неприступную крѣпость, стать на мелочную почву латинскаго писателя, и отвѣтить ему на его „доказательства“ предполагаемой имъ „неясности“ православнаго вѣроученія. И мы это дѣлаемъ потому, что объясненія наши могли бы помочь нуждающимся въ такихъ костыляхъ.

Пальміери говоритъ, что онъ нашелъ несоотвѣтствія въ нашихъ, такъ называемыхъ, символическихъ книгахъ. И такъ какъ онъ считаетъ, что для насъ эти книги являются источниками обязательнаго вѣдѣнія, по ихъ офиціальному наименованію „символическія книги“, то онъ и выводитъ, что найденныя имъ якобы тамъ несоотвѣтствія опредѣляютъ собою и неясность нашей вѣры по этимъ пунктамъ. Этотъ выводъ ко-

нечно никуда не годится. Но для паписта онъ является вполнѣ логичнымъ, и ему слѣдуетъ придти на помощь въ его матеріальномъ міркѣ. По этому, мы Васъ увѣряемъ, уважаемый Пальміери, что ровно никакихъ неясностей нѣтъ въ православномъ вѣроученіи. Нѣтъ таковыхъ неясностей и въ тѣхъ пунктахъ нашей вѣры, по которымъ Вы увѣряете, что нашли несоотвѣтствія въ нашихъ символическихъ книгахъ. Мы это докажемъ для каждаго найденнаго Вами несоотвѣтствія поочередно.

На таковой предметъ мы принуждены забѣгать впередъ и свести въ одинъ списокъ всѣ пункты, озадачившіе нашего латинскаго автора. Оказывается, что такихъ „неясныхъ“ пунктовъ имѣется пять. Эти пять пунктовъ выкапываются изъ двухъ документовъ, содержаніе коихъ почти цѣликомъ было формально и во всеуслышаніе подтверждено соборнымъ согласіемъ церквей. Пальміери по этому вполнѣ правильно предполагаетъ, что эти вѣроопредѣленія — отъ Церкви. Это положеніе иновѣрца передъ церковнымъ свидѣтельствомъ нами разработано выше, подъ № III в. Но въ этихъ-же документахъ имѣются и нѣкоторые пункты, которые не всѣми подтверждались, или же даже были опротестованы. И по этимъ пунктамъ иновѣрецъ конечно ставится втупикъ. Такое его положеніе нами тоже разработано выше, подъ №№ III а., III б. Но мы еще разъ увѣряемъ Васъ, уважаемый Пальміери, что по этимъ пунктамъ вѣроученіе Церкви не страдаетъ ровно никакою неясностью. И это мы теперь докажемъ.

Упомянутые два символическихъ документа, о которыхъ идетъ рѣчь, — слѣдующіе: Изложеніе вѣры патріарха Досиѳея на Іерусалимскомъ Соборѣ 1672 г., и Изложеніе вѣры Петра Могилы.

Несоотвѣтствія-же, найденныя латинскимъ авторомъ въ этихъ двухъ документахъ, получаются такимъ образомъ:

1. — У Досиѳея въ гл. XVIII имѣется какъ будто опредѣленіе о чистилищѣ, хотя оно и не называется по имени. Но съ этимъ, какъ замѣчаетъ Пальміери, никто-де изъ православныхъ не соглашается. Это слишкомъ очевидно. Даже самъ Досиѳей исправилъ-де свою ошибку во второмъ изданіи своего Изложенія, напечатанномъ въ 1690 г. въ Бухарестѣ.

2. — У Петра Могилы имѣется ученіе о пользѣ милостынь, молитвъ и безкровной жертвы для усопшихъ. Но вотъ! многіе православные богословы очевидно вовсе не соглашаются-де съ латинскимъ духомъ этого ученія.

3. — У Досиѳея имѣется указаніе на неизгладимость таинства рукоположенія. Но съ этимъ какъ будто не соглашается-де русская церковь, такъ какъ мѣсто это въ русскомъ изданіи пропущено.

4. — У Петра Могилы имѣются нѣкоторыя опредѣленія о формѣ и матеріи таинствъ и о твореніи душъ. Но многіе православные богословы нападаютъ-де на него за плохую схоластику въ этихъ опредѣленіяхъ.

5. — У Досиѳея имѣется ясное указаніе на то, что міряне — не въ правѣ читать Св. Писаніе. Но русская церковь выпустила-де въ своемъ изданіи это мѣсто, съ которымъ очевидно не всѣ соглашаются.

Вотъ и все.

Во всемъ остальномъ, мы слѣдовательно полагаемъ, что Вы сами, уважаемый Пальміери, нашли полную ясность и полное соотвѣтствіе. Не такъ-ли?

Но мы теперь, на Вашихъ глазахъ, приведемъ и эти пять пунктовъ въ такую-же удовлетворительную для Васъ ясность.

Обратимся сначала къ двумъ первымъ пунктамъ, касающимся чистилища, и пользы милостынь, молитвъ и безкровной жертвы для усопшихъ.

Неужели Вы не знаете, какъ на этотъ счетъ вѣруетъ Церковь?

Да. Больно, на самомъ дѣлѣ, видѣть нашего несчастнаго слѣпого брата, копающагося учено и кропотливо во всѣхъ матеріалахъ для того, чтобы на счетъ каждаго документа быть поставленнымъ втупикъ. Ибо на документѣ, разумѣется, не находится то нотаріально-авторитетное свидѣтельство о подлинности за печатью и №, которыхъ онъ ищетъ. Для него, „символическое“ значеніе состоитъ только въ этой печати и въ этомъ №, а не въ содержаніи документа. А тутъ ему приходится обращаться къ содержанію, самому удостовѣряться, насколько каждый пунктъ этого содержанія соотвѣтствуетъ соборнымъ свидѣтельствамъ той Церкви, которой онъ, несчастный слѣпой, больше не слышитъ и не видитъ. Затѣмъ онъ долженъ рыться во всѣхъ богословскихъ сочиненіяхъ, чтобы тамъ найти протесты противъ каждаго пункта изучаемаго документа. Затѣмъ, онъ конечно не знаетъ, уже, какое значеніе имѣетъ протестъ. Затѣмъ, онъ долженъ прослѣдить, когда, гдѣ и какъ, по всѣмъ ли пунктамъ или только по частямъ, принятъ изучаемый документъ въ другихъ помѣстныхъ церквахъ, и какое тогда имѣетъ значеніе простое молчаніе одной изъ помѣстныхъ церквей по какому либо опредѣленному пункту этого документа. Онъ ползетъ по всѣмъ поверхностямъ, по всѣмъ матеріальностямъ, не вникая ровно ни во что и не понимая соотношенія изучаемыхъ частей. Онъ похожъ на человѣка, изучающаго книгу по вѣсу, по числу страницъ, по числу и по внѣшней формѣ буквъ, по химическому качеству бумаги и чернилъ, и который понимаетъ символическую книгу не по содержанію, а по ея офиціальному наименованію „символическая книга“. Въ этомъ, для него, и состоитъ символика. Иначе онъ и не понимаетъ никакого опре-

дѣленія вѣры. Для него, вѣра не существуетъ, а имѣется только офиціальное опредѣленіе. Конечно, разобраться при такихъ условіяхъ въ символикѣ Христовой Церкви является непосильнымъ трудомъ. Наше сердце сжимается при видѣ этого глубокаго душевнаго бѣдствія! Какъ они грустны, эти ученые споры иновѣрцевъ, римскихъ и протестантскихъ богослововъ, кодифицирующихъ, каждый отъ своего имени, символику Христовой Церкви!! Они, конечно, не сходятся, и тогда начинаются важныя научныя пререканія. И чего только намъ не навязываютъ! Даже спеціалисты имѣются... по православному богословію!!!

Позвольте, уважаемый Пальміери, въ двухъ словахъ разъяснить Вамъ, что символическая книга въ Церкви имѣетъ значеніе не по внѣшности, а по содержанію. По содержанію-же она имѣетъ значеніе лишь по столько, посколько она является выраженіемъ одной и неизмѣнной вѣры, той вѣры, которая была засвидѣтельствована и вселенскими Соборами. Въ символическомъ документѣ всѣ почти опредѣленія выражаютъ соборную вѣру. Но могутъ встрѣчаться тамъ и нѣкоторыя такія положенія, съ которыми не всѣ соглашаются. Въ такомъ случаѣ Вы, хотя Вы конечно лишены критерія, чтобы судить объ этомъ какъ слѣдуетъ, все-же имѣете право предполагать, что съ этими положеніями что-то не ладно. Сынъ Церкви, конечно, по мѣрѣ участія своего въ ней, ложнаго свидѣтельства не приметъ. Ибо для насъ критерій подлинности исповѣданія заключается въ вѣрѣ, а не въ словѣ „символическая книга“ или во внѣшностяхъ этой книги. По этому, хотя она и „символическая“ по достигнутому ею практическому значенію и благодаря согласіемъ всѣхъ церквей засвидѣтельствованной точности ея содержанія, это еще не значитъ, что въ какомъ либо ея помѣстномъ изданіи не могутъ находиться и такія

положенія, которыя не всѣми принимаются, и которыя по этому одному уже не являются соборными свидѣтельствами. Вы, уважаемый Пальміери, много и хорошо изучали всѣ эти документы, и одними только раціональными средствами Вашими, благодаря упорной работѣ, достигли матеріальнаго свидѣтельства о томъ, что все содержаніе нѣкоторыхъ помѣстныхъ изданій дѣйствительно символическихъ книгъ нашихъ принимается всѣми церквами. Слѣдовательно, въ виду этого широкаго согласія, проявляемаго вполнѣ утвердительно, даже для Васъ рѣчи быть не можетъ о неясностяхъ. Вы съ тяжкимъ трудомъ да съ грѣхомъ пополамъ извлекли пять неясныхъ пунктовъ, которые мы теперь разбираемъ, продолжая наши прерванныя объясненія. Мы дошли до разбора двухъ неясныхъ для Васъ пунктовъ, именно о чистилищѣ, и о пользѣ милостынь, молитвъ и безкровной жертвы для усопшихъ.

Что касается чистилища, то вѣдь Вы сами говорили, что Досиѳей исправилъ свой первый, не вполнѣ ясный текстъ. Вы вѣдь разсказываете, какъ самъ Досиѳей сознался въ томъ, что онъ увлекся, и что онъ не вполнѣ правильно свидѣтельствовалъ о соборной вѣрѣ по этому пункту. Вы вѣдь говорили, что въ 1690 г. Досиѳей вторично издалъ свое Изложеніе вѣры, исправленное, въ Бухарестѣ. Стало быть и самъ Досиѳей объяснился и отрицаетъ чистилище. Чистилище, какъ Вы вѣрно говорите, отрицается всѣми православными. Чего же Вы еще хотите?! Неужели для Васъ еще не ясно, признаетъ ли Церковь чистилище или нѣтъ? Неужели Вы считаете вѣроученіе Церкви недостаточно опредѣленнымъ на этотъ счетъ? Неужели Вы также не знаете, признаетъ ли Церковь пользу милостынь, молитвъ и безкровной жертвы для усопшихъ? Если Вы даже этого не знаете, то позвольте же Васъ спросить, какъ Вы рискнули писать о Церкви?

Но какъ бы то ни было, если эти два пункта все-же представляются Вамъ слишкомъ неясными въ вѣроученіи Христовой Церкви, чтобы рискнуть обратиться и очутиться въ плачевномъ невѣдѣніи на этотъ счетъ, то знайте, что въ чинѣ Вашего обращенія Вамъ поставятъ слѣдующій, вполнѣ точный и вполнѣ ясный вопросъ: „Вѣруешь-ли, яко душамъ представившихся не огнь чистилищный что пользуетъ, иже не существуетъ, но великую отраду приносятъ милостыни и молитвы за нихъ, наипаче-же безкровная жертва?“ И на это Вы должны будете не менѣе точно и не менѣе ясно отвѣтить: „Вѣрую и пріемлю“.

Обратимся теперь къ третьему пункту.

Вы, уважаемый Пальміери, предполагаете, что ученіе Церкви стоитъ не твердо, на основаніи чего-то такого, что Вы читали у Досиѳея касательно неизгладимости рукоположенія.

Но мы Васъ и на этотъ счетъ можемъ успокоить.

Рукоположеніе, видите-ли, является, по вѣрѣ нашей, таинствомъ, сообщающимъ рукоположенному благодать, состоящую въ томъ, что онъ, рукоположенный, въ своихъ священнодѣйствіяхъ будетъ уже дѣйствовать не отъ себя, а по согласію Церкви отъ ея имени. Ну, а если Церковь на это представительство почему-либо болѣе не соглашается? Тогда и священнодѣйствующій не можетъ уже дѣйствовать отъ ея имени. И на это имѣется каноническое лишеніе сана. Не правда-ли, какъ ясно?! Если лишенный сана будетъ всетаки продолжать свои священнодѣйствія, тогда Церковь конечно будетъ непричастна къ нимъ. И по этому Церковь предоставляетъ эти дѣйствія на волю Божію, не считая себя въ правѣ высказаться о ихъ значеніи. Она, Христова Церковь, судитъ и знаетъ только себя. Эти-же священнодѣйствія, какъ происходящія не отъ ея имени, не подлежатъ ея суду. Въ догматическомъ смыслѣ она

ими вовсе не занимается. А это значитъ, что изгладимость или неизгладимость рукоположенія вовсе не подлежатъ ея догматическому опредѣленію. Она знаетъ только то, что рукоположенный и дѣйствующій съ ея согласія, дѣйствуетъ правильно и по благодати. Нечего ей по этому и утверждать, что рукоположеніе лишеннаго своего сана — изглажено. Но противнаго она тоже не утверждаетъ. Это — не ея дѣло.

Досиѳей боролся противъ протестантовъ, и его положеніе о „неизгладимости“ рукоположенія понимается правильно лишь въ сопоставленіи съ протестантскимъ заблужденіемъ, отрицающимъ благодать рукоположенія свыше. Досиѳей, по этому, правильно указалъ протестантамъ на неизгладимость рукоположенія. Ибо, какъ мы видѣли, изгладимость его ни въ какомъ случаѣ не предполагается. По этому — правъ Досиѳей, но права и русская церковь, не считавшая удобнымъ подать поводъ къ превратному толкованію этого термина въ смыслѣ римскомъ. Ибо, какъ мы видѣли, неизгладимость этого таинства точно также не предполагается. Русская церковь по этому и выпустила этотъ терминъ. Но какъ она, такъ и Досиѳей, ничуть не сомнѣвались въ истинномъ значеніи рукоположенія въ Христовой Церкви. Вѣра наша, вѣра Церкви, одна и та-же всегда. Ближнихъ же Церковь не судитъ.

Итакъ, этотъ пунктъ, уважаемый Пальміери, остается „неяснымъ“ потому, что онъ по самому ученію о Церкви обязательно долженъ оставаться „неяснымъ“.

По четвертому пункту, Вы предполагаете, что изъ за плохой схоластики Петра Могилы Церковь не знаетъ, какъ она вѣруетъ по вопросамъ о формѣ и матеріи таинствъ и о твореніи душъ.

Позвольте: это къ вѣроученію совсѣмъ не относится. Всѣ эти схоластическія раздѣленія и подраздѣленія, удачныя или

неудачныя, ложныя или правильныя, незыблемаго ученія вовсе не касаются. Всѣ мы знаемъ, напр., въ чемъ заключается таинство крещенія, и вѣра наша въ это таинство—неизмѣнна. Но схоластическія мнѣнія о томъ, что именно въ этомъ таинствѣ относится къ матеріи и что къ формѣ, все это ровно ничего не отнимаетъ отъ таинства и отъ догматическаго его опредѣленія, и ничего къ нему не прибавляетъ. Плохую схоластику инымъ угодно было только позаимствовать у латинянъ. Это къ вѣрѣ совсѣмъ не относится и рѣшительно никого не обязываетъ.

Итакъ, отпадаетъ послѣдняя догматическая „неясность".

Остается одинъ только дисциплинарный пунктъ.

Какъ быть въ вопросѣ о томъ, имѣютъ-ли міряне право читать Св. Писаніе? Досиѳей отрицаетъ это право. Но съ этимъ очевидно не соглашается русская церковь!

Да, конечно. Въ такихъ вопросахъ съ особенною ясностью выступаетъ безпомощность паписта. Ибо духъ его — запечатанъ. Въ папствѣ, вообще, никому ни по какому вопросу имѣть какое либо мнѣніе не разрѣшается. Тамъ все сводится именно къ отказу отъ мнѣнія. Ученіе же папства ни на какомъ соборномъ убѣжденіи не основывается, благодаря чему оно съ христіанской точки зрѣнія и представляется какъ безконечный сводъ несообразностей. У насъ имѣется подъ рукою очень интересный и полный катехизисъ, изданный съ благословенія духовной власти въ одной весьма латинской странѣ. По самоувѣренному заявленію папистовъ, ученіе ихъ вездѣ и повсюду представляется одинаковымъ, яснымъ, точнымъ и подлиннымъ, благодаря присутствію авторитетнаго учительства. Такимъ образомъ, согласно вышеупомянутому заявленію, и этотъ катехизисъ, напечатанный въ 100.000 экземплярахъ въ 1910 году, является обще-обязательнымъ, точнымъ и подлин-

нымъ ученіемъ римской церкви. И теперь было бы интересно знать, имѣются-ли приводимые ниже пункты во всѣхъ латинскихъ катехизисахъ другихъ странъ, и въ частности въ тѣхъ экземплярахъ, которыми паписты пользуются для совращенія православныхъ, особенно въ Россіи? Если-же не имѣются, то мы хотѣли бы знать, каково точное римское ученіе на этотъ счетъ. Да притомъ, удовлетворительный отвѣтъ на этотъ нашъ вопросъ непремѣнно долженъ быть авторитетнымъ. Иначе мы, сообразно римской-же системѣ, вовсе не видимъ, съ какой стати намъ слѣдуетъ придавать бо́льшую вѣру даваемымъ объясненіямъ, нежели приводимому нами катехизису, въ случаѣ, если даваемыя объясненія расходились бы съ этимъ катехизисомъ. И если заявленіе о солидарности съ приводимыми ниже пунктами представлялось бы неудобнымъ для папистовъ въ другихъ странахъ, то мы хотѣли бы также знать, какъ это вяжется съ предполагаемою повсемѣстною тождественностью римскаго ученія? [1]) И мы спеціально интересовались бы этимъ послѣднимъ вопросомъ потому, что намъ, православнымъ, на самомъ дѣлѣ исповѣдывающимъ вездѣ и повсюду одно единственное и тождественное ученіе, хотятъ навязать всякія взаимныя помѣстныя несоотвѣтствія, которыя не существуютъ.

Вотъ эти пункты. Читаемъ въ катехизисѣ:

Вопросъ: Какого рода грѣхъ — либерализмъ?

Отвѣтъ: Тягчайшій грѣхъ противъ вѣры.

В.: Почему?

---

[1]) Эта предполагаемая повсемѣстная тождественность римскаго ученія, которая вытекаетъ-де изъ авторитетнаго учительства, является фикціей. Мы достаточно ясно выставляемъ на видъ духовныя начала папства, чтобы сказать, что „ученіе“ въ истинномъ смыслѣ слова, тамъ не существуетъ, ни тѣмъ паче „ученіе тождественное“. Существуетъ одно только „авторитетное учительство“. Вотъ—истинный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

О.: Потому что либерализмъ есть сводъ ересей и заблужденій, осужденныхъ Церковью.

В.: Позволяется-ли католику называться либераломъ?

О.: Нѣтъ.

В.: Почему?

О.: Изъ за соблазна, заключающагося въ имени осужденнаго Церковью заблужденія.

В.: Могутъ-ли католики оправдывать либерализмъ вполнѣ или отчасти, называясь „католическими либералами?“

О.: Нѣтъ. Ибо католики не могутъ принимать ни вполнѣ, ни частью того, что осуждено Церковью.

(въ другомъ мѣстѣ):

В.: Въ чемъ состоитъ либерализмъ?

О.: Въ системѣ, защищающей независимость государства относительно Церкви.

(въ другомъ мѣстѣ):

В.: Каково на этотъ счетъ католическое ученіе?

О.: Государство должно быть подчинено Церкви, какъ тѣло духу и какъ временное вѣчному.

(въ другомъ мѣстѣ):

В.: Какія свободы защищаетъ либерализмъ?

О.: Свободу совѣсти, вѣротерпимость и свободу печати.

В.: Что такое свобода совѣсти?

О.: „Каждый можетъ исповѣдывать ту вѣру, которую совѣсть повелѣваетъ, и если никакой вѣры не повелѣваетъ, то никакую“.

В.: Можетъ-ли человѣкъ выбирать вѣру по усмотрѣнію своему?

О.: Нѣтъ. Онъ долженъ исповѣдывать исключительно католическую, апостольскую, римскую, которая одна только есть вѣра истинная.

В.: Что такое вѣротерпимость?

О.: „Государство должно защищать свободу отправленія всѣхъ богослуженій, хотя бы и ложныхъ“.

(ниже):

В.: Какія еще имѣются вредныя свободы?

О.: Свобода преподаванія, пропаганды и союзовъ.

В.: Почему эти свободы — вредны?

О.: Потому что онѣ содѣйствуютъ заблужденію, порокамъ, и подстрекательствамъ противъ Церкви.

(ниже):

В.: Тяжко-ли грѣшитъ тотъ, который абонированъ на либеральныя газеты?

О.: Да.

В.: Почему?

О.: Потому что онъ содѣйствуетъ злу деньгами, вводитъ вѣру свою въ опасность и другимъ даетъ плохой примѣръ.

В.: Можетъ-ли быть иногда легкимъ грѣхомъ чтеніе либеральной печати?

О.: Да Если въ рѣдкихъ случаяхъ читаются свѣдѣнія или статьи слегка опасныя.

В.: Могутъ-ли иногда представляться важныя причины, требующія чтенія либеральной газеты?

О.: Рѣдко, но могутъ.

В.: Что-же тогда нужно сдѣлать, чтобы не впасть въ заблужденіе?

О.: Спросить сначала у мудраго и осторожнаго руководителя совѣсти.

(Слѣдуетъ разборъ отдѣловъ печатнаго органа, чтеніе которыхъ подходитъ подъ эту статью: биржевыя цѣны бумагъ и т. п. Во всякомъ случаѣ предписывается абонементъ на католическую газету).

В.: Какіе имѣются признаки, по которымъ можно узнать либеральную газету?

О.: Слѣдующіе:

1. — если самихъ себя такъ называютъ.

2. — если защищаютъ свободу совѣсти, вѣротерпимость, свободу печати или какое либо иное либеральное заблужденіе.

3. — если нападаютъ на папу, на духовенство или на религіозныя конгрегаціи.

4. — если принадлежатъ либеральнымъ партіямъ.

5. — если коментируютъ свѣдѣнія или судятъ о лицахъ, придерживаясь либеральнаго критерія. (Слѣдуетъ перечень входящихъ въ эту рубрику газетъ, выходящихъ въ этой странѣ. Между ними числятся всѣ сколько нибудь выдающіяся газеты страны).

В.: Какое, въ этихъ случаяхъ, наилучшее правило, чтобы не впасть въ заблужденіе?

О.: Не читать ни одной газеты безъ предварительнаго совѣта и позволенія духовника.

(ниже):

В.: Какъ грѣшитъ тотъ, который даетъ свой голосъ либеральному депутату?

О.: Обыкновенно смертельно.

В.: Почему?

О.: Потому что онъ, голосомъ своимъ, поддерживаетъ враговъ Христа и содѣйствуетъ изданію либеральныхъ законовъ и сформированію враждебныхъ Церкви министерствъ.

В.: Существуютъ-ли причины, достаточно вѣскія къ тому, чтобы сложить обязанность исполненія этихъ наставленій?

О.: Да. Но въ сомнѣніи слѣдуетъ спросить у того, кто знаетъ. (Слѣдуетъ наставленіе духовнымъ лицамъ, чтобы они давали добрые совѣты на пользу Церкви).

В.: Какимъ оружіемъ воюетъ либерализмъ противъ Іисуса Христа и противъ Его Церкви?

О.: Главнымъ образомъ посредствомъ соціальныхъ вопросовъ, печати и политики.

В.: И какимъ оружіемъ каждый добрый католикъ обязанъ защищать Церковь Іисуса Христа?

О.: Политикой, печатью и соціальными вопросами. (За подлинность сего дословнаго перевода ручаемся. Ссылка наша до того невѣроятна, что насъ могли бы заподозрить въ мистификаціи. Мы повторяемъ, что одинъ экземпляръ этого произведенія, изданнаго съ благословенія подлежащей духовной власти [1]), находится въ нашихъ рукахъ). . . . . Любуйтесь! . . . . . .

Патріархъ Досиѳей, видите-ли, дѣйствительно, въ Изложеніи вѣры 1672 г. сказалъ, что міряне не должны читать Св. Писанія, и таковая его ошибка была впослѣдствіи исправлена въ другомъ помѣстномъ изданіи того-же Изложенія. Вы можете удостовѣриться, уважаемый Пальміери, что всѣ православные христіане не только въ правѣ, но обязаны читать Св. Писаніе, и таковъ именно будетъ совѣтъ каждаго православнаго священника, безразлично къ тому, русскій-ли онъ, грекъ, румынъ, сербъ, арабъ или какой угодно національности. Это будетъ совѣтомъ его каждому кающемуся на исповѣди: „читайте евангеліе!“ Мы вообще не любимъ этого выраженія, „христіанинъ имѣетъ право“, или „христіанинъ имѣетъ обязанность“. Мы такъ выражаемся только потому, что говоримъ по адресу паписта, для котораго всѣ вопросы божественные

---

[1]) Отъ 13 августа 1909 года. 50 дней индульгенціи всѣмъ преподающимъ или изучающимъ эти наставленія.

вертятся въ римскихъ понятіяхъ о правахъ и обязанностяхъ. Эти права и эти обязанности проистекаютъ изъ необходимости юридическаго согласованія отдѣльныхъ эгоизмовъ, на предметъ гарантіи существованія каждаго эгоизма наряду со всѣми другими эгоизмами. Для насъ, участіе христіанина въ апостольскомъ преданіи, писанномъ или не писанномъ, не есть какое нибудь „право“, или какая нибудь „обязанность“. Это— простое условіе участія его въ живомъ организмѣ святой апостольской Церкви. Если я живу, то я имѣю и легкія, которыми дышу, глаза, которыми вижу, мозгъ, которымъ думаю: не потому, что я имѣлъ бы право или обязанность все это имѣть. А просто имѣю, потому что живу. Такъ и христіанинъ въ Церкви. Онъ участвуетъ въ апостольскомъ преданіи, писанномъ или не писанномъ, просто потому, что онъ живетъ и дышетъ въ Церкви. Ни о какихъ „правахъ“ или „обязанностяхъ“ тутъ рѣчи нѣтъ.

По этому Досиѳей, сказавшій, что христіанинъ не имѣетъ права читать Св. Писаніе, не отъ Церкви говорилъ. И внѣшнимъ признакомъ такой ошибки служитъ тотъ фактъ, что другая помѣстная церковь съ нимъ на этотъ счетъ не согласилась. Посторонній, конечно не знаетъ и знать не можетъ, кто теперь правъ: Досиѳей или русская церковь, и это его положеніе уже разработано нами выше. Но все это съ большою натяжкою! Мы не можемъ допустить, чтобы даже иновѣрецъ, столько лѣтъ пробывшій на Востокѣ, не давалъ себѣ отчета, какъ на этотъ счетъ думаетъ вся Церковь, какъ въ самомъ Іерусалимѣ, такъ и въ Россіи, и чтобы онъ не хотѣлъ удостовѣриться, что въ этомъ дисциплинарномъ вопросѣ отъ имени всей Церкви говорила церковь русская, а не Досиѳей. Сама Церковь конечно знаетъ отлично, какъ обстоитъ дѣло, и для нея самой сомнѣніе не существуетъ. Можемъ Васъ увѣ-

рить, уважаемый Пальміери, что православные христіане читаютъ Св. Писаніе вездѣ, какъ на всемъ христіанскомъ Востокѣ, такъ и въ Россіи.

Ясно и крѣпко стоитъ ученіе Церкви. Оно — абсолютно то-же сегодня, какъ во время паденія Рима, какъ въ первомъ вѣкѣ, какъ дано апостолами.

Найдите-же тутъ, уважаемый Пальміери, какія либо новшества, или что нибудь такое, о чемъ Вы бы могли сказать: „Это — ересь". Вы этого не можете, даже при всемъ Вашемъ желаніи. Наше-же положеніе передъ Вами — совсѣмъ иное. На нашей сторонѣ объекта даже нѣтъ, на который Вы могли бы указать со словами „это — ересь". У васъ же такихъ объектовъ много, и вы только должны себя отстаивать. Вы гордо объявляете (стр. 278), что побѣда Ваша надъ нами будетъ легкая!..

Несчастный дорогой, за что Вы взялись?!

На стр. 278 мы читаемъ нѣчто невѣроятное: „Среди всѣхъ такъ называемыхъ христіанскихъ церквей или сектъ, одна только католическая Церковь имѣетъ крѣпость и силы юности и одна лишь она имѣетъ истинное и подлинное вліяніе на улучшеніе гражданскаго общества и людей."

Что-же намъ, на самомъ дѣлѣ, отвѣтить на подобную вещь?

Инквизиція, революція, анархія, атеизмъ, уничтоженіе могущества всѣхъ „католическихъ" странъ, уничтоженіе свѣтской власти папъ, антиклерикализмъ, религіозная неурядица во Франціи, въ Португаліи, неизлѣчимыя болѣзнь и судороги всего современнаго человѣчества... а въ Ватиканѣ римскій папа въ заточеніи, и осужденіе, произнесенное Піемъ IX „ex cathedra" (Syllabus ст. 76) противъ слѣдующаго „заблужденія:"

„Уничтоженіе свѣтской власти апостольскаго сѣдалища содѣйствовало бы свободѣ и благоденствію Церкви!!!“

Такъ какъ свѣтская власть папы вотъ уже съ лишнимъ 40 лѣтъ какъ была уничтожена, то слѣдуетъ заключить, что во всякомъ случаѣ та сила и та юность, которыя сказываются въ благоденствіи и въ свободѣ, не являются уже достояніемъ папства.

И если взирать на будущее, то вопросъ поставленъ еще яснѣе: съ одной стороны папа. Съ другой стороны современная цивилизація и прогрессъ.

Читаемъ:

Syllabus ст. 80.

Осужденное „заблужденіе“:

„Римскій Первосвященникъ можетъ и долженъ примириться съ прогрессомъ, съ либерализмомъ и съ современной цивилизаціей“.....!!!

О какихъ это „силахъ юности“ и о какомъ это „истинномъ и подлинномъ вліяніи“ Вы говорите, уважаемый Пальміери?

Мы Васъ не понимаемъ.

Объ изслѣдованіи, въ этой-же главѣ, происхожденія такъ называемаго „апостольскаго“ символа вѣры, употребляемаго въ латинствѣ, мало что приходится сказать. Символъ этотъ содержитъ въ себѣ только такія истины, которыя принадлежатъ къ апостольскому ученію, безъ всякой примѣси лжи. Онъ по этому непремѣнно является „апостольскимъ“ по содержанію. Всякое, безъ исключенія, истинное христіанское исповѣданіе, кѣмъ бы, когда бы и гдѣ бы оно ни было высказано, по необходимости является „апостольскимъ“. Слѣдовательно, вопросъ о „подлинности“ такъ называемаго „апостольскаго сим-

вола“ надо понимать не въ смыслѣ его безспорно истиннаго содержанія. Рѣчь тутъ идетъ исключительно о діалектикѣ, т. е. о числѣ составныхъ элементовъ, о словахъ, о способѣ ихъ сопоставленія и т. п., однимъ словомъ, только о внѣшностяхъ. Пальміери же смѣшиваетъ внѣшность съ содержаніемъ, чтобы вывести свой тезисъ о какой-то особой „подлинности“ римскаго символа. Оставаясь, однако, въ діалекатикѣ, мы изъ приведеннаго латинскимъ авторомъ сопоставленія символовъ римскаго, Маркелла Анкирскаго, Иринея и Тертулліана (стр. 291) никакого особаго сходства между ними, а потому и никакой особой „подлинности“ въ пользу римскаго символа не усматриваемъ. Паписты вѣдь всегда въ лѣсъ смотрятъ, и имъ нужно убѣдить другихъ, что Римъ былъ источникомъ папскаго авторитета, диктовавшаго свой символъ другимъ. И такъ какъ римскій символъ во всякомъ случаѣ восходитъ до первыхъ временъ христіанства и кромѣ того содержитъ въ себѣ суть апостольской проповѣди, то и выводится, что совершенно естественное съ нимъ сходство, *по содержанію*, всякаго другого истиннаго исповѣданія доказываетъ вліяніе, преимущество и авторитетъ символа римскаго! Это вѣдь — пустая фантазія!

Апостольская проповѣдь, этотъ одинаковый во всемъ мірѣ источникъ, — вотъ причина одинаковаго содержанія всѣхъ Изложеній вѣры, и даже тѣхъ діалектическихъ совпаденій, которыя могутъ встрѣчаться въ этихъ памятникахъ. Ни Иринею, ни Тертулліану нечего было учиться у римлянъ. Ириней самъ училъ ихъ, и самъ былъ ученикомъ Поликарпа, ученика Св. Іоанна Богослова. Всѣ эти разсужденія о преимущественномъ какомъ-то значеніи символа римскаго, самого выражающаго апостольскую проповѣдь, передъ другими изложеніями вѣры, проистекающими изъ того-же источника, а потому и сходными съ символомъ римскимъ, ровно ни на чемъ не осно-

ваны. Всѣ же эти разглагольствованія въ родѣ слѣдующаго: „Установлено, что римская церковь предлагаетъ апостольскій символъ всѣмъ вѣрнымъ во всемъ христіанскомъ мірѣ съ самыхъ древнихъ временъ и т. д.“ (стр. 287) — простыя фантазіи и больше ничего. Пальміери самъ вѣдь сознается, что древнія изложенія вѣры, т. е. символы, являются несходными по діалектической внѣшности, такъ какъ никто тогда не преслѣдовалъ стереотипнаго сопоставленія словъ, а скорѣе правильность содержанія (стр. 296). Пальміери самъ отбрасываетъ внѣшность и діалектику. Что-же тогда остается? Остается содержаніе, т. е. апостольское ученіе. И это апостольское ученіе, по разсужденію Пальміери, стало быть болѣе подлинно, и болѣе, значитъ, правильно было преподано апостолами въ Римѣ, чѣмъ въ Антіохіи, чѣмъ въ Іерусалимѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ свѣта?!

Бѣдные апостолы!

Во всемъ этомъ можно прослѣдить принципіальную немощь паписта, не могущаго, по самому существу римской ереси, видѣть духа, и копающагося въ однѣхъ только матеріальностяхъ, въ которыхъ онъ по этому конечно не умѣетъ различить содержаніе отъ формы. Нечего ему по этому и жаловаться на Марка Ефесскаго (стр. 298), который на Флорентинскомъ „Соборѣ“ говорилъ, что греческая церковь ничего не знаетъ о какомъ-то апостольскомъ символѣ. Маркъ Ефесскій сказалъ лишь доподлинно то-же самое, что и самъ Пальміери. Онъ говорилъ о символѣ, т. е. о стереотипномъ сопоставленіи словъ, преподанныхъ въ этой формѣ якобы самими апостолами. Объ отсутствіи апостольской проповѣди онъ не говорилъ. Еще бы ему оскандалиться такою глупостью!

На стр. 299 мы читаемъ слѣдующее: „Въ письмѣ къ

Флавіану Константинопольскому, которое отвергаетъ и осуждаетъ ересь Евтихія."

Да, конечно. Этимъ прекраснымъ письмомъ папа Левъ отдѣлываетъ ересь по православному. Церковь же осудила ее торжественно на Халкедонскомъ Соборѣ, на которомъ предсѣдательствовали Императорскіе коммиссары, первое-же мѣсто занималъ Анатолій Константинопольскій [1]) и второе епископъ Пасхазинъ, представитель епископа римскаго.

На стр. 301 Пальміери говоритъ о римскомъ катехизисѣ: „Если въ римскомъ катехизисѣ имѣется что либо не проистекающее изъ апостольскаго преданія, а основывающееся лишь на авторитетѣ человѣческомъ, то объ этомъ и слѣдуетъ судить лишь при помощи человѣческихъ аргументовъ."

Позвольте! мы Васъ не понимаемъ. Утвержденъ-ли оффиціально этотъ катехизисъ римскимъ престоломъ или нѣтъ? Если утвержденъ, то мы хотѣли бы знать, пользуются-ли всѣ статьи катехизиса этимъ утвержденіемъ или нѣтъ? Если пользуются, то мы хотѣли бы знать, являются ли всѣ безъ исключенія статьи непогрѣшимо преподанными? Если всѣ, такъ стало быть и тѣ, которыя „основываются лишь на авторитетѣ человѣческомъ". А если не всѣ, то мы хотѣли бы знать, имѣетъ ли каждый римлянинъ право, собственнымъ своимъ критеріемъ, опредѣлить, какія статьи катехизиса являются для него непо-

---

[1]) Выписка изъ актовъ. (Labbe): Et cum legerentur, orientales et qui cum ipsis reverendissimi episcopi clamaverunt: Flavianus in proprio loco quare non sedit? Constantinopolitanum episcopum quare quintum posuerunt? Paschasinus reverendissimus episcopus dixit: Ecce nos, Deo volente, dominum Anatolium primum habemus; hi quintum posuerunt beatum Flavianum. Diogenes reverendissimus episcopus Ecclesiae Cyzici dixit: Quoniam vos regulas scitis. Римскій мудрецъ говоритъ въ примѣчаніи, что это было кассировано папою Львомъ. Въ Римѣ умѣютъ кассировать даже историческіе факты!

грѣшимо преподанными, а потому и обязательными, и какія нѣтъ? Если онъ это право имѣетъ, то вѣдь онъ можетъ ошибаться на этотъ счетъ, и такимъ образомъ вашъ авторитетъ въ вопросахъ вѣры не приноситъ ему никакой пользы. Ибо этотъ авторитетъ является, кажется, непогрѣшимымъ лишь тогда, когда онъ говоритъ „ко всей Церкви въ вопросахъ вѣры и какъ учитель“, (ex cathedra), а не къ нему лично, сомнѣвающемуся римлянину. Такъ что даже если этотъ сомнѣвающійся римлянинъ обратится къ своему авторитету за объясненіями, въ какія статьи римскаго катехизиса онъ долженъ вѣровать и въ какія нѣтъ, то вѣдь этотъ авторитетъ ему здѣсь вовсе не помогаетъ, такъ какъ въ этихъ обстоятельствахъ объясненіе „авторитета“ можетъ быть и ложнымъ. Имѣетъ-ли тогда сомнѣвающійся римлянинъ право судить, вѣрить-ли ему объясненіямъ своего „авторитета“ или не вѣрить?

Ни въ какую сторону Вы, уважаемый Пальміери, не увернетесь отъ созданнаго Вами-же абсурда. Ибо мы даже раціонально докажемъ, что въ концѣ концовъ „авторитетъ“ вашъ является фикціей, и что критерій вѣры въ послѣдней инстанціи всетаки не опредѣляется выдуманною вами „Церковью учащей“. Подъ конецъ всетаки выступаетъ православная истина, и вся ваша система только старается какъ нибудь ее замять. По этому вся система ваша и проистекаетъ отъ самоубійственнаго беззаконія. Вы намъ скажете, что въ вопросахъ вѣры, опредѣляемой „авторитетомъ“ для *всей* Церкви (ex cathedra), система ваша представляется ясной. Мы Вамъ теперь докажемъ, что и здѣсь логически безвыходное положеніе, выступающее снаружи въ казусѣ „сомнѣвающагося римлянина“, оказавшагося въ концѣ концовъ безъ авторитета и собственнымъ своимъ хозяиномъ въ вопросахъ вѣры, что и здѣсь, повторяемъ, положеніе это является тѣмъ-же.

Скажите намъ, какіе имѣются признаки, чтобы достовѣрно знать, что папа говоритъ „ко всей Церкви по вопросамъ вѣры какъ учитель“ (ex cathedra)? Къ чему именно сводятся эти каѳедральные признаки непогрѣшимости? Имѣется-ли дѣйствительно такое мѣсто, т. е. такая каѳедра изъ дерева, серебра или золота, которая считается опредѣлительнымъ признакомъ пресловутой непогрѣшимости, и на которую папа долженъ стать, чтобы слова его, произнесенныя оттуда, считались не частными изреченіями, а обращенными ко всей Церкви? Въ такомъ случаѣ папское вѣроопредѣленіе было бы непогрѣшимымъ при условіи объявленія его именно оттуда. Если же такая каѳедра не имѣется, то считается-ли признакомъ непогрѣшимости какого либо папскаго вѣроопредѣленія то обстоятельство, что самъ папа снабжаетъ это вѣроопредѣленіе указаніемъ на то, что онъ теперь говоритъ ex cathedra? Если считается, то вѣдь учительство сіе является фикціей, и папа никогда еще по сей день ex cathedra не говорилъ, такъ какъ мы такого указанія нигдѣ не находимъ! Если же признакъ каѳедральной непогрѣшимости лежитъ въ самомъ вѣроопредѣленіи по существу, то вѣдь папа является просто на просто безгрѣшнымъ, и слово ex cathedra ничего уже не обозначаетъ, такъ какъ папа никогда и нигдѣ бы не могъ говорить о вѣрѣ иначе, какъ ex cathedra! Служитъ ли признакомъ каѳедральной непогрѣшимости извѣстная внѣшняя форма папскаго учительства, т. е. первосвященническихъ документовъ? Особый стиль, особая внѣшняя форма, особаго качества бумага и т. п.? Можетъ быть присутствіе Собора является такимъ признакомъ? Стало быть, непогрѣшимымъ является не папа, а папа съ Соборомъ? Никоимъ образомъ: ибо папство покончило съ этимъ старымъ, несостоятельнымъ и по существу, галликанскимъ тезисомъ, который былъ отброшенъ въ 1870 году!

Да въ концѣ концовъ, принадлежитъ-ли сомнѣвающемуся

римлянину компетенція судить, непогрѣшимо-ли высказался въ каждомъ данномъ случаѣ авторитетъ, или нѣтъ? Если это право ему принадлежитъ, то вѣдь онъ можетъ ошибаться, въ каковомъ случаѣ указанное выше положеніе повторяется точь въ точь. Если же это право ему не принадлежитъ, то получается безсмысленный заколдованный кругъ, такъ какъ оно уже не принадлежитъ никому, ни даже самому „авторитету!“ Ибо сомнѣвающійся римлянинъ не имѣетъ никакой гарантіи въ томъ, что на этотъ его вопросъ „авторитетъ“ отвѣтитъ ему съ характеромъ непогрѣшимости. И безъ этой гарантіи авторитетъ въ вопросахъ абсолютной истины, т. е. вѣры,—немыслимъ. Съ какой-же стати искатель истины сталъ бы въ этихъ вопросахъ подчиняться „авторитету“, который можетъ ошибаться?! Такимъ образомъ, безъ „авторитета“ и собственнымъ хозяиномъ въ вопросахъ вѣры въ концѣ концовъ опять таки остался сомнѣвающійся римлянинъ. Онъ *всегда* остается, въ концѣ концовъ, собственнымъ, компетентнымъ хозяиномъ въ вопросахъ совѣсти и вѣры, не смотря на преподаваемый ему, невыполнимый папскій абсурдъ. Но вмѣсто прямого духовнаго зрѣнія на неотъемлемую святыню безконечности, туманъ отъ міра сего, подъ видомъ этого абсурда, легъ передъ очами его души, и онъ сначала долженъ разобраться въ самомъ туманѣ.

Итакъ, никакія насилія и никакія фикціи не могли отнять у христіанъ ихъ неотъемлемаго наслѣдства, — но онѣ могли погубить многихъ!

Мы здѣсь показали, даже логически, вполнѣ фиктивный характеръ и невозможное положеніе пресловутаго „авторитета“ въ вѣрѣ. И было бы такъ легко покончить съ этимъ двусмысліемъ и поставить этотъ авторитетъ на абсолютно незыблемую почву! Почему вы этого еще не сдѣлали, уважаемый Пальміери? Стоило бы только объявить, что авторитетъ сей

является постояннымъ воплощеніемъ Христа. . . . . ! Даже имѣется текстъ Св. Писанія, на которомъ вы могли бы свободно построить новоопредѣленную, полученную черезъ догматическое развитіе истину: „Матѳ. XXVIII, 20, „и се, Я съ Вами во всѣ дни до скончанія вѣка.“ . . . Что предстоитъ вамъ совершить, совершайте скорѣе, несчастные! И да исправится молитва Церкви, ибо тогда прійдетъ ея Царь, грядущій на облакахъ. . . . . !

Не думайте, уважаемый Пальміери, что приведенное нами положеніе о разногласіяхъ по поводу признаковъ каѳедральной непогрѣшимости является выдумкою или натяжкой! Это—очень жгучій у Васъ вопросъ, выступавшій особенно ярко послѣ извѣстной энциклики Пія X противъ модернизма. На счетъ этой энциклики, напримѣръ, мнѣнія у васъ въ латинствѣ расходятся, и многіе полагаютъ, что этотъ документъ не является снабженнымъ признаками непогрѣшимаго учительства. Больше того. Во Франціи сформировалась группа „свободныхъ католическихъ изслѣдованій“, которая прямо обратилась къ римскимъ конгрегаціямъ и къ папѣ за отвѣтомъ на этотъ спорный вопросъ (см. газеты: „Figaro“ отъ 26 февраля 1908 г., отпечатано также въ „Times“ отъ 28 февраля; „La grande Revue“ отъ 10 февраля 1908 г.; „l'Intransigeant отъ 29 февраля и отъ 8 марта 1908 г.; „La petite République“ отъ 7 марта 1908 г.; „L'Action“ отъ 5 марта 1908 г.).

Никакого отвѣта изъ Рима на эти сомнѣнія не послѣдовало. И отвѣтъ этотъ по самому существу, послѣдовать не можетъ. Папству здѣсь приходиться отказаться отъ себя самого. Внутреннее противорѣчіе выдаетъ себя противъ собственной воли!

Мы, впрочемъ, уважаемый Пальміери, обязаны дать Вамъ очень серьезный отвѣтъ на упрекъ Вашъ, стоящій на стр. 305—306.

Вы жалуетесь на то, что православные писатели слишкомъ часто и слишкомъ легко берутъ у протестантовъ всякіе, даже клеветническіе аргументы, чтобы бороться съ латинствомъ, между тѣмъ какъ ученѣйшіе труды латинянъ обходятся ими систематическимъ молчаніемъ. Вы это говорите на счетъ тѣхъ православныхъ писателей, которые полемизировали противъ происхожденія римскаго символа вѣры (такъ назыв. „апостольскаго"), но упрекъ Вашъ имѣетъ общее значеніе. Итакъ, Вы восклицаете: „Развѣ всѣхъ латинскихъ богослововъ слѣдуетъ считать лгунами, извращающими христіанскую истину?"

И мы Вамъ отвѣчаемъ, не на счетъ полемики о римскомъ символѣ, а на счетъ нашего взаимнаго положенія вообще.

Можно быть чѣмъ угодно, папистомъ-ли, или протестантомъ, или православнымъ христіаниномъ, будучи убѣжденнымъ невѣждой. Про это, конечно, говорить не стоитъ.

Посмотримъ однако, каково положеніе человѣка, знающаго церковную исторію и апостольское преданіе, хотя бы только раціонально, и знакомаго со святоотеческими твореніями и съ подлинными, не урѣзанными и не извращенными памятниками и документами. Такой человѣкъ не можетъ, въ собственномъ смыслѣ, имѣть протестантскаго убѣжденія въ обладаніи истиной. Протестантство по этому отъ такого убѣжденія честно и открыто отказывается, и, превращаясь въ исканіе истины, становится на точку зрѣнія скептицизма, а потому и рѣшительной, исключительно раціональной критики всего существующаго.

Положеніе такого знающаго человѣка будетъ совершенно инымъ въ папствѣ, и представляется намъ въ двухъ видоизмѣненіяхъ:

Онъ можетъ, во-первыхъ, не имѣя никакого убѣжденія, оставаться папистомъ, изолгавшись въ душѣ своей. Мы сей-

часъ увидимъ, что эти именно паписты являются самою твердою опорою всего зданія.

Но онъ можетъ, во-вторыхъ, оставаться папистомъ, честнымъ человѣкомъ, но потерявшимъ сознаніе по одному такому въ новѣйшее время болѣе изучаемому психическому феномену, именуемому „*гипнозъ*“, или навожденіе. Теперь вполнѣ извѣстно, что подъ дѣйствіемъ гипноза черное можетъ казаться бѣлымъ, и извѣстно также, что коллективная сила цѣлой системы, сила среды, навожденіе, подкрѣпленное къ тому-же вѣковымъ историческимъ прошлымъ, не знаетъ иной, равной себѣ, психически принуждающей власти.

Итакъ, честнымъ папистомъ можно быть лишь по невѣжеству или по навожденію.

Но можно быть папистомъ по лжи.

Ибо эта ложь есть самый принципъ папства.

Папство для своего существованія вовсе не требуетъ ни вѣры, ни убѣжденія, а лишь ту фикцію вѣры и ту фикцію убѣжденія, что называются подчиненіемъ авторитету въ вѣрѣ. Наиполнѣйшее сходство этой фикціи съ истиною дается въ невѣжествѣ. По этому невѣжество для папства является до такой степени желательнымъ, что оно конкретировало это идеальнѣйшее состояніе невѣжества въ словахъ „вѣра угольщика“ (la foi du charbonnier) [1]). Почему именно угольщика, а не ученаго, не философа, на подобіе тѣхъ великихъ умовъ, Іоанна Богослова, Климента Александрійскаго, Оригена и множества другихъ, стяжавшихъ для Церкви безсмертную славу? Почему скорѣе угольщика чѣмъ образованнаго человѣка? Да просто потому, что на невѣждъ можно расчитывать абсолютно, а на другихъ лишь постолько, посколько они согласятся быть слу-

[1]) См. полемическія статьи А. С. Хомякова.

жителями лжи, или посколько они не спохватятся и не выйдутъ изъ подъ состоянія коллективнаго навожденія. Въ первомъ, во второмъ и въ третьемъ случаяхъ, то есть во всякомъ случаѣ, требуется либо нежеланіе, либо невозможность, видѣть и исповѣдывать истину.

Наибольшаго вліянія въ папствѣ достигло одно общество, которое возвело въ самый принципъ своего существованія безграничное и абсолютное уничтоженіе человѣческой совѣсти, могущей совращать душу отъ „прямаго“ пути „кадавереческаго“ послушанія. Что и достигается долголѣтнимъ упражненіемъ по тонкимъ правиламъ психической механики. Это общество покрываетъ себя именемъ *Освободителя* человѣческой совѣсти. Члены его отличаются, конечно, наивысшею мудростью міра сего. Нигдѣ талантъ и знанія, по правиламъ житейскимъ, не цѣнятся такъ высоко и такъ ловко не примѣняются. Ни вѣры, ни убѣжденія, по самому принципу, тамъ не найти. Но на практикѣ выказываются глубочайшая вѣра и наивысшее убѣжденіе, которыя тѣмъ болѣе неприступны для всякаго соблазна, что онѣ совсѣмъ не существуютъ. Но все дѣлается тамъ для большей славы Божіей, до такой степени, что если бы Богъ даже совсѣмъ не существовалъ, то и тогда это было бы вполнѣ безразлично, ибо Его бы выдумали, чтобы продолжать работать Ему на славу. По этому никакой особой трудности и нѣтъ, для членовъ этого общества, примиряться со всѣмъ и соглашаться на все, смотря по времени и по обстоятельствамъ, не всегда вѣдь удачно слагающимся. Для папства-же они являются главною опорою. Мы ихъ не называемъ. Авось, для идентификаціи, этого паспорта будетъ достаточно.

Итакъ, въ каждомъ явленіи слѣдуетъ различать части отъ цѣлаго, плоть отъ духа, служителей отъ господина, форму

отъ существа. И духъ, господствующій по существу надъ цѣлымъ зданіемъ папства, принципъ папства, которому служатъ всѣ, вѣдая то или не вѣдая, есть *ложь*. Одни служатъ ей по благому намѣренію. Это — невѣжды и находящіеся подъ психическимъ навожденіемъ. Другіе служатъ ей сознательно: ими передѣланы, урѣзаны, извращены или всецѣло выдуманы всякіе „памятники“ преданія, начиная съ лже-исидоровскихъ декреталій и лже-константиновскаго дарственнаго акта, на которыхъ зиждится въ дѣйствительности все юридическое строеніе папства. Эти „документы“ были отброшены уже впослѣдствіи, подъ давленіемъ критической необходимости. Но дѣло свое они успѣли сдѣлать, и папство въ нихъ больше не нуждается. Но безъ извращенія, сознательнаго или безсознательнаго, исторіи и преданія, папство просто существовать не можетъ. Ибо оно само, по самому собственному своему принципу, есть ложь, и потому нуждается въ содѣйствіи посредствомъ лжи или невѣжества. И служить ему можно только подъ давленіемъ лжи, невѣжества или психоза. Вотъ почему даже самые ученые труды папистовъ встрѣчаются съ недовѣріемъ, ибо помимо многихъ интересныхъ пунктовъ дѣйствительно добросовѣстной учености, добытой трудами и усидчивостью, въ нихъ всегда приходится отмѣчать краснымъ знакомъ то, чему мѣста не должно быть въ ученомъ трудѣ. Протестанты, занимающіеся исканіемъ, по самому принципу предполагающимъ неимѣніе истины, ровно никакого интереса во лжи не имѣютъ, такъ какъ всякая ложь и всякій психозъ для нихъ являются элементами затрудняющими, а потому и нежелательными.

Что же касается православныхъ, то мы вовсе не отрицаемъ вины писателей, на которыхъ нерѣдко указываетъ Пальміери. Ложь и невѣжество встрѣчаются, къ несчастію,

повсюду между людьми, въ папствѣ, въ протестантствѣ и въ православіи. Но мы опять повторяемъ, что мы здѣсь не обличаемъ и не защищаемъ людей. Мы на ложное начало нападаемъ. Нашего-же начала мы равно не защищаемъ. Ибо наше начало въ защитѣ нашей совсѣмъ не нуждается, такъ какъ на него и нападать даже нельзя. Порочные-же люди пусть отвѣчаютъ сами за себя, а не за Церковь,... мы ихъ не защищаемъ. Итакъ, мы только нападаемъ, и никого не защищаемъ,... попробуйте-же Вы полемизировать съ нами!! Да я самъ, когда ошибаюсь, отъ себя говорю, а не отъ Церкви, такъ что Вы ничего не выиграете, если даже возьметесь за успѣшную полемику противъ меня, ибо я вовсе не претендую ни на какую непогрѣшимость. Если я говорю какую либо неправду, я напередъ исключаю себя въ этой неправдѣ моей изъ Церкви. Церковь сія, на которую Вы хотѣли напасть, несчастный, есть камень. „И тотъ, кто упадетъ на этотъ камень, разобьется; а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ“ (Матѳ. XXI, 44).

Итакъ, повторяемъ, ложь и невѣжество встрѣчаются вездѣ между людьми. Но православные въ этой лжи не нуждаются. Больше того. Всякая ложь православнаго есть противная принципу нашему гадкая безсмыслица, ужасно вредящая Церкви въ земномъ ея существованіи. И если многіе лгутъ, то и на многихъ падаетъ отвѣтственность за этотъ вредъ, наносимый Церкви. По этому и укоръ, обращенный къ православному, высказавшему какую нибудь ложь, всегда падаетъ на него лично, а не на православную Церковь, которой онъ-же навредилъ. Укоръ-же, обращенный къ паписту, высказавшему ложь, падаетъ не на него. Этотъ укоръ падаетъ на папство, которое само есть воплощеніе лжи, а потому безъ нея просто существовать не можетъ. Въ нравственномъ отношеніи, такое положеніе вещей до нѣкоторой степени обусловливаетъ уменьшен-

ную *личную* отвѣтственность папистовъ, могущихъ лгать добросовѣстно. Они просто *не могутъ* дѣйствовать иначе. Личная-же вина православнаго, высказавшаго ложь, — въ стократъ тяжелѣе. Такова ваша грустная привилегія передъ нами, несчастные!

Вотъ — разница между нами, протестантами и папствомъ. И это слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ того недовѣрія къ ученымъ трудамъ папистовъ, на что именно жалуется Пальміери.

На стр. 307 Пальміери старается доказать, что апостолы, по самому характеру своей проповѣди, непремѣнно должны были составить и какой нибудь символъ. Затѣмъ выводится (стр. 309), что римскій символъ, въ главныхъ своихъ частяхъ, есть именно ничто иное, какъ этотъ самый символъ первоначальный.

Все это основано на неясномъ пониманіи опредѣлительныхъ свойствъ символа. Это, впрочемъ, насъ не удивляетъ. Если бы папство имѣло ясное понятіе объ этомъ, оно, прежде всего, не испортило бы священнаго знака церковнаго единства. Объ этомъ рѣчь будетъ сейчасъ. Но ясное изложеніе самого понятія о символѣ приходится очень кстати, чтобы затѣмъ приступить къ разсужденіямъ латинскаго автора объ измѣненіи папствомъ символа никео-константинопольскаго.

Что такое представляетъ собою символъ?

Въ символѣ слѣдуетъ строго различать содержаніе и форму.

Содержаніемъ символа является христіанское исповѣданіе. Христіанское ученіе, однако, не въ полности является объектомъ этого исповѣданія. Ибо многія истины христіанской вѣры не вошли въ символъ, напр. ученіе о таинствѣ евхаристіи,

о другихъ таинствахъ, да и вообще цѣлое множество истинъ. Символъ, по этому, опредѣляется числомъ догматическихъ элементовъ, образующихъ его составныя части, и формою ихъ сопоставленія и изложенія. По этому символъ, какъ выраженіе вѣры Христовой Церкви, всецѣло лежитъ въ принятой внѣшней формѣ, какъ въ знакѣ выраженія единства Церкви. Внѣ этой внѣшней формы символъ, какъ символъ, не существуетъ, и все значеніе этого слова относится именно къ формѣ, а не къ существу. Ибо суть, т. е. христіанское ученіе, существуетъ и внѣ освященной символической формы, и тогда это будетъ все-же истинное христіанское исповѣданіе, выраженное другими словами, но это уже не будетъ символъ.

Для проповѣди апостольской, да и вообще для Церкви, главная суть конечно лежитъ не въ внѣшней формѣ, посколько цѣлью христіанской проповѣди является спасеніе душъ. Цѣль эта не достигается символомъ, а благодатною вѣрою, свидѣтельствующей о себѣ въ христіанскомъ подвигѣ. И вѣра сія является также источникомъ символа.

Символъ есть стереотипное выраженіе извѣстнаго числа догматовъ, и внѣшній знакъ внутренняго единства. Онъ является матеріальною точкою опоры, созданною Церковью въ мірѣ матеріальностей и формъ, для опредѣленныхъ цѣлей земного существованія. Въ этой точкѣ опоры апостолы еще не нуждались. Ибо эти опредѣленныя цѣли земного существованія Церкви, для достиженія коихъ созданъ былъ символъ, не напрашивались еще въ апостольскія времена. Апостоламъ предстояло сначала проповѣдывать сущность христіанскаго ученія и сорганизовать ту самую Церковь, которая лишь впослѣдствіи, разросшись, стала нуждаться въ болѣе опредѣленныхъ, матеріальныхъ, внѣшнихъ признакахъ своего неизмѣннаго, внутренняго единства. Эта потребность обусловливалась многочисленностью христіанъ,

соблазнами отъ извѣстныхъ ересей, и вообще сложившимися условіями церковной жизни. Символъ по характеру своему, всецѣло формальному, является защитою, въ мірѣ матеріи и формъ, существующаго уже духовнаго единства. Символъ по этому есть скорѣе оружіе нравственнаго самосохраненія, и какъ таковое, имѣетъ аналогичное съ національнымъ флагомъ государства значеніе. Оба являются стереотипнымъ выраженіемъ чувствъ и вѣры цѣлаго организма, и характеристику этого выраженія слѣдуетъ искать во внѣшней формѣ. Произвольное измѣненіе, или хотя бы только перемѣщеніе существующихъ въ символѣ словъ, имѣетъ ровно такое-же значеніе, какъ удаленіе одного изъ цвѣтовъ національнаго флага, или прибавленіе къ нему новаго, или простое перемѣщеніе ихъ расположенія: символъ перестаетъ быть символомъ того организма, чувства коего онъ прежде выражалъ, и флагъ перестаетъ быть флагомъ того государства, которое видѣло въ немъ выраженіе своихъ чести и надеждъ.

По этому, вопросъ о подлинности апостольскаго происхожденія римскаго символа „*въ главныхъ частяхъ*“ является вполнѣ праздным, хотя бы апостолы и были составителями этихъ главныхъ частей. Тутъ вѣдь рѣчь идетъ не объ ученіи апостольскомъ, содержащемся въ римскомъ символѣ. Это ученіе является подлиннымъ, и противъ этого никто не споритъ. Рѣчь идетъ о *символѣ*, то есть объ апостольскомъ происхожденіи стереотипной формы сегодняшняго римскаго символа. И Пальміери говоритъ о послѣдующихъ прибавленіяхъ и о главныхъ частяхъ. Этимъ поставлена точка подъ всю полемику.

Все это, конечно, не мѣшаетъ римскому символу содержать въ себѣ подлинное апостольское ученіе и самому, въ сегодняшней внѣшней формѣ, восходить до почтенной древности. Другой конечно вопросъ, является-ли этотъ символъ все еще

тѣмъ выраженіемъ „доброй совѣсти“ (bonae conscientiae), о чемъ Пальміери говоритъ на стр. 318, и чѣмъ онъ пожалуй и былъ въ прежнія времена. Объ исхожденіи Святаго Духа въ этомъ символѣ ничего не сказано, а потому, пожалуй, это не напоминаніе о томъ, что было сдѣлано папствомъ съ символомъ никео-константинопольскимъ, сегодня уже является убѣжищемъ отъ „mala conscientia“.

О символѣ никео-константинопольскомъ приходится теперь говорить съ Вами очень серьезно, уважаемый Пальміери, и мы желали бы, чтобы Вы особенно вникали въ то, что мы имѣемъ сказать по этому поводу, Вамъ лично и всѣмъ единовѣрцамъ Вашимъ.

Ваши разсужденія о подлинности этого символа и приведенныя Вами мнѣнія и полемики за или противъ этой подлинности являются очень интересными съ исторической стороны, и мы на всю эту часть Вашей работы сказать ничего не имѣемъ, кромѣ выраженія нашего дѣйствительнаго уваженія.

Вопросъ о подлинности, конечно, для насъ православныхъ, вовсе не можетъ подлежать никакой критикѣ, разъ этотъ символъ — принятъ согласіемъ всей Церкви, что именно и есть источникъ подлинности, какое бы ни было историческое прошлое самого текста, и кѣмъ бы онъ ни былъ составленъ. Протестанты желаютъ доказать противное, но Вы неправильно говорите, что между нами и ими этотъ вопросъ когда либо былъ поставленъ въ такомъ видѣ, въ которомъ это предполагаютъ протестанты, выѣзжающіе противъ вѣтренныхъ мельницъ. Соборная подлинность символа не можетъ быть подвергаема сомнѣнію никѣмъ, разъ она засвидѣтельствована принятіемъ символа согласіемъ всей Церкви, которая именно и является вѣчно живымъ критеріемъ всякой соборной подлинности. И разъ этотъ критерій имѣется на лицо, то протестанты

могли бы и доказывать безъ всякаго ущерба для насъ, что никео-константинопольскій символъ былъ впервые составленъ кѣмъ угодно, хотя бы и африканскими неграми, или что онъ явился откуда, какъ и когда угодно. Все это будетъ имѣть только историческій и филологическій интересъ, и на этотъ счетъ протестанты—великіе ученые. Но на счетъ соборности, а потому и подлинности этого символа, съ ними спорить нечего, такъ какъ это было бы пустою потерею времени.

И теперь, уважаемый Пальміери, мы прямо подходимъ къ тому, что вами было сдѣлано посредствомъ той прибавки къ символу вѣры, которою вы испортили знакъ нашего соборнаго единенія во Христѣ.

Намъ предстоитъ, прежде всего, рѣшительно опровергнуть одну историческую неточность, которую мы находимъ у Васъ (стр. 338), и которая вообще преподается въ латинствѣ.

Вы говорите, что, собственно говоря, прибавка „Filioque“ (и отъ Сына), сама по себѣ, вовсе не была причиною раскола, хотя она дѣйствительно его обострила. Ибо единство Запада съ Востокомъ просуществовало-де еще долгое время послѣ принятія этой вставки. Виновники раскола (т. е. православные), однако, выставили-де эту причину для того, чтобы ею передъ вѣрующими обманчиво объяснить свое отпаденіе отъ римской церкви (sic). Если бы Фотій (стр. 339) добился, дескать, благорасположенія папы, то, безъ сомнѣнія, слово „Filioque“ никого бы не соблазняло и не стало бы причиною разногласій.

Посмотримъ, какъ обстоитъ это дѣло.

Прежде всего, исторически абсолютно невѣрно, что, какъ Вы говорите, единство наше съ вами просуществовало еще долгое время послѣ прибавки. Мы здѣсь не можемъ, конечно, пускаться въ обстоятельное историческое изслѣдованіе. Но все-же мы укажемъ на главные моменты.

Прибавка къ символу вовсе не была сдѣлана вами въ какіе нибудь 24 часа, такимъ образомъ, чтобы телеграфическое оповѣщеніе Востока о случившемся фактѣ могло считаться оффиціальнымъ моментомъ, начиная съ котораго единство Востока и Запада еще просуществовало долгое время съ обоюднаго признанія правильности этой вставки.

Сама прибавка, о возникновеніи которой мы уже говорили выше, прошла черезъ многія вѣковыя препятствія, прежде чѣмъ она успѣла проникнуть черезъ все ваше тѣло, какъ болѣзнь, и заразить голову, которая заболѣла послѣднею. Сама глава западной церкви, т. е. престолъ папы римскаго, оффиціально и окончательно принялъ внѣшнее выраженіе этого лжеученія лишь въ началѣ XI-го столѣтія, и помѣстилъ слово „Filioque“ въ свой символъ по просьбѣ Императора Генриха. Ровно въ XI-же столѣтіи произошелъ и окончательный разрывъ между нами, при папѣ Львѣ IX и патріархѣ Михаилѣ. Конечно, Римъ, сохранившій до XI-го столѣтія хоть внѣшнюю чистоту своего собственнаго символа, задолго до этого, и мало-по-малу, былъ зараженъ существомъ этого лжеученія, которому онъ уже пересталъ сопротивляться при папѣ Николаѣ и патріархѣ Фотіи. При папѣ Іоаннѣ VIII Римъ опять таки спохватился и осудилъ прибавку, чтобы затѣмъ опять заболѣть, послѣ мимоходнаго выраженія церковнаго единства съ Востокомъ на почвѣ православной. Такимъ образомъ, внѣдреніе лжеученія въ латинство представляетъ собою вѣковой процессъ постепеннаго заболѣванія цѣлаго организма, на поперемѣнныхъ вспышкахъ здоровыхъ силъ сопротивленія котораго можно прослѣдить и исторію его все болѣе рѣшительнаго отпаденія отъ благодати, постепеннымъ воплощеніемъ орудующаго въ тайникахъ души человѣчества духа злобы, себялюбія, благъ и могущества міра сего, того именно духа, который лежитъ побѣжденнымъ жерт-

вою Спасителя. Эта самая исторія постепеннаго внѣдренія лжеученія въ латинство является также хронологіей раскола. Никакого такого единства, просуществовавшаго на почвѣ обоюднаго признанія правильности прибавки, не было и быть не могло. Это—простой историческій абсурдъ, выдуманный папистами, опровергаемый историческими фактами, да и вообще несходный съ фундаментальными, естественными правилами всякаго соціальнаго разложенія.

Вы, уважаемый Пальміери, отрицаете, что прибавка „Filioque“ была причиною раскола. Позвольте Вамъ замѣтить, что это—вполнѣ праздный вопросъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія, нами здѣсь разбираемой. Причины Вашего паденія, *разумѣется*, лежатъ гораздо глубже, и мы во всемъ отвѣтѣ нашемъ достаточно ясно и часто указываемъ на эту причину, на этотъ тайный духовный принципъ смерти вашей, чтобы мы могли безъ всякаго труда согласиться съ Вами на счетъ того матеріальнаго положенія, что самое это слово „Filioque“ не было причиною вашего отпаденія. Но оно было однимъ изъ выраженій этой причины. Если бы это выраженіе появилось у васъ безъ этой смертельной движущей причины, то оно навѣрно и не стало бы поводомъ къ расколу, а здоровый организмъ Церкви просто выбросилъ бы это слово безъ вреда для своего земного тѣла. Вмѣсто того, однако, разложеніе и болѣзнь охватили цѣлую группу помѣстныхъ церквей, среди которыхъ и самую славную и великую церковь Рима, и всѣ эти поврежденные члены отпали, не изъ за прибавки „Filioque“, а изъ за той причины, которая обусловливала и прибавку. И вотъ почему, уважаемый Пальміери, вопросъ о вліяніи слова „Filioque“ на расколъ является вопросомъ празднымъ. Вы всегда только ощущаете матеріальности и ни до какихъ духовныхъ принциповъ добраться не можете, не по отсутствію

свѣтлыхъ, личныхъ Вашихъ ума и таланта, а по принципіальной немощи папистскаго систематическаго умозрѣнія, отказавшагося отъ духа, въ пользу матеріи, въ самомъ корнѣ своемъ. И это дѣйствительное грѣхопаденіе должно отражаться рѣшительно на всемъ [1]). Оно отражается на правовомъ жизнепониманіи вашемъ и на матеріально-тяжебномъ отношеніи вашемъ къ Божеству. Вы впали въ матеріальный міръ языческаго согласованія отдѣльныхъ эгоизмовъ посредствомъ римскаго права! Это—преинтереснѣйшее религіозное и юридическое изслѣдованіе! Вы не устояли въ христіанствѣ! Вы извратили самый его принципъ! Вы обоготворили человѣческое себялюбіе, ибо воздвигли престолъ его въ томъ безконечномъ мірѣ вѣры, гдѣ царствуетъ любовь Христа! Оно—отъ міра сего, это себялюбіе! Оно называется „мое право“ и осуществляется въ анархіи черезъ физическую силу, въ цивилизаціи же посредствомъ совмѣщенія со всѣми остальными „правами“, черезъ авторитетъ. И этотъ самый авторитетъ былъ поставленъ вами туда, гдѣ на мѣсто „моего права“, на мѣсто моего эгоизма, Спаситель мой поставилъ Любовь Свою и Крестъ Свой, тотъ Крестъ, на которомъ Онъ отдалъ не только „право“ Свое, но и жизнь Свою, чтобы научить насъ отказываться отъ всѣхъ этихъ правъ и эгоизмовъ!

Да, уважаемый Пальміери, обоготворенное себялюбіе, вотъ оно, начало ваше! Думаете-ли Вы, что въ этомъ что нибудь

[1]) Оно, дѣйствительно, явствуетъ рѣшительно изъ всего; даже, напримѣръ, изъ такого на видъ случайнаго факта, что римская иконографическая церковная символика знаетъ только распятіе. Это темное, грозное, принудительное вѣроисповѣданіе признаетъ лишь вѣчно страдающаго, вѣчно побѣжденнаго Христа! Христосъ воскресшій, духовная Радость, Чье изображеніе находится по правую сторону отъ Царскихъ Вратъ и вообще вездѣ во всей иконописи православной, Христосъ Побѣдитель-чуждъ и недоступенъ папству! Конечно. Ибо Онъ-же ему-Судья...

измѣняется отъ того, что вы стаду вашему проповѣдуете подчиненіе и альтруизмъ? Въ томъ-то именно и состоитъ себялюбіе, что оно требуетъ *себѣ* подчиненія и альтруизма.... отъ другихъ! И тѣ изъ пасомыхъ вашихъ, которые у васъ остаются въ подчиненіи и въ альтруизмѣ, это, въ дѣйствительности, только плохіе ученики ваши. Ваши лучшіе ученики усваиваютъ себѣ примѣры и уроки ваши, и тоже занимаются требованіемъ *себѣ* альтруизма и подчиненія отъ *другихъ*. Вы скажете, можетъ быть, что Вамъ сіе разрѣшается, имъ же возбраняется. То-то именно и есть обоготворенное вами себялюбіе ваше. И ваши лучшіе ученики занимаются насажденіемъ этого себялюбія, неуваженія къ ближнему, ненависти и безвѣрія. Ибо вы себя самихъ только объявили сынами Божьими, имѣющими благодать, ихъ же, вы ихъ исключили, и они приняли къ свѣдѣнію. На васъ легло братоубійство ваше, нѣкогда совершенное вами, и противъ васъ свидѣтельствуетъ нынѣ кровь Авеля праведнаго. Нечего вамъ по этому жаловаться на законныя исчадія ваши! Ибо дерево по плодамъ познается. Исчадія ваши прежде всего нападутъ конечно, на собственнаго своего учителя, и проглотятъ васъ. По этому видно, что принципъ вашъ есть принципъ духовнаго и нравственнаго безпорядка [1]). Этотъ принципъ имѣетъ одно имя. Въ области вѣры и совѣсти человѣческой, его называютъ: „насиліе“. Въ области нравственной, его называютъ: „порокъ“. Въ области интеллектуальной, его на-

---

[1]) Безпорядокъ заявляетъ о себѣ рѣшительно вездѣ. Нужно только приглядѣться глазами духа, чтобы видѣть его и всю его матеріальную символику, вплоть до внѣшняго расположенія римскихъ костеловъ включительно. Эти костелы обращены куда попало, а не къ Востоку. О символикѣ обращенія къ Востоку („orientation“) здѣсь не мѣсто распространяться. Мы здѣсь только обращаемъ вниманіе на символику безпорядка вообще. „Ils sont complètement désorientés“, какъ говорятъ французы.

зываютъ: „заблужденіе“. Въ области физической, его называютъ: „болѣзнь“. Въ государствѣ, его называютъ: „крамола“. И въ обществѣ его называютъ по собственному имени, что есть: *„анархія“*.

Все, что подъ этими разными именами проявляется въ различныхъ упомянутыхъ областяхъ, все это—одно и то же начало: анархія, заключающаяся вездѣ и повсюду въ господствѣ матеріи надъ духомъ. И это господство выражается всячески; оно имѣется въ превозношеніи части надъ цѣломъ, силы надъ правомъ, права надъ милостью, эгоизма надъ альтруизмомъ, разума надъ вѣрою, вражды надъ миромъ, смерти надъ жизнью, земли надъ небомъ, конечнаго міра надъ безконечностью, однимъ словомъ, человѣка надъ Божествомъ.

Не думайте, уважаемый Пальміери, объ опроверженіи того, что Вы здѣсь читали! Ибо корень этой истины находится въ мірѣ духовномъ. Разумъ постигаетъ сіе лишь на почвѣ христіанской вѣры, той вѣры, которой папство васъ лишило.

Авторитетъ въ вѣрѣ сложился у васъ по мѣрѣ вашего отпаденія отъ Христа. Ибо вы отъ самого христіанства отпали. О, мы не отрицаемъ, что между вами есть добрѣйшіе христіане! Не забывайте, что мы не пишемъ противъ людей! Вашъ *принципъ*, то, что называется: „папство“, вотъ оно, противохристіанское начало! Оно могло погубить многихъ, но оно не успѣло вполнѣ истребить христіанства въ душахъ вашихъ. Не сомнѣвайтесь въ томъ, что ваши лучшіе христіане являются истинными страдальцами, умирающими отъ неразрѣшимыхъ нравственныхъ противорѣчій, въ которыя они поставлены какъ подданные папства, какъ патріоты, какъ члены общества, государства и семьи!...

Но если принципъ вашъ, который—не отъ Христа, противится Его благодати, то благодать сія, которая проявляется всякими

путями, просто даруется вамъ, христіанамъ, отрицательнымъ путемъ. Она вовсе не пріурочена только къ положительнымъ способамъ своего проявленія.

Ибо Спаситель и за васъ умеръ, и Онъ не допуститъ, чтобы сатана обратилъ въ ничто Его жертву. И какъ бы вы, въ слѣпотѣ вашей, ни боролись за князя міра сего, но онъ упадетъ, на милость вамъ-же и на спасеніе! Ибо тогда вы вернетесь къ Церкви. Она васъ ждетъ съ распростертыми руками. И будетъ радость великая на небеси и на земли. Тогда Ангелъ сойдетъ съ небесъ, имѣющій власть великую, и земля освѣтится отъ славы его. И воскликнетъ онъ сильно, громкимъ голосомъ говоря: „палъ, палъ Вавилонъ, великая блудница, сдѣлался жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу, пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицѣ; ибо яростнымъ виномъ блудодѣянія своего она напоила всѣ народы. И цари земные любодѣйствовали съ нею, и купцы земные разбогатѣли отъ великой роскоши ея!!“ (Откровеніе Св. Іоанна XVIII, 2. 3).

Да, то будетъ паденіе великое. Какъ бы вы не боролись, онъ упадетъ, князь міра сего, успѣвъ конечно еще завлечь потерявшее вѣру человѣчество черезъ единичныя проявленія злобы и анархіи въ общую, злобную и анархическую катастрофу. Но и это не поможетъ побѣжденному діаволу, а будетъ конечнымъ торжествомъ Христа. Таковъ прогрессъ въ человѣчествѣ, противъ котораго вашъ смертоносный принципъ борется тщетно. Мы не о людяхъ пишемъ. Но мы срываемъ съ идола вашего, невидимаго врага, ту личину, которой вы служите по доброй вѣрѣ, не зная даже, *кому* вы въ дѣйствительности служите, по невѣжеству или по навожденію...

Но вернемся къ дѣлу.

Вы говорите, что если бы Фотій добился благорасположенія папы, то и слово „Filioque“ никого бы не соблазняло.

Да вѣдь Фотій добился этого „благорасположенія!“ Какъ-же Вы этого не знаете?!

Но торжественное примиреніе между папою и патріархомъ состоялось не на почвѣ признанія вашей прибавки, а на почвѣ православной. Это примиреніе состоялось *до* Собора 879 г., который былъ выраженіемъ этого примиренія. Этотъ Соборъ состоялъ изъ 383 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Фотія, при участіи легатовъ папы Іоанна VIII и представителей всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Этотъ Соборъ былъ дѣйствительно вселенскій. Папа Іоаннъ VIII принялъ его рѣшенія и пребывалъ въ примиреніи съ Востокомъ до самой смерти своей (въ 882 г.). Вы это отрицаете. Но мы Вамъ сейчасъ докажемъ, что Вы этого отрицать не можете.

Въ принципѣ, является совершенно безразличнымъ, примирился-ли папа Іоаннъ VIII съ Фотіемъ или нѣтъ. Отъ этого догматическій вопросъ о прибавкѣ „filioque“, да и вообще наше взаимное положеніе, не измѣняются ни на іоту. Но исторія этого мимолетнаго примиренія всетаки достаточно интересна, чтобы хоть мимоходомъ остановиться на этихъ событіяхъ.

Какъ извѣстно, въ 869 году состоялась жалкая комедія, инсценированная противъ Фотія папою Адріаномъ по соглашенію съ Императоромъ Василіемъ, имѣвшимъ, какъ убійца своего предшественника, нѣкоторое основаніе опасаться почитаемаго и любимаго всѣми патріарха.

О прежнихъ событіяхъ мы упоминаемъ лишь вскользь: препирательства Фотія съ папою Николаемъ; отлученіе папы Николая отъ Церкви по приговору созваннаго Фотіемъ Собора изъ 318 епископовъ [1]) и представителей всѣхъ восточныхъ патріарховъ; тысячи подписей христіанскаго народа на актахъ

[1]) Среди нихъ 3 западныхъ: экзархъ Равеннскій, архіепископы Тріерскій и Кельнскій.

этого Собора; воцареніе Императора Василія; низложеніе Фотія Императоромъ.

Жалкая комедія 869 года состояла въ съѣздѣ 18 епископовъ, включая сюда и легатовъ папы Адріана. Не смотря на давленіе со стороны Императора, бо́льшаго числа епископовъ, согласныхъ на осужденіе Фотія, собрать не удалось [1]). Присутствовали также субъекты, именовавшіе себя представителями восточныхъ патріарховъ. Эти субъекты затѣмъ были подвержены анаѳемѣ указанными патріархами за своевольное присвоеніе представительства. Тому-же наказанію долженъ былъ быть подвергнутъ и епископъ Ѳома Тирскій со стороны патріарха Антіохійскаго. Но ему простилъ самъ Фотій. Эта безсовѣстная комедія, въ которой хозяевами распоряжались папскіе легаты, не хотѣвшіе и допустить на нее епископовъ, стоящихъ за Фотія и требующихъ себѣ входа и участія, считается въ папствѣ „восьмымъ вселенскимъ Соборомъ“. Главные же аргументы папистовъ противъ Фотія взяты изъ актовъ этого „Собора“. Но эти акты даже не существуютъ, ибо они были отобраны у легатовъ, на обратномъ путешествіи, славянскими разбойниками, и содержаніе ихъ извѣстно только по свидѣтельству присутствовавшаго на „Соборѣ“ Анастасія библіотекаря, совсѣмъ невозможнаго субъекта, скомпрометированнаго въ преступленіяхъ и убійствахъ, но котораго папа Адріанъ тѣмъ не менѣе назначилъ библіотекаремъ римской церкви. Папа Николай, до этого, простилъ Анастасію подъ условіемъ „вѣрности римской церкви“. Онъ былъ необходимъ для Рима въ

[1]) Къ 2 засѣданію это число увеличилось до 28. — Къ 3 засѣданію до 30. — Къ 9 засѣданію (предпослѣднему) до 66. — Къ послѣднему засѣданію до 100 съ лишнимъ: Въ Константинопольской патріархіи было больше 400 епископовъ. На слѣдующій Соборъ 879 г. для реабилитаціи Фотія ихъ прибыло болѣе 300. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ вполнѣ, какое значеніе слѣдуетъ признать за комедіею 869 года.

спорахъ съ Востокомъ, такъ какъ онъ отлично говорилъ по гречески, что на Западѣ, въ то время, было чрезвычайно рѣдко. Въ Римѣ стали утверждать впослѣдствіи, что этотъ Анастасій библіотекарь былъ не этотъ субъектъ, а другой библіотекарь, также именовавшійся Анастасіемъ. Ни одного единственнаго доказательства для такого утвержденія, противорѣчащаго рѣшительно всѣмъ историческимъ даннымъ, приводить нельзя. Вотъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ этомъ Анастасіи библіотекарѣ: ровно за годъ до жалкой комедіи, инсценированной 18 епископами (личными врагами Фотія) и лжепредставителями патріарховъ, т. е. въ 868 году, въ Римѣ противъ него былъ произнесенъ слѣдующій приговоръ, въ выдержкѣ:

„Вся Церковь Божія знаетъ, что сдѣлалъ Анастасій во время папъ, предшественниковъ нашихъ, и что противъ него приказали Левъ и Бенедиктъ, изъ которыхъ одинъ его лишилъ сана, отлучилъ и проклялъ; другой, лишивъ его священническихъ одеждъ, допустилъ его къ причастію мірянъ. Затѣмъ папа Николай его снова утвердилъ въ прежнихъ правахъ, подъ условіемъ вѣрности римской церкви. Но онъ затѣмъ разграбилъ нашъ дворецъ и похитилъ акты Соборовъ, на которыхъ онъ былъ осужденъ, нанялъ людей, выбравшихся изъ города черезъ стѣны, чтобы сѣять раздоръ между князьями и церковью; онъ былъ причиною того, что нѣкій Адалгримъ, искавшій убѣжища въ Церкви, потерялъ глаза и языкъ. Наконецъ, какъ многіе изъ васъ, и я самъ, слышали, онъ сказалъ нѣкоему священнику Адону, своему родственнику, забывъ всѣ наши милости, что онъ послалъ человѣка къ Елевтерію съ тѣмъ, чтобы убѣдить его совершить извѣстныя вамъ убійства [1]). По этому

[1]) Елевтерій былъ сынъ епископа Арсенія. Онъ соблазнилъ дочь папы Адріана II, увезъ ее и женился на ней, несмотря на то, что она уже была невѣстою другого. Папа исходатайствовалъ у Императора

мы приказываемъ, сообразно съ приговорами, произнесенными противъ него папами Львомъ и Бенедиктомъ, чтобы онъ былъ лишенъ всякаго церковнаго общенія, пока онъ на Соборѣ не отвѣтитъ на всѣ обвиненія и т. д.“

Анастасій, конечно, былъ помилованъ Адріаномъ, какъ и прежде папою Николаемъ, такъ какъ онъ былъ необходимъ. Въ 869 году онъ уже находился въ Константинополѣ и перевелъ акты того сборища съ греческаго на латинскій языкъ, съ составленнымъ имъ-же введеніемъ, содержащимъ въ себѣ всѣ обвиненія противъ Фотія.

Свидѣтельство этого субъекта является утвержденнымъ римскимъ престоломъ „восьмымъ вселенскимъ Соборомъ“, такъ какъ подлинные акты, какъ мы уже говорили, были отобраны у легатовъ славянами.

Да вообще, нужно же знать, какъ именно произошло первое разногласіе между Востокомъ и Западомъ при папѣ Николаѣ и патріархѣ Фотіи. Вѣдь нѣсколькими словами этого нельзя отдѣлать, и это заходитъ далеко за предѣлы этого отвѣта. По этому мы ограничиваемся лишь общимъ указаніемъ на то, что рѣшительно все, съ самаго начала до самаго конца, является однимъ сплошнымъ подтвержденіемъ римской недобросовѣстности, проявляющейся въ ходячихъ, на добрую вѣру принятыхъ даже учеными папистами разсказахъ объ этихъ историческихъ событіяхъ. Чтобы раскрыть всю эту вѣковую, набравшуюся и наслоившуюся ложь, необходимо посвятить себя спеціально этому разрушительному занятію.

Людовика назначеніе коммисаровъ, чтобы судить Елевтерія по римскимъ законамъ. Тогда Елевтерій пришелъ въ бѣшенство, убилъ Стефанію, супругу папы, и его дочь т. е. свою собственную жену. Анастасій библіотекарь былъ братомъ этого Елевтерія, и на него указывали какъ на подстрекателя.

Но вернемся къ примиренію между Фотіемъ и папою Іоанномъ VIII на почвѣ православія, послѣ осужденія Іоанномъ VIII прибавки слова „filioque“. Въ извѣстномъ письмѣ Іоанна VIII къ Фотію, папа называетъ эту прибавку „богохульствомъ“ и излагаетъ свои мысли о способѣ ея постепеннаго искорененія изъ западныхъ церквей. Іоаннъ VIII могъ поступить такимъ образомъ тѣмъ болѣе безпрепятственно, что самъ онъ, собственно говоря, стоялъ еще до извѣстной степени на сторонѣ. Ибо сама римская церковь въ то время еще не вставила прибавки въ текстъ своего символа. Это послѣднее, обыкновенно замалчиваемое папистами обстоятельство, имѣетъ первостепенное значеніе и бросаетъ яркій свѣтъ на постоянно приводимое словечко о томъ, что, дескать, „единство Запада съ Востокомъ просуществовало еще долгое время послѣ принятія вставки“. Это—полнѣйшая фантазія. Ибо нечего было отрицать принадлежность Рима къ Церкви, пока онъ сохранялъ внѣшнюю чистоту своего символа. Конечно, онъ въ то время былъ уже зараженъ существомъ этого лжеученія, по каковому поводу и возникли его первые споры съ Востокомъ. Однако, право ошибаться принадлежитъ всѣмъ намъ, равно какъ и Риму. Но *принципіальное* паденіе Рима въ то время еще не совершилось, и сохраненіемъ хоть внѣшней чистоты своего символа, Римъ формально признавалъ еще превосходство соборнаго мнѣнія Христовой Церкви надъ мнѣніемъ собственнымъ... хотя онъ можетъ быть уже измѣнилъ этому принципу въ тайникахъ своей души. Но паденіе еще не совершилось, и это одно имѣетъ важность. Этотъ послѣдній шагъ былъ сдѣланъ Римомъ лишь двумя вѣками позже.

Но вернемся къ письму Іоанна VIII къ Фотію.

Вотъ именно что пишетъ папа патріарху:

„Чтобы успокоить Васъ на счетъ той статьи, которая

была причиною соблазновъ въ церквахъ: мы не только не допускаемъ пресловутаго выраженія, но мы считаемъ тѣхъ, которые впервые имѣли дерзость принимать его, преступниками противъ слова Божія, развратителями ученія Іисуса Христа, апостоловъ, и отцовъ, давшихъ намъ символъ. Мы ихъ ставимъ около Іуды, такъ какъ они растерзали члены Христа. Но Вы слишкомъ исполнены мудрости, чтобы не понимать, что представляется очень труднымъ привести всѣхъ епископовъ нашихъ къ этому мнѣнію, и отмѣнить въ краткій срокъ обычай, укоренившійся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Мы по этому думаемъ, что принуждать къ оставленію этой прибавки къ символу никого не слѣдуетъ, но что нужно дѣйствовать умѣренно и осторожно, увѣщевая мало-по-малу отказываться отъ этого богохульства"...

Нѣкоторые латинскіе писатели хотятъ оспаривать подлинность письма Іоанна VIII, и ставятъ его на счетъ восточной фальсификаціи. Но это вполнѣ напрасное обвиненіе рѣшительно ничѣмъ не доказывается. Письмо это взято не изъ восточныхъ, а изъ западныхъ манускриптовъ, и оно изъ Запада пошло на Востокъ, а не наоборотъ. Объ этотъ простой и ясный фактъ разбиваются всѣ, и безъ того недоказанныя ровно ничѣмъ утвержденія и пустыя фантазіи.

Правда, также, что папа Маринъ, преемникъ папы Іоанна VIII, осудилъ Соборъ 879 года [1]). Но не менѣе правда, что самъ Іоаннъ VIII его утвердилъ [2]). Паписты не могутъ простить этому славному папѣ, желавшему вернуться къ преданіямъ римской православной церкви, его „слабости". Они выдумали цѣлый

---

[1]) Никакихъ доказательствъ этого — нѣтъ. Но вѣроятность этого факта до такой степени соотвѣтствуетъ послѣдующимъ событіямъ, что можно и не спорить противъ этого.

[2]) Это доказывается, зато, документально.

рядъ никогда не имѣвшихъ мѣста фактовъ, чтобы какъ нибудь обезсилить дѣйствія этой неудобной личности. Они, напримѣръ, утверждаютъ, что Іоаннъ VIII, передъ смертью, узнавъ „предательство“ легатовъ своихъ на Соборѣ 879 года, послалъ будто бы въ Константинополь легата Марина, предсѣдательствовавшаго на жалкомъ собраніи 18 епископовъ въ 869 году (т. е. на римскомъ „восьмомъ вселенскомъ Соборѣ“ противъ Фотія!), съ тѣмъ, чтобы отлучить Фотія. Они утверждаютъ, что Маринъ его отлучилъ въ Софійскомъ Соборѣ и тотчасъ-же, боясь быть убитымъ, спасся въ Римъ. Всѣ эти басни предъявляются безъ всякихъ доказательствъ и потому не требуютъ и опроверженія. Вся эта фантазія построена на одномъ мѣстѣ въ письмѣ папы Стефана, второго преемника Марина, къ Императору Василію въ 885 году, въ которомъ говорится, что этотъ Маринъ, посланный Іоанномъ VIII въ Константинополь, по пріѣздѣ былъ заключенъ въ тюрьму по приказанію Императора. Маринъ, этотъ фанатичный легатъ на комедіи 869 года, будучи папой, конечно, не могъ не подтвердить этой комедіи и не осудить Собора 879 года.

Великій аргументъ противниковъ Фотія заключается въ томъ, что Фотій будто бы поддѣлалъ письма Іоанна VIII и акты Собора 879 года.

Все это — пустые вымыслы.

Акты пресловутаго Собора были опубликованы по рукописямъ *Ватикана*, по приказанію папы Климента XI, и имѣются въ Собраніи Соборовъ Гардуина, въ томѣ VI.

Такъ какъ эти акты опровергаютъ вымыслы враговъ патріарха Фотія, то пристрастные латинскіе писатели, въ родѣ Баронія и Алляція, и говорятъ, ни съ того ни съ сего, что Фотій поддѣлалъ эти акты. Можно-ли выдумать болѣе жалкую

увертку! Поддѣланнные акты въ самомъ Ватиканѣ! Гдѣ-же тогда находятся оригиналы!? [1]).

Что же касается писемъ Іонна VIII, то мы уже говорили, что вышеприведенное письмо его къ Фотію стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Но Іоаннъ VIII написалъ еще нѣсколько писемъ по этимъ дѣламъ. Въ частности, извѣстно одно его письмо къ Императору Василію. И дѣйствительно, въ греческихъ переводахъ имѣющихся латинскихъ текстовъ этихъ писемъ встрѣчаются нѣкоторыя внѣшнія, формальныя несходства. Необходимо присмотрѣться ближе къ этому обстоятельству:

Во первыхъ, сія такъ называемая „фальсификація“ вовсе не относится къ существу, а лишь къ нѣкоторымъ формальнымъ внѣшностямъ, которыя, по безцеремонному изложенію установившагося уже латинскаго кругозора, непремѣнно возмутили бы восточныхъ епископовъ, если бы письма въ этой формѣ были прочтены на Соборѣ 879 года, что въ свою очередь сдѣлало бы невозможнымъ преслѣдуемое Іоанномъ VIII примиреніе [1]).

Во вторыхъ, эта „фальсификація“ была прочтена на Соборѣ въ присутствіи папскихъ легатовъ, и все, что тамъ происходило, вообще было сдѣлано съ обоюднаго и предварительнаго согласія. Это—исторически безспорное обстоятельство (см. Fleury. Hist. Eccl. l. III. § 13).

Въ третьихъ, слѣдовало бы всетаки установить, кто именно

---

[1]) Къ чести нѣкоторыхъ латинскихъ писателей, слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ компрометируются такими пріемами. Такъ напр. Ассемани котораго нельзя заподозривать въ пристрастіи къ восточной Церкви, не подвергаетъ подлинность этихъ актовъ никакому сомнѣнію.

[2]) Нѣчто подобное случилось на седьмомъ вселенскомъ Соборѣ, на которомъ фантастическое письмо папы Адріана было по той-же причинѣ прочтено въ измѣненномъ видѣ, въ присутствіи римскихъ легатовъ, и въ этомъ видѣ утверждено Соборомъ, вмѣстѣ съ письмами восточныхъ патріарховъ.

былъ авторомъ этихъ внѣшнихъ несходствъ между латинскими и греческими текстами писемъ папы Іоанна VIII, ибо дѣло это, не смотря на множество самыхъ противоположныхъ объясненій, по сей день покрыто мракомъ абсолютной неизвѣстности. Таковъ—единственный честный и непредвзятый выводъ. Опредѣливъ такимъ образомъ наше строго критическое и безпристрастное сужденіе, мы считаемъ долгомъ изложить, также, нашу гипотезу. По этой гипотезѣ, авторомъ „фотіевскихъ фальсификацій“ былъ бы никто иной, какъ самъ римскій престолъ. Ибо Римъ, по часто примѣняемому обыкновенію, представлялъ свои заключенія въ двоякомъ освѣщеніи, смотря по обстоятельствамъ, побуждающимъ его, въ собственныхъ мнимыхъ своихъ интересахъ, къ неодинаковому тону, то передъ Востокомъ, то передъ Западомъ. Такъ оно было, напримѣръ, въ дѣлѣ о сношеніяхъ папы Адріана, по поводу Второго Никейскаго Собора, съ Востокомъ, и съ Западомъ, обвинявшимъ его на созванномъ Карломъ Великимъ Франкфуртскомъ Соборѣ 794 года въ неправильномъ принятіи Никейскихъ рѣшеній (см. Resp. ad Lib. Carolin. Coll. Labbe). Этотъ Адріанъ является, впрочемъ, истиннымъ основателемъ современнаго папства. Онъ-же вручилъ въ 785 году Ингелрамну, епископу Метцскому, лже-исидоровскія декреталіи [1]), подложность коихъ ему была непреложно и безусловно извѣстна, такъ какъ онъ-же, Адріанъ, за десять лѣтъ до этого поступка, т. е. въ 775 году, вручилъ Королю Франковъ кодексъ древнихъ каноновъ по признанной коллекціи Діонисія Малаго. Но вернемся къ „фотіевской фальсификаціи“. Наша гипотеза состоитъ въ томъ, что эти внѣшнія несходства, которыя не заслуживаютъ вовсе прозвища

[1]) Этимъ-же Ингелрамномъ лже-исидоровскія декреталіи были привезены въ Римъ. Вся подноготная этого мошенничества еще не вполнѣ раскрыта.

„фальсификаціи“,—ибо не касаются существа,—должны быть поставлены въ счетъ римскому престолу, который находилъ это естественнымъ и допустимымъ... пока новый разладъ не побудилъ папистовъ вооружиться этими готовыми, находящимися подъ рукою матеріалами, для своихъ цѣлей. Эта гипотеза подтверждается однимъ весьма интереснымъ обстоятельствомъ: въ XII вѣкѣ одинъ изъ ученѣйшихъ западныхъ канонистовъ, Ивъ-Шартрскій (Yves de Chartres), привелъ письмо Іоанна VIII къ Императору Василію не по латинскому „подлиннику“, а по латинскому тексту... сходному съ греческою „фотіевскою фальсификаціей“... Откуда это у него появился этотъ латинскій текстъ? Отъ Фотія? *Латинскій* текстъ *западнаго* документа... отъ Фотія? Какъ-же это такъ?!

Соборъ 879 года былъ актомъ примиренія между папою Іоанномъ VIII и патріархомъ Фотіемъ. По авторитету своему онъ вполнѣ могъ бы быть и включенъ въ число Соборовъ вселенскихъ, имѣющихъ каноническое значеніе. Однако, его къ этимъ Соборамъ причислить нельзя. Ибо онъ, по части догматической, ровно ничего не сдѣлалъ, кромѣ подтвержденія того что уже было соборно и торжественно подтверждено предыдущими вселенскими Соборами. Т. е. онъ подтвердилъ подтвержденный уже символъ вѣры. По части же дисциплинарной онъ составилъ только три канона, изъ которыхъ первый падаетъ самъ собою, такъ какъ онъ устанавливаетъ взаимность между папою и патріархомъ по дѣламъ объ отлученіи отъ Церкви. Второй канонъ воспрещаетъ епископамъ, оставившимъ свою паству чтобы поступить въ монастырь, снова занимать свои каѳедры. Третій канонъ налагаетъ анаѳему на наносящихъ оскорбленіе епископу. Этого всего конечно недостаточно для включенія рѣшеній Собора 879 года въ число кодифицированныхъ свидѣтельствъ о вѣрѣ, или общецерковныхъ памятниковъ

дисциплинарнаго законодательства. Другими словами, нельзя, въ формальномъ смыслѣ, считать Собора 879 года—Соборомъ вселенскимъ. Но это вовсе не мѣшаетъ ему быть вселенскимъ по значенію всего, что на немъ было сказано и подтверждено отъ лица Церкви. Этотъ Соборъ былъ принятъ папою Іоанномъ VIII и папа на этотъ счетъ послалъ два письма, одно Императору и другое патріарху Фотію, съ поздравленіями. Правда, что въ этихъ письмахъ имѣется одна оговорка, которою папа изъемлетъ изъ признаваемыхъ имъ рѣшеній Собора тѣ пункты, по которымъ легаты дѣйствовали бы по непослушанію. Но какъ явствуетъ изъ историческихъ данныхъ, эта оговорка вовсе не касалась осужденной папою Іоанномъ VIII прибавки „filioque“, а сомнѣнія папы въ принятіи Императоромъ не разрѣшенныхъ Соборомъ папскихъ притязаній на Болгарію. Это зависѣло отъ Императора потому, что церковное распредѣленіе, какъ извѣстно, сообразовалось съ гражданскимъ.

Итакъ, Іоаннъ VIII осудилъ прибавку „filioque“, примирился съ Фотіемъ, и принялъ рѣшенія Собора 879 года съ оговоркою, относящейся къ Болгаріи.

Всѣ-же разсужденія о неутвержденіи папою этого Собора, о послѣдующемъ новомъ раздорѣ между нимъ и Фотіемъ, о фальсификаціяхъ Фотія и т. п., все это—ни на чемъ не основанныя басни.

Послѣ всего этого, Римъ еще долго не утверждался окончательно въ своей ереси. Папы колебались. И эти колебанія выражались иногда въ невѣроятной обстановкѣ. Папа Формозъ не признавалъ дѣйствительности фотіевскихъ рукоположеній. Папа Стефанъ (именуемый шестымъ или седьмымъ) приказалъ вытащить трупъ Формоза изъ могилы, учинилъ надъ нимъ соборное судилище, отлучилъ Формоза, проклялъ его и велѣлъ бросить трупъ въ рѣку Тибръ. Папа Ѳеодоръ его опять реаби-

литировалъ. Но всѣ эти папы были безсомнѣнно непогрѣшимыми... [1]).

Противъ всѣхъ пристрастныхъ свидѣтельствъ мы имѣемъ безпристрастныя свидѣтельства исторіи. Слѣдуетъ прислушиваться съ вниманіемъ къ разсказамъ Георгія, Кедрена, Зонары, Константина Порфиророднаго. Иначе о фотіевскихъ временахъ нельзя себѣ составить опредѣленнаго мнѣнія.

Но мы уже достаточно остановились на этой распрѣ между папою и патріархомъ и указываемъ лишь на одно безспорное обстоятельство: примиреніе Востока съ Западомъ при папѣ Іоаннѣ VIII состоялось на почвѣ православнаго осужденія прибавки „filioque“. Каково бы ни было, однако, личное достоинство всѣхъ этихъ папъ и патріарховъ, а въ частности Фотія, и каковы бы ни были историческія событія, все это здѣсь имѣетъ, собственно говоря, всетаки лишь второстепенный интересъ. Геніальный патріархъ могъ бы даже быть и личнымъ негодяемъ, въ противность всѣмъ безспорнымъ свидѣтельствамъ исторіи: все это ровно ни въ чемъ не измѣняетъ нашего положенія. Фотій, какъ и впослѣдствіи гораздо менѣе талантливый патріархъ Михаилъ, были сильны не по личнымъ своимъ разсужденіямъ, а потому что за ними стоялъ весь Востокъ, т. е., лучше, вся Церковь Христова, какія бы затѣмъ ни были личныя качества этихъ іерарховъ. Но въ вопросѣ о святотат-

---

[1]) Изъ какихъ мошенниковъ и убійцъ состояла противо-православная партія въ Римѣ, въ этомъ можно удостовѣриться изъ подлежащихъ документовъ. (См. Ioann. VIII, Epist. ad Episcop. Gall. et Germ ap. Labbe Conc.). Къ этой компаніи, комплотировавшей противъ жизни Іоанна VIII, принадлежалъ папа Формозъ. Ей-же благопріятствовали ближайшіе преемники Іоанна VIII. (главнымъ образомъ папа Маринъ). Вообще, папство въ ту эпоху представляло зрѣлище чудовищное. по безнравственности своей никогда не имѣвшее чего либо себѣ подобнаго въ какой бы то ни было патріархіи или епархіи.

ственной прибавкѣ къ символу вѣры, устами ихъ тогда говорила вся Церковь. И по этому они и были сильны.

Слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что объясненіе, даваемое Римомъ, чтобы вывести причины раскола, основано на отсутствіи всякаго пониманія дѣйствующихъ въ человѣчествѣ соціально-психологическихъ законовъ. Иными словами, оно основано на кругломъ невѣжествѣ. Римъ объясняетъ расколъ личными честолюбивыми замыслами Константинопольскихъ патріарховъ. Такое дѣтское объясненіе есть соціально-психологическій абсурдъ, и никакими такими гипотезами нельзя причинно и разумно обосновывать такого рода явленія общей психологіи, какъ расколъ. Это было бы равнозначуще объясненію всей протестантской реформаціи честолюбивыми замыслами реформаторовъ. И это опять таки, и только, доказываетъ безсиліе папизма добраться до какихъ нибудь духовныхъ принциповъ [1]). Удовлетворительное объясненіе даетъ единственно православіе, указывающее не на личностей опредѣленнаго ряда папъ, а на сложный феноменъ коллективнаго извращенія самихъ основъ христіанства и Церкви Христовой, смѣною этихъ альтруистическихъ началъ эгоистическими началами выработаннаго языческимъ Римомъ правоваго міровоззрѣнія. Это міровоззрѣніе, послѣ краткаго подавленія торжествующимъ христіанствомъ, взяло свой реваншъ, снова поднявъ свою голову въ столицѣ міроваго хищничества... но конечно, оно прихватило себѣ Церковь, прежнюю свою побѣдительницу, и сдѣлало изъ нея ра-

---

[1]) Иные говорятъ, что расколъ объясняется мятежемъ цезаризма противъ Христа и противъ Его Церкви. Это смахиваетъ на философію. Оно и вѣрно вполнѣ, но только не въ томъ смыслѣ, въ которомъ сіе преподаютъ философы папизма. Ибо папство именно и есть самъ цезаризмъ, возведшій себя въ чудовищное духовное начало, и усѣвшійся на Божій престолъ подъ личиною Христа. Сія есть великая тайна беззаконія...

быню для своихъ цѣлей. Вотъ—причина раскола. Отдѣльныя же личности проводили этотъ принципъ лишь въ качествѣ прислужниковъ. И этотъ принципъ, называемый „папствомъ“, есть духовная смерть. Да вообще, странныя иногда мысли приходятъ въ голову отъ наблюденія человѣчества, довольствующагося, на предметъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, въ теченіе десяти съ лишнимъ вѣковъ такимъ скуднымъ арсеналомъ, въ родѣ того, которымъ себя защищаетъ папство! Вѣдь опроверженіе папства является на самомъ дѣлѣ дѣтскою игрой! Конечно, этимъ несчастнымъ людямъ преподается и грубѣйшая ложь, такъ какъ скудость папскаго арсенала не позволяетъ ему быть принятымъ въ серьезъ при наличности однихъ только собственныхъ и честныхъ средствъ. И отъ этого — та всемірная трагедія, на которой мы теперь присутствуемъ!

Постепенное разложеніе понятія о Церкви можно съ точностью прослѣдить на Западѣ, какъ мы уже говорили, въ постепенномъ внѣдреніи того лжеученія, что кроется въ прибавкѣ къ символу. Историческія отношенія папства къ Востоку, на этой почвѣ, нами только что указаны.

Какъ-же и почему именно это лжеученіе появилось на Западѣ?

Паписты увѣряютъ насъ, что споры объ исхожденіи Святаго Духа восходятъ до очень древнихъ временъ. Мы уже говорили выше, что пресловутая прибавка была пущена во второй половинѣ восьмаго столѣтія противъ „адоптивизма“ Элипанда Толедскаго и Феликса Ургельскаго. Мнѣнія на счетъ времени перваго ея появленія расходятся. Самое слово „Filioque“ появилось уже раньше. Можно, однако, съ полною ясностью удостовѣриться въ томъ, что оно достигло значенія лишь въ дѣлѣ объ „адоптивизмѣ“, спеціально же на Аахен-

скомъ Соборѣ 809 года, который занимался этою ересью. На этомъ Соборѣ Феликсъ былъ побѣжденъ, въ богословскомъ спорѣ, ученымъ аббатомъ Св. Мартина въ Турѣ, извѣстнымъ Алкуиномъ. Этотъ Алкуинъ, впрочемъ, написалъ въ 804 году письмо Ліонской церкви по поводу возникшаго тамъ обычая пѣть символъ вѣры съ прибавкою „Filioque". Алкуинъ въ этомъ письмѣ заступается за чистоту символа (Alcuin Epist. ad frat. Lugd). Самый этотъ обычай, стало быть, въ началѣ девятаго вѣка еще осуждался во Франціи наиболѣе учеными и благочестивыми пастырями. Какъ бы то ни было, но Аахенскій Соборъ все-же санкціонировалъ прибавку, уже вошедшую въ обычай у франковъ, особенно благодаря Карлу Великому, который всѣми силами старался ее распространить. Придворная церковь Карла Великаго была своего рода типомъ для другихъ церквей. Карлъ Великій очень благопріятствовалъ распространенію наукъ, но несмотря на это, и несмотря на выдающіеся умы, которыми онъ себя окружалъ, западная богословская наука лежала еще въ колыбели, и на ея мѣстѣ властвовалъ извѣстный педантизмъ. Характеръ педанта заключается въ томъ, что онъ ровно ни передъ чѣмъ не смущается. Западные новички, одушевляемые желаніемъ заявить о себѣ, смотрѣли на принятую ими прибавку какъ на доказательство своей учености и воображали себѣ, что они стряпали высокаго философскаго и богословскаго качества объясненіе существа Троицы.

Пустивъ это опредѣленіе противъ тѣхъ, которые, какъ аріане или какъ адоптивисты, отрицали единосущность Христа съ Отцомъ, они подчеркивали эту единосущность опредѣленіемъ двойного исхожденія Святаго Духа и воображали себѣ, что они понимали эти вопросы лучше, чѣмъ отцы Никейскаго и Константинопольскаго Соборовъ. Но они не замѣчали, что этимъ

они вводили раздѣленіе въ самомъ Божествѣ, не говоря совсѣмъ о противособорности, а потому и обязательной ложности такого рѣшенія. Они не замѣчали, что если основаніемъ для двойного исхожденія служила бы единосущность, то Духъ Святой и отъ Себя Самого исходилъ бы, такъ какъ Онъ вѣдь тоже — единосущъ.

Это раздѣленіе ѵпостаснаго качества *начала*, принадлежащаго одному Отцу, является духовною аналогіею разцѣленія всякаго начала вообще, по всей лѣстницѣ духовной, душевной и матеріальной жизней. Оно является раздѣленіемъ Сына и Отца, оторваніемъ человѣчества отъ Божества, воцареніемъ матеріи надъ духомъ. И въ этомъ раздѣленіи заключается всякое грѣхопаденіе, проявляющееся именно въ двойственности, что есть плодъ познанія добра и зла. Двойственность же сія выражается въ преимуществѣ части надъ цѣломъ, эгоизма надъ альтруизмомъ. Это — матеріализація духа...

Ни одного явленія нельзя разсматривать только аналитически, въ оторванности своей отъ всего мірозданія. Каждое явленіе имѣетъ свои аналогіи, задѣваемыя по всей цѣпи, когда отъ своего начала отрывается первое звено. Христова Церковь есть великій синтезъ, имѣющій исходное свое начало въ единосущномъ Божествѣ. Ибо Христосъ есть Глава и Жизнь Церкви. Это единосущное Божество является и *единоначальнымъ*, каковое качество и выражается ѵпостасью Бога Отца. Духъ Святой, какъ истинный Богъ, по этому непремѣнно долженъ быть единоначальнымъ, такъ какъ двуначальныя явленія не принадлежатъ къ Божеству по самой природѣ своей. Но этотъ Духъ есть Духъ Отца и Духъ Сына, такъ какъ онъ именно и есть никто иной, какъ самое идентичное и единственное Бытіе Отца и Сына. Въ этомъ единоначальномъ синтезѣ сливается наивысшее вѣдѣніе. Богословіе Христовой Церкви есть *богословіе синтетическое.*

Папство внесло двуначаліе въ сущность Божества. Ибо Духъ Святой, признаваемый якобы истиннымъ Богомъ, по папскому лжеученію исходитъ отъ двухъ началъ. Этимъ Духъ въ дѣйствительности выбрасывается изъ понятія о единоначальномъ Богѣ и исчезаетъ во всемъ строеніи. Вотъ—истинный смыслъ всего римскаго матеріализма. И этимъ сразу задѣваются проявленія папской ереси на всѣхъ рѣшительно ступеняхъ, начиная съ отвлеченныхъ ея принциповъ вплоть до ритуальныхъ формъ включительно, какъ явствуетъ хотя бы уже изъ отсутствія „эпиклизиса“, т. е. призыванія Св. Духа на пресуществляемые Дары въ таинствѣ римскаго церковнаго общенія... Вотъ гдѣ нужно искать истинное объясненіе таковыхъ, самихъ по себѣ непонятныхъ явленій.

Двуначаліе есть понятіе о противоположностяхъ и о враждѣ. Оно есть именно тотъ плодъ познанія добра и зла, вкушеніе коего составляетъ грѣхопаденіе. Оно есть раздѣленіе матеріи отъ духа, правды отъ милости, частей отъ цѣлаго. Оно есть паденіе въ міръ матеріальностей и формъ. Оно есть анализъ. Богословіе папства есть *богословіе аналитическое,* т. е. чисто матеріальное и правовое.

Церковь Христова есть пресуществленіе матеріи въ духъ.

Папство есть пресуществленіе духа въ матерію.

Церковь Христова есть любовь и милость.

Папство есть право и власть.

Церковь Христова есть необходимость, ставшая самою свободой.

Папство есть уничтоженіе свободы посредствомъ необходимости.

Церковь Христова есть отказъ отъ себя въ пользу всѣхъ.

Папство есть отказъ отъ всѣхъ въ пользу себя.

Церковь Христова есть духовный порядокъ и въ вѣрѣ любовь.

Папство есть духовная анархія и въ безвѣріи авторитетъ.

Церковь Христова есть сліяніе человѣка со своимъ Искупителемъ.

Папство есть отторженность человѣчества отъ Христа.

Церковь Христова есть единоначаліе мира.

Папство есть двуначаліе вражды.

Церковь Христова есть жизнь.

Папство есть смерть.

Сліяніе Церкви Христовой со своимъ собственнымъ отрицаніемъ, т. е. съ папствомъ, есть коренная невозможность.

Таковъ—характеръ папства, и таковы философскія начала папской ереси.

Но вернемся къ исторіи, и къ историческимъ началамъ прибавки „Filioque“.

Мы сказали, что Аахенскій Соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ Карлъ Великій, санкціонировалъ прибавку „Filioque“ противъ адоптивизма, и что прибавка эта достигла вліянія и значенія лишь въ восьмомъ вѣкѣ. Но матеріальное свое начало она ведетъ отъ болѣе древнихъ временъ, такъ какъ возникла впервые въ Испаніи. Самая исторія перваго возникновенія этого лжеученія еще не разслѣдована. Оно, вѣроятно, впервые появилось на Толедскомъ Соборѣ 633 года и было санкціонировано другимъ Соборомъ Толедскимъ 653 года. Иные говорятъ (см. Noel-Alexandre Hist. Eccl. Dissert. XXVII in soecul. 4), что прибавка появилась на Толедскомъ Соборѣ 589 года, при Королѣ Рекаредѣ. Но акты этого Собора, по указанному пункту,—вѣроятно не подлинные. Какъ бы то ни было, но представляется безспорнымъ, что въ Испаніи этимъ хотѣли обезсилить все еще многочисленныхъ аріанъ.

Затѣмъ ересь проникла во Францію черезъ Пиренеи, въ точности черезъ Нарбоннскую провинцію, принадлежавшую ви-

зиготскимъ испанскимъ Королямъ. Оттуда она перешла въ франкскую церковь. На Соборѣ въ Жантильи (Gentilly) въ 767 году, мы уже видимъ франковъ, съ Королемъ Пипиномъ во главѣ, отстаивающими свою точку зрѣнія по этому поводу передъ греческими посланцами Константина Копронима. Въ 791 году, въ разгарѣ борьбы противъ Элипанда и Феликса, Соборъ въ Фріулѣ (Frioul) рѣшилъ, для успѣшнаго отпора адоптивистамъ, что слѣдуетъ признать правильность кроющагося въ прибавкѣ ученія. Но отъ самой прибавки къ символу Соборъ отказался на томъ основаніи, что отцы, составившіе символъ, правильно привели только слова Евангелія: иже отъ Отца исходитъ (см. LaBbe), Феликсъ Ургельскій, затѣмъ, послѣ осужденія на разныхъ Соборахъ, былъ посланъ на жительство въ Ліонъ, гдѣ онъ вѣроятно проповѣдывалъ свою ересь, что и подало поводъ Алкуину написать вышеупомянутое письмо, въ которомъ онъ предостерегаетъ Ліонскую церковь какъ отъ ереси Феликса, такъ и отъ прибавки къ символу.

Карла-же Великаго слѣдуетъ считать дѣйствительнымъ родоначальникомъ этой ереси, которую онъ старался распространить несмотря на противодѣйствіе папъ. Положеніе папъ во всей этой исторіи было очень трудное. Они, съ одной стороны, не хотѣли соглашаться на прибавку, съ другой же стороны они находились въ зависимости отъ франкскихъ Королей, которые были очень важнымъ козыремъ въ рукахъ ихъ, какъ противъ непріятелей на италійской почвѣ, такъ и въ поддержаніи папскаго независимаго положенія передъ восточными Императорами. Всѣ эти политическія комбинаціи сильно отражались на дѣятельности папъ по охраненію чистоты вѣры. Очень интереснымъ является письмо Карла Великаго, редактированное аббатомъ Смарагдомъ, къ папѣ Льву III, къ которомъ Карлъ, послѣ вышеупомянутаго Аахенскаго Собора, обращается къ папѣ за

признаніемъ злополучной прибавки. Письмо это было привезено въ Римъ четырьмя посланцами и оно состоитъ изъ компиляціи текстовъ объ исхожденіи Св. Духа. Эти посланцы дѣйствовали очень ловко (Apud Sirm. Conc. Gall. t. II; p. 256 et. seq.), но они ничего отъ Льва III не добились. Папа Левъ III сказалъ этимъ посланцамъ, что онъ совѣтуетъ сначала исключить прибавку изъ символа, чтобы подъ этимъ условіемъ получить отъ него разрѣшеніе на установившійся обычай пѣть его на литургіи (вмѣсто чтенія). Посланцы однако увернулись отъ этого благодаря тому, что къ тому времени сущность лжеученія уже проникла въ Римъ. Папа ихъ отпустилъ со словами: „Если бы вы испросили моего совѣта, прежде чѣмъ вставлять эти слова въ символъ, я бы сказалъ вамъ не дѣлать этого“... Какъ видно, папа Левъ III, имѣвшій очень вѣскія основанія ладить съ Карломъ Великимъ, котораго онъ-же короновалъ римскою императорскою короной, не рѣшался прямо высказаться противъ воли Карла. Во всякомъ случаѣ, онъ счелъ удобнымъ удостовѣрить свое православіе посредствомъ двухъ серебряныхъ щитовъ, на которыхъ онъ велѣлъ вырѣзать подлинный текстъ никео-константинопольскаго символа, безъ всякой прибавки, по гречески и по латински, и которые онъ велѣлъ вывѣсить по обѣимъ сторонамъ „Исповѣданія“ Св. Петра. (Было бы очень интересно знать, гдѣ теперь находятся эти щиты?). Папа Іоаннъ VIII, какъ мы видѣли, во всемъ слѣдовалъ ученію Церкви и держался мира съ Востокомъ. Доказательствомъ сего, кромѣ Собора 879 года, кромѣ всѣхъ его дѣйствій и писемъ, служитъ также отношеніе этого папы къ Меѳодію, великому апостолу славянъ, который училъ и проповѣдывалъ по православному, за что и много пострадалъ отъ германцевъ, стоявшихъ за всѣ западныя новшества. Іоаннъ VIII подтвердилъ православіе Меѳодія и стоялъ во всемъ на его сторонѣ. По-

пытки извращенія проявлявшейся по всей линіи въ одинаковомъ духѣ дѣятельности Іоанна VIII на папскомъ престолѣ, являются либо увертками недобросовѣстности, либо невѣжествомъ.

Но Римъ въ концѣ концовъ, послѣ вѣковаго противодѣйствія надвигающейся ереси, палъ. Папы, у которыхъ испрашивали разрѣшенія и совѣты, будучи сами не очень тверды, съ одной стороны прислушивались къ разсужденіямъ людей, почитаемыхъ ими за ученыхъ, съ другой же стороны они пользовались этими спорами чтобы заявлять о своемъ главенствѣ. И такимъ образомъ они постепенно ослабѣвали и санкціонировали нововведеніе по существу, сопротивляясь все-же его формальному введенію въ символъ. Римъ подвергся вліянію заблужденія въ интересахъ мнимой своей верховности. Такъ обстояло дѣло до одиннадцатаго столѣтія. Императоръ Генрихъ, будучи въ Римѣ на торжествѣ своего коронованія, былъ удивленъ, услышавъ, что въ Римѣ символъ читался иначе, чѣмъ пѣлся въ другихъ церквахъ Имперіи. (Ditm. lib. VII. Chron. Sax; Glaber, Hist., lib. I; Bernon. De missa, c. III.). Ему отвѣтили, что такъ какъ римская церковь никогда не исповѣдывала ереси, то и нечего ей пѣть символъ, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣру. Императоръ Генрихъ не удовлетворился этимъ страннымъ объясненіемъ и добился приказанія папы Бенедикта VII, чтобы символъ въ римской церкви пѣлся такъ, какъ и въ другихъ церквахъ. Съ того момента (1014 г.), римская церковь прибавила слово „Filioque“ къ своему символу. Эта прибавка, которая главнымъ образомъ распространялась Карломъ Великимъ на Западѣ, въ концѣ концовъ была принята папами по настоянію другого Императора. Немного спустя (1054 г.) произошло и окончательное, формальное подтвержденіе отпаденія Рима отъ Церкви.

Исторія этого догматическаго нововведенія доказываетъ, что

оно было допущено въ западныхъ церквахъ не только безъ содѣйствія папъ, но даже несмотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сегодня паписты утверждаютъ, что этотъ догматъ есть апостольское преданіе. Мы видѣли, что это — исторически невѣрно.

До сихъ поръ, — историческія данныя. Обратимся теперь къ выясненію всего этого положенія съ доктринальной стороны.

Посмотримъ, какъ здѣсь обстоитъ дѣло.

Слѣдуетъ строго различать два пункта:

1. — Саму прибавку, и

2. — Ученіе, кроющееся въ ней.

Что касается самой прибавки, то мы относимъ къ ней все то, что нами было сказано о противособорности этой вставки, объ историческихъ превратностяхъ, черезъ которыя она прошла прежде чѣмъ быть принятою Римомъ, о значеніи и характерѣ символа какъ внѣшняго знака внутренняго единства во Христѣ. Мы относимъ все это непосредственно къ самой прибавкѣ, такъ какъ это не подлежитъ и спору. По этому, мы начинаемъ съ того, чтобы, ставъ на эту почву, сказать папистамъ:

Вы испортили, именно *испортили* внѣшній знакъ вашего собственнаго прежняго участія въ соборности и въ надеждахъ Христовой Церкви. Вы испортили этотъ знакъ именно потому, что знакъ этотъ, именуемый символомъ, заключается всецѣло во внѣшней его формѣ, какъ мы Вамъ уже объяснили выше. Вопросъ Вашъ, который Вы ставите съ тайнымъ намѣреніемъ, „имѣетъ-ли Церковь право, по обстоятельствамъ, составить болѣе совершенный символъ, или улучшить прежній“, является безсмысленнымъ. Само собою разумѣется, что она имѣетъ это право! Кто-же можетъ воспретить ей сдѣлать это, если она этого пожелаетъ и сочтетъ нужнымъ?! Если бы она не имѣла свободы, то и благодати бы не имѣла! Она на Ефесскомъ Со-

борѣ объявила запрещеніе измѣнять символъ. Но противъ кого? противъ себя? Да вѣдь это — безсмыслица!

Нѣтъ. Церковь воспретила каждому изъ членовъ своихъ налагать руку на тотъ священный знакъ своего единства, который она себѣ создала взамѣнъ разрозненныхъ, столь-же по существу правовѣрныхъ выраженій христіанскихъ истинъ, исповѣдуемыхъ разными словами въ разныхъ церквахъ. Она запретила и вамъ, римлянамъ, совершеніе такого святотатства, и предоставила право измѣненія и „улучшенія“ своего символа только самой себѣ. Кто-же вы на самомъ дѣлѣ такіе, чтобы затѣмъ не подчиняться, и одновременно претендовать на то, что не вы отъ Церкви отпали, а Церковь отъ васъ???? Развѣ вы являетесь законодателями Христовой Церкви???? Да въ томъ то и дѣло, что вы себя объявили таковыми, и объясненіе нашли въ томъ, что вы одни являетесь избранными сосудами Божественной благодати на землѣ.....!! Этимъ паденіемъ вашимъ вы и создали себѣ авторитетъ въ вѣрѣ и всѣ его послѣдствія. Вы въ гордости вашей хотѣли себя поставить выше Христовой Церкви. Какъ нѣкогда первый, ближайшій къ Богу Архангелъ хотѣлъ стать Богомъ Самимъ, такъ и вы, нѣкогда первые, славнѣйшіе въ Церкви и ближайшіе къ Ней, хотѣли стать Церковью Самой....!!!!

Но вы просто очутились внѣ Церкви и внѣ благодати.

Вы бросили вызовъ этой благодати и идете своими путями.

Идите-же! Мы знаемъ, кто васъ ведетъ и куда вы шагаете. Но мы питаемъ къ вамъ глубокое, глубокое состраданіе и всею душею молимся за васъ.

Вотъ Вамъ на счетъ внѣшняго факта. По этому мы вовсе не принимаемъ того положенія, которое было высказано кардиналомъ Чезарини (Cesarini) на Флорентинскомъ „Соборѣ“, что правильность вставки „Filioque“ зависитъ яко-бы отъ

того, истину-ли она выражаетъ или ложь: если истину, то — законна; если ложь, то—преступна; и что православнымъ богословамъ предстоитъ, яко-бы, сначала доказать, что вставка выражаетъ ложь, а не истину.

Мы встрѣчаемъ ссылку на эту геніальность кардинала Чезарини на стр. 345 Вашего труда.

Все это—совершенно пустыя разглагольствованія. Законность вставки вовсе не зависитъ отъ нашихъ жалкихъ личныхъ изслѣдованій истины или лжи, выражаемыхъ ею, а зависитъ отъ того, принимается-ли она Церковью или нѣтъ. Нужно рѣшить вопросъ о Церкви, а не о прибавкѣ. Вопросъ заключается единственно въ томъ, чьею рукою сдѣлана вставка въ символъ, послѣ торжественнаго запрещенія налагать руку на него. Церковь предоставила это право только себѣ самой. *И съ этимъ совершенно и безвозвратно отпадаетъ и всякая польза и всякая необходимость, для Церкви, вообще заниматься вопросомъ объ ученіи, кроющемся въ прибавкѣ.* Ибо посколько какая нибудь ересь преподается яко-бы отъ имени Церкви, какъ то всегда дѣлалось осужденными прежде ересеначальниками, по столько Церковь ставится въ необходимость выяснить именно этотъ спорный вопросъ: отъ Церкви-ли проповѣдуемая ересь или нѣтъ? Но никакого такого спорнаго вопроса въ дѣлѣ о вставкѣ „Filioque“ въ символъ—нѣтъ. А по этому и выяснять на этотъ счетъ ничего не приходится. Вставка *сама* заявляетъ о внѣцерковности своей. Она *сама* не имѣетъ никакихъ притязаній на то, чтобы мы заблуждались на счетъ ея происхожденія. Тѣ, которые сдѣлали это святотатство, прямо объявляютъ намъ, что они эту вставку приняли не отъ Церкви, а отъ себя, по авторитету своему, и будучи привилегированными сосудами Божественной благодати на землѣ. Какой-же тутъ еще „спорный вопросъ?“

Вставка *сама* дерзко заявляетъ намъ въ лицо, что она—не отъ Церкви! Зачѣмъ-же тогда, и съ какой стати заниматься ею?! Разъ она—не отъ Церкви, то, стало быть, на ея счетъ и выяснено уже все то, что именно и требовалось доказать!

Церковь знаетъ и судитъ только себя и чужими богословіями не занимается. Не зачѣмъ ей по этому и вмѣшиваться въ очень интересный для папистовъ вопросъ объ ученіи, кроющемся въ этой прибавкѣ. Это для Церкви такъ-же безразлично, какъ индійскія теоріи о кармическомъ законѣ.

По этому кардиналъ Чезарини, съ позволенія, глупость сказалъ, и православнымъ богословамъ вовсе не предстоитъ доказывать, что вставка выражаетъ ложь, а предстоитъ доказывать только то, что Церковь соборно не согласилась на прибавку. И это, кажется, довольно ясно доказывается исторіею. Вы-же, паписты, могли перескочить черезъ эту трудность только по гордости, и объявивъ намъ, что Церковь, это—вы. Вы это и сдѣлали. Но такъ какъ ни въ Св. Писаніи, ни въ твореніяхъ святыхъ отцовъ, ни въ преданіи, да вообще нигдѣ не существуетъ никакого подтвержденія для вашихъ претензій, то вы и выдумали новыя объясненія мѣстъ Св. Писанія, урѣзали, дополнили или истолковали творенія святыхъ отцовъ, или выдержки изъ этихъ твореній, по вашему, растоптали все апостольское преданіе и усѣлись на мѣсто разрушенія съ палкою въ рукахъ. И когда, затѣмъ, протестанты и безчисленныя религіозно-анархическія секты, сформировавшіяся вслѣдствіе вашего поступка, требовали себѣ, на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ, свободу дѣйствій, то вы этою палкою вашей вбивали все человѣчество въ кровь и въ грязь, пока наконецъ эту палку не вырвали изъ вашихъ рукъ. Но потерявъ ее въ смыслѣ матеріальномъ, вы ее еще держите въ смыслѣ духовномъ. И тутъ также собираются вырвать у васъ эту палку

посредствомъ безвѣрія и анархіи, которыя ведутъ свое истинное родословіе отъ васъ и отъ вашего поступка.

Съ разработанной нами точки зрѣнія рѣшаются всѣ безъ исключенія вопросы, относящіеся къ вставкѣ, не исключая даже указаннаго Авреліемъ Пальміери на стр. 400 положенія англиканцевъ передъ Церковью. Пальміери на указанной страницѣ 400 доказываетъ, что соединеніе православія съ англиканствомъ, на почвѣ исключенія слова „Filioque“ изъ символа, было бы обоюднымъ обманомъ, такъ какъ православные поняли бы это въ смыслѣ отказа англиканцевъ отъ лжеученія, между тѣмъ какъ англиканцы полагаютъ, что прибавка должна быть исключена лишь ради согласія по *формальной* ея незаконности. Ничуть не бывало. Никакого обмана тутъ не было бы. Нелюбовная, незаконная вставка, по внутренней своей необходимости, не нуждающейся ни въ какихъ иныхъ подтвержденіяхъ, уже по одному только способу своего историческаго появленія, по необходимости есть уже заблужденіе и по существу. Ибо если бы она не была заблужденіемъ по существу, то она не появилась бы такимъ образомъ. Въ способѣ ея появленія и внѣдренія лежитъ критерій ея ложности. И только потерявшіе понятіе о внутренней моральной сущности христіанства могутъ искать богословскихъ подтвержденій этой вставки на собственный счетъ, приводя напримѣръ такія нелѣпыя сравненія какъ слѣдующее: „Если бы Церковь (читайте: Римъ), вмѣсто слова „Filioque“ вставила бы въ символъ опредѣленіе о пресуществленіи Св. Даровъ, то она точно также имѣла бы основаніе считать отступниками несогласныхъ съ этимъ опредѣленіемъ“. (Эта нелѣпость — не отъ Пальміери. Мы ее слышали отъ другого). Нѣтъ, позвольте, это совсѣмъ не такъ. Ибо если вставка о пресуществленіи порождала бы такое общее нелюбовное несогласіе, то даже пресуществленіе было бы заблужденіемъ. Но

она никогда именно такого общаго нелюбовнаго несогласія бы не породила. Пресуществленіе является для насъ истиною не по нашимъ личнымъ и жалкимъ изслѣдованіямъ, а потому что въ это вѣруетъ любовно вся Церковь. Вставку о пресуществленіи, по минованіи надобности въ ней, *православный* Римъ либо опять исключилъ бы изъ символа, совершенно само собой, либо не включившіе оную православныя церкви тоже бы приняли эту прибавку, тоже совершенно само собой. Либо, наконецъ, одни продолжали бы придерживаться вставки о пресуществленіи, а другіе нѣтъ, безъ всякихъ споровъ на этотъ счетъ, совершенно на подобіе римскаго (такъ называемаго „апостольскаго“) символа вѣры, противъ подлинности коего тоже никто не споритъ, хотя онъ читается на Западѣ, на Востокѣ же не читается. Въ томъ то именно, что ничего подобнаго не случилось съ прибавкою „Filioque“, въ этомъ простомъ и голомъ фактѣ, и лежитъ подтвержденіе радикальной ложности пресловутой вставки. Ибо Духъ Святой, Духъ мира и любви, руководитъ Церковью Христовой. И такъ какъ поводъ къ этому нелюбовному несогласію былъ поданъ вставкою, или внутренними духовными причинами вставки, то она, или ея внутреннія духовныя причины, — и являются противохристіанскими ложью и заблужденіемъ. Англиканцы-же, въ случаѣ отказа отъ вставки, этимъ самымъ уже признали бы, что только соборная Христова Церковь можетъ правильно излагать глубокія истины христіанской вѣры. И къ этому сводится весь вопросъ. Разногласіе о вставкѣ вовсе не есть разногласіе о какой нибудь вѣроисповѣдной теоріи, а сводится къ разногласію о Церкви. Вступивъ въ общеніе съ Церковью, англиканцы по этому самому уже поставили бы соборное ученіе и вселенскую вѣру всей Церкви выше своего собственнаго вѣроученія, чѣмъ бы и низвели свои богословскія мнѣнія въ раз-

рядъ человѣческихъ разсужденій, которыя не предъявляютъ никакихъ претензій на безошибочность. А потому и обоюднаго обмана не было бы, такъ какъ каждый изъ насъ, въ отдѣльности, можетъ ошибаться. Англиканцы должны сначала рѣшить этотъ принципіальный вопросъ, а затѣмъ уже раскрытіе истинъ, въ собственной душѣ, черезъ внутреннюю работу приближенія каждаго къ Святой Церкви, пусть будетъ дѣломъ вновь призванной Божественной благодати. Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на наши споры объ истинѣ или о ложности вставки,— не только по отношенію къ папству, но и по отношенію къ англиканцамъ и ко всѣмъ другимъ,—эти споры являются абсолютно безплодными и праздными. Нужно рѣшить вопросъ о Церкви, повторяемъ, а не о прибавкѣ. Вопросъ же о Церкви будетъ рѣшенъ не нашими спорами, а Божественнымъ Провидѣніемъ, руководящимъ судьбою народовъ.

Мы о прибавкѣ „Filioque“ съ церковной стороны, сказали все, что имѣемъ сказать, и, какъ Вы видите, Вы ни съ какой стороны, рѣшительно, не можете нападать на Церковь, которая для Васъ не только недоступна, но которой Вы даже видѣть не можете. Ибо какъ только Вы подняли руку на нее, значитъ Вы уже поставили себя въ такое душевное состояніе, въ которомъ слѣпота покрываетъ Ваши вражескіе взоры...

Но мы, лично для Васъ, готовы оставить неприступную для Васъ крѣпость, и выйти Вамъ навстрѣчу, чтобы поговорить съ Вами и разсмотрѣть ваши теоріи на вашей же почвѣ. Посмотримъ, что-же дѣйствительно можно сдѣлать съ вашей злополучной „объяснительной“ вставкой.

По вашему, значитъ, Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына, и вы этимъ словомъ „Filioque“ желали, стало быть, дать мудрое „объясненіе“ неполному, по вашему мнѣнію, опредѣленію, составленному отцами Никейскаго и Константинопольскаго Соборовъ. Хорошо.

Какъ же вѣруетъ на этотъ счетъ Церковь?

Мы Вамъ теперь скажемъ, какъ Она вѣруетъ, и желаемъ, для этого, участвовать въ Ея мудрости, чтобы быть удостоенными исповѣдывать вмѣстѣ съ Ней:

Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца. Но Онъ есть Духъ Отца и Духъ Сына, и ниспосылается Отцомъ и Сыномъ на всякую тварь, осѣненную благодатью Божіею.

Въ этомъ исповѣданіи, какъ Вы видите, имѣются три части:

Первая часть опредѣляетъ Божественность Святаго Духа по участію въ *единоначаліи* Божества. Церковь включила сію истинну въ символъ словами: „иже отъ Отца исходящаго“.

Вторая часть опредѣляетъ Божественность Святаго Духа по участію въ *единосущности* Божества. Церковь включила сію истину въ символъ словами: „иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима“.

Третья часть опредѣляетъ истину космическую, воздѣйствіе Божества, черезъ Духа, на все созданное, одаряемое благодатью. Сія истина не была включена въ символъ вѣры.

Такимъ образомъ слова символа: „иже отъ Отца исходящаго“ опредѣляютъ собою вполнѣ точную, извѣстную для Церкви и ясно Ею сознаваемую истину.

Вамъ, папистамъ, это ясное и точное опредѣленіе показалось почему-то неяснымъ и неполнымъ, и вы „объяснили“ его прибавкою „Filioque“, очень гордясь удачнымъ богословскимъ изобрѣтеніемъ. Что-же вы, на самомъ дѣлѣ, сотворили?! Вы „объяснили“ по вашему, что-то такое, а на дѣлѣ испачкали ясное совсѣмъ соборное опредѣленіе безтолковымъ пятномъ.

Ибо теперь уже стало совершенно неизвѣстно, о чемъ собственно вы говорите?!

Говорите-ли вы о начальномъ исхожденіи Духа, въ Божественномъ Бытіи, по двуначалію? По аналогіямъ духоразрушительнаго міровоззрѣнія вашего, такъ слѣдовало бы предполагать.

Говорите-ли вы о единосущности Духа съ Отцомъ и съ Сыномъ, вслѣдствіе чего Духъ Святой есть одновременно и Духъ Отца и Духъ Сына? Ссылки ваши на нѣкоторыя мѣста, относящіяся сюда въ твореніяхъ святыхъ отцовъ, допускаютъ и это предположеніе, несмотря на явную несообразность того способа, которымъ вы хотѣли передать эту мысль.

Говорите-ли вы о космическомъ нисхожденіи Духа Отцомъ и Сыномъ на міръ? Иныя ссылки ваши, особенно на нѣкоторыя мѣста, гдѣ равно встрѣчается латинскій терминъ „processere“, позволяютъ предполагать и это.

Да о чемъ же вы собственно говорите, и что же вы на самомъ дѣлѣ хотите сказать вашею безтолковою „объяснительною“ прибавкой? Объяснитесь сначала *сами*, болѣе удачными „объяснительными“ словами, а потомъ уже требуйте отъ православныхъ, вмѣстѣ съ кардиналомъ Чезарини, чтобы мы либо соглашались съ вами, либо доказывали вамъ ложность вашей вставки [1]! Всѣ ваши „авторитеты“, приводимые вами съ гордостью изъ иновѣрческихъ лагерей, съ указаніемъ на вашу „ученость“ и на нашу „отсталость“, все это, — не говоря совсѣмъ про то, что для Церкви, имѣющей Божественную мудрость, вся ученость человѣческая есть только слѣпота, — все это, говоримъ мы, ровно никакого свѣта на вашу безтолковую вставку не проливаетъ. Мало-ли что съ

[1]) Если кто изъ папистовъ пожелалъ бы преподать намъ требуемое объясненіе, мы напередъ заявляемъ, что по римскому-же принципу оно могло бы имѣть серьезный интересъ лишь въ случаѣ безусловной гарантіи правильности и подлинности этого объясненія подлежащимъ непогрѣшимымъ авторитетомъ.

нею соглашается какой нибудь ученый, если онъ сперва не объяснилъ дѣйствительными „объяснительными“ словами, что это такое она обозначаетъ! Вы „объяснили“ ясное совсѣмъ опредѣленіе истины, и ваше „объясненіе“ превратило это опредѣленіе въ безтолковыя слова, которыя даже ересью нельзя назвать, потому что они ровно никакой опредѣленной мысли вашей не передаютъ! Вотъ какъ наказывается надменное „исправленіе“ того, что сдѣлала Церковь!

Но предположимъ теперь, хотя бы для упражненія, что эти слова дѣйствительно заключали бы въ себѣ исповѣдуемую вами опредѣленную мысль. Посмотримъ, каково могло бы быть наше отношеніе къ этимъ словамъ, — не съ точки зрѣнія символа, — а съ точки зрѣнія проповѣдуемаго этими словами внутренняго ученія. Ибо съ точки зрѣнія символа, какъ мы уже говорили, отпаденіе Рима отъ Церкви, а потому и безразличное отношеніе Церкви къ римскому богословію, всегда пребываютъ. Но предположимъ, что это ученіе во первыхъ было бы толково, а во вторыхъ стояло бы не въ „исправленномъ“ символѣ, а внѣ символа, какъ проповѣдуемая теорія. Каково могло бы быть наше отношеніе къ нему, при условіи, опять таки, чтобы кто нибудь проповѣдывалъ это ученіе яко-бы отъ имени Церкви?

Тутъ получились бы двоякаго рода положенія:

1. — Проповѣдуется, что Духъ Святой, будучи Духомъ Отца и Сына, ниспосылается Отцомъ и Сыномъ на всякую тварь, осѣненную благодатью Божіею.

Такой проповѣдникъ говоритъ отъ имени Церкви Христовой и излагаетъ одну изъ истинъ Ея благодатной и живой вѣры.

2. — Проповѣдуется двуначаліе Божества въ Духѣ Святомъ, внутри Своего Бытія.

Церковь этого языческаго безчестія не принимаетъ, и на предметъ огражденія себя отъ всякой возможности, чтобы такое лжеученіе могло покрываться римскою прибавкою „Filioque“ въ мысли обращающихся къ Ней, Она, въ самомъ чинѣ обращенія, спрашиваетъ ихъ:

„Отрицаешилися отъ неправаго ученія, якобы для изображенія догмата о исхожденіи Святаго Духа не довлѣетъ Самаго Христа Спасителя изреченіе: „Иже отъ Отца исходитъ“, и аки бы потребно къ сему слову Христову прибавленіе: „И отъ Сына?“

Обращающійся на это отвѣчаетъ:

„Отрицаюся“.

Особенно твердо слѣдуетъ помнить, что какое бы положеніе о Духѣ Святомъ ни проповѣдывалось, ложность сію же минуту удостовѣряется одною особенностью: ссылкою на „догматическое развитіе“ какъ на источникъ догмата. Если Церковь не сознавала вездѣ и во всѣ времена, опредѣленно и ясно („explicite“), какого нибудь ученія, и если такое ученіе затѣмъ появилось на основаніи „догматическаго развитія“, то его слѣдуетъ отбросить. Церковь никакихъ такихъ новыхъ ученій, которыхъ она „explicite“ [1]) не сознавала бы во всѣ времена, не принимаетъ. Вѣра Церкви точь въ точь та-же, чистая, полная, ясная и незапятненная, какъ сегодня, какъ вчера, какъ въ апостольскія времена. Всю эту теорію о такъ называемомъ „догматическомъ развитіи“ мы уже обезсилили выше. Мы достаточно ясно указали на то, что даваемое Церковью соборное свидѣтельство отнюдь не является новымъ догматомъ, „обязательнымъ“ послѣ соборнаго свидѣтельства, и „необязатель-

[1]) Въ смыслѣ раціональной ясности діалектическаго изложенія. Мы здѣсь не говоримъ объ удостовѣреніи авторства исповѣданій; (одно только это удостовѣреніе, какъ мы видѣли, является объектомъ пресловутаго раскрытія, со стороны Церкви по адресу заблужденія).

нымъ“ до него. Никакого такого „догматическаго развитія“ *для Церкви* не существуетъ, и все, что ввозится подъ этимъ клеймомъ, есть ничто иное какъ новшество и заблужденіе. Не менѣе ясно и не менѣе твердо стоитъ ученіе Христовой Церкви о Святомъ Духѣ. Вы, уважаемый Пальміери, объявляете (стр. 343), что православные богословы сомнѣваются въ истинѣ и должны ее сначала отыскать. Папство же, по Вашему, твердо сознаетъ истину объ исхожденіи Святаго Духа и не сомнѣвается въ ней. Мы не знаемъ, о какихъ православныхъ богословахъ Вы говорите, такъ какъ все приводимое Вами на предметъ обоснованія такого страннаго вывода совсѣмъ не годится. А затѣмъ, тутъ дѣло совсѣмъ не идетъ о томъ или о другомъ богословѣ. Дѣло идетъ о Церкви, а не о лицахъ.

И вотъ, все это разсужденіе оказывается пустымъ разглагольствованіемъ, такъ какъ именно Церковь великолѣпно и точно знаетъ, какъ она вѣруетъ на счетъ Святаго Духа, а неосвѣдомленными и шатающимися являетесь вы, съ вашей „объяснительною“ прибавкой, о которой вы сами не знаете, что она выражаетъ, ни къ чему именно относится! Видите-ли, какъ перемѣнилось положеніе!

А Вы еще говорите, что изъ Св. Писанія, изъ Св. Преданія, изъ твореній святыхъ отцовъ, ваша путаница вытекаетъ съ такою ясностью (!), что и слѣпые должны ее видѣть (стр. 342)! А мы Вамъ говоримъ, что ни въ Св. Писаніи, ни въ Св. Преданіи, ни въ твореніяхъ святыхъ отцовъ не имѣется ни одно единственное годное для васъ мѣсто: поймите, какъ написано:—*ни одно единственное годное для васъ мѣсто!* Рѣшительно во *всѣхъ* приводимыхъ вами текстахъ можно прослѣдить, какъ именно вы отнесли, либо единосущность Духа съ Отцемъ и съ Сыномъ, либо ниспосланіе Духа Отцемъ и Сыномъ, къ упостасному началу Его исхожденія. Можно удо-

стовѣриться рѣшительно вездѣ, въ этихъ текстахъ, какую вы безсмыслицу напутали изъ ѵпостасныхъ, существенныхъ и космическихъ свойствъ и дѣйствій. Что бы вы ни приводили, изъ всего, рѣшительно всего, всегда будетъ вытекать одно, другое, или третье, ясное и твердое ученіе Христовой Церкви, а не ваша путаница [1]). Это мы вамъ говоримъ на случай, если вы этой путаницѣ придавали бы значеніе двуначалія въ Божествѣ. Мы этого тѣмъ паче не знаемъ, что вы сами вѣдь не знаете, о чемъ вы говорите... ваша вставка могла бы вѣдь тоже обозначать ниспосланіе Духа на міръ! Кто васъ тамъ разберетъ съ вашею „объяснительною“ (sic) прибавкой!

Вы, на стр. 377, приводите, въ защиту вашей безсмыслицы, слѣдующій текстъ изъ письма Св. Аѳанасія къ Серапіону: „Святой Духъ есть даръ, который, какъ говорится, отъ Отца исходитъ, такъ какъ Онъ блеститъ изъ Слова, которое—отъ Отца, и Имъ-же (т. е. Словомъ) ниспосылается и дается“.

Какая путаница!

Позвольте преподать Вамъ православное, т. е. правильное объясненіе этого вполнѣ яснаго текста:

---

[1]) Паписты особенно настаиваютъ на томъ, что исхожденіе Духа „отъ *одного* Отца“ нигдѣ не преподается въ церковныхъ памятникахъ. Это возраженіе во-первыхъ—нелѣпо. Ибо рожденіе Сына „отъ *одного* Отца“ также нигдѣ не преподается въ такой спецификаціи. На что же, дѣйствительно, сія спецификація, когда никто противъ Божественнаго Единоначалія Духа не возставалъ! На томъ-же основаніи, также, нигдѣ не сказано, что Духъ Святой „не исходитъ отъ Пресвятой Дѣвы“... А во-вторыхъ, возраженіе сіе — невѣрно. Ибо требуемое специфическое мѣсто случайно имѣется у Дидима Александрійскаго, въ его трактатѣ о Троицѣ, кн. 2. гл. 2. „Такъ какъ эти Божественныя Лица (т. е. Сынъ и Духъ) вышли изъ одного Отца (ἐπ τοῦ ἑνὸς Πατρὸς φύσει) по существу, а не по творческой энергіи, такъ Они и относятся къ Нему Одному (εἰς τόν αὐτὸν ἕνα ἀνάγονται)... и ниже, „когда дѣло идетъ о рожденіи и объ исхожденіи, которыя — отъ одного Отца, согласно Божественному единству Отца Самого“.

Святой Духъ есть даръ, который, какъ говорится, отъ Отца исходитъ. Почему? Потому что Онъ блеститъ изъ Слова, Которое — отъ Отца. Какимъ-же образомъ это обстоятельство можетъ объяснять, что Духъ исходитъ отъ Отца? Потому что Онъ блеститъ изъ Слова, по единосущности Своей съ этимъ Словомъ. И по этой единосущности съ Нимъ, Духъ равно имѣетъ и принадлежащее Слову единоначаліе, выражаемое для Духа тѣмъ, что Онъ исходитъ отъ одного Отца. Онъ-же Словомъ ниспосылается и дается.

Что же Вы, уважаемый Пальміери, имѣете сказать противъ православнаго объясненія исповѣданія православнаго Отца? Гдѣ осталась ваша путаница?

Но Вы тутъ-же приводите второй текстъ того-же отца:

„Ибо если Сынъ, который — отъ Отца, — единосущъ съ Отцомъ, то Духъ Святой, по необходимости, такъ какъ и Онъ — отъ Бога, — единосущъ съ Сыномъ".

Какое-же это имѣетъ отношеніе къ начальному исхожденію Духа? Здѣсь вѣдь доказывается единосущность всѣхъ Трехъ Лицъ. Конечно: Вы на основаніи этой единосущности и выводите исхожденіе Духа и отъ Сына! Но позвольте сказать Вамъ на это, что Вы остановились на полдорогѣ; ибо изъ такого положенія вытекаютъ еще иныя послѣдствія. А вотъ именно какія:

1.—Сынъ—единосущъ съ Отцомъ, и по этому Духъ исходитъ и отъ Него, какъ отъ отца. (Это Ваша теорія.).

2.—Духъ—единосущъ съ Отцомъ, и по этому Сынъ рождается отъ Него, какъ отъ Отца.

3.—Духъ—единосущъ съ Сыномъ, и по этому Онъ рождается отъ Отца, какъ Сынъ.

4.—Сынъ—единосущъ съ Духомъ, и по этому Онъ исходитъ отъ Отца, какъ Духъ.

5.—Отецъ—единосущъ съ Сыномъ, и по этому Духъ исходитъ отъ Него, какъ отъ Сына. (Это Ваша теорія).

6.—Отецъ—единосущъ съ Духомъ, и по этому Онъ исходитъ отъ Сына, какъ Духъ.

Все это, конечно,—нелѣпо. Но оно вытекаетъ съ непреложною необходимостью изъ того положенія, что единосущность каждаго Божественнаго Лица съ Другимъ, является основаніемъ одинаковаго отношенія къ Третьему. И къ этому именно сводится ссылка на единосущность Сына и Отца, чтобы вывести исхожденіе Духа отъ Обоихъ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ дѣйствительности, тутъ никакой нелѣпости нѣтъ, а выходитъ умнѣйшее и раціональнѣйшее положеніе оттого, что изъ Божественной Единосущности исключается и выбрасывается Духъ Святой (положенія 2, 3, 4 и 6), вслѣдствіе чего пункты о единосущности Отца и Сына и вытекающемъ отсюда исхожденіи Духа отъ Обоихъ (положенія 1 и 5), могутъ оставаться въ силѣ безъ всякихъ нелѣпыхъ противорѣчій. Духовная смерть по всей линіи!! Вотъ оно, подлинное смертоносное начало папства, проявляющееся рѣшительно вездѣ, и выражаемое даже простою, яко-бы безобидною вставкою въ символъ. Ибо подлинное значеніе этой вставки сводится, какъ мы видимъ, къ тому, что Духъ исходитъ „и отъ Сына“... по непринадлежности Своей къ Божеству!.. Конечно, папство, являющееся преступленіемъ противъ Святаго Духа, *на словахъ* яко-бы придерживается полной Его Божественности. Но личина сія, прикрывающая собою вполнѣ продуманный и раціональный мятежъ противъ Божества, превращаетъ весь „научный“ тезисъ о вставкѣ въ сводъ нелѣпыхъ противорѣчій, указанныхъ нами выше по всѣмъ правиламъ комбинаціи. Паписты сами этого, конечно, вовсе не сознаютъ. Сами они, взятые порознь, не вѣдаютъ вовсе о чемъ говорятъ,

Да и понятно! Продуманное сіе душегубство не могло бы имѣть мѣста безъ помраченія критическихъ способностей намѣченныхъ жертвъ. И по этому они, паписты, вовсе не знаютъ, къ чему именно относится, ни что такое обозначаетъ злополучная вставка. Для нихъ, исхожденіе Духа „и отъ Сына“ является какою-то магическою формулою, самой по себѣ вполнѣ ясною, и не нуждающейся ни въ какихъ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Но къ чему именно относится эта формула, къ ипостасному-ли исхожденію Духа, къ ниспосланію Его на міръ, или къ Его единосущности, этого они совсѣмъ не вѣдаютъ. И благодаря этому, они могутъ преспокойно довольствоваться воображаемою гарантіею, лежащею яко-бы въ словесномъ исповѣданіи Божественности Святаго Духа. Они не видятъ, и видѣть не должны, что именно кроется подъ лжеученіемъ о Его двойномъ исхожденіи. Ясному сознанію сего препятствуетъ личина, выдающая себя сводомъ нелѣпостей, указанныхъ выше. Ясному же сознанію этихъ нелѣпостей и личины самой, препятствуетъ помраченіе.

Насъ очень удивляетъ, уважаемый Пальміери, какъ это мы могли въ теченіе столькихъ вѣковъ принимать вашъ бредъ въ серьезъ и пускаться съ вами въ споры на счетъ того, соотвѣтствуетъ ли ваша прибавка истинѣ или нѣтъ! Прежде, чѣмъ пускаться въ такія пререканія, намъ слѣдовало бы сначала удостовѣриться въ томъ, прикрываетъ-ли ваша прибавка какую нибудь опредѣленную мысль у васъ самихъ.

Но Вы еще цитируете, на той-же страницѣ, бѣднаго Аѳанасія, чьи „свѣтлѣйшія слова“ находятся въ третьемъ письмѣ къ Серапіону, и гдѣ *ясно* (замѣтьте: *ясно*, а не какъ нибудь такъ!), говорится, что Духъ Святой имѣетъ касательно Сына то же свойство, что и Сынъ касательно Отца.

Уважаемый Пальміери! дорогой! да вѣдь это свойство — единосущность!

Но Вы продолжаете цитировать изъ Аѳанасія: „И такъ, какъ Сынъ говоритъ: „все, что имѣетъ Отецъ, и Мое есть“, такъ мы все это и находимъ черезъ Сына въ Духѣ. И такъ, какъ Отецъ указалъ на Сына, говоря: „Сей Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“, такъ и Духъ есть Духъ Сына“.

Вотъ — правильное объясненіе этого текста:

И такъ, какъ Сынъ говоритъ: „все что имѣетъ Отецъ, и Мое есть“, такъ мы все это и находимъ черезъ Сына въ Духѣ. Что-же именно мы находимъ въ Духѣ? Полную Его Божественность. Почему-же мы находимъ въ Духѣ сію полную Божественность черезъ Сына? Потому что Духъ — единосущъ съ Сыномъ. Значитъ-ли это, что мы въ Духѣ находимъ также и ѵпостасныя свойства, одинаковыя съ ѵпостасными свойствами Отца или Сына? Нѣтъ. Мы находимъ тѣ-же существенныя, но другія ѵпостасныя свойства. И такъ, какъ Отецъ указалъ на Сына, говоря: „Сей Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“, такъ и Духъ есть Духъ Сына. Почему? Потому что Духъ, будучи единосущъ съ Отцомъ, — единосущъ и съ возлюбленнымъ Сыномъ. Итакъ, текстъ этотъ относится къ подтвержденію Божественности и единосущности Святаго Духа какъ со стороны Сына, такъ и со стороны Отца. И въ подтвержденіи этой Божественности и этой единосущности Духа со стороны Отца и Сына лежитъ опредѣленіе о томъ, что Духъ Святой участвуетъ во всѣхъ существенныхъ свойствахъ Божества: *во всѣхъ существенныхъ свойствахъ, среди коихъ находится и единоначаліе.* Ибо единоначаліе, уважаемый Пальміери, является существеннымъ свойствомъ Божества, а не ѵпостаснымъ. У васъ, со времени вашей вставки, Духъ Святой въ этомъ существенномъ свойствѣ больше не участвуетъ. Онъ по этому, для васъ, пересталъ быть Богомъ,

что и можно прослѣдить во всѣхъ проявленіяхъ вашего міровоззрѣнія.

Всѣ три Лица въ Божествѣ имѣютъ *участіе* въ единоначаліи *по существу*. *Способъ-же этого участія* для каждаго изъ Нихъ опредѣляется *ипостасно*.

Духъ Святой, въ принадлежащемъ Ему по существу единоначаліи, участвуетъ въ немъ ипостасно посредствомъ исхожденія.

Сынъ, въ принадлежащемъ Ему по существу единоначаліи, участвуетъ въ немъ ипостасно посредствомъ рожденія.

Отецъ, въ принадлежащемъ Ему по существу единоначаліи, участвуетъ въ немъ ипостасно непосредственно, такъ какъ Самъ Онъ именно и есть сіе единое и безначальное начало.

Итакъ, единосущность съ Отцомъ остальныхъ двухъ Лицъ является прямымъ условіемъ Ихъ единоначалія. А это значитъ, что единоначаліе есть свойство существенное, а не ипостасное. И Духъ Святой, по этому Своему существенному свойству, будучи Богомъ, имѣетъ по необходимости и одно единое начало Своего исхожденія. И сіе единое начало есть Отецъ.

Все это, братья милые, лежитъ совершенно внѣ круга тѣхъ познаній, къ которымъ васъ допускаетъ папство. Вы, лично, спасаетесь тѣмъ, что сами вовсе не знаете, ни о чемъ ни про что вы говорите. И по этому вы сами даже никакихъ объясненій на этотъ счетъ давать не можете. Въ этомъ не вы виноваты, а виновато папство, съ которымъ счеты будутъ сведены въ человѣчествѣ совершенно другими средствами. А потому, согласитесь-же дорогіе, что нечего намъ вовсе толковать съ вами! Слѣдовало-бы, по этому, разъ на всегда прекратить всякіе споры съ вами на этотъ счетъ, и особенно

такъ называемые „научные“. Ибо никакой науки, да вообще никакой опредѣленной вашей собственной мысли въ этой „объяснительной“ вставкѣ — нѣтъ. Въ примѣненіи ко всѣмъ вамъ, лично, мы ея по этому даже ересью называть не можемъ, такъ какъ ересь все-же является какимъ нибудь положительнымъ и ясно изложеннымъ, хотя и ложнымъ ученіемъ. Примѣнительно къ папству, мы конечно знаемъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь, такъ какъ папство само является квинтэссенціею всѣхъ ересей. Вы-же, лично, въ этомъ не виноваты. Подумайте сначала хорошенько, а затѣмъ объяснитесь и скажите намъ, о чемъ это вы толкуете, и тогда, милые, и будемъ говорить. А пока! Нельзя-же, на самомъ дѣлѣ, принимать въ серьезъ всякую безсмыслицу и терять драгоцѣнное время на такого рода споры. И мы убѣдительно просили бы всѣхъ православныхъ богослововъ удостоить это соображеніе своего компетентнаго вниманія. Сами мы считаемъ вопросъ о прибавкѣ „Filioque“ вполнѣ исчерпаннымъ.

Въ этой-же главѣ имѣется обстоятельное изслѣдованіе подлинности такъ называемаго Аѳанасіевскаго символа вѣры.

Такъ какъ Пальміери соглашается съ тѣмъ, что символъ этотъ не былъ составленъ Св. Аѳанасіемъ, а носитъ это названіе только по ошибкѣ, то объ этомъ приходится говорить очень мало.

Этотъ символъ появился ко времени паденія Рима, и имѣетъ западное происхожденіе. Пальміери утверждаетъ, что онъ имѣетъ соборное значеніе, на томъ основаніи, что признается и принимается Римомъ. Это — извѣстный римскій тезисъ. Онъ, какъ *символъ*, однако, соборнаго значенія совсѣмъ не имѣетъ, и это сейчасъ станетъ понятнымъ, если мы припомнимъ, что значеніе символа, какъ *символа*, опредѣляется соборно при-

нятыми діалектическими признаками. Но если высказанное въ этомъ исповѣданіи ученіе, безъ малаго, является истиною, ясно и хорошо редактированною, то почему-же и Церкви не воспользоваться этою редакціею для своихъ цѣлей, убравъ, конечно, сперва тѣ заблужденія, которыми она грѣшитъ?! По этому изложеніе вѣры, извѣстное подъ вышеприведеннымъ именемъ, и вошло въ богослужебныя книги восточныхъ церквей, какъ о томъ упоминаетъ Пальміери (стр. 373). Это обстоятельство лучше всего доказываетъ нелѣпость того обвиненія, что Церковь не одинаково чтитъ западные и восточные боговдохновенные памятники преданія, западныхъ и восточныхъ своихъ отцовъ и учителей. Эту нелѣпость повторяетъ также Пальміери (стр. 389). Если на Востокѣ восточные писатели читаются чаще, то это не потому, что они болѣе „отъ Церкви“ чѣмъ западные, а просто потому, что они для восточныхъ христіанъ — ближе по мѣсту, по языку и по чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, не относящимся къ Церкви. Но Церковь чтитъ своихъ западныхъ отцовъ, писателей и святыхъ совершенно одинаково, какъ и восточныхъ. И она чтитъ между ними и римскихъ славныхъ епископовъ, какъ Григорія, письма котораго къ восточнымъ епископамъ слѣдовало бы папистамъ читать почаще, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ отдѣлываются тѣ, которые увлекшись міровымъ значеніемъ Рима, придавали епископу этого царственнаго города всякія права и привилегіи, противныя ученію Христовой Церкви!

Если чада Христовой Церкви не всегда бывали безпристрастны въ своихъ грѣховныхъ сужденіяхъ о Западѣ, то во всякомъ случаѣ Церковь стоитъ неизмѣримо выше всякихъ таковыхъ личныхъ дрязгъ. И по этому она смѣло принимаетъ не только произведенія *своихъ* учителей и отцовъ, но даже постороннія сочиненія, въ родѣ Аѳанасіевскаго символа, если

въ этихъ сочиненіяхъ имѣется что нибудь годное для святыхъ цѣлей Святой Церкви. Она, Христова Церковь, — свободна, и въ Своей свободѣ она дѣйствуетъ какъ хочетъ и когда желаетъ.

Мы васъ, уважаемый Пальміери, къ свободѣ зовемъ и ждемъ васъ для того, чтобы вы, братскою любовью объединившись съ нами, стали полноправными и равноправными хранителями вѣры, свободными сынами Божьими, полностью имѣющими хранимый нами залогъ и свидѣтельствующими объ истинѣ наравнѣ съ нами. Вы-же насъ зовете въ подчиненіе и въ рабство. Церковью святится вся земля, а не Римъ только. Ею святятся Востокъ и Западъ, ибо она не пріурочена къ какому нибудь опредѣленному географическому мѣсту или къ опредѣленному лицу. Она является откровеніемъ Божественной мудрости на землѣ, и человѣческимъ ограниченіямъ не подлежитъ...

Въ новѣйшихъ изданіяхъ восточныхъ богослужебныхъ книгъ Аѳанасіевскій символъ опять, оказывается,—выпущенъ. И тѣмъ лучше, если вредъ отъ недоразумѣній превышаетъ пользу!

На стр. 389 Пальміери говоритъ, что апостольское преданіе получаетъ свою силу изъ согласія всѣхъ церквей съ Римомъ. На этомъ можно было бы и не останавливаться. Но латинскій авторъ приводитъ въ подтвержденіе нѣкоторые тексты, доказывающіе универсальность апостольскаго преданія. Какая же тутъ связь между обоими положеніями?! Не понимаемъ. Что впрочемъ касается этихъ приводимыхъ текстовъ, то представляется необходимымъ опредѣлить точный смыслъ двухъ изъ нихъ. Пальміери приводитъ слѣдующее мѣсто изъ „Liber de praescriptionibus“ Тертулліана: „На первомъ мѣстѣ является римская церковь, которой апостолы дали все ученіе вмѣстѣ съ кровью своей.“

Гдѣ это Вы, уважаемый Пальміери, читали подобную фразу у Тертулліана? Позвольте Вамъ замѣтить, что Вы привели текстъ изъ Тертуліана во-первыхъ въ урѣзанномъ, а во-вторыхъ въ измѣненномъ видѣ. Никакой такой фразы „На первомъ мѣстѣ является римская церковь“ здѣсь не имѣется, и правильною является только вторая часть Вашей ссылки, „которой апостолы дали все ученіе вмѣстѣ съ кровью своей“.

Вотъ—полный и правильный текстъ изъ Тертулліана:

„Если хочешь имѣть любознательность освѣдомиться о томъ, что относится къ спасенію твоему, пробѣгай апостольскія церкви, гдѣ каѳедры апостоловъ еще стоятъ на своихъ мѣстахъ; въ которыхъ читаются подлинныя письма ихъ, говорящія ихъ голосами и воспроизводящія ихъ изображенія. Находишься-ли ты близъ Ахаи? ты имѣешь Коринѳъ. Если ты находишься не далеко отъ Македоніи, ты имѣешь Филиппы и Ѳессалоники. Если можешь дойти до Азіи, ты имѣешь Ефесъ. Если ты находишься близко къ Италіи, ты имѣешь Римъ, авторитетъ котораго — наиболѣе близокъ отъ насъ. (Тертулліанъ жилъ въ Карѳагенѣ). Какъ она счастлива, эта церковь, которой апостолы дали все ученіе вмѣстѣ съ кровью своей и т. д.“. (Tertull. de praescript. c., XXXVI.).

Тертулліанъ ничего объ авторитетѣ римскаго епископа въ вопросахъ вѣры, да еще по праву божественному, не вѣдаетъ. Конечно! Откуда ему знать такую вещь?! Рѣшительно никто изъ святыхъ отцовъ, даже изъ тѣхъ которые *спеціально* писали объ устройствѣ Церкви, какъ Кипріанъ, Августинъ, Викентій Лиринскій, о папскомъ авторитетѣ въ вопросахъ вѣры ничего не вѣдаетъ. Мы, уважаемый Пальміери, какъ Вы видите, приводимъ *западныхъ* отцовъ. Согласитесь-же, что писать объ устройствѣ Церкви и не приводить свѣдѣній о ея высшемъ авторитетѣ, является по меньшей мѣрѣ страннымъ!

Неужели-же Вы до такой степени лишены всякихъ критическихъ способностей, чтобы этимъ не смущаться! Нѣтъ, уважаемый Пальміери, для этого Вы—слишкомъ ученый человѣкъ; простите намъ, но мы Вамъ просто не вѣримъ. Къ счастію для знаній, для таланта, и для нормальныхъ психическихъ способностей Кипріана, Августина и Викентія Лиринскаго, этотъ авторитетъ совсѣмъ не существовалъ.

Другой, приводимый здѣсь (стр. 389) текстъ принадлежитъ Иринею, назвавшему римскую церковь *величайшею* и *древнѣйшею* („maxima et antiquissima“). Значеніе слова „величайшая“ („maxima“) опредѣляется тутъ-же словомъ „древнѣйшая“ („antiquissima“). Римская церковь — вовсе не древнѣйшая изъ всѣхъ, такъ какъ Іерусалимъ, Антіохія и иныя апостольскія каѳедры—древнѣе римской. По этому слово „antiquissima“ сообразно съ латинскою грамматикою, здѣсь значитъ „очень древняя“. По этому и „maxima“ значитъ „очень великая“. Однако, почему-же и не называть столичной церкви „величайшей?“ Что-же тутъ особеннаго?!

Намъ предстоитъ теперь заняться вопросомъ о соборности и о соборномъ началѣ, примѣнительно къ § 12 этой главы. Но мы сюда включимъ все то, что относится къ Соборамъ вообще, какъ вселенскимъ, такъ и помѣстнымъ. По этому отвѣтъ нашъ будетъ и отвѣтомъ на разсужденія, встрѣчающіяся по этому поводу не въ одной этой главѣ, но и въ слѣдующихъ.

По православному, каѳолическому, христіанскому ученію соборность дѣйствуетъ въ томъ взаимномъ согласіи, которое связываетъ все множество отдѣльныхъ членовъ Церкви. Это согласіе является дѣйствіемъ Духа, и Духъ сей ведетъ всю земную часть Христовой Церкви, невѣдомыми для пытливаго

разума способами, къ цѣли своего пути. И Онъ при этомъ ни мало не смущается тѣмъ, что Его гдѣ-то называютъ фикціей. Этотъ Духъ — Самъ Духъ Святой. И какія бы ни были препятствія, лежащія на этомъ пути, какія бы не были злыя страсти отдѣльныхъ членовъ Церкви, противящихся Христовой благодати и возстающихъ противъ этого соборнаго единенія, Любовь Христова, дѣйствующая въ сердцахъ, иначе, Самъ Духъ Святой всегда побѣждаетъ эти страсти и не допуститъ никогда, чтобы земное существованіе Церкви было уничтожено нами. Ибо Христосъ пребываетъ съ нами по конецъ дней. По этому и всякій раздоръ въ Христовой Церкви неминуемо побѣждается въ концѣ концовъ самимъ Христомъ въ согласіи и любви. . . . . лишь бы несогласные не возставали *принципіально* противъ Христа, противъ Его согласія и противъ Его любви, признавая *царствующимъ надъ собою началомъ* собственное свое авторитетное, раціональное превосходство надъ сердцами братьевъ. Ибо тогда получается одно ужасное преступленіе, именуемое преступленіемъ противъ Святаго Духа. Этому преступленію не можетъ быть прощенія, или можетъ быть только при такихъ трудныхъ условіяхъ внутренней побѣды надъ собственною себялюбивою гордостью, что человѣческое сердце на этотъ геройскій поступокъ не соглашается. Въ такомъ плачевномъ состояніи находится одинъ изъ отпавшихъ членовъ Христовой Церкви. Этотъ сынъ преступленія и смерти по этому подлежитъ уничтоженію черезъ проявляющійся въ человѣчествѣ судъ Божій. Составные его и не погибшіе сознательнымъ участіемъ въ этомъ паденіи члены, спасаются, *лично*, не духомъ тѣмъ, которому они служатъ съ благимъ намѣреніемъ, а Христомъ, Который ихъ самихъ не предоставляетъ духовной смерти черезъ принципъ тотъ, который съ внѣшней стороны властвуетъ надъ

ними. Этотъ гибельный духъ вооружается всѣми только возможными средствами, чтобы проникнуть въ невинныя сердца подъ личиною Спасителя, чтобы оторвать ихъ отъ созерцанія небесъ и приковывать къ себѣ и къ грядущему своему уничтоженію. Среди этихъ его оружій находятся и такія, которыя выковываются только изъ элементовъ безусловно годныхъ, а потому и представляютъ собою, — въ безграничномъ уничтоженіи всякой совѣсти, — страшную коллективную силу, дѣйствующую подъ личиною Спасителя и подъ богохульно присвоеннымъ себѣ Его Святымъ Именемъ. Мы не о лицахъ говоримъ. Мы говоримъ о духовныхъ принципахъ, до которыхъ служители того духа добраться не должны, а потому и не могутъ. Ибо если бы они могли, они отшатнулись бы въ ужасѣ.

Итакъ, соборность въ Христовой Церкви проявляется въ согласіи всѣхъ членовъ между собою. Это согласіе не пріурочивается къ какой либо помѣстной церкви, къ какому нибудь географическому пункту, а связываетъ всѣхъ причастныхъ къ Церкви членовъ и не нуждается ни въ какихъ юридическихъ регламентаціяхъ, такъ какъ самобытная его сила дѣйствуетъ внѣ достижимыхъ для разума нашего правилъ. Оно просто *существуетъ*, и само опредѣляетъ всѣ остальныя внѣшнія явленія церковности, вмѣсто того, чтобы быть опредѣляемо ими. Одно изъ этихъ явленій — Соборы.

Что-же представляютъ собою Соборы, и каковы ихъ отличительные признаки?

Не всякое собраніе вѣрныхъ есть Соборъ. Ибо „Соборомъ“ въ смыслѣ христіанскомъ, истиннымъ, вселенскимъ, непогрѣшимымъ Соборомъ является только такое собраніе вѣрныхъ, въ которомъ имѣются на лицо два фактора: матеріальный и духовный. Матеріальный факторъ имѣется въ лицахъ, участвующихъ на Соборѣ, во внѣшнихъ условіяхъ ихъ совмѣстной ра-

боты и въ количествѣ и характерѣ рѣшаемыхъ дѣлъ. Духовный факторъ лежитъ въ тождественности соборныхъ свидѣтельствъ съ мнѣніемъ всего тѣла Церкви. Тождественность сія есть ничто иное какъ сама соборность, выражаемая на Соборѣ. Соборъ является непогрѣшимымъ лишь при наличности этого своего духовноопредѣлительнаго фактора. Ибо вселенская непогрѣшимость принадлежитъ не Собору самому по себѣ, а Церкви Христовой, свидѣтельствующей о Себѣ на Соборѣ.

Гдѣ же лежитъ критерій наличности духовно опредѣлительнаго фактора соборной непогрѣшимости? Короче: гдѣ лежитъ, примѣнительно къ Собору, критерій его соборности?

Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно припомнить то, что было сказано выше (стр. 124—125) по поводу сопоставленія двухъ тезисовъ, церковнаго и научнобогословскаго о соборномъ вѣроученіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, оба тезиса гласятъ неодинаково.

Тезисъ церковный, по которому въ Церкви, для Церкви, Церковью самой опредѣляется, примѣнительно къ Собору, критерій его соборности, гласитъ просто на просто такъ:

Церковь Христова сама является критеріемъ и мѣриломъ соборности для Себя Самой.

Этотъ тезисъ никакими силами человѣческаго ограниченнаго разума не постигается. Онъ лежитъ за предѣлами всякой науки и осязается одною только благодатною вѣрою. Въ немъ выражается принципъ абсолютной, безграничной свободы, принадлежащей всѣмъ чадамъ Христовой Церкви по мѣрѣ своего участія въ Ней. И такъ какъ участіе въ Церкви дается отказомъ отъ себя въ пользу всѣхъ, то и выведено теперь съ неопровержимою логическою точностью, что въ Христовой Церкви абсолютная свобода и абсолютный самоотказъ отъ себя—совпадаютъ. Пожертвовавшій собою самимъ, находитъ себя-же и

личность свою во всесильномъ выраженіи. Сіе лежитъ за предѣлами познанія добра и зла, и это значитъ, что оно является утраченною въ первомъ паденіи безгрѣшностью, возвращенной человѣчеству Христомъ.

Но посколько человѣкъ является существомъ разумнымъ,— безотносительно къ тому, принадлежитъ-ли онъ къ Церкви или нѣтъ, — онъ имѣетъ и раціональныя опоры, чтобы формально удостовѣриться въ соборности даваемыхъ Соборами свидѣтельствъ. И вотъ, вырабатывается на этотъ счетъ другой критерій, раціональный или научно-богословскій, являющійся продуктомъ анализирующаго наблюденія. Этотъ тезисъ является, въ наукѣ и для науки (отнюдь не для Церкви!), масштабомъ провѣрки соборности Соборовъ. По этому тезису, соборность каждаго Собора усматривается только изъ послѣдующаго матеріальнаго факта принятія его самого и данныхъ имъ свидѣтельствъ всѣмъ тѣломъ Церкви, какъ свидѣтельствъ собственныхъ. Малѣйшее отступленіе отъ этого начала, малѣйшій компромиссъ съ какими нибудь юридическими или иными предположеніями, является горькимъ заблужденіемъ, выдающимъ себя своею собственною логическою несостоятельностью до тѣхъ самыхъ поръ, пока оно не выльется въ единственное, правильное и раціональное свое завершеніе: въ папство.

Итакъ, повторяемъ: раціональный критерій наличности пресловутаго духовнаго фактора, опредѣляющаго непогрѣшимость Собора и его вселенскость, лежитъ въ послѣдующемъ матеріальномъ фактѣ принятія или непринятія его свидѣтельства со стороны всего церковнаго тѣла.

Впрочемъ, это доказывается также исторически. Вселенскость и вселенское значеніе какого нибудь Собора познавались, раціонально, не сейчасъ, а лишь по истеченіи нѣкотораго времени, фактически необходимаго для выясненія подлин-

ности свидѣтельства, даннаго Соборомъ. Такъ, напримѣръ, Ефесскій Соборъ не упомянулъ о предшествующемъ, Константинопольскомъ Соборѣ, а только о Никейскомъ, т. е. о предпослѣднемъ. Халкедонскій Соборъ не упомянулъ, для подтвержденія собственнаго своего авторитета [1]), о предшествующемъ Соборѣ Ефесскомъ, а лишь о Никейскомъ и о предпослѣднемъ, т. е. о Константинопольскомъ. И это просто потому, что ко времени каждаго изъ этихъ Соборовъ, вселенское значеніе предшествующаго Собора не успѣло еще выясниться раціонально съ достаточною ясностью. Конечно, Церковь въ раціональномъ критеріи соборности своихъ собственныхъ Соборовъ, для себя, вовсе не нуждается. Но по адресу заблужденія и въ смыслѣ раціональной опоры для нуждающихся въ таковой, Церковь на Соборѣ раціонально же обосновываетъ свои свидѣтельства, придерживаясь общедоступнаго критерія. И по этому она и ссылается на такіе факты, которые воспринимаются разумомъ всѣхъ, даже постороннихъ. Всѣ же разсужденія о юридическихъ признакахъ вселенскости, по папскому „утвержденію“ и т. п., пустыя фразы человѣческаго мудрствованія, противорѣчащаго основнымъ принципамъ Христовой Церкви и всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ тѣхъ временъ, когда никто противъ принципа Христовой Церкви еще не возставалъ.

---

[1]) Мы конечно не оспариваемъ, что самъ Халкедонскій Соборъ подтвердилъ авторитетъ предшествующаго Собора Ефесскаго, т. е., самъ онъ — наоборотъ — выразилъ фактъ послѣдующаго принятія Ефесскаго Собора всѣмъ тѣломъ Церкви. Не Ефесскій Соборъ являлся раціональнымъ основаніемъ для авторитета Собора Халкедонскаго, а напротивъ того, Халкедонскій Соборъ явился скорѣе основаніемъ для авторитета Собора Ефесскаго. Мы настаиваемъ именно на томъ, что ко времени Халкедонскаго Собора этотъ авторитетъ не успѣлъ еще опредѣлиться какъ неоспоримый фактъ (см. особенно вступительныя слова Императорскихъ Коммиссаровъ на второмъ засѣданіи 10 октября 451 г.).

Изъ всего этого, разработаннаго до сихъ поръ положенія, явствуетъ точно, что непогрѣшимый Соборъ опредѣляется двумя факторами:

1 — факторомъ матеріальнымъ, имѣющимся въ собраніи лицъ, въ формальномъ фактѣ совмѣстной работы, въ количествѣ и характерѣ рѣшаемыхъ дѣлъ.

2 — факторомъ духовнымъ, именуемымъ соборностью.

Но въ этомъ сводномъ терминѣ: „непогрѣшимый Соборъ", матеріальный факторъ относится къ самому Собору, а факторъ духовный къ его непогрѣшимости, или вселенскости. Ибо соборность, непогрѣшимость, вселенскость, — все это — равнозначущіе термины, опредѣляющіе собою только различные виды одного и того-же цѣлаго, имя коего — Духъ Святой, руководящій Церковью. И этотъ Духъ является мѣрою для всѣхъ матеріальныхъ факторовъ церковности, а не матеріальные факторы церковности являются мѣрою для Духа: вотъ оно, коренное противорѣчіе, раздѣляющее непроходимою пропастью Христову Церковь отъ папства.

Но вернемся къ соборной непогрѣшимости.

Непогрѣшимость сія лежитъ, какъ мы видѣли, въ тождественности даваемыхъ Соборомъ свидѣтельствъ съ мнѣніемъ всего церковнаго тѣла. Такъ что тождественность сія является соборностью самой. Изъ этого слѣдуетъ, что вселенскость, непогрѣшимость, соборность, — имѣются вездѣ, въ каждомъ подлинномъ [1]), тождественномъ съ церковною вѣрою свидѣтельствѣ, даваемомъ по участію въ Святой Церкви кѣмъ бы то ни было, Соборомъ великимъ или малымъ, или отдѣльнымъ лицомъ, хотя бы даже и юродивымъ или ребенкомъ.

И отсюда вытекаетъ церковный тезисъ полной, абсолютной

[1]) Условія подлинности церковнаго свидѣтельства указаны выше, примѣнительно къ ученію о догматахъ.

отрѣшенности соборнаго начала отъ какихъ бы то ни было формально-юридическихъ, раціонально-принудительныхъ правилъ его матеріальнаго проявленія. Духъ свидѣтельствуетъ о Себѣ въ Христовой Церкви когда хочетъ, гдѣ хочетъ и какъ хочетъ. Сіе есть евангельское, апостольское, каѳолическое, православное, христіанское ученіе о Духѣ. И этимъ разъ на всегда отпадаютъ всѣ пріемы тройственнаго измѣренія соборности, доступной только вѣрѣ и любви, а не разуму [1]). И съ этимъ, передъ лицомъ Церкви, подавно исчезаетъ и всякое существенное различіе между Соборами вселенскими и Соборами помѣстными, принятыми всею Церковью. Всѣ эти раздѣленія, подраздѣленія и различія остаются лишь какъ раціональные пріемы анализа матеріальныхъ явленій, очень интересныхъ для церковно-дисциплинарнаго хозяйства, но никакого такого дисциплинарнаго масштаба для соборности не представляющихъ.

И этимъ исчерпывается весь церковный тезисъ о Соборахъ.

Итакъ, критерій вселенскости принадлежитъ только Церкви самой, а не какой нибудь незаконной власти, царствующей надъ вѣрою ея, въ родѣ той, которую паписты называютъ „непогрѣшимымъ учительствомъ“. Церковь сама — непогрѣшима. Она беретъ только то, что согласуется съ Христомъ и на этотъ предметъ она ни въ какомъ особомъ учительствѣ, яко-бы замѣщающемъ самого Христа, надъ собою не нуждается. Въ земныхъ-же дѣлахъ, т. е. въ дисциплинѣ, въ устройствѣ и т. п., ею законно управляютъ богопоставленные пастыри, по благодати Христовой. Эту законодательную дѣятельность

[1]) Этимъ-же и выведенъ теперь отвѣтъ на вопросъ, кто именно, въ каждомъ случаѣ, является непогрѣшимымъ „органомъ“ Святаго Духа въ Церкви. Духъ Самъ его Себѣ выбираетъ. И не органъ, по „праву“ своему, преподаетъ себя Духу, а Духъ, по милости Своей, преподаетъ Себя органу. Не мы себѣ избираемъ Христа, а Христосъ насъ избираетъ (Іоан. XV, 16).

пастырей слѣдуетъ строго различать и отдѣлять отъ дѣятельности вѣроохранительной, которую они, какъ свидѣтели вѣры своихъ паствъ, отправляютъ по обязанности. Объ этомъ мы уже говорили. И передъ этимъ православнымъ критеріемъ соборной непогрѣшимости, Вы, уважаемый Пальміери, можете и не трудиться надъ обѣщанными Вами доказательствами того, что Флорентинское собраніе являлось яко-бы Соборомъ вселенскимъ. Доказательство его подложности заключается просто на просто въ томъ, что Церковь его не принимаетъ, ни его, ни Вашихъ юридическихъ разсужденій по сему поводу. Видите-ли, какъ дѣло просто разрѣшается! Ищите только вселенскаго вѣроисповѣднаго суверенитета въ Христовой Церкви, найдите его въ соборномъ тѣлѣ, нераздѣльномъ и неразрывномъ, всего народа христіанскаго, безъ различія возраста, положенія, просвѣщенія, пола, національности, мѣстоположенія... и всѣ споры должны на этомъ прекратиться безвозвратно. Эта крѣпость — неприступна, какъ для политическихъ или соціальныхъ переворотовъ, такъ и для всякихъ нападокъ на поприщахъ матеріальномъ или духовномъ.

Мы сказали, что вселенскій Соборъ является лишь однимъ изъ безчисленныхъ проявленій соборнаго начала. По матеріальнымъ признакамъ своимъ,— весьма впрочемъ растяжимымъ,— на немъ присутствуютъ вѣрные не только отъ одной помѣстной церкви, но отъ многихъ церквей. На помѣстномъ же Соборѣ присутствуютъ вѣрные только отъ одной, или отъ малаго числа помѣстныхъ церквей. [1]). Но при наличности духовнаго фактора,

[1]) Указанный матеріальный факторъ различія между Соборами вселенскимъ и помѣстнымъ, по числу присутствующихъ лицъ, вовсе не является исключительнымъ. Такъ напримѣръ Константинопольскій Соборъ 381 года включается въ число семи вселенскихъ Соборовъ несмотря на то, что на немъ присутствовали только 150 епископовъ, къ тому-же исключительно восточныхъ. Здѣсь, рѣшающимъ матеріаль-

выражаемаго послѣдующимъ принятіемъ всею Церковью данныхъ вселенскимъ или помѣстнымъ Соборами свидѣтельствъ, различіе между обоими, какъ мы видѣли, въ церковномъ смыслѣ не существуетъ. Оба они являются „вселенскими“ по духовному существу, хотя и разнятся въ смыслѣ матеріальномъ.

Вселенскихъ Соборовъ было семь.

Помѣстныхъ же Соборовъ съ вселенскимъ характеромъ было девять.

Пальміери совершенно напрасно „доказываетъ“ на основаніи различныхъ богословскихъ мнѣній, что Церковь не знаетъ, какіе именно помѣстные Соборы она принимаетъ и какихъ нѣтъ. Такое неустановившееся еще мнѣніе могло бы имѣть мѣсто въ первое время послѣ каждаго помѣстнаго Собора. Но теперь уже прошло достаточно много времени для того, чтобы значеніе каждаго изъ этихъ Соборовъ опредѣлилось съ общепонятною раціональною ясностью.

Церковь Христова считаетъ 9 таковыхъ Соборовъ.

И если Вы, уважаемый Пальміери, не хотите обратиться, изъ за риска очутиться въ невѣдѣніи на этотъ счетъ, то знайте, что въ чинѣ Вашего обращенія, Вамъ поставятъ слѣдующій вопросъ:

„Правила апостольская и на седьми вселенскихъ и *девяти* помѣстныхъ Соборѣхъ утвержденная, и прочая православныя Церкве преданія и уставы пріемлеши-ли?“

И на это Вы должны будете точно отвѣтить:

„Пріемлю“.

Мы говорили, что матеріально-опредѣлительный факторъ Собора, вселенскаго или помѣстнаго, кромѣ ариѳметическаго

нымъ критеріемъ слѣдуетъ считать важность соборныхъ рѣшеній. (Извѣстно, что этотъ Соборъ, между прочимъ, выработалъ также символъ вѣры въ окончательной редакціи).

числа присутствующихъ лицъ, лежитъ также въ условіяхъ совмѣстной работы и въ количествѣ и характерѣ рѣшаемыхъ дѣлъ. Въ смыслѣ церковно-законодательномъ, необходимо, чтобы такое собраніе занималось церковнымъ устройствомъ, короче говоря, чтобы оно редактировало каноны. Въ смыслѣ же догматическомъ, необходимо, чтобы оно давало какія либо соборныя вѣроисповѣдныя свидѣтельства, выдающіяся по своимъ историческимъ послѣдствіямъ въ жизни Христовой Церкви на землѣ. Мы, напримѣръ, уже видѣли, что по отсутствію этого фактора не зачѣмъ причислять Соборъ 879 года къ Соборамъ вселенскимъ, хотя онъ и былъ вселенскимъ, какъ по численности состава, такъ и по наличности духовнаго фактора соборной непогрѣшимости. Вообще, этотъ вопросъ рѣшается не по правиламъ мертвой схоластики и юридическихъ признаковъ, вращающихся въ однѣхъ формальностяхъ и матеріальностяхъ, а по внутреннему живому смыслу этихъ историческихъ событій. Нами, вездѣ и во всемъ, управляютъ законы жизни.

Итакъ, опредѣливъ христіанское понятіе о соборности и о соборахъ, мы теперь можемъ приступить къ разсмотрѣнію разсужденій нашего латинскаго автора по этимъ вопросамъ.

На страницѣ 405, выводится, что папа — глава Церкви, безъ котораго Соборы — подобны мертвому и безжизненному тѣлу, и безъ котораго соборность вообще не существуетъ. Это положеніе подкрѣпляется, на той же страницѣ, слѣдующимъ примѣчаніемъ изъ труда одного римскаго писателя:

„Подобно тому какъ, голова—необходима для цѣлости тѣла, такъ и папа, какъ глава Церкви,—необходимъ для вселенскаго Собора, представляющаго соборную Церковь, которая, если-бы не имѣла этой главы, была бы туловищемъ уродливымъ и безглавымъ“ („corpus monstruosum atque acephalum“).

Позвольте намъ передать сіе другими словами:

Христосъ, глава Церкви, оживляющій ее Духомъ Своимъ Святымъ, дѣйствующимъ въ сердцахъ какъ жизнь въ видимомъ тѣлѣ, совсѣмъ не существуетъ, или, если существуетъ, то во всякомъ случаѣ не имѣетъ ни права, ни возможности дѣйствовать иначе, какъ въ сердцѣ одного только папы. По этому папа и ведетъ Церковь вмѣсто Христа, ибо онъ одинъ имѣетъ чуждаго для насъ, несчастныхъ, Христа, въ благодатномъ сердцѣ своемъ. Онъ— намѣстникъ безсильнаго, внѣ его, Христа, и онъ-же является мѣрою Святаго Духа въ Церкви. Все это доказывается тѣмъ, что тѣлесными глазами нашими мы Христа, въ матеріализаціи, не видимъ, а папу видимъ. Духъ же вовсе не существуетъ, а существуетъ только плоть, и матерія является единственнымъ жизненнымъ условіемъ всякаго бытія. Въ ней одной, носительницѣ бытія, лежитъ всякая жизнь и всякая самосильная благодать. По этому Духъ Святой, Духъ Церкви, т. е. соборность, не можетъ существовать иначе, какъ въ видѣ осязаемой плоти, т. е. одного человѣка. Этотъ человѣкъ—папа. Папа, по этому, для Церкви является духомъ и жизнью, и безъ папы Церковь — только мертвое и безжизненное тѣло: „corpus monstruosum atque acephalum“.

Другими словами: для Церкви, папа именно и есть какъ бы то же самое, что самъ Христосъ. Онъ-же пусть отвѣчаетъ за насъ и за себя и за Церковь какъ хочетъ. Это насъ вовсе не касается, и мы не имѣемъ никакого права вмѣшиваться въ его счеты съ Богомъ. . . . . .

Милые братья: Церковь имѣетъ главу, руководящую ея жизнью, т. е. вѣрою ея, въ самомъ Христѣ. Видимою же для нашихъ грубыхъ тѣлесныхъ глазъ является не вся Церковь, а только часть всей Церкви. По этому и часть сія имѣетъ главу совершенно наравнѣ со всѣми другими частями [1]).

[1]) См. S. Gregor. Magn. Epist. 38. l. IV (по древней классификаціи).

Какъ-же быть, если бы эта часть не удовольствовалась этимъ, а восхотѣла бы имѣть также главу тѣлесную, грубо и матеріально видимую? Въ этомъ нѣтъ никакой бѣды: лишь бы сія грубо-тѣлесная „глава“ вѣдала только грубо-тѣлесными-же функціями этой части. Дай Богъ, чтобы земное человѣчество до того объединилось, чтобы это было возможно.

Ну, а если эта грубо-тѣлесная „глава“ вдругъ захотѣла бы вѣдать и вѣрою, т. е. жизнью этой церковной части?

Тогда часть сія немедленно превращается въ оторванный членъ, или лучше: въ туловище уродливое и безглавое — „corpus monstruosum atque acephalum“.

Чтобы выйти изъ этого невозможнаго положенія, грубо-тѣлесная „глава“, положимъ, объявила бы, что она таинственнымъ образомъ получаетъ отъ истинной небесной главы то жизненное вѣдѣніе, которое она можетъ сообщить и отпавшему члену.

Хорошо. Такою фикціею (не принимаемъ въ расчетъ доказанной уже психологической невозможности такого пріема), повторяемъ: такою фикціею этотъ отпавшій членъ немного улучшаетъ свое положеніе. Изъ туловища уродливаго и безглаваго, онъ становится туловищемъ полу-уродливымъ и полубезглавымъ (corpus semi-monstruosum atque semi-acephalum).

Мы говоримъ *полу*-безглавымъ.

Конечно.

Ибо какъ бы хорошо и какъ бы таинственно-полно грубо-тѣлесная „глава“ ни вѣдала отпавшимъ членомъ, все-же она— лишь грѣшная передаточная инстанція, а не *сама* Глава. Чтобы стать опять организмомъ полнымъ, необходимо, чтобы Сама Глава Небесная находила Себѣ полное вмѣстилище, тѣлесную и матеріальную оболочку, въ пресловутой грубо-видимой „главѣ“.

Тогда и закончится начатая болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ, строго преслѣдуемая эволюція римской церкви. . . . . .

. . . . . .

На страницѣ 406 мы опять читаемъ, что Соборы получаютъ въ Церкви обязательное значеніе по утвержденіи ихъ папою. И мы опять повторяемъ, что это является голословнымъ вымысломъ. Пока папа пребывалъ въ Церкви, то конечно и онъ участвовалъ въ соборности, и безъ него, да и вообще безъ западныхъ членовъ Церкви, вселенскость конечно не проявлялась. На томъ-же основаніи она не проявлялась и безъ согласія Востока, или Сѣвера, или Юга, да вообще безъ соборнаго единомыслія всѣхъ. Если по этому паписты приводятъ доказательства, подтверждающія необходимость нашего согласія съ Римомъ, то эти доказательства поддерживаютъ и именно насъ, православныхъ, а не папистовъ. Ибо мы никогда не отвергали необходимости этого согласія нашего съ Римомъ, какъ и со всѣми вообще христіанскими церквами. Римъ же отвергъ для себя необходимость согласія съ нами, да и вообще со всѣми христіанскими церквами. По этому именно отъ Церкви отпали не мы, православные, а Римъ, создавшій себѣ престолъ своего авторитета надъ Церковью.

Это — вопросъ, чрезвычайно, по сей день, неправильно понимаемый папистами.

Паписты себѣ воображаютъ, что всякое историческое доказательство общаго почета, которымъ пользовалась церковь царственнаго Рима, годится для поддержанія папскаго тезиса о Церкви! Они отождествили Церковь Христову, которая пребудетъ до конца временъ, ... съ Римомъ! И никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, ни по повелѣнію вселенскаго Собора, ни по рѣшенію всѣхъ народовъ міра, папскій престолъ, или иначе, Церковь Христова не можетъ быть переведена изъ

Рима въ другой городъ, и никакой другой епископъ, кромѣ римскаго, не можетъ стать „главою“ Церкви. Сіе преподается точно въ Syllabus'ѣ ст. XXXV'.....

Да вѣдь они, паписты, декретировали. . . . . географическую вѣчность Рима!!! Не дай Богъ, чтобы какая либо ужасная сейсмическая или метеорологическая катастрофа покончила въ какія нибудь 5 или 10 минутъ съ прекраснымъ городомъ, да заодно и съ папствомъ самимъ, со всякими средствами его традиціоннаго преемства и со всякою топографическою возможностью его возстановленія!! Конечно, такая вещь, — къ счастію, — маловѣроятна. Но все-же курьезно, что паписты ручаются за геологическую невозможность такого происшествія! Вѣдь время, можетъ быть, еще терпитъ до послѣдняго суда! Но какъ бы то ни было, неизмѣримо болѣе курьезно то, что люди, одаренные разумомъ,—о вѣрѣ уже не будемъ говорить,— переваривaютъ такой геологически-догматическій декретъ! А про нашествія иноплеменныхъ народовъ, про этническія, соціальныя, политическія возможности радикальныхъ перемѣнъ, что. ужъ говорить! Паписты вѣдь ручаются въ томъ, что Римъ съ Ватиканомъ устоятъ противъ всякихъ таковыхъ натисковъ до самаго конца временъ. Это доказывается тѣмъ, что врата ада не одолѣютъ, по обѣщанію Спасителя. И сіе относится къ Риму. Такъ что въ указанномъ текстѣ Св. Евангелія изъ закона всеобщаго разрушенія изъемлются столько-то квадратныхъ саженей, расположенныхъ подъ 42° сѣверной широты и 12° восточной долготы, въ бассейнѣ Средиземнаго моря, на Аппенинскомъ полуостровѣ, на поверхности планеты Земли. Эти квадратныя сажени на вѣки гарантируются отъ всякихъ этническихъ, соціальныхъ, военныхъ, политическихъ, астрономическихъ, сейсмическихъ, метеорологическихъ, вулканическихъ и геологическихъ возможностей уничтоженія. И сіе есть непо-

грѣшимо преподанный догматъ христіанской вѣры. Понимаете-ли вы, о человѣки разумные, чего требуютъ отъ васъ?!!!

Римскій епископъ, какъ мы уже говорили, являлся естественнымъ посредникомъ между Востокомъ и Западомъ. Онъ-же занималъ единственную западную „апостольскую“, къ тому-же столичную каѳедру. И паписты себѣ воображаютъ, что необходимое для соборности согласіе восточныхъ церквей съ Римомъ доказываетъ законность папства!

Папство вовсе не есть соборное согласіе. Оно, напротивъ того, является отказомъ отъ этого согласія, передѣланнаго въ соборное подчиненіе. Активная вѣра превратилась въ пассивное безвѣріе, и законодательное единомысліе въ безразличную неволю.

Церковь Христова есть великое утвержденіе. Папство есть великое отрицаніе.

Вотъ почему папистамъ слѣдовало бы разъ на всегда отказаться отъ историческихъ изслѣдованій, если они съ предвзятою мыслью желаютъ откапывать тамъ кое-что въ пользу папства. Ибо всякое доказательство почета къ Риму, вліянія Рима и уваженія всей Церкви къ Риму, доказываетъ только именно то, что вся Церковь не отказывала Риму въ томъ, въ чемъ Римъ отказалъ всей Церкви. Для своего тезиса, паписты должны доказать не то, что Римъ имѣлъ право на почетъ и на вліяніе, ибо съ этимъ мы всѣ соглашаемся. Паписты должны доказать, что всѣ остальныя церкви, и въ частности восточныя, права на почетъ, на вліяніе и на голосъ въ соборности *не* имѣютъ. *Вотъ* въ чемъ заключается тезисъ папства. И этого паписты доказать никогда не смогутъ, такъ какъ доказываются утвержденія, отрицанія же не доказываются, а судятся судомъ Божіимъ въ совѣсти человѣчества. Папство же есть одно сплошное, великое, чудовищное отрицаніе. По этому, повторяемъ, папистамъ слѣдуетъ отказаться отъ предвзятыхъ историческихъ

изслѣдованій, не могущихъ принести ничего, кромѣ подтвержденія того великаго утвержденія согласія, соборности и любви, которое называется Церковью Христа.

На страницѣ 409 и слѣд. Пальміери выводитъ непогрѣшимость вселенскихъ Соборовъ.

Это, въ устахъ паписта, — абсурдъ.

Въ чемъ-же заключается непогрѣшимость Собора?

Въ его вселенскости.

Въ чемъ-же заключается его вселенскость?

Въ томъ, что онъ является соборнымъ свидѣльствомъ всего тѣла церковнаго.

У папистовъ вселенскость заключается въ томъ, что онъ является свидѣтельствомъ папы.

Слѣдовательно, вселенскость имѣетъ свой критерій въ папѣ.

Слѣдовательно, непогрѣшимость имѣетъ свой критерій въ папѣ.

Слѣдовательно, Соборъ ничего не значитъ, такъ какъ папа является непогрѣшимымъ и внѣ его.

Слѣдовательно, непогрѣшимымъ является вовсе не Соборъ, а лишь присутствующій или неприсутствующій на немъ папа, съ Соборомъ или безъ него.

Слѣдовательно Соборъ — безжизненный придаточный элементъ, ничего не прибавляющій къ папской непогрѣшимости, ничего отъ нея не отнимающій, а потому и ни въ чемъ не участвующій въ ней.

Слѣдовательно, критерій непогрѣшимости — не присущъ Собору.

Слѣдовательно, критерій вселенскости—не присущъ Собору.

Слѣдовательно, критерій соборности—не присущъ Собору.

Итакъ, доказано, что Соборы въ папствѣ никакой собор-

ности не выражаютъ, а являются простыми епископскими съѣздами, никакой церковности по существу не представляющими, и опредѣляющимися единственно внѣшними признаками, матеріальною обстановкою, которые и принимаются за самое соборное начало.

По этому мы отвѣчаемъ паписту:

Вы гордо указываете на ваши съѣзды, именуемые вами: „Соборы“, и предполагаете, что соборное начало у васъ существуетъ по наличности этихъ съѣздовъ. А мы Вамъ говоримъ, что всѣ эти съѣзды ни со вселенскостью, ни съ церковностью, ни съ соборностью, ни съ соборнымъ началомъ ничего общаго не имѣютъ. Вы только передъ матеріею преклоняетесь и матеріальный прахъ всякаго грубо осязаемаго явленія принимаете за его внутреннюю сущность. Ибо у васъ духовности никакой нѣтъ, а потому и духовнаго понятія ни о чемъ имѣть не можете. По этому у васъ наипаче никакого понятія нѣтъ о томъ, что такое соборность, что такое вселенскость, да вообще, что такое Христова Церковь и ея небесное царство на землѣ.

И этими словами мы опровергаемъ латинскаго автора по всѣмъ частямъ какъ этой главы, такъ и слѣдующей, въ которыхъ онъ желаетъ доказать намъ, что соборное начало имѣется не въ Церкви, а въ папствѣ.

На стр. 414 встрѣчается слѣдующее положеніе: „Левъ Великій, римскій первосвященникъ, чей высшій надъ Церковью авторитетъ Халкедонскій Соборъ призналъ опредѣленнѣйшими словами“.

Въ мысли автора, это обозначаетъ то, что Халкедонскій Соборъ изъявилъ свои взгляды на положеніе римскаго епископа сообразно съ папскими претензіями. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, имѣлъ ли Халкедонскій Соборъ понятіе о

томъ авторитетѣ, для котораго требуется отыскать историческое подспорье въ дѣйствіяхъ этого Собора.

Халкедонскій Соборъ ровно никакого понятія о папскомъ монархическомъ авторитетѣ не имѣлъ. Мы это докажемъ.

Соборъ обратился къ папѣ Льву съ письмомъ, полнымъ уваженія и эмфатическихъ славословій для него и для римской церкви вообще [1]). Онъ это сдѣлалъ потому, что желалъ заполучить отъ него признаніе своего 28-го канона, который римскіе легаты опротестовали на шестнадцатомъ и послѣднемъ засѣданіи. Этотъ 28 канонъ опредѣляетъ юрисдикцію Константинопольскаго епископа надъ областями, вошедшими въ Константинопольскій патріархатъ. Протестъ римскихъ легатовъ былъ отмѣченъ въ протоколѣ, но это ничуть не воспрепятствовало 28-му канону тутъ же быть принятымъ и ратифицированнымъ императорскими коммиссарами для гражданскихъ послѣдствій.

Итакъ, получается попутно первый, очень интересный формальный выводъ: римскіе легаты вовсе не являются вершителями соборныхъ судебъ.

Далѣе, дѣло это для насъ представляется интереснымъ и по существу, т. е. по вопросу о томъ, что и какъ мыслилъ этотъ Соборъ на счетъ папскаго авторитета, такъ какъ мы вѣдь отвѣчаемъ здѣсь на фантазіи, приписывающія Собору признаніе этого авторитета.

Халкедонскій Соборъ принялъ 28 канонъ.

Слѣдовательно, образъ мыслей Собора открывается въ 28 канонѣ, ибо если бы Соборъ не мыслилъ такъ, то онъ этого канона не принялъ бы. Это одно — для насъ теперь

---

[1]) См. Mansi Conc. t. VI; Harduin. Conc. t. II; Inter epist. S. Leon., 98. Письмо это передается нѣкоторыми римскими писателями въ извращенномъ видѣ (см. Darras. t. XIII pag 310; Hefele, l. II § 203. Произвольную вставку дѣлаетъ даже Fleury, l. XXVIII § 31).

важно, какія бы ни были затѣмъ перипетіи, черезъ которыя прошелъ 28 канонъ, на дѣлѣ принятый на Востокѣ и на Западѣ какъ правовая норма, не смотря на папскій протестъ.

Какой-же имѣется образъ мыслей отцовъ Халкедонскаго Собора въ 28 канонѣ?

Вотъ пресловутый канонъ:

„Слѣдуя во всемъ стопамъ святыхъ отцовъ и будучи освѣдомленными о только что прочитанномъ канонѣ 150 боговозлюбленныхъ епископовъ (второго вселенскаго Собора), мы приняли то-же рѣшеніе на счетъ преимуществъ святой церкви Константинопольской, новаго Рима. *Отцы по доброму праву дали преимущества древнему Риму, такъ какъ этотъ городъ былъ городъ царственный.* Движимые тѣми-же соображеніями, 150 боговозлюбленныхъ епископовъ дали аналогичныя преимущества святой каѳедрѣ новаго Рима, думая правильно, что городъ, имѣвшій честь получить Императорскій престолъ и Сенатъ, и пользующійся одинаковыми съ древнею столицею, Римомъ, привилегіями, долженъ, въ церковныхъ дѣлахъ, стоять такъ-же высоко какъ и онъ, имѣя все-же второе мѣсто послѣ него. Итакъ, упомянутый святѣйшій престолъ Константинопольской церкви будетъ имѣть исключительное право рукоположенія только митрополитовъ епархій Понта, Азіи (этимъ именемъ назывались мало-азіатскія епархіи, древняя метрополія коихъ былъ Ефесъ) и Ѳракіи, и епископовъ изъ варваровъ, въ тѣхъ-же епархіяхъ. Митрополитъ будетъ посвящать остальныхъ епископовъ своей провинціи, по святымъ канонамъ. Только митрополиты будутъ посвящаемы Константинопольскимъ архіепископомъ послѣ сообщенія ему выборовъ, по обычаямъ“.

Такъ мыслилъ Халкедонскій Соборъ. Правъ ли онъ былъ или нѣтъ, это сюда вовсе не относится. Но онъ мыслилъ именно такъ, а не иначе.

Каковъ-же образъ мыслей отцовъ Халкедонскаго Собора на счетъ папскихъ привилегій?

Очень простой. Именно тотъ-же, который всегда былъ образомъ мыслей всей апостольской Церкви и продолжаетъ быть и сегодня: римскій престолъ пользовался извѣстными церковными привилегіями лишь по постановленіямъ отцовъ. Эти привилегіи онъ получилъ въ качествѣ престола царственной столицы и мѣстопребыванія Сената. Эти привилегіи были тѣ-же, которыя были даны и городу Константинополю, второму престолу по внѣшнему почету. Вотъ и все. Такъ и не иначе мыслилъ Халкедонскій Соборъ.

Какой-же теперь смыслъ слѣдуетъ признать за фразами отцовъ того-же Собора къ римскому епископу?

Да просто смыслъ почета, желанія заполучить отъ него необходимое для всѣхъ церковное согласіе Рима на тотъ канонъ, противъ котораго протестовали легаты, и который сдѣлался предметомъ полемики, въ которой Левъ Великій выказалъ больше страстности нежели откровенности. Въ Римѣ безусловно уже начинало слагаться проявлявшее себя мимолетно и прежде, унаслѣдованное отъ языческаго Рима, прижатое христіанствомъ первыхъ вѣковъ міровоззрѣніе собственнаго и себялюбиваго превозношенія, противнаго ученію Христа и составляющаго отличительную особенность того географическаго мѣста, на которомъ стоитъ столица мірового хищничества, Сципіоновъ, Цезаря, Нерона, владычица земли, проповѣдница грубаго насилія надъ правами попранныхъ народовъ и грубаго права надъ попранною милостью Христа.

Халкедонскій Соборъ, по словамъ папы Григорія, предложилъ папѣ титулъ „вселенскаго епископа“ [1]). Но папа Гри-

[1]) Неизвѣстно, на основаніи какихъ документовъ папа Григорій передаетъ подобный фактъ. Дѣло, можетъ быть, идетъ о тѣхъ совер-

горій, въ письмахъ своихъ, опредѣленно говоритъ, что римскіе папы этимъ титуломъ, на который они смотрѣли какъ на незаконную вещь, не пользовались. Первый римскій папа, который принялъ этотъ проклинаемый Григоріемъ Святымъ титулъ, былъ Бонифацій III. Этотъ папа письменно обратился къ убійцѣ Императора Маврикія, Фокѣ, одному изъ самыхъ мерзкихъ субъектовъ, когда либо занимавшихъ престолъ, чтобы получить отъ него оффиціальное признаніе своего первенства, за которое онъ опасался по возрастающему значенію Константинопольскаго патріарха. Бонифацій III получилъ желанный титулъ отъ Фоки, и таково, для римской церкви, оффиціальное происхожденіе того титула „главы“ („caput“) Церкви, который Римъ приписываетъ своему епископу [1]).

Халкедонскій-же Соборъ, предложивъ почетный титулъ римскому епископу, тѣмъ-же доказалъ, что преимущества римскаго престола вовсе не являются богоустановленными, а только церковно-хозяйственными, привилегіями внутренняго распорядка, не относящагося къ вопросамъ вѣры. Иначе нечего было бы Собору предлагать папѣ богоузаконенныхъ преимуществъ.

Легаты папы Льва, на Соборѣ Халкедонскомъ, начиная съ 3-го и 4-го засѣданій, все болѣе превозносили и подчеркивали вліяніе и значеніе римскаго епископа и начинали выставлять его какъ совершенно особо отъ Церкви стоящую личность. Отвѣтомъ Собора на эти тенденціи былъ 28 канонъ. Тенденціи эти, разумѣется, еще не выходили въ тѣ времена за предѣлы совмѣстимости съ Церковью. Иначе этотъ великій папа

шенно новыхъ и неизвѣстныхъ прежде титулахъ, которыми римскіе представители превозносили папу Льва на Халкедонскомъ Соборѣ.

[1]) Paul Diac. de gest. Longobard. IV, 27; Bed. Hist., I, 34; Anastas. Vit. Bonif.

не остался бы въ ней. Извращеніе завершилось лишь нѣсколькими вѣками позже.

Отцы Халкедонскаго Собора писали папѣ Льву: „Уважайте наше рѣшеніе собственными Вашими декретами!“

Римскій папа этого Собора, какъ и остальныхъ, не созвалъ и не „утвердилъ“. Почетные-же титулы ничего не предрѣшаютъ въ пользу папскаго тезиса. Особенно-же слѣдуетъ знать, что не Левъ „утвердилъ“ рѣшенія Собора, а Соборъ утвердилъ догматическое письмо Льва, потому что оно было сходно съ признаннымъ 3-имъ вселенскимъ Соборомъ ученіемъ Келестина и Кирилла, а не по авторитету папы. Ибо авторитетъ этотъ совсѣмъ не существовалъ [1]). Отцы же обратились къ папѣ Льву вовсе не за „утвержденіемъ“, въ смыслѣ папской юриспруденціи, а за необходимымъ для соборности и для церковности согласіемъ Рима и Запада вообще, посредникомъ котораго былъ римскій епископъ касательно Востока. И это согласіе было тѣмъ болѣе необходимо въ виду опротестованнаго легатами 28 канона.

Итакъ, всѣ эти разсужденія о томъ, что Халкедонскій Соборъ якобы имѣлъ представленіе о папскомъ богоустановленномъ авторитетѣ надъ Церковью, все это — пустыя фантазіи.

Въ концѣ этой главы, Пальміери говоритъ, что между нами и папистами существуетъ согласіе насчетъ непогрѣшимости древнихъ вселенскихъ Соборовъ.

Это „согласіе“ существуетъ только на словахъ и никакого реальнаго значенія не имѣетъ.

---

[1]) Объ этомъ безспорномъ обстоятельствѣ, именно касательно догматическаго письма папы Св. Льва, упомянули отцы 5-го вселенскаго Собора на 6-мъ засѣданіи, 19 Мая 553 г.

Какое-же тутъ согласіе, когда паписты приписываютъ непогрѣшимость этихъ Соборовъ не церковности и не соборности, а воображаемому ими авторитету папскаго „утвержденія“...!

Какое-же тутъ согласіе, когда паписты ровно никакого понятія не имѣютъ о томъ, чему насъ учатъ эти древнія выраженія единомыслія...!

Какое-же тутъ согласіе, когда паписты испортили соборный символъ именно того согласія, которое предполагаетъ Пальміери между воззрѣніями Церкви и папства на соборную непогрѣшимость...!!!

Нѣтъ, уважаемый Пальміери. Рѣшительно никакого согласія между Церковью и вами нигдѣ, да ни въ чемъ бы то ни было — нѣтъ и быть не можетъ. Вы стоите ближе къ кому бы то ни было на свѣтѣ чѣмъ къ Церкви! Вы и протестанты — одинаковаго существа, и оба вы стоите гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ къ намъ. Ибо у васъ обоихъ, принципомъ признается превозношеніе отдѣльной личности надъ Церковью. Нечего вамъ жаловаться на протестантовъ, которые совершенно разумно потребовали и продолжаютъ требовать для *каждой отдѣльной личности* то, что и вы потребовали отъ Церкви для *себя*, т. е. признаніе вашего личнаго и независимаго верховенства надъ любовью всѣхъ. Папство и протестантство со своими безчисленными сектами, все это — одно и то же, растерзанное *вами* тѣло Христово!

Вы и мы, оба мы говоримъ на непонятныхъ другъ другу языкахъ, и между нами лежитъ глубокая, непроходимая духовная пропасть. Мы другъ друга не понимаемъ... то есть, мы васъ понимаемъ, вы же насъ не понимаете. Ибо въ тотъ самый мигъ, въ который вы могли бы насъ понять, вы душою уже принадлежите не папству, а Церкви... Вотъ именно та

причина, по которой вы о Церкви вѣдать ничего не можете. Какъ Вы видите, весь смыслъ нашего отвѣта заключается въ одномъ лишь *этомъ*, да въ указаніи причинъ именно только *этого*. А потому, мы дѣйствительно вовсе не ведемъ никакихъ споровъ съ Вами, поскольку мы выступаемъ отъ Церкви, а не отъ себя. Отъ себя, мы лично конечно не считаемъ себя ученѣе или выше Васъ, и мы признаемъ для себя честью бесѣдовать съ Вами. Но какъ члены Христовой Церкви, мы съ Вами не споримъ. Церковь съ Вами не споритъ. Ибо нечего Ей спорить. Она только наставляетъ. Если можете, примите! Если не можете, откажите! Это зависитъ отъ благодати. И объ этомъ молится за васъ Христова Церковь.

VIII.

Авторъ начинаетъ эту главу съ изложенія необходимости имѣть символическія книги. Онъ даетъ детальное расчлененіе всѣхъ моментовъ, опредѣляющихъ эту необходимость.

Мы на этомъ поприщѣ гнаться за нимъ не будемъ и скажемъ лишь, что всѣ эти аналитическія точности имѣютъ къ Церкви отношеніе проявленія жизни къ жизни самой. Паписты полагаютъ, что эти проявленія являются именно самой жизнью и по этому они требуютъ этихъ самыхъ проявленій, изученныхъ, каталогированныхъ, и полагаютъ, что тамъ, гдѣ они этого автоматическаго движенія не видятъ, тамъ и жизни быть не можетъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ, аналогично, слѣдующему положенію: человѣкъ, который не чешется три раза среднимъ пальцемъ лѣвой руки по правую сторону отъ затылка,— не человѣкъ, а мертвый трупъ! Кто можетъ перечислить безчисленныя проявленія жизни Христовой Церкви!...

Но такія автоматическія понятія о самобытной силѣ всѣхъ

матеріальностей у папистовъ насъ вовсе не удивляютъ. Мы достаточно ясно и достаточно часто указываемъ на то, откуда все это происходитъ. Насъ, эта вышлифованная до послѣднихъ мелочей машина человѣческой мудрости вовсе не соблазняетъ. Намъ принадлежитъ царство духа, въ которомъ одномъ лишь рождается оживляющая матерію жизнь.

На многія заблужденія, встрѣчающіяся въ этой главѣ, мы отвѣчать не будемъ, такъ какъ они являются повтореніями, на разные лады, обезсиленныхъ уже нами въ предшествующихъ главахъ положеній.

Что однако касается приводимаго здѣсь разбора всякихъ вѣроисповѣдныхъ, символическихъ и несимволическихъ документовъ, то мы преклоняемся передъ этимъ трудомъ Пальміери. Эта историческая часть его работы и внѣшнее изученіе событій, имѣвшихъ мѣсто въ Церкви, сведены въ одно цѣлое и являются весьма полезнымъ матеріаломъ. Конечно, не слѣдуетъ забывать того, что было изложено выше: чтобы знать раціонально, какое значеніе слѣдуетъ придавать исповѣданію, исходящему изъ устъ православнаго, иновѣрецъ долженъ имѣть передъ собою документы, свидѣтельствующіе о принятіи этого исповѣданія рѣшительно всѣмъ тѣломъ Христовой Церкви. Иначе онъ объ этомъ говорить совсѣмъ не можетъ. Да и то еще, если даже пресловутое общее согласіе на счетъ какого либо исповѣданія будетъ документально доказано, возможно, что согласіе покроетъ не все исповѣданіе, а лишь большинство его пунктовъ. Для посторонняго, трудность раціональнаго изслѣдованія всего этого равняется невозможности.

Такъ оно и должно быть.

Ибо если бы Христосъ постигался однимъ только разумомъ, то въ опознаніи Его не было бы никакой благодати.

Для познанія папства ровно никакой благодати не тре-

буется. Папство является исключительно раціональнымъ организмомъ, ничего общаго ни съ Церковью, ни съ вѣрою, ни съ Божествомъ не имѣющимъ.

Церковь же опознается одною только благодатною вѣрою, которая одна даетъ возможность понимать значеніе всего, что происходитъ въ ея средѣ. И по этому, иновѣрецъ, лишенный всякаго желанія участвовать въ соборномъ согласіи, въ вѣрѣ и въ Духѣ Христовой Церкви, не имѣетъ ровно никакихъ основаній, чтобы судить объ этихъ вещахъ. Пальміери усидчивыми трудами выкопалъ абсолютныя документальныя доказательства соборнаго согласія церковнаго тѣла по нѣкоторымъ памятникамъ. Онъ по этому,—впрочемъ правильно,—причисляетъ эти памятники къ символическимъ документамъ Церкви. Но въ этихъ-же документахъ онъ вдругъ находитъ какой то пунктъ, кѣмъ нибудь опротестованный, и моментально уже не знаетъ, что дѣлать съ этимъ пунктомъ! Все-же, повторяемъ, онъ установилъ соборное согласіе Церкви довольно удачно, если принимать въ расчетъ, что онъ былъ принужденъ довольствоваться исключительно раціональными пріемами.

Каково-же положеніе врага Церкви передъ тѣми исповѣданіями, по которымъ соборное согласіе всей Церкви доказывается документально?

Вполнѣ безсильное.

Онъ не можетъ, рѣшительно, указать ни на одно единственное соборное вѣроисповѣдное опредѣленіе, обвиняя его въ непринадлежности къ апостольскому преданію. Впрочемъ, Пальміери самъ въ этомъ сознается.

Да. Такова Христова Церковь. Никакой „авторитетъ“ не нуженъ ей, чтобы сохранить въ цѣлости и неприкосновенности этотъ залогъ. Какъ же Вы это объясняете, уважаемый Пальміери? Вѣдь мы уже болѣе 1000 лѣтъ какъ разстались и

живемъ каждый по своему! Да, конечно, 1000 лѣтъ еще не очень много! Но все-же вы за это время успѣли уже раздѣлиться на двѣ враждебныхъ половины, изъ которыхъ одна, протестантская, въ какія нибудь 300 лѣтъ видоизмѣнилась уже до безконечнаго дробленія! Какъ-же Вы это объясняете? Согласитесь-же, что тутъ есть что то такое, чего Вы вовсе не выяснили, такъ какъ протестанты и мы, оба мы вѣдь „лишены“ вашего „авторитета!“

Совѣтуемъ Вамъ вдуматься въ эту странность.

Еще объ одномъ. Вы очень хорошо и дѣльно изложили исторію о наступательныхъ дѣйствіяхъ протестантства противъ Церкви, и даже объ отпаденіи (пусть будетъ такъ, какъ Вы желаете!) одного Константинопольскаго патріарха, не болѣе и не менѣе! Скажите-же по совѣсти: отказала ли Церковь этимъ новшествамъ или не отказала? Успѣло ли протестантство внѣдриться въ Церковь или нѣтъ? Оставила ли Церковь своихъ членовъ, введенныхъ въ заблужденіе протестантствомъ, безъ раціональной поддержки или нѣтъ? Оставила ли Церковь своихъ чадъ подъ воздѣйствіемъ уклоненій самого Константинопольскаго патріарха Кирилла или не оставила? Вы сами все это разсказываете очень дѣльно. Что-же, послѣ этого, за странный выводъ такой (стр. 537), что Церковь къ охраненію своей вѣры не годится?! Да вѣдь это — нелѣпость! Какъ-же можно противорѣчить себѣ самому, въ томъ же трудѣ, да на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ страницъ?! Вы, несчастные, себѣ воображаете, что авторитетъ вашъ годится противъ протестантства! Что-же это на самомъ дѣлѣ за нелѣпость такая! Вѣдь если вашъ авторитетъ годился бы противъ протестантства, то, прежде всего, самого протестантства не было бы на свѣтѣ! Согласитесь-же съ этимъ! Вѣдь оно изъ папства вышло! Если вашъ авторитетъ дѣйствительно годится противъ проте-

стантовъ, то почему-же вы ихъ не удержали? Вы, можетъ быть скажете, что протестанты сами не хотѣли остаться у васъ..! Совершенно вѣрно. Это именно и доказываетъ безсиліе вашего авторитета, который никогда никого не удерживаетъ. А если онъ никого не удерживаетъ, то какое-же его преимущество передъ нами? Вѣдь благо отъ насъ никто еще съ такимъ трескомъ не уходилъ, какъ протестанты отъ васъ... никто еще... кромѣ васъ самихъ! Вы пожалуй спросите насъ теперь, почему мы васъ не удержали съ своей стороны. Да очень просто: потому что вы сами хотѣли уйти. Отвѣтъ — одинъ и тотъ-же. При чемъ-же тутъ авторитетъ? При чемъ-же тутъ гарантія отъ заразы? А затѣмъ, какъ-же протестантство совратило цѣлую половину папства, а противъ Церкви ничего не успѣло сдѣлать? [1]) Да вѣдь вы, бѣдные, стоите совершенно безсмысленно передъ исторіей и передъ всею соціальною психологіею человѣчества и ничего въ этихъ загадкахъ не видите и не понимаете! Вы предполагаете, что вы управляете исторіею и человѣческою коллективною психологіею, между тѣмъ какъ вы, осѣдланные ими, сами безсмысленно стремитесь въ тотъ оврагъ, куда васъ именно и гонятъ вся исторія и вся психологія народовъ! Вамъ ли полемизировать съ Церковью!

Итакъ, на разборъ нашихъ символическихъ документовъ мы по существу ничего не отвѣчаемъ, за ненадобностью отвѣта. По внѣшности же мы уже изложили все (см. выше), что касательно исповѣданій Досиѳея и Петра Могилы требовалось установить.

---

[1]) Какъ протестантство вчера, такъ модернизмъ сегодня. Протестантство было иллюзіею пріобрѣтенія вновь Христовой Церкви и вѣры утраченной. Модернизмъ—разочарованіе въ таковой возможности . . . Церковь Христова—неприступна для обоихъ. Она основана разъ на всегда, и никто, во вѣки, ея не воздвигнетъ искательствомъ своимъ на собственный счетъ.

На стр. 537 Пальміери объявляетъ, что Церковь больше „не можетъ“ созвать вселенскаго Собора, а по этому и не годится для учительства.

Что такое значитъ: „не можетъ“? Это Вы, уважаемый Пальміери, предполагаете потому, что мы живемъ въ эпохѣ, не требующей этого именно проявленія жизни. Кто же Вамъ ручается за вѣчность этой эпохи? Странный же Вы пророкъ!

Впрочемъ, мы объ этомъ, какъ и объ учительствѣ церковномъ, уже говорили выше, а потому и можемъ пропустить сіе гаданіе будущаго.

На страницѣ 548 Пальміери подсмѣивается надъ Петромъ Могилой, обратившимся къ Константинопольскому патріарху за признаніемъ своего катехизиса, несмотря на то, что недавно передъ тѣмъ Константинопольскій-же патріархъ Кириллъ отпалъ отъ православія.

Да, конечно, если бы Петръ Могила обратился къ папѣ, то имѣлся бы непогрѣшимый авторитетъ. А такъ! Что-же дѣйствительно обозначаетъ это безсмысленное исканіе любви и согласія между людьми, одинаково грѣшными и одинаково подлежащими искушеніямъ ересей, какъ то недавно передъ тѣмъ доказалъ самъ Константинопольскій-же патріархъ Кириллъ!?! Что это такое за безсмысленная любовность такая!!!

Милые братья, простите, несчастные, и не обижайтесь! Мы надъ вами душою вовсе не смѣемся, а глубоко и искренно скорбимъ и плачемъ...

На стр. 562 латинскій авторъ говоритъ: „Для того, чтобы какой нибудь документъ имѣлъ символическій характеръ, онъ долженъ получить *санкцію* того *авторитета*, который

имѣетъ *право* придавать исповѣданію своей Церкви, или секты своей, общеобязательное правовое значеніе".

Эта *санкція*, для Церкви, — общее согласіе всѣхъ.

Этотъ *авторитетъ*, для Церкви, въ вопросахъ вѣры замѣненъ любовью, ищущей добро и правду по собственному своему рвенію, а не по принужденію извнѣ. Любовь въ вопросахъ вѣры, по этому, исключаетъ въ самомъ корнѣ своемъ всякій правовой авторитетъ.

Это *право* утверждать исповѣданія къ принятію въ Церкви совсѣмъ не существуетъ, такъ какъ рѣшительно никто такимъ преступнымъ „правомъ" не пользуется. Вся Церковь, въ совокупности, имѣетъ по соборной любви все то, чѣмъ въ отдѣльности не обладаетъ никто. И въ этой области „право" перестаетъ уже быть „правомъ" и превращается въ благодатное свидѣтельство о существованіи. Ибо если Господь даетъ намъ жизнь, то жизнь сія не именуется „правомъ", а благодатью Христовой.

Вся приведенная нами фраза латинскаго автора заключаетъ въ себѣ ничто иное, какъ цѣлый міръ глубокаго, языческаго извращенія всѣхъ рѣшительно понятій о Церкви Христовой.

Въ параграфѣ 11 этой главы Пальміери излагаетъ римскую теорію о помѣстныхъ Соборахъ. Вся эта систематизація, и особенно опредѣленіе „нѣкотораго" (sic) содѣйствія Святаго Духа „законно" созванному помѣстному Собору, насъ только опечаливаютъ! „Нѣкоторое" содѣйствіе Святаго Духа!! Сколько приблизительно, уважаемый Пальміери, по вѣсу? На сколько именно копѣекъ или рублей?.. Какое глубокое, глубокое душевное бѣдствіе! Товаро-распредѣлительная процессуальность по отношенію къ Святому Духу! Христіане, скалящіе зубы другъ на друга изъ за даровъ благодати и приступающіе къ

раздѣлу добычи по нормамъ Римскаго права! И все это принципіально, какъ система!..

Вѣдь между нами, уважаемый Пальміери, какъ Вы, — полагаемъ, — уже видите, дѣло вовсе не идетъ о нѣкоторыхъ догматахъ по больше или по меньше, а о коренномъ пересозданіи вами всего христіанства вообще!

Больше мы на теорію о помѣстныхъ Соборахъ отвѣчать ничего не имѣемъ, такъ какъ мы на этотъ счетъ уже распространились выше. Латинскій авторъ, впрочемъ говоритъ, что по существу эти Соборы отъ Соборовъ вселенскихъ не отличаются, такъ какъ оба получаютъ одинаковое значеніе по утвержденіи папою. Для насъ, православныхъ, разница по существу между Соборомъ вселенскимъ и принятымъ всею Церковью Соборомъ помѣстнымъ также не существуетъ, такъ какъ вселенскость обоихъ лежитъ въ принятіи ихъ всѣмъ тѣломъ Церкви. Одно только различіе, уважаемый Пальміери, существуетъ между вами и нами на этотъ счетъ:

Ваши Соборы никакого соборнаго начала, т. е. согласія всего тѣла церковнаго, не проявляютъ. Они вступаютъ въ силу и вообще имѣютъ свой опредѣленный характеръ совершенно безотносительно къ согласію всѣхъ. Ваши Соборы зависятъ отъ одного лишь авторитета на Ватиканской горѣ.

Наши же Соборы зиждятся на началѣ соборномъ, на согласіи всѣхъ. Если они хорошо выражаютъ это согласіе, то и принимаются Церковью. Если они этого согласія не выражаютъ, то и не принимаются.

Все остальное нами уже выяснено.

На стран. 581 Пальміери указываетъ на преимущества римскаго папы, глаголющаго „ex cathedra“.

Мы уже говорили, что это туманное выраженіе опредѣ-

ляется неизвѣстными даже для самихъ римлянъ признаками. Оно и понятно. Ибо неопредѣленность сія обозначаетъ, по своему существу, лишь переходную ступень къ восшествію на Божій престолъ и къ провозглашенію абсолютной Святости, на этотъ разъ уже вполнѣ опредѣленной.

На стран. 580 говорится, что рѣшенія помѣстныхъ Соборовъ, утвержденныхъ папою, являются непогрѣшимыми, хотя и можно было отрицать сіе до 1870 года.

Вчера какъ угодно. Сегодня такъ и не иначе, на основаніи догматическаго развитія. Вчера Святая Церковь этого еще не знала опредѣленно. Сегодня Святая Церковь знаетъ это лучше, чѣмъ вчера. Но этимъ, видите-ли, все-же ни одна іота не прибавляется къ полученному откровенію. Мы его только лучше сознаемъ!..

Позвольте Васъ спросить, уважаемый Пальміери, какая по Вашему имѣется разница между увеличеніемъ состава откровенія и лучшимъ его познаніемъ? Полагаете ли Вы, что откровеніе есть какой-нибудь товаръ, или что оно есть извѣстная, дарованная свыше познавательная степень касательно вѣчно равной Себѣ Самой Божественной Истины? Если Вы, какъ думаемъ, принимаете послѣднее положеніе, то благоволите же намъ теперь объяснить, какая разница имѣется между увеличеніемъ состава откровенія, отъ чего Вы открещиваетесь, и повышеніемъ дарованной познавательной степени, что Вы принимаете?

Эта разница не существуетъ.

Она получается только, если откровеніе будетъ признано матеріальною вещью, чѣмъ вы его и сдѣлали. Вы не можете принимать одно и отвергать другое изъ этихъ вполнѣ равнозначущихъ выраженій. Вы должны либо оба принять, либо оба

отвергнуть. Для Христовой Церкви, оба отвергаются, ибо такъ повѣдано черезъ апостоловъ. Для всѣхъ же членовъ Церкви, порознь взятыхъ, оба принимаются. Ибо въ этомъ состоитъ постепенное ихъ приближеніе и все большее участіе въ Святой и Совершенной Церкви. Принятіемъ этого положенія не для васъ только, лично и порознь, а для самой церкви вашей, вы ее низвели въ разрядъ отдѣльныхъ лицъ и удостовѣрили *сами*, что она не является Церковью Христа, а лишь отдѣльно стоящимъ обществомъ, которое на Святость и на Совершенство Христовой Церкви никакой претензіи не имѣетъ. И этимъ-же вы и учинили судъ надъ собою и надъ всѣми вашими новыми догматами.

На стран. 582 приводится канонъ восьмого вселенскаго Собора.

Какъ мы уже знаемъ, здѣсь отсутствуютъ обусловливающіе годность ссылки четыре необходимыхъ элемента, а именно: „канонъ“, „восьмой“, „вселенскій“ и „Соборъ“.

Дѣло идетъ о той комедіи, которая въ 869 году была инсценирована 18 лицами въ Константинополѣ, по разсказу того субъекта, о которомъ мы говорили выше.

На стран. 583 мы читаемъ, что Сардикійскій Соборъ 347 года, въ 3, 4 и 5 канонахъ своихъ установилъ высшую судебную компетенцію римской каѳедры надъ тяжущимися епископами.

На этомъ необходимо остановиться, по соображеніямъ о положеніи римскаго епископа въ Церкви.

Сардикійскій Соборъ былъ созванъ Императорами Константомъ и Констанціемъ. Онъ, какъ мы уже замѣтили, не только не былъ „утвержденъ“ папою, но самъ онъ утвердилъ рѣ-

шеніе называвшагося тогда просто „римскимъ епископомъ“ Юлія. Этотъ Юлій на римскомъ Соборѣ произнесъ рѣшеніе по тому-же самому дѣлу, по которому именно и состоялся затѣмъ Сардикійскій Соборъ. Очевидно, рѣшеніе римскаго епископа, даже произнесенное на спеціально для этого созванномъ Соборѣ италійскихъ епископовъ, не считалось,— по мнѣнію Церкви,— достаточно авторитетнымъ въ улаженіи возникшихъ споровъ. Объ этотъ простой историческій фактъ безвозвратно разбиваются всякіе софизмы о признаніи Церковью папскаго авторитета въ четвертомъ вѣкѣ.

Сардикійскій Соборъ былъ созванъ для улаженія глубокихъ недоразумѣній и раздора отъ столкновенія православныхъ епископовъ съ восточными аріанами. Эти епископы, Павелъ Константинопольскій (убитый до Сардикійскаго Собора) и Аѳанасій Александрійскій, спаслись отъ преслѣдованій аріанствующей восточной Императорской власти въ Римъ. Они призвали въ защиту западное христіанство и въ частности, конечно, римскаго епископа Юлія, который заступился за нихъ, созвалъ Соборъ, препирался съ аріанами и вообще поступилъ по православному. Западные христіане зашевелились не только въ Римѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ римскаго Собора, другой Соборъ имѣлъ по этому дѣлу мѣсто въ Миланѣ и произнесъ одинаковое рѣшеніе. Но все это, несмотря на главную роль Юлія, признавалось недостаточнымъ.

Сардикійскій Соборъ, состоявшій изъ восточныхъ и западныхъ епископовъ, былъ созванъ съ цѣлью возстановленія мира. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что смуты въ Церкви происходили главнымъ образомъ отъ препирательствъ епископовъ между собою и отъ отсутствія какой нибудь инстанціи, которая могла бы, если не сама рѣшать всякія недоразумѣнія, то хотя бы направлять дѣла такъ, чтобы они получали, гдѣ слѣдуетъ, пра-

вильное заключеніе. Въ виду этихъ преходящихъ, прискорбныхъ явленій и были редактированы 3, 4 и 5 каноны Сардикійскаго Собора. Изъ этихъ трехъ каноновъ, 4 и 5 являются только дополненіемъ и необходимою регламентаціею вытекающихъ изъ канона 3 положеній. Важенъ, слѣдовательно, только этотъ 3 канонъ, предложенный Осіемъ, извѣстнымъ мудростью своею во всей Церкви Кордобскимъ епископомъ, предсѣдательствовавшимъ на этомъ Соборѣ по собственному почету, а не въ качествѣ представителя римскаго епископа Юлія, какъ голословно разсказываютъ паписты, не приводящіе ни одного единственнаго доказательства этой фантазіи, опровергаемой уже первою строкою подписей подъ Сардикійскими Соборными актами [1]).

Вотъ именно что предложилъ Собору Осій:

„Необходимо прибавить, что никакой епископъ не имѣетъ права переходить въ другую провинцію съ тѣмъ, чтобы занимать тамъ каѳедру; я бы допустилъ одно только исключеніе, на случай, если его призвали братья, ибо не слѣдуетъ мѣшать тому, чтобы епископы служили другъ другу. Необходимо также предвидѣть тотъ случай, когда одинъ епископъ почему либо препирается съ другимъ, и опредѣлить, что онъ не можетъ испрашивать рѣшенія епископовъ другой провинціи. Если онъ думаетъ, что онъ—правъ, и что произнесенное противъ него рѣшеніе должно быть пересмотрѣно, то,—если вы находите, что это хорошо, — отдадимъ почтеніе памяти Святаго Петра, и пусть тѣ, которые произнесли рѣшеніе, напишутъ Юлію, епископу римлянъ, и пусть рѣшеніе будетъ пересмотрѣно, если это необходимо, епископами, избранными римскимъ епископомъ изъ сосѣдней провинціи. Но если нельзя будетъ

---

[1]) Эта первая строка гласитъ какъ слѣдуетъ: Осій Испанскій, Юлій Римскій черезъ пресвитеровъ Архидама и Филоксена, и т. д.

установить, что дѣло должно быть пересмотрѣно, то пусть первое рѣшеніе просто будетъ утверждено".

Соборъ принялъ это предложеніе (кан. 3) и епископъ Гауденцій прибавилъ (кан. 4), что во время апелляціи, и пока римскій епископъ не произнесъ своего рѣшенія, новый епископъ не долженъ занимать каѳедры осужденнаго. Соборъ опредѣлилъ (кан 5. греч., 7 лат.) порядокъ апелляцій въ Римъ.

Какое-же значеніе, на самомъ дѣлѣ, имѣютъ эти каноны?

До Сардикійскаго Собора часто случалось, что осужденные въ одной изъ церквей искали убѣжища и поддержки въ другой церкви, гдѣ они старались доказать свою невинность, прося о принятіи въ общеніе. Но апелляціи отъ одного судьи къ судьѣ болѣе высокому не существовало. Ни одного единственнаго случая апелляціи въ Римъ до установленія этого апелляціоннаго права Сардикійскимъ Соборомъ не было. И по этому, противныя сему положенію утвержденія Noël Alexandre (Nat. Alexand. Hist. Eccl. IV. soecul. Dissert. 28) являются вполнѣ праздными, какъ еще болѣе праздными являются голословныя утвержденія всѣхъ писателей, ссылающихся на этого автора. Только *факты* имѣютъ исторически доказательную силу.

Паписты съ гордостью указываютъ на эти каноны.

Но даже если бы эти каноны утвердили апелляціи въ Римъ,—что мы охотно допускаемъ, хотя по тексту можно было бы и думать, что временныя смуты были такимъ образомъ улажены лишь въ подлежащемъ дѣлѣ и касательно одного только римскаго епископа Юлія, — то посмотримъ-же, какіе отсюда получатся выводы для папскаго тезиса. Вѣдь папскій тезисъ заключается въ томъ, что римскій епископъ стоитъ выше всѣхъ другихъ не по праву церковной администраціи, а по праву божественному, да притомъ не только въ дѣлахъ церковнаго хозяйства, а въ вопросахъ совѣсти и вѣры!

Эти же каноны являются неопровержимымъ доказательствомъ того, что Сардикійскій Соборъ установилъ впервые то, чего прежде не было. А именно: до Сардикійскаго Собора никто за римскимъ епископомъ не признавалъ права, не только суверенаго опредѣленія вопросовъ вѣры (объ этомъ онъ самъ и во снѣ не мечталъ), но даже простой ревизіи епископскихъ судебныхъ дѣлъ.

Вѣдь слѣдуетъ имѣть въ виду побудительную причину, приведенную Осіемъ, чтобы склонить Соборъ къ принятію такого рѣшенія: почтеніе къ памяти Св. Петра. Эта побудительная причина доказываетъ у западныхъ епископовъ склонность къ превозношенію Рима благодаря тому, что они считали основателемъ этой церкви Святаго Петра, перваго апостола. Притомъ, къ тому времени уже утверждалась совершенно ложная историческая сказка, что Петръ былъ епископомъ въ Римѣ. Мы здѣсь, конечно, не можемъ пускаться въ доказательства того, что вся эта исторія о епископствѣ Св. Петра основана на вымыслѣ. Ни одинъ изъ апостоловъ не былъ епископомъ ни одной помѣстной церкви, да кромѣ того, дѣйствительнымъ основателемъ и организаторомъ римской церкви является не Петръ, а Павелъ, который навѣрно и поставилъ первыхъ двухъ епископовъ, Лина и Клита, въ этомъ городѣ. Ибо извѣстно (изъ Тертулліана, de praescript.), что первый римскій епископъ, получившій рукоположеніе отъ Петра, былъ Климентъ, преемникъ Клита.

Но какъ бы то ни было, въ сознаніи всѣхъ начинала укореняться мысль о римскомъ преемствѣ Святаго Петра. Въ то-же самое время, именно, и начинали пріурочивать къ Церкви имперскую провинціальную организацію, что, конечно, обезпечивало за епископомъ столицы церковное первенство.

Изъ этихъ двухъ комбинированныхъ идей: преемства

Св. Петра и церковнаго первенства, и сформировалась теорія папизма.

Эта трансформація затѣмъ перерабатывалась дальше въ теченіе трехъ вѣковъ. Требовалось не меньше, чтобы перейти отъ чисто церковнаго первенства къ якобы божественной власти. Затѣмъ эта якобы божественная власть перерабатывалась цѣлыхъ десять вѣковъ, чтобы дойти до того положенія, въ которомъ она находится теперь.

Путь отъ первыхъ претензій римскихъ епископовъ, проявлявшихся уже очень рано, до самодержавной непогрѣшимости, былъ очень длинный.

Если бы въ Римѣ не переходили черезъ границы Сардикійскихъ каноновъ, или лучше, если бы не сходили съ той почвы, на которой эти каноны были изданы, никогда бы не было раскола.

Въ томъ то и дѣло, что паписты до такой степени — неосвѣдомлены о томъ, противъ чего именно мы протестуемъ, до такой степени пониманіе ихъ — затемнено, что они приводятъ всевозможныя „доказательства“, въ родѣ Сардикійскихъ каноновъ, чтобы поддержать какія-то сюда вовсе не относящіяся положенія.

Да развѣ мы протестуемъ противъ желательности имѣть правильно и толково организованную высшую церковно-административную власть?! Развѣ такая власть не имѣется въ каждомъ православномъ государствѣ?!

Дай Богъ, чтобы когда нибудь все человѣчество было объединено узами единства и любви, чтобы во Христѣ и Спасителѣ исчезла племенная ненависть, чтобы исчезли всякія вражескія границы! Дай Богъ, чтобы тогда въ объединенномъ человѣчествѣ Церковью управляла одна высшая церковная власть, настоящій вселенскій православный патріархъ, какъ то намѣчалось въ предѣлахъ римскаго государства!

Но въ предѣлахъ римскаго государства, изъ этого начинанія вышла затѣя вполнѣ иного сорта.

Папство съ настоящимъ вселенскимъ церковнымъ патріаршествомъ ничего общаго не имѣетъ. Было бы великолѣпно, если бы первый епископъ каждаго государства считалъ себя исключительнымъ властелиномъ надъ вѣрою и надъ совѣстью своихъ пасомыхъ! И если вмѣсто многихъ народовъ на земномъ шарѣ существовало бы только одно единственное соціально-политическое тѣло, то первый епископъ въ этомъ дѣлѣ, сравнительно, не отличался бы отъ аналогичнаго положенія перваго епископа въ каждомъ государствѣ. И было бы великолѣпно, если бы онъ считалъ себя исключительнымъ намѣстникомъ Божіимъ на землѣ и владыкою всякой вѣры и всякой совѣсти!

Въ этомъ-то именно и заключается папство.

Въ мысляхъ папистовъ царствуетъ бѣдственная немощь: они — не способны понимать, ни что такое вѣра, ни что такое Церковь, ни что такое человѣческая совѣсть, ни что такое церковное пастырство, ни что такое церковная администрація.

Освѣдомляйтесь же объ этомъ сначала! А затѣмъ уже, твердо запомнивъ, въ чемъ именно заключается разница между всѣми этими элементами, приходите съ историческими и иными объясненіями! И тогда вы бы и увидѣли, что мы по существу вовсе не имѣемъ никакихъ основаній отвергать способности епископа города Рима, быть первымъ епископомъ объединеннаго христіанскаго міра. Освѣдомляйтесь сначала, кто именно былъ первоверховный апостолъ Петръ, какую великую идею единства онъ олицетворялъ, прежде нежели предъявлять намъ тексты Св. Писанія, относящіеся къ нему, напутствуя эти тексты объясненіями, ничего общаго не имѣющими ни съ объясненіями святыхъ отцовъ, ни съ церковнымъ преданіемъ вообще!

Первоверховный апостолъ Петръ представлялъ собою символическое единство всего тѣла Христова, именуемаго Церковью, того тѣла, изъ котораго никто, ни въ пользу Римскаго, ни въ пользу какого бы то ни было епископа не исключается. Петръ—символъ *всей* Церкви, а не одного только папы. Петръ *лично* никакого особаго дара Св. Духа не получалъ, котораго не получили бы всѣ апостолы. Но ему одному дано было обѣщаніе того, что было *осуществлено* во всѣхъ. *Такимъ образомъ онъ, Петръ, является символомъ апостольскихъ единства и равенства всѣхъ въ этомъ единствѣ* [1]). Таково ученіе христіанское, таково апостольское преданіе, таково толкованіе святыхъ отцовъ, какъ можно удостовѣриться вездѣ, начиная съ сочиненія Св. Кипріана „о единствѣ Церкви".

Признаете-ли вы, или не признаете, что Св. Писаніе понимается правильно лишь Церковью, а не отдѣльными лицами? Да. Вы это яко-бы признаете. Ибо это именно и является оружіемъ вашимъ противъ протестантовъ. Почему-же тогда вы даете, *отъ себя*, текстамъ Св. Писанія разныя объясненія, ничего общаго съ объясненіями святыхъ отцовъ и съ церковнымъ преданіемъ не имѣющія? Нечего вамъ, по этому, жаловаться на протестантовъ, объясняющихъ Св. Писаніе точно также *отъ себя*. Сія анархія была впервые учинена и введена вами, проте-

[1]) Вотъ какъ выражается, насчетъ единства всѣхъ въ священствѣ одномъ, Бл. Іеронимъ. (Epist. 146 ad Evang. § 1): „Если ты ищешь авторитета, вселенная — больше города („Urbe" т. е. Рима). Вездѣ гдѣ имѣется епископъ, въ Римѣ или въ Евгубіи, въ Константинополѣ или въ Регіи, въ Александріи или въ Танисѣ, заслуга—одна и та же, ибо священство — одно и то-же. Могущество богатствъ или скромность бѣдности не превозносятъ и не унижаютъ епископа: Всѣ они—преемники апостоловъ".—И по этому Церковь Христова зиждится: въ проявленіяхъ безконечности, т. е. въ вѣрѣ—на самомъ Христѣ; а въ проявленіяхъ конечныхъ — на епископахъ. И Петръ (камень) является симоломъ единства всей Церкви въ первомъ случаѣ, и символомъ равенства всѣхъ апостоловъ (епископовъ) въ смыслѣ второмъ.

стантство же является по этому лишь вполнѣ естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ вашего поступка. Мы уже говорили, что вы и протестанты — одинаковаго существа. Протестантство, всѣ секты, затѣмъ духовная анархія и безвѣріе, все это учинено *вами*. На папствѣ зиждится все это, и за все это папство должно будетъ отвѣтить. Вы скажете, что папство имѣетъ и добрыхъ, истинныхъ христіанъ. Это поверхностное возраженіе, противъ котораго никто не споритъ, вовсе не годится. Христіане эти — въ папствѣ, но они — не отъ папства. Современные изувѣры религіозной анархіи, — вотъ истинные плоды отъ папства, и дерево по плодамъ познается. Христіане же ваши — христіане потому, что они душою — отъ Церкви, а не отъ папства. Вашъ смертоносный принципъ въ нихъ участія не имѣетъ. Они принадлежатъ Церкви по участію въ духѣ. Участію въ духѣ! Ибо участія въ тѣлѣ папство ихъ лишило...

И не возражайте намъ указаніями на проявленія анархіи злобы и безвѣрія у насъ! Это было бы вполнѣ безсмысленнымъ, поверхностнымъ отвѣтомъ. Ибо мы вовсе не отрицаемъ существованія у насъ точно тѣхъ-же, какъ и въ папствѣ, причинъ, вызывающихъ анархію, злобу и безвѣріе. Но мы съ Вами вовсе не разсуждаемъ объ обществѣ и о государствѣ, а о Церкви. И причины анархіи у насъ совсѣмъ не лежатъ въ Церкви. Причины эти лежатъ въ мірѣ конечномъ, въ которомъ коренится всякая вообще ненависть. Человѣческіе-же пороки, наши пороки, насаждаются въ конечномъ мірѣ, и отъ нихъ, отъ пороковъ нашихъ — и наша анархія. Эту анархію нашу и вѣдаетъ и старается подавить инстанція конечнаго міра, которую Вы, если хотите, можете называть государствомъ. Мы здѣсь съ Вами не о политикѣ толкуемъ, а потому для насъ теперь совершенно безразлично, есть ли причинная связь между государствомъ и анархіею нашими или нѣтъ. Для насъ,

здѣсь, важно только то, что анархія наша и наше безвѣріе— *не отъ Церкви*, ни прямо, ни косвенно. Ибо Церковь Христова стоитъ безконечно выше всего этого. По этому и видно, что наша анархія никакихъ симптоматическихъ набѣговъ на Церковь не совершаетъ. У васъ же анархическая толпа, первымъ дѣломъ, бросается не на государство, а на церкви и на монастыри, чтобы втоптать въ грязь престолы церковные и все что на нихъ. *Ибо ваша анархія — отъ папства.* И тѣмъ, что папство въ области безконечныхъ идеаловъ установило свой конечный престолъ, тѣмъ оно и возвело анархію въ духовный принципъ. Ибо у васъ человѣчество погибаетъ въ судорожномъ искательствѣ тѣхъ безконечныхъ, потерянныхъ благъ, въ которыхъ, яко-бы отъ имени безконечнаго Бога, ему отказываетъ вашъ конечный престолъ своимъ роковымъ: „Non plus ultra!“ И этимъ папство толкаетъ милліоны отчаянныхъ и обманутыхъ душъ изъ безконечнаго царства во тьму внѣшнюю, въ которой онѣ съ кровавою злобою проклинаютъ похитителя идеаловъ человѣчества, похитителя ихъ вѣры въ безконечнаго Бога. Такое чудовищное преступленіе имѣетъ одну только мѣру: само величіе небесъ...

У насъ же вовсе не то происходитъ. Наша анархія имѣетъ свои корни въ мірѣ конечномъ, въ мірѣ государственности или общественности, гдѣ никто рѣшительно не претендуетъ на принципіальную непогрѣшимость и не предрѣшаетъ узурпаторскою рукою безконечныхъ судебъ человѣчества. По этому и сама анархія наша, и борьба съ нею, пріурочиваются къ конечному матеріальному міру государственнаго или общественнаго управленій, покоящихся въ конечномъ итогѣ лишь на конечныхъ-же правовыхъ понятіяхъ и на матеріальной силѣ, каковыя понятія и каковая сила — весьма измѣнчивы, такъ какъ онѣ не зиждятся ни на какомъ поддѣланномъ

въ свою пользу откровеніи свыше. По этому и нашъ прогрессъ легче берется. Церковь же только учитъ чадъ своихъ повиновенію всякой власти предержащей и молится за всѣхъ, ибо она знаетъ, что любовь и кротость *всѣхъ*, и забвеніе всѣмъ и каждымъ самого себя въ пользу другихъ, явились бы помноженіемъ каждаго индивидуальнаго счастія на многомилліонную любовь, и рѣшеніемъ всякаго соціальнаго или иного спора. И именно зная это, она и учитъ каждаго не брать себѣ своею рукою того, что всѣ другіе должны бы давать ему добровольно во Христѣ. И она, Святая Церковь, Себя ни съ какою правительственною или соціальною системою не отождествляетъ. Ибо всякая такая система, какова бы она ни была, основана на согласованіи себялюбивыхъ правъ, т. е. она принадлежитъ къ явленіямъ конечнаго міра и обречена на конечную смерть. Церковь же не вкуситъ смерти конечной, ибо она не принадлежитъ къ явленіямъ конечнаго міра, будучи основанною *не* на согласованіи эгоизмовъ, какъ папство, а какъ разъ наоборотъ, на самозабвеніи каждаго въ пользу всѣхъ другихъ. Тутъ-то именно и кроется радикальный антагонизмъ конечнаго и безконечнаго міровъ...

Итакъ, наша анархія и наша порочность—не отъ Церкви.

И вотъ почему, уважаемый Пальміери, указанія Ваши на оныя явились бы вполнѣ поверхностнымъ возраженіемъ. Ибо мы говоримъ не о политикѣ, а о Церкви, и такое возраженіе сюда вовсе не относится.

Но вернемся къ Петру и къ значенію этой личности по преданію Церкви.

Ему, Петру, было сказано, чтобы онъ, послѣ своего горькаго троекратнаго паденія, утвердилъ братьевъ своихъ...[1]) т. е.,

[1]) Луки XXII, 31, 32. Петру необходимо было загладить свое троекратное паденіе троекратнымъ-же признаніемъ въ любви. Таково свя-

чтобы единая Церковь знала, что въ ней всѣ, рѣшительно всѣ, должны быть равны въ единой любви, такъ какъ всѣ, безъ исключенія, равно подлежатъ заблужденію, искушенію и паденіямъ. Онъ, Петръ, обозначаетъ какъ разъ противное тому, что вы изъ него сдѣлали [1]). Почему вы, паписты, избираете слова, которыя годятся для васъ только по отрывочности своей? Нѣтъ! Прочтите главу XXII Евангелія Св. Луки отъ стиха 24 до 34 включительно, а не только стихи 31 и 32 этой главы, какъ вы это дѣлаете! Прочтите эти стихи, и вы увидите, что тутъ-же, въ этихъ словахъ Спасителя: „и ты нѣкогда обратившись, утверди братьевъ твоихъ!“, лежитъ наставленіе Петру, обѣщающему съ Іисусомъ идти въ темницу и на смерть (ст. 33), и тутъ-же получающему пророчество Спасителя о своемъ паденіи (ст. 34), тутъ-же, повторяемъ, лежитъ наставленіе ему, Петру, символу единой Церкви, чтобы въ ней никто не возвышался надъ братьями, . . . все это какъ немедленное подтвержденіе того отвѣта, который былъ данъ Христомъ на споръ апостоловъ между собою, возникшій тутъ-же (ст. 24), на тайной-же вечери: *кто изъ нихъ долженъ почитаться бо́льшимъ* . . . „Цари господствуютъ надъ народами, и владѣющіе ими благодѣтелями называются; а вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій. Ибо кто больше: возлежащій или служащій? Не возлежащій-ли? А Я посреди васъ, какъ служащій“. Такъ говорилъ Тотъ, Который тутъ-же умылъ

тоотеческое, церковное толкованіе текста Св. Іоанна XXI, 15 и слѣд. Нынѣшнее римское толкованіе выраженій „овецъ“ и „агнцевъ“ является самовольнымъ вымысломъ, въ пользу котораго нельзя привести изъ святоотеческихъ твореній ни одного единственнаго указанія.

[1]) Вплоть до самой эпохи паденія (IX столѣтіе), нельзя найти ни малѣйшаго указанія на римское фантастическое толкованіе текста Св. Луки.

ноги апостоламъ Своимъ, чего не хотѣлъ допустить тотъ самый Петръ, который является символомъ единой Церкви, за что и получилъ въ отвѣтъ: „Если не умою тебя, не имѣешь части со Мною“. Всякое слово Спасителя къ Петру, т. е. къ Церкви, было направлено къ тому, чтобы предупредить именно ваше бѣдственное паденіе! Онъ, Петръ, остается для Церкви, какъ Спаситель училъ, символомъ апостольскаго равенства въ единствѣ, того именно равенства и того именно единства, которыя вы растерзали и разбили въ пользу одного. *Церкви*, а не епископу римскому, было сказано все то, что было сказано Петру. Онъ — символъ той Церкви единой, которую вы превратили въ поле уничтоженія вѣры, жизни и совѣсти *многихъ*, въ пользу вѣры, жизни и совѣсти *одного*. Такимъ образомъ вы разбили, растерзали, уничтожили равенство и единство, и убили идею Петра. Вы, швыряющіе на каждомъ шагу словами о преемствѣ Петра, лишились его преемства. Вы единство сіе разбили, и усѣвшись на его мѣсто, не принимаете Спасителя, говорящаго: „Если не умою тебя, не имѣешь части со Мною“.

Но каѳедра Петра стоитъ и называется апостольскою Церковью, изъ которой вы себя исключили. Въ Ней и все преемство апостоловъ, въ православномъ епископствѣ. Среди нихъ и Петръ, то есть единство въ равенствѣ всѣхъ, и единство апостольской Церкви въ вѣрѣ одной. Въ немъ, въ Петрѣ, выражается сіе живое единство вѣры, отъ чего вы отказались, поставивъ вѣру *одного* — отдѣльно и выше вѣры *всѣхъ*. Въ послѣдней, по этому, вы больше не участвуете. Ибо вы, поступкомъ вашимъ, убили ее.

И получилось безвѣріе всѣхъ.

Поймите-же теперь, наконецъ, что мы не протестуемъ противъ высшей церковной власти, ни противъ первенства ка-

кого либо іерарха въ кругу опредѣленныхъ паствъ, ни даже противъ первенства какого либо іерарха въ кругу всѣхъ паствъ объединеннаго будущаго человѣчества. Пусть выпадетъ на долю сего іерарха административное начальство, преимущественное вліяніе, представительство объединенныхъ вѣрою и любовью христіанъ.... въ Римѣ ли то будетъ, или въ иномъ мѣстѣ, это — вполнѣ безразлично... Но мы, правда, думаемъ, что на римскомъ престолѣ слишкомъ много накопилось ужасовъ, слишкомъ тяжела его отвѣтственность за насиліе надъ человѣчествомъ и за вѣками пролитую человѣческую кровь, чтобы онъ когда либо могъ очиститься отъ душевнаго своего состоянія и вернуться къ Церкви. Онъ по этому погибнетъ отъ насажденной собственными руками духовной анархіи. Церкви же, вѣроятно, въ будущихъ судьбахъ человѣчества, съ Римомъ считаться не придется.... Впрочемъ, Богъ Одинъ знаетъ, — и велика Его святая милость....

Всѣ же эти Сардикійскіе каноны, какъ мы теперь видимъ, и всякія другія такого рода „доказательства“, всегда и непремѣнно доказываютъ не латинскую путаницу, а твердое и ясное сознаніе Христовой Церковью всѣхъ принциповъ своего существованія на землѣ.

Пальміери говоритъ, что православные „потѣютъ“ („insudant“) надъ униженіемъ достоинства Сардикійскихъ каноновъ о юрисдикціи римской каѳедры.

Дорогой, уважаемый Пальміери: мы вовсе надъ этимъ не потѣемъ. Мы рады были бы, если вы бы хотѣли воспользоваться этимъ даннымъ Риму правомъ, и мы эти каноны, напротивъ, очень почитаемъ. Но мы не видимъ, на какомъ основаніи вы бы въ настоящее время пользовались этими правами, разъ вы отпали отъ Церкви? Вѣдь эти каноны были составлены въ Церкви и для Церкви, изъ которой вы ушли! Вѣдь

согласитесь-же, что каноны въ Церкви не существуютъ для иновѣрцевъ! У насъ эти каноны существуютъ и являются доказательствомъ смерти одного изъ членовъ Церкви Христовой. Такъ они и стоятъ, безъ собственника, какъ „res nullius“. Какое-же Церкви дѣло, въ смыслѣ административномъ, до васъ, до протестантовъ, до буддистовъ, до евреевъ и до магометанъ?!!?

Она только молится за всѣхъ васъ.

На стр. 583 мы читаемъ, что папа Иннокентій I „торжественно („solemniter“) утвердилъ рѣшенія карѳагенскаго и милевскаго Соборовъ 416 года, которые осудили пелагіанскую ересь. Затѣмъ приводится мѣсто изъ письма Иннокентія къ отцамъ этихъ Соборовъ, гдѣ папа настаиваетъ на необходимости сноситься по всѣмъ вѣроисповѣднымъ вопросамъ съ епископомъ римскимъ, для того, чтобы оно могло быть полезнымъ для всѣхъ церквей. Затѣмъ приводится ссылка на извѣстное изреченіе Августина „Inde rescripta venerunt, causa finita est.“ (Обыкновенно паписты передѣлываютъ это на нигдѣ не существующее: „Roma locuta est, causa finita est“). Ссылка эта относится къ упомянутому письму Иннокентія.

Все это — цѣпь совершенно ложно освѣщенныхъ фактовъ.

Прежде всего, ссылка нашего латинскаго автора на „торжественное“ (торжественность эта заключается въ томъ, что Иннокентій написалъ письмо къ отцамъ Собора) осужденіе пелагіанства — не полна. Мы, уважаемый Пальміери, съ позволенія Вашего, дополнимъ Вашу историческую справку и продолжаемъ:

Пелагій, узнавъ, что римскій епископъ Иннокентій его осудилъ, написалъ ему письмо, чтобы обѣлить себя. Но письмо это прибыло въ Римъ лишь послѣ смерти Иннокентія (въ 417 г.) и было передано преемнику его, Зосимѣ. (Aug. De gratia

Christ. c. 30, 31; De peccat. original. c. 17, 22; De gest. Pelag. c. 14; Epist. adv. Pelag.; Cont. Julian. l. 1 c. 13; Zosim. Epist. 2, 3, 8, 12; Prosp. chron. ann. 412, 418; Facund. l. VII. c. 3.). Документы, относящіеся къ пелагіанству, находятся въ сводахъ Соборовъ, преимущественно у Labbe и въ Patrologia latina, Migne).

Зосима зналъ, что его предшественникъ осудилъ Пелагія вмѣстѣ съ африканскими епископами. Но вслѣдствіе письма Пелагія, и особенно вслѣдствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ рекомендацій, Зосима, очевидно не признававшій непогрѣшимости своего предшественника, столь-же „торжественно“, т. е. письмомъ къ осудившимъ Пелагія и его сподвижника Келестія епископамъ, крѣпко поддержалъ Пелагія и выругалъ мало приличнымъ тономъ епископовъ, осмѣлившихся осудить такихъ добрыхъ православныхъ, какъ Пелагія и Келестія. Папа Зосима, видно, не соглашался съ мнѣніемъ Аврелія Пальміери о каѳедральномъ осужденіи пелагіанства со стороны своего предшественника Иннокентія I.

Африканскіе епископы вовсе не были смущены выступленіемъ Зосимы. Аврелій Карѳагенскій и нѣсколько другихъ епископовъ написали Зосимѣ, что дѣло должно оставаться въ принятомъ положеніи, пока епископы, осудившіе Пелагія и Келестія, не соберутся опять на Соборъ. Собрались они въ ноябрѣ того-же 417 года. Всѣ африканскія епархіи послали представителей въ Карѳагенъ. Соборъ состоялъ изъ болѣе 200 епископовъ и являлся полнымъ Соборомъ всей независимой африканской церкви.

На этомъ Соборѣ рѣшенія противъ пелагіанцевъ были подтверждены, совершенно безотносительно къ заступничеству Зосимы за Пелагія. Эти рѣшенія были препровождены Зосимѣ, и африканскіе епископы обратили его вниманіе на то, что онъ

совершенно напрасно обвинилъ ихъ въ скороспѣшности, примѣръ которой онъ подалъ самъ, высказавшись такъ спѣшно противъ рѣшенія собственнаго своего предшественника и цѣлой великой африканской церкви. Вотъ что говорятъ африканскіе епископы:

„Мы приказали, чтобы рѣшеніе, принятое достопамятнымъ епископомъ Иннокентіемъ противъ Пелагія и Келестія оставалось въ силѣ, пока они не исповѣдуютъ ясно, что благодать Іисуса Христа помогаетъ намъ не только къ познанію, но и къ совершенію добра во всѣхъ дѣлахъ нашихъ; такъ что безъ нея мы не можемъ ни имѣть, ни думать, ни говорить, ни дѣлать ничего, что было бы истинно добродѣтельно. Не достаточно, чтобы Келестій сказалъ, вообще, что онъ присоединяется къ письму Иннокентія, онъ долженъ прямо проклинать свои заблужденія“.

Затѣмъ епископы излагаютъ способы, которыми Пелагій ввелъ въ заблужденіе своихъ заступниковъ и самого Зосиму. Они излагаютъ ему все то, что произошло въ Африкѣ по поводу этой ереси и препровождаютъ къ нему акты послѣдняго Собора.

Этотъ Соборъ, стало быть, утвердилъ рѣшеніе Иннокентія, а не Иннокентій, лежащій уже въ могилѣ, утвердилъ рѣшеніе этого Собора. Кромѣ того, Соборъ осудилъ Пелагія именно противъ римскаго епископа Зосимы, заступившагося за еретика.

Въ Римѣ, произнесенное въ Африкѣ осужденіе Пелагія было извѣстно всѣмъ, и православные удивлялись, что Зосима все еще не высказывался противъ еретиковъ. Тогда Зосима, уже сознававшій дѣйствительное значеніе пелагіанской ереси, созвалъ Соборъ въ Римѣ, на которомъ дѣло это еще разъ было разсмотрѣно. Келестій, находившійся въ Римѣ, былъ вызванъ, но онъ не явился. Римскій Соборъ и епископъ Зосима теперь

также осудили Пелагія, о чемъ и были извѣщены всѣ восточныя и западныя церкви. Со всѣхъ сторонъ, въ Египтѣ, въ Константинополѣ, въ Θессалоникахъ, въ Іерусалимѣ, однимъ словомъ, всѣ присоединились къ рѣшеніямъ африканскихъ и римскаго Соборовъ. Правда, что несмотря на это, нѣкоторые епископы продолжали противорѣчить, прося Императора о созваніи вселенскаго Собора. Они обратились къ разнымъ церквамъ: Константинопольской, Θессалоникійской и Ефесской. Но имъ вездѣ отказывали, и ученіе ихъ осуждалось вездѣ. Въ томъ-же смыслѣ высказались и церкви сирійская и киликійская. Много синодовъ, со всѣхъ сторонъ, присоединились къ принятому взгляду. Вскорѣ послѣ того, Пелагій умеръ. Сподвижники его продолжали еще трудиться, чтобы заинтересовать въ свою пользу нѣкоторыя церкви. Но они нашли симпатіи только у Несторія, чье заступничество не принесло имъ никакой пользы, такъ какъ самъ онъ былъ осужденъ на Ефесскомъ Соборѣ, который такимъ образомъ и поставилъ крестъ надъ всѣми дальнѣйшими происками пелагіанцевъ.

Папистамъ всегда мерещатся какіе то юридическіе моменты, лежащіе, по взглядамъ ихъ, въ какомъ нибудь словѣ, сказанномъ когда-то какимъ нибудь опредѣленнымъ римскимъ епископомъ, чтобы затѣмъ пріурочить завершеніе какого-нибудь вѣроисповѣднаго спора къ этому юридическому моменту, представляющему собою своего рода судебный срокъ, и во всякомъ случаѣ имѣющему „обязательное“ судебно-правовое значеніе.

Такого мелочнаго понятія о вѣрѣ никогда не было, и такого рода уничиженія человѣческой совѣсти въ апостольской Церкви нѣтъ.

Этого не было и въ дѣлѣ о пелагіанствѣ. Пелагіанство имѣло противъ себя всѣ церкви. Эта ересь до такой степени противна самому началу христіанства, что она не вылилась

въ настоящую секту. Но мы показали выше, что пелагіанство, или по крайней мѣрѣ полу-пелагіанство, являются сегодня оффиціальнымъ ученіемъ Рима. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Было бы, наоборотъ, странно, если бы это не было такъ. Ибо мы достаточно ясно прослѣдили, какимъ образомъ папство поставило искупленнаго выше Искупителя, и человѣка выше Божества.

Теперь становится также яснымъ, что именно хотѣлъ сказать Блаженный Августинъ приведенными латинскимъ авторомъ словами, обращенными великимъ святителемъ къ пелагіанцамъ: „Inde (т. е. изъ Рима) rescripta venerunt. Causa finita est.“.

Вотъ полный, относящійся сюда текстъ:

„Братья, если вы встрѣтите ихъ (пелагіанцевъ), не укрывайте ихъ. Порицайте ихъ, и если они упрямятся, то приведите ихъ къ намъ. Ибо два Собора уже разсмотрѣли это дѣло, и рѣшенія ихъ были посланы апостольской каѳедрѣ [1]); оттуда были получены письменные отзывы. Дѣло кончено, дай Богъ, чтобы кончилось и заблужденіе“.

Паписты говорятъ, что это выраженіе, „дѣло кончено“, обозначаетъ признаніе Августиномъ юридически завершающей силы писемъ римскаго епископа. Это — простой абсурдъ. Августинъ вовсе не предполагалъ такого рода положеніе, опровергаемое всѣми послѣдующими фактами. Августинъ говорилъ отъ себя, въ смыслѣ разумнаго предположенія, такъ какъ дѣйствительно, послѣ рѣшенія двухъ Соборовъ и римскаго епископа, выражавшихъ осужденіе ереси двумя величайшими церквами Запада, римскою и африканскою, позволительно было смотрѣть на пелагіанство какъ на конченное дѣло. Оно, какъ

[1]) Т. е. въ Римъ. Римъ—единственная западная апостольская каѳедра.

мы видѣли, вовсе еще не было кончено въ дѣйствительности. Но выраженіе Августина просто диктуется пламеннымъ желаніемъ бросить въ лицо пелагіанцамъ рѣшительно все, что имѣлось подъ рукою: „Молчите! дѣло ваше и проиграно и кончено!!“

Да развѣ паписты себѣ воображаютъ, что Августинъ былъ безпристрастною машиною, аппаратомъ, зарегистрировавшимъ своимъ изреченіемъ юридическій моментъ, появившійся на поверхности временъ?!

Августинъ такого юридическаго значенія ни за римскими, ни за какими-либо другими рѣшеніями, вовсе не признавалъ. Вѣдь онъ-же написалъ донатистамъ, осужденнымъ въ Римѣ: „Если вы не признавали добрыми судьями епископовъ, осудившихъ васъ въ Римѣ, вамъ оставалось еще защищать ваше дѣло на полномъ Соборѣ Церкви. Если бы доказано было, что они судили неправильно, рѣшеніе ихъ было бы отмѣнено“ (S. August. Epist. 43, § 19)! Что Вы имѣете сказать, уважаемый Пальміери, на это свидѣтельство Блаженнаго Августина о превосходствѣ Собора надъ папою? Вѣдь вы, кажется, признаете превосходство папы надъ Соборомъ! Тутъ, пожалуй, выйдетъ и то, что съ Викентіемъ Лиринскимъ: мы, православные, придаемъ всему этому преувеличенное значеніе!

Августинъ продолжалъ писать противъ пелагіанцевъ. Когда, послѣ осужденія ихъ на карѳагенскомъ Соборѣ (не на томъ, который былъ „утвержденъ“ Иннокентіемъ, а на томъ, который утвердилъ рѣшеніе Иннокентія противъ его преемника Зосимы), и на Соборѣ римскомъ съ Зосимой, 18 пелагіанскихъ епископовъ съ Юліаномъ во главѣ требовали созванія вселенскаго Собора, Августинъ написалъ имъ: „Ваше дѣло кончено рѣшеніемъ епископовъ сообща. Ничего больше дѣлать не остается, какъ только подчиниться этому рѣшенію, или укро-

тить вашу безпокойную буйность, если вы отъ того отказываетесь“ (S. Aug. Cont. Julian. l. III).

Аргументъ Августина таковъ: Васъ осудили вездѣ, на Востокѣ и на Западѣ. Почему-же вы еще хотите, чтобы вами занимался вселенскій Соборъ? Вѣдь всѣ церкви вполнѣ соглашаются на счетъ вашей ереси!

Этотъ православный аргументъ великаго святителя продолжаетъ быть критеріемъ Церкви и можетъ очень часто быть предъявляемъ какъ отвѣтъ на вопросы о томъ, почему вселенскіе Соборы въ текущей эпохѣ не созываются.

Когда пелагіанцы отвѣтили Августину, ссылаясь на благопріятное для нихъ рѣшеніе римскаго епископа Зосимы, преемника Иннокентія, Иппонскій святитель отписался фразою, которую слѣдовало бы каждому паписту выучить наизусть; „Если римская церковь рѣшила, какъ вы говорите, то изъ этого слѣдовало бы только, что духовенство Рима было бы виновно въ предательствѣ“ (S. August. Epist. Pelag lib. 11, c. 2 § 5).

Понимаете-ли Вы наконецъ, уважаемый Пальміери, какого мнѣнія придерживался Бл. Августинъ касательно римскаго престола, или Вы, развѣ, этого понимать не хотите? Вѣдь Вы, кажется, гдѣ-то въ Вашемъ трудѣ заступаетесь за римскаго писателя, говорящаго намъ, что если папа бы опредѣлилъ, что ложь есть истина и что порокъ есть добродѣтель, то мы были бы обязаны повѣрить этому подъ страхомъ грѣха противъ совѣсти! (противъ совѣсти—превосходно! Руки опускаются при видѣ того, какъ на бѣломъ свѣтѣ приходится брать въ серьезъ такія вещи, да еще заниматься ими!).

Ну, а какъ на этотъ счетъ Блаженный Августинъ?

Вообще, что продѣлали паписты съ Блаженнымъ Августиномъ, этого и представить себя нельзя. Они его передѣлы-

ваютъ, урѣзываютъ, жонглируютъ его изрѣченіями, перефразируя всѣ его выраженія, чтобы выстроить изъ этого цѣлую фантастическую систему [1]), которую затѣмъ на добрую вѣру принимаютъ не только латинскіе семинаристы, но и серьезные писатели, въ родѣ самого Пальміери. Паписты добились того, что даже мы стали смотрѣть на этого великаго православнаго святителя съ извѣстною предосторожностью.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о приведенныхъ выраженіяхъ Иннокентія I, сказавшаго африканскимъ епископамъ, что они совершенно правильно передали свои рѣшенія римской каѳедрѣ, для того, чтобы польза отъ этого получилась для всей Церкви.

Что-же тутъ особеннаго?! Развѣ мы не знаемъ, что римскій епископъ былъ своего рода посредникомъ между Востокомъ и Западомъ, и что въ Римѣ обрисовывалась та высшая церковно-административная, центральная власть, которая по совершенно толковымъ понятіямъ имѣетъ свое пребываніе въ столицѣ каждаго государства?! Папство же къ этому никакого отношенія не имѣетъ, и для него указанный государственно-историческій факторъ явился только удобнѣйшимъ обстоятельствомъ, чтобы поддѣлаться подъ него. Папство сформировалось только предательствомъ Христовыхъ истинъ въ пользу эгоизма, политики и властолюбія. Такимъ образомъ вопросы вѣры были по характеру включены въ предметы церковно-правительственнаго вѣдѣнія, гдѣ и остались, послѣ вѣковой борьбы, въ рукахъ безграничнаго произвола. И получилась римская духовная анархія, гдѣ все божественное погибло въ

[1]) Самою безсовѣстною изъ всѣхъ фальсификацій, въ этомъ отношеніи, является то, что преподается о сочиненіяхъ Бл. Августина въ многотомной Церковной Исторіи аббата Дарра. (abbé Darras, Histoire de l'Eglise, 1876).

морѣ матеріальныхъ дрязгъ. И эта трагическая путаница называется папствомъ.

Затѣмъ, Пальміери переходитъ къ Трульскому Собору.

Этотъ Соборъ возбуждаетъ негодованіе нашего автора. Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ напрасныя ссылки, приводимыя о „буйномъ“ характерѣ трульскихъ каноновъ изъ сочиненія Питра. Эти фразы даже отвѣта никакого не заслуживаютъ, такъ какъ онѣ обнаруживаютъ только легкомысліе. Мало ли, сколько томовъ мы могли бы наполнить обвиненіями въ буйности и даже въ непарламентарномъ характерѣ папскихъ рѣшеній, декретовъ, буллъ и т. п.! Такъ что на этотъ счетъ мы ничего не скажемъ, какъ только то, что эти 102 трульскихъ каноновъ, напротивъ того, являются, очень и очень даже толковою и спокойною систематизаціею разбросанныхъ по всѣмъ источникамъ древнихъ дисциплинарныхъ нормъ.

Позвольте затѣмъ, уважаемый Пальміери, сказать Вамъ, что все то, что Вы говорите на стран. 590 противъ соборности этихъ каноновъ и противъ вселенскости Трульскаго Собора, является абсолютно праздным споромъ. Вы говорите, что Римъ этихъ рѣшеній никогда не принималъ, и что по этому Соборъ этотъ лишенъ вселенскости.

Мы охотно допускаемъ, что пока вы находились въ Церкви, онъ вселенскости не имѣлъ, такъ какъ вы не принимали этихъ рѣшеній. Ваше же принятіе ихъ было для вселенскости столь же необходимо, какъ и всякой полноправной единицы въ Церкви. Но вѣдь вы ушли изъ Церкви и больше въ ней не состоите! Вѣдь въ Церкви какъ разъ остались тѣ, кто принялъ Трульскія рѣшенія! Такъ что-же?! Значитъ, послѣ вашего ухода онъ и сталъ вселенскимъ, и больше ничего. Развѣ мы съ

Вами о словахъ споримъ? Итакъ, если Соборъ этотъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не именуется вселенскимъ, то это— вполнѣ правильно. И если его называютъ вселенскимъ послѣ раскола, то это — тоже правильно.

Что же касается приведеннаго Вами утвержденія Питра, что Трульскій Соборъ состоялся безъ участія прочихъ патріарховъ, то позвольте сказать Вамъ, что Питра Васъ обманулъ, а Вы повѣрили. Соборъ состоялъ изъ 211 епископовъ съ четырьмя патріархами во главѣ. Ибо на немъ присутствовали, вмѣстѣ съ патріархомъ Павломъ Константинопольскимъ, и патріархи Петръ Александрійскій, Анастасій Іерусалимскій и Георгій Антіохійскій (такъ: въ Дѣяніяхъ вселенскихъ Соборовъ, по русскому переводу т. VI., Казань 1882 г. стр. 312, въ подлинникѣ въ соотвѣтствующемъ томѣ у Mansi, Sacrorum Conciliorum Collectio, въ подписяхъ подъ правилами, и у Labbe, изд. Florentiae MDCCLXV t. XI pag. 987). Даже ваши римскіе представители присутствовали, хотя это не были спеціальные посланцы, а постоянные легаты при Императорѣ. Они правда, актовъ не подписали.

Пусть по Вашему, стало быть, этотъ Соборъ, въ то время, былъ Соборомъ помѣстнымъ, изъ за вашего неприсоединенія къ нему. Но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ Соборомъ помѣстнымъ очень широкихъ размѣровъ, хотя и помѣстнымъ, по Вашему. Пусть будетъ такъ!

Что-же?! Въ чемъ же, собственно говоря, заключалась дѣятельность этого Собора? Въ изданіи каноновъ. Стало быть, онъ занимался, исключительно, одною только церковною дисциплиною, въ которой, какъ Вы вѣроятно знаете, каждая помѣстная церковь, съ самаго начала, являлась собственнымъ хозяиномъ, то есть законодательницею,—чего именно не было

и не можетъ быть въ вопросахъ вѣры. И по этому, именно, различія въ дисциплинѣ не составляютъ фундаментальнаго момента разногласій между церквами. Этимъ, конечно, не исключается желательность объединенія всѣхъ членовъ Церкви также въ вопросахъ дисциплинарныхъ, по взаимному согласію.

Итакъ, если Вы признаете такое положеніе, то Вы должны также признать, что по этимъ вопросамъ Трульскій Соборъ былъ хозяиномъ у себя. А если онъ былъ хозяиномъ у себя, то и каноны его слѣдуетъ считать законными въ этихъ церквахъ, безотносительно къ присоединенію или неприсоединенію Рима. Чего Вы еще хотите?

Какое-же значеніе имѣетъ присоединеніе или неприсоединеніе какой-либо помѣстной церкви, Рима ли или другой, къ канонамъ какого либо Собора? Просто на просто то значеніе, которое вытекаетъ изъ законной свободы каждой церкви вводить эти каноны или не вводить ихъ у себя.

Такимъ образомъ, присоединеніе или неприсоединеніе, относятся только къ тому, который присоединяется или не присоединяется.

По этому и Римъ имѣлъ право, не менѣе полное, чѣмъ церкви, согласившіяся на Трульскомъ Соборѣ, ввести эти каноны, или не ввести ихъ въ своихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, принятіе Трульскихъ каноновъ согласившимися на Соборѣ церквами, и непринятіе ихъ Римомъ, являются одинаково правомѣрными поступками. И то же самое слѣдуетъ сказать вообще о всѣхъ дисциплинарныхъ и административныхъ канонахъ, по которымъ существовало разногласіе между Востокомъ и Западомъ, въ частности же о 28 канонѣ Халкедонскаго Собора, котораго Римъ не признавалъ теоретически, хотя и практически принималъ его.

Мы говоримъ, на этотъ разъ, о правахъ и обязанностяхъ,

такъ какъ мы разбираемъ тѣ земныя юридическія нормы, въ которыхъ Церковь участвуетъ по земному, матеріальному своему существованію.

До сихъ поръ — вопросъ о правѣ.

Но Церковь не была бы Церковью Христовой на землѣ, если бы она не облагораживала этимъ правовыхъ понятій посредствомъ любви. Любовь же приводитъ каждаго отдѣльнаго члена искать, даже въ вопросахъ дисциплинарныхъ, согласія братьевъ своихъ и не вводить, безъ абсолютно важныхъ историческихъ причинъ, какихъ либо дисциплинарныхъ новшествъ, могущихъ быть соблазномъ для непонимающихъ истиннаго смысла ихъ, братьевъ.

Каково же было на этотъ счетъ поведеніе Рима?

Римъ гордо и нелюбовно стоялъ на юридическомъ правѣ своемъ и то и дѣлалъ, что въ теченіе вѣковъ не оставлялъ нетронутымъ ни одного обычая, ни одного дисциплинарнаго положенія, глумясь надъ любовью братьевъ, стоящихъ на апостольскомъ преданіи, держашихся древнихъ обычаевъ, древней дисциплины, и смотрящихъ на самодержавныя римскія новшества съ болью и съ возмущеніемъ, основательно ли или безъ основанія.

Но горе тому, отъ котораго соблазны исходятъ!

Это глумленіе надъ братьями, надъ любовью, надъ Христомъ, завершилось гнуснымъ братоубійствомъ, послѣ ряда пощечинъ и оскорбленій...

Да, братья, мы *ненавидимъ* ваше движущее начало, которое оторвало васъ отъ нашей стороны! Ибо мы васъ *любимъ!* Любимъ васъ всею несносною горечью понесенной потери, всѣмъ отчаяніемъ отъ постигшаго васъ трижды проклятаго несчастія!! И потому мы ненавидимъ то начало, ненавидимъ его глубоко, роковою и непримиримою ненавистью . . . .

ибо начало это—никто иной какъ онъ самъ, вашъ похититель, хитрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей, искуситель и врагъ человѣчества съ сотворенія міровъ...

Вернемся къ Трульскому Собору.

Мы сказали, что Римъ не принялъ этихъ каноновъ, что и было его законнымъ правомъ.

И тутъ является вопросъ: почему именно, по закону согласія и любви, слѣдовало бы скорѣе Риму присоединиться къ канонамъ церквей, согласившихся на Трульскомъ Соборѣ, чѣмъ этимъ церквамъ присоединиться къ римской дисциплинѣ?

Да просто потому, что каноны Трульскаго Собора и вообще вся дисциплина этихъ церквей стояли на почвѣ апостольскаго преданія. Эти церкви никогда не удалялись отъ этой почвы, и каноны эти, во всемъ, сообразовались со старыми обычаями, освященными временемъ и любовнымъ согласіемъ. Напротивъ же стоялъ Римъ, съ цѣлою системою на собственный счетъ и по собственному, хотя и законному праву введенныхъ дисциплинарныхъ новшествъ [1]).

Эта причина дѣлаетъ ненужнымъ всякое иное объясненіе. И спорить противъ точной истины этого положенія могутъ только невѣжды или люди недобросовѣстные.

Итакъ, по законному праву, каждый могъ стоять на своемъ. Это признавали всѣ, и по этому общеніе между Римомъ и Востокомъ, принявшимъ Трульскія правила, продолжало существовать.

Но по закону любви, т. е. истиннаго духовнаго принципа Христовой Церкви, дѣло обстояло уже иначе. И въ этомъ смыслѣ

---

[1]) Римскія новшества вызывали сильнѣйшіе протесты и на Западѣ. (см. Agobard. adv. Leg. Gondob.—Агобардъ, архіепископъ Ліонскій, въ IX вѣкѣ энергично выступилъ на защиту древней дисциплины. Римляне со своими нововведеніями названы у него „Neotenici romani.“).

правъ тотъ невѣжественный . . . . . или недобросовѣстный писатель, который приводится Пальміери на стран. 591, говорящій, что съ того момента „расколъ уже лежитъ въ корнѣ“ („iam schisma a radicibus haeret“). Этотъ невѣжда, разъ уже обманувшій нашего бѣднаго латинскаго автора по поводу присутствія восточныхъ патріарховъ на Трульскомъ Соборѣ, говоритъ, что причиною нарождающагося раскола явилось принятое Трульскимъ Соборомъ постановленіе, что гражданская власть яко-бы пользуется правомъ каноническаго законодательства. Мы прочли, внимательно, всѣ 102 канона Трульскаго Собора и пока еще не уяснили себѣ, откуда взялъ подобное свѣдѣніе этотъ . . . . . какъ бы это сказать . . . будемъ снисходительны, и скажемъ просто — этотъ невѣжда. Но насъ очень удивляетъ, что Пальміери удостоилъ невѣжду ссылкой. Тотъ-же невѣжда говоритъ, и Пальміери на стран. 590 повторяетъ, что Трульскій Соборъ принялъ постановленія того карѳагенскаго Собора, созваннаго Кипріаномъ, на которомъ отвергаются Никейскій декретъ о Пасхѣ, исповѣданіе символа о единомъ крещеніи, и наносится открытая обида Риму.

Бѣдный Кипріанъ! Онъ, стало быть, является причиною того, что Церковь неправильно празднуетъ Св. Пасху . . . (кто позволяетъ себѣ смѣяться?!), что Церковь считаетъ повторительное крещеніе еретиковъ вопросомъ дисциплинарнымъ (см. нашъ разборъ этого вопроса выше), и что Церковь считаетъ богохульнымъ притязаніе какого бы то ни было іерарха, стать епископомъ епископовъ и принуждать другихъ къ послушанію посредствомъ тиранническаго страха. Бѣдный папа Григорій Святой, протестовавшій даже противъ невиннаго титула „вселенскаго“, какъ для епископа Константинополя, такъ и для Римскаго!

На стран. 592 имѣется ссылка на Гергенретера (Hergenröther), составителя бутафорской церковной исторіи, котораго мы уже разъ поймали въ мистификаціи (какіе водятся ученые на бѣломъ свѣтѣ!). Этотъ мыслитель открылъ („exploratum est"), что папа Іоаннъ VIII отказалъ въ присоединеніи своемъ къ Соборнымъ рѣшеніямъ 879 года и проклялъ Фотія. Мы показали выше, какъ обстоитъ это дѣло.

На той-же страницѣ Пальміери говоритъ, что православные дошли до такой дерзости, что даже не признаютъ восьмого вселенскаго Собора 869 года!!

Это, какъ помнится, та жалкая комедія, которую въ 869 г. инсценировали 18 епископовъ съ папскими легатами да съ субъектами, которыхъ отсутствующіе патріархи прокляли за самовольное присвоеніе представительства. Акты этого „Собора", какъ помнится, имѣются въ переводѣ, по свидѣтельству Анастасія библіотекаря.

Что-же Вы хотите! Такіе мы ужъ дерзкіе люди. Простите намъ сіе!

Засимъ слѣдуетъ панегирика римской теоріи о помѣстныхъ Соборахъ, которая, разумѣется, сводится къ тому, что безъ авторитета нѣтъ и соборнаго начала. Мы уже знаемъ, какъ отнестись къ этимъ размышленіямъ.

На той-же страницѣ Пальміери говоритъ, что тотъ Россійскій церковный Соборъ, о которомъ столько говорили въ 1905—1907 годахъ, не состоялся потому, что яко-бы отсутствовала та власть, которая созываетъ Соборы.

Да вѣдь это — нелѣпость. Ибо, во-первыхъ, этотъ Соборъ не былъ бы первымъ помѣстнымъ Соборомъ, созваннымъ безъ

участія „той власти, которая созываетъ Соборы“ (читай „безъ папы“). А во-вторыхъ, въ Церкви созываетъ Соборы всякій, кто имѣетъ сію фактическую возможность, и кому удается склонить всеобщее мнѣніе къ такому шагу. Вселенскіе Соборы были созываемыми Императорами, и мы хотѣли бы знать, полагаетъ ли Пальміери, что Россійскій Соборъ не состоялся бы даже въ томъ случаѣ, если бы Русскій Царь, или какой нибудь вліятельнѣйшій членъ русской помѣстной церкви серьезно вздумали побудить Россійскую церковь къ Собору, или же наконецъ, если бы на этомъ настоялъ Святѣйшій Синодъ?

На стран. 595 латинскій авторъ восклицаетъ: „Въ чемъ же, слѣдовательно, заключается то соборное начало, которое, будучи уничтоженнымъ въ католической церкви, въ ней созвало столько Соборовъ, и которое, постоянно дѣйствуя въ православныхъ церквахъ, при невозможности быть уничтоженнымъ въ нихъ, страдало и страдаетъ такимъ бездѣйствіемъ?“

Очень просто. То начало, которое въ папствѣ созываетъ „столько“ собраній (сіе слово „столько“ является натяжкою, ибо мы вовсе не видимъ такого преизбытка латинскихъ Соборовъ въ сравненіи съ нами), вовсе не является началомъ соборнымъ, какъ мы уже видѣли. Начало соборное въ сію эпоху не такъ уже часто бываетъ поставлено въ необходимость заявить о себѣ посредствомъ матеріальныхъ съѣздовъ. Думаете-ли Вы, что данныя человѣческою цивилизаціею средства постояннаго идейнаго общенія людей между собою и безпрепятственность ознакомленія съ мыслями даже отдаленныхъ братьевъ, не имѣютъ вліянія на выборъ Церковью способовъ удостовѣренія своего соборнаго согласія? Мы *живемъ*, уважаемый Пальміери, а мертвыми являетесь вы. Къ тому-же, всякіе способы проявленія соборнаго начала диктуются любовностью и

собственною доброю волею каждаго, что въ свою очередь предполагаетъ подчиненіе личныхъ страстей подъ свободное сознаніе церковнаго блага. Въ этомъ ничего сходнаго со сложившимися понятіями о государственности—нѣтъ. Какъ только этотъ церковный принципъ переливается, какъ то случилось въ Римѣ, въ правильно, легко и субординаціонно дѣйствующій государственный механизмъ, то и кончено съ принципомъ соборности, именно всецѣло построенной на томъ, что каждый дѣлаетъ свое дѣло не по принужденію, а по свободному желанію и по любви. По этому именно появленіе авторитета надъ совѣстью обозначаетъ смерть соборнаго начала. И когда паписты говорятъ, что отъ такой свободы каждый пойдетъ своими путями, зданіе же Церкви должно развалиться, то мы отвѣчаемъ, что это дѣйствительно вполнѣ правильно по человѣческимъ расчетамъ. А по премудрости Божіей, дѣйствующей въ Церкви, этого никогда не будетъ и быть не можетъ, ибо свобода сія, наша свобода, есть Самъ Христосъ. Въ это можно только вѣровать или не вѣровать. Логически оно не доказывается и разумомъ человѣческимъ не познается. Установленіе же вѣроисповѣднаго авторитета является по этому именно отказомъ отъ вѣры въ сію жизненную Божію благодать и въ неизмѣнное пребываніе среди насъ Самого Христа. Нечего папистамъ *вѣровать* въ Святую Церковь. Ибо они имѣютъ раціонально доказанный авторитетъ, замѣнившій Христову свободную благодать, и узаконившій принципъ горделиваго раціонализма.

По этому, авторитетъ этотъ и подлежитъ уничтоженію судомъ Божіимъ, проявляющимся въ политическихъ и соціальныхъ переворотахъ.

На стран. 595 — 612 Пальміери разбираетъ помѣстные Соборы русской церкви, съ самаго начала русской исторіи.

Онъ, конечно, не пропускаетъ и не прощаетъ намъ никакихъ погрѣшностей. Но такъ какъ, въ Церкви, всѣ вмѣстѣ имѣютъ то, чѣмъ въ отдѣльности не обладаетъ никто, то погрѣшности эти, съ точки зрѣнія Церкви, насъ не смущаютъ. Это — погрѣшности русской помѣстной церкви, которая вѣдь тоже, лично за себя, никакихъ притязаній не имѣетъ на непогрѣшимость!

О, конечно, мы русскіе, глубоко повинны въ отсутствіи церковнаго рвенія. Больше того. Мы русскіе, вообще, вовсе не сознаемъ, къ чему мы здѣсь, собственно говоря, существуемъ, и каково наше историческое призваніе на землѣ!

Пусть будетъ позволено русскому человѣку, сыну русской церкви, излить сердце свое въ немногихъ словахъ!

По непостижимому провидѣнію Божіему, Церковь Христова продолжала, послѣ паденія Запада, земное Свое существованіе въ восточной части греко-римскаго міра. Западъ пошелъ своими путями, и его гордый человѣческій разумъ, отказавшійся отъ благодати, въ теченіе многихъ вѣковъ перерабатывалъ унаслѣдованный имъ интеллектуальный капиталъ древней культуры, орошавшей безпокойные нравы варварскихъ народовъ и вылившейся наконецъ въ тотъ общій итогъ, который называется современною европейскою цивилизаціею. Преимущественно *интеллектуальное* величіе этой цивилизаціи, безъ всякаго сомнѣнія, покоится именно на томъ самочувствіи человѣческаго всемогущества, которое изъ Рима языческаго перелилось въ сознаніе западныхъ народовъ, благодаря папству, которое согласилось быть преемникомъ, проповѣдникомъ и воспитателемъ этого чувства у народовъ, покоренныхъ подъ его нравственный авторитетъ.

Только вполнѣ поверхностное, не вникающее ни въ какія глубины умствованіе можетъ предполагать, что принципъ нравственнаго единовластія, будучи провозглашеннымъ какъ аттри-

бутъ одного человѣка, такъ и останется, въ соціальномъ своемъ выраженіи, пріуроченнымъ къ этому человѣку.

Христіанская совѣсть, пришествіемъ Спасителя, была возведена въ безконечность, именуемую царствомъ небеснымъ. Установленіе человѣческаго единовластія въ этой области, среди надѣленныхъ христіанскою совѣстью народовъ, проистекаетъ отъ принципа духовнаго безпорядка—тысяча разъ повторяемъ. И безпорядокъ сей, среди *этихъ* именно народовъ, неминуемо долженъ перелиться изъ духовной сферы во всѣ соціальныя и иныя явленія. Будучи возведеннымъ въ сферу безконечности, онъ оттуда будетъ, по истеченіи извѣстнаго срока, необходимаго для этого психологическаго процесса, отражаться на области конечной, гдѣ одно только подобающее мѣсто всякому законному авторитету. И принципъ духовнаго безпорядка, отражаясь на мірѣ конечномъ, вызоветъ противъ законнаго авторитета этого міра крамолу. Переходя изъ одной области въ другую, онъ затѣмъ расшатываетъ устои общественности и разрушаетъ семью. Въ дальнѣйшей своей эволюціи онъ уже заражаетъ весь законный правопорядокъ и пристраиваясь къ экономической жизни, расплывается въ повальной анархіи.

И это потому, что авторитетъ, выражающій *на мѣстѣ своемъ* принципъ порядка, *на мѣстѣ другомъ* выражаетъ какъ разъ противное, вслѣдствіе чего онъ и погибаетъ отъ насажденной собственной анархіи. И чѣмъ выше онъ святотатственно превознесъ себя въ міръ безконечныхъ началъ, чтобы тамъ утвердить себя и безпорядокъ свой, какъ то сдѣлало папство, тѣмъ ужаснѣе будетъ паденіе, тѣмъ неслыханнѣе будетъ анархія, тѣмъ безобразнѣе повальная ненависть и кровавый конецъ. Вотъ гдѣ лежитъ оправданіе христіанскаго понятія о свободѣ человѣческой совѣсти. Все это коренится въ мірѣ, стоящемъ неизмѣримо выше того кругозора, въ которомъ

вращаются наши близорукія мѣропріятія. И если мы по этому, близорукими мѣропріятіями нашими, подчасъ и не допускаемъ насажденнаго нами-же принципа анархіи къ непріятному для общественнаго строя выраженію, то мы этимъ-же самымъ только приготовляемъ ему путь къ другому проявленію, гораздо болѣе еще непріятному, чего мы бы тамъ ни сдѣлали. Это именно и есть превосходство духа надъ матеріей въ соціальной жизни. Духовный безпорядокъ дѣлаетъ тщетными всякія усилія въ пользу порядка матеріальнаго, и никакая физическая сила не можетъ устоять противъ напора идей. Идея же безпорядка побѣждается лишь идеею другой, обратною, болѣе возвышенною, а потому и болѣе сильною: идеею порядка, которая именно и заключается въ томъ, что каждый факторъ имѣетъ *свое подобающее мѣсто*.

Для правильнаго сужденія о причинности событій слѣдуетъ обращаться къ духовному міру, т. е. къ началамъ. И мы неоднократно повторяли въ этомъ трудѣ, что началомъ папства является раціоналистическое и правовое себялюбіе, выражающееся въ нравственномъ самоуправствѣ одного человѣка надъ другими.

Провѣряя теперь наши выводы на соціологіи папства, мы можемъ удостовѣриться въ непреложной истинѣ вышеприведенныхъ положеній.

Принципъ духовной анархіи, пріуроченный къ римскому епископу, оттуда перелился въ сознаніе всѣхъ народовъ. Онъ въ теченіе столѣтій переродился въ нравственную анархію цѣлыхъ поколѣній и въ послѣдующихъ судьбахъ своихъ перешелъ и въ самую матерію соціальной жизни, гдѣ и занимается повальнымъ отрицаніемъ всего существующаго, истребленіемъ идеаловъ, покореніемъ духа подъ матеріальное иго и обоготвореніемъ всякаго эгоизма.

Таковъ путь чисто интеллектуальнаго величія, самовластно возвышающагося надъ завѣтомъ любви посредствомъ того авторитета, который устранилъ всѣхъ, въ пользу одного, отъ участія во Христѣ.

Конечно, мы не входимъ въ детальный процессъ этого историческаго развитія западной цивилизаціи и оставляемъ въ сторонѣ тѣ революціи и реакціи, которыя, на подобіе процессу химическому, породили властвующую нынѣ надъ міромъ матеріально-интеллектуальную культуру Европы. Для насъ достаточно знать, что главнымъ, первымъ факторомъ этой культуры былъ папскій Римъ, вліявшій на нее либо положительными, либо отрицательными путями: это — вполнѣ безразлично, такъ какъ духовные принципы вовсе не пріурочиваются къ одному лишь способу своего проявленія. Римъ является первымъ источникомъ этой культуры, какъ великихъ ея благъ, такъ и ужасныхъ ея недостатковъ. Но какъ бы то ни было, Римъ исполнилъ свое историческое призваніе и выработалъ тотъ важный элементъ матеріальной, гордой, чисто интеллектуальной культуры, культуры матеріализма и матеріальныхъ силъ, являющихся абсолютно необходимымъ факторомъ для здороваго *тѣла* будущаго, возрожденнаго человѣчества.

Но этотъ факторъ, берущій силу свою изъ физическаго источника отрицанія духа въ пользу матеріи, отрицанія неба въ пользу земли, отрицанія Создателя въ пользу созданія, отрицанія Христа въ пользу себя самого, — этотъ факторъ, повторяемъ, нуждается въ дополненіи, въ той именно связи небесной, которая одна способна влить новую и неугасимую жизнь въ то тѣло, которое безъ этого, отринутаго имъ нѣкогда духовнаго начала, быстро шагаетъ къ своему разложенію. Вѣдь теперь становится вполнѣ ясно, почему именно наиболѣе выдающіеся умы западной, *чисто интеллектуаль-*

ной культуры, основанной именно на воспитаніи одной только стороны человѣческаго совершенства, вращаются по необходимости въ отрицаніи всего, что превосходитъ слабыя силы человѣческаго разума, признаваемаго ими какъ единственное мѣрило. Они стоятъ на человѣческомъ разумѣ и не могутъ даже и понять, что разумъ вовсе не является единственною высшею способностью человѣческаго существа. Разумъ самъ ничего живого не производитъ. Онъ получаетъ жизнь свою изъ иныхъ источниковъ и призывается къ пріурочиванію и къ вырабатыванію получаемыхъ вдохновеній.

Но западныхъ раціоналистовъ упрекать нельзя. Они просто не имѣютъ другихъ органовъ духовнаго зрѣнія . . . лучше, они ихъ не признаютъ и принципіально пренебрегаютъ ими.

Если, однако, западные раціоналисты имѣютъ по праву этотъ исключительно имъ принадлежащій, имъ навязанный и ими по необходимости выработанный кругозоръ, то восточные, доморощенные наши раціоналисты, берущіе въ безсмысленномъ подражаніи какъ добро, такъ и всякое зло отъ этихъ культурныхъ образцовъ, за то именно и лишены всякаго ума и всякаго разума, что разумъ свой, по примѣру этихъ культурныхъ образцовъ, ставятъ выше всего. Одно и то же дѣйствіе: въ первомъ случаѣ разумное и логичное, во второмъ— вполнѣ неосмысленное!“ Это именно и слѣдовало бы понимать доморощеннымъ раціоналистамъ, очень гордящимся своею „сознательною“ интеллектуальною „независимостью“, и тѣмъ, что они, дескать, тоже не дураки, и тоже дослужились до „горизонтовъ“. Это, конечно, ничто иное, какъ именно полное отсутствіе горизонта, и вполнѣ невѣжественное непониманіе всякихъ высшихъ принциповъ, орудующихъ въ человѣчествѣ.

Когда Императоръ Константинъ, по волѣ Божіей, перевелъ столицу своей Имперіи въ Константинополь, онъ не продпола-

галъ, какую великую службу онъ удостоился сослужить человѣчеству. Ибо скрытымъ смысломъ этого поступка явилось удаленіе Христовой Церкви отъ Римскихъ путей, намѣченныхъ въ общемъ планѣ человѣческаго домостроительства.

Но этого еще не достаточно.

Когда восточный міръ былъ наводненъ, 1000 лѣтъ спустя, иноплеменнымъ нашествіемъ, то умирающій Царьградъ подалъ на прощаніе руку готовому уже къ новой жизни, но лежащему въ духовной темнотѣ Западу, и этимъ прощаніемъ онъ озарилъ пробужденіе современной Европы... эти обстоятельства — извѣстны, — то было въ 1453 году.

Невидимою сѣтью лежатъ подъ матеріальными фактами исторіи соединяющія все человѣчество въ одну братію нити, и истинно премудры пути Провидѣнія!

Дальнѣйшая жизненная судьба Христовой Церкви своевременно была наведена на другую, крѣпкую опору. Въ Мысли правящей судьбами человѣчества и держащей этотъ залогъ въ сторонѣ отъ процесса европейскаго соціальнаго развитія, обрисовывалось призваніе народа русскаго на землѣ. Онъ и является преемникомъ того другого клада, который умирающій Царьградъ, отъ имени всего христіанскаго Востока, передалъ въ его руки, залога всего будущаго счастія человѣчества, ключей того храма, который нѣкогда объединитъ въ благодатномъ согласіи всѣхъ свободныхъ послѣдователей Христа.

ОТЪ ТОГО, ЧТО ИМЕННО СДѢЛАЕТЪ РУССКІЙ НАРОДЪ СЪ ЭТИМЪ ЗАЛОГОМЪ, ОТЪ ТОГО И ЗАВИСИТЪ ЕГО СУДЬБА, ИБО ТАКОВО ЕГО ПРИЗВАНІЕ, ДЛЯ ЭТОГО ОНЪ БЫЛЪ ИЗБРАНЪ, И ЕСЛИ ОНЪ ОТЪ ЭТОГО ПРИЗВАНІЯ СВОЕГО ОТКАЖЕТСЯ, ТО БУДЕТЪ ВЫБРОШЕНЪ ЗА БОРТЪ КАКЪ НЕГОДНОЕ ОРУДІЕ БОЖЕСТВЕННАГО ПРОМЫСЛА.

СІЯ ЕСТЬ ПРАВДА ТВОЯ, РУССКІЙ НАРОДЪ!

О, ЕСЛИ БЫ ЭТО СОЗНАНІЕ ИСТОРИЧЕСКАГО ДОЛГА ПРОНИКЛО ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ ВСЯКАГО РУССКАГО. О ЕСЛИ БЫ ОНО УКОРЕНИЛОСЬ ТАМЪ И СДѢЛАЛОСЬ БЫ ОДНОЗНАЧУЩИМЪ ЧУВСТВОМЪ РУССКАГО ПАТРІОТИЗМА!..

По этому и русская государственная власть, вѣдающая судьбу и будущность своего народа, имѣетъ, по патріотическому долгу своему, великую обязанность предъ Церковью, т. е. передъ Христомъ.

Эта обязанность заключается въ томъ, чтобы не оказывать Христовой Церкви медвѣжьихъ услугъ, превращеніемъ чисто моральнаго воздѣйствія Церкви на души черезъ любовь, сливаніемъ этого воздѣйствія съ совершенно разнороднымъ по существу авторитетомъ своимъ, въ гнетъ, на подобіе гнету римскому, съ тою лишь разницею, что авторомъ этого гнета явилось бы государство, вмѣсто Церкви. Государство можетъ быть вполнѣ спокойно: Церковь дастъ ему только добрыхъ гражданъ, на которыхъ оно можетъ расчитывать съ гораздо большею увѣренностью, чѣмъ на поколѣнія, воспитанныя въ неясномъ пониманіи самого церковнаго принципа, благодаря медвѣжьимъ услугамъ, оказываемымъ Церкви тѣмъ специфическимъ „покровительствомъ“, которое заключается въ претензіи сдѣлать Церковь орудіемъ государственныхъ цѣлей, т. е. простымъ механизмомъ государственнаго управленія. Дѣйствительный характеръ такихъ отношеній — *невѣріе*, неувѣренность въ мощь благодати, дѣйствующей въ Церкви Христовой, въ виду чего именно, и для того, чтобы благодать эта,—на всякій случай,— не пошла бы ненадлежащими путями, считается цѣлесообразнымъ установить надъ этою благодатью государственный контроль. Этимъ точь въ точь повторяется заблужденіе Рима и поощряется безвѣріе массъ, внесеніемъ принципа духовной

анархіи въ сердца. А иные, по поверхностному сужденію, полагаютъ еще, что безконтрольная жизнь Церкви являлась бы повтореніемъ ошибки Рима! Развѣ можно судить такъ поверхностно, такъ безсмысленно, такъ необдуманно!

Повтореніе римской трагедіи невозможно, не благодаря государственнымъ заботамъ о Церкви, а по коренной, абсолютной невозможности, лежащей въ нѣдрахъ Церкви, а отнюдь не въ заботахъ государства.

Эти специфическія государственныя заботы объ удобномъ орудіи управленія, т. е. о Церкви, о „православномъ исповѣданіи“... ничего православнаго собою не представляютъ. Онѣ желательны лишь для невѣрныхъ сыновъ православной Церкви, и ими-же практикуются по собственному безвѣрію, прикрывающемуся именемъ православія въ мнимыхъ интересахъ *государства*, а вовсе не *Церкви*. Церковь, для этихъ своихъ невѣрныхъ сыновъ—только предлогъ и только средство къ цѣли. Но Церковь — не средство. Церковь сама является наивысшею цѣлью, и въ истинно христіанскомъ государствѣ она не низводится въ орудіе управленія.

Пусть служитъ Церкви русская государственная власть, пусть она служитъ Ей искренно и вполнѣ, ибо въ этомъ она найдетъ свое собственное величіе, величіе православной Россіи. И пусть пойметъ государство, что высшею службою, которую оно могло бы оказать Ей, явились бы непротиводѣйствіе проявленіямъ соборности и непротивленіе возвышенію Церкви на ту ступень нравственныхъ вліянія и высоты, которыя никто рѣшительно не можетъ дать Христовой Церкви, какъ только Сама Она—Себѣ Самой. Всякое же авторитетное попечительство надъ Церковью Христовой и одновременная солидаризація государственнаго авторитета съ Ней—только медвѣжья услуга, да кромѣ того истинное самоубійство. Ибо этимъ уничтожаются всякія нравственныя начала въ сердцахъ.

Русская церковь потеряла много своего прежняго вліянія. Да не подумаетъ государство, что вина за это падаетъ на нее, т. е. на русскую церковь, или на ея пастырей! Это была бы гибельная ошибка, которая только способствовала бы усиленію тѣхъ самыхъ причинъ, которыя именно обусловили этотъ упадокъ... Государство должно служить и помогать Церкви, но оно должно отказаться отъ попечительства надъ Ней, и знать, что Церковь пребудетъ до конца временъ, между тѣмъ какъ оно, государство, — не гарантировано отъ разрушенія и смерти. По этому оно и не должно смотрѣть на Церковь какъ на средство для своихъ цѣлей, и понимать, что оно этимъ только насаждаетъ анархію, крамолу противъ себя-же, и совершаетъ надъ собою-же плачевное самоубійство...

Итакъ, если Вы, уважаемый Пальміери, внимательно прочли не Вамъ предназначенныя слова, то Вы и поймете, что упреки Ваши по адресу русской церкви вовсе не отвергаются нами, какъ принципіальная ложь. Но противъ православной Церкви Вы всетаки ничего не сказали. Вы можете указывать на грѣхи и на заблужденія отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ членовъ Церкви. Но это мы тоже можемъ. И думаете ли Вы, что мало наберется вашихъ грѣховъ въ хронологіи всѣхъ поступковъ, совершенныхъ въ нѣдрахъ папства? Разница между нами только та, что мы на вашъ *принципъ* можемъ обрушиться, вы же противъ Церкви — вполнѣ безсильны, ибо даже напасть на Нее не можете! И по этому именно вашъ принципъ подлежитъ разрушенію, а нашъ пребудетъ до конца дней. А это просто значитъ, что мы находимся въ Церкви Христовой.

Вы на стран. 611 объявляете, что Вы не завидуете православнымъ Соборамъ за участіе на нихъ не только епископовъ, но и священнослужителей и мірянъ.

Охотно вѣримъ! Еще бы Вамъ завидовать апостольскому преданію, которое абсолютно не вяжется съ вашими обычаями.

Такъ какъ Вы вѣроятно трудились надъ изслѣдованіемъ этихъ началъ, то Вы, разумѣется, знаете, что правомъ голосованія на Соборахъ пользуются только епископы, да притомъ въ двухъ разныхъ видахъ:

1. — По вопросамъ вѣры — какъ свидѣтели вѣры своихъ паствъ.

2.—По вопросамъ дисциплины—какъ полноправные законодатели.

Затѣмъ Вы, послѣ Вашихъ ученыхъ изслѣдованій, конечно уже не сомнѣваетесь въ томъ, что на Соборахъ участвуютъ и священнослужители, не состоящіе въ санѣ епископа. Еще бы Вамъ сомнѣваться въ этомъ, зная, каково было, напримѣръ, участіе діакона Александрійской церкви Аѳанасія на первомъ Никейскомъ Соборѣ!

Затѣмъ, Вы конечно прекрасно освѣдомлены и объ участіи православнаго народа на Соборахъ, хотя бы изъ разсказовъ Ѳеодорита (Hist. Eccl. V, c. 8), Сократа (Hist. Eccl. V, c. 8) и Созомена (Hist. Eccl. VII, c. 8) объ избраніи Нектарія преемникомъ Григорія Богослова на второмъ вселенскомъ Соборѣ [1]).

И Вы конечно отлично понимаете, что при такихъ обстоятельствахъ епископы не легко могли бы лжесвидѣтельствовать о вѣрѣ, или законодательствовать въ дисциплинѣ противъ убѣжденія и согласія своихъ паствъ.

---

[1]) Да и кромѣ того, стоитъ только обратиться къ актамъ древнихъ церковныхъ Соборовъ, чтобы удостовѣриться въ участіи на нихъ пресвитеровъ, діаконовъ и мірянъ. И такъ оно было вездѣ, на Соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ, не только на Востокѣ, но и на Западѣ еще въ самую эпоху его отпаденія (см. VI. Conc. Paris. l. I c. XXVI.).

И убѣдившись во всемъ этомъ, Вы конечно поняли, что устройство Церкви Христовой на землѣ является чѣмъ то вполнѣ особеннымъ, не подходящимъ рѣшительно ни подъ какую рубрику извѣстныхъ изъ государственнаго права понятій. Это устройство представляетъ собою неповторяющееся, совершенно исключительное и только къ Церкви Христовой пріуроченное явленіе.

Почему-же Вы, убѣдившись во всемъ этомъ, говорите (стр. 611), что Римъ никакихъ новшествъ не ввелъ въ церковные Соборы?

И затѣмъ, почему Вы объявляете путаницы въ родѣ слѣдующей: „По вопросамъ вѣры, нравственной дисциплины и лучшаго устройства духовенства, судьями состоятъ лишь пастыри Церкви“ (стр. 611).

Такова именно ваша римская, анархическая и гибельная путаница, вытекающая изъ общаго помраченія всѣхъ вашихъ понятій о вѣрѣ [1]).

Нѣтъ. Простите! По вопросамъ вѣры, пастыри Церкви вовсе не являются судьями, а только, исключительно, единственно— свидѣтелями. Судьею же вѣры, а потому и нравственности, т. е. совѣсти нашей, состоитъ одинъ лишь Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на мѣсто Котораго вы поставили себя.

По вопросамъ же дисциплины, повторяемъ, пастыри являются судьями и законодателями нашими, обязанными судить не по

---

[1]) Нарожденіе этой характерной путаницы, смѣшенія временнаго и вѣчнаго, могло бы служить объектомъ интереснѣйшаго исторически-психологическаго изслѣдованія. Признаки такого смѣшенія имѣются уже въ письмѣ папы Св. Льва къ Императору Маркіану, въ 453 г. (Inter epist. S. Leon. 104.). Въ этомъ письмѣ, Левъ сначала настаиваетъ на необходимости раздѣленія временнаго отъ вѣчнаго, а затѣмъ онъ самъ-же говоритъ о канонахъ церковныхъ, какъ бы о принципахъ вѣчности.

произволу, а по вѣрѣ живой, которая принадлежитъ всѣмъ намъ.

Вамъ ли, несчастнымъ, полемизировать противъ этой мудрости!

На стран. 612, Вы, уважаемый Пальміери, говорите, что устройство, данное русской церкви Петромъ Великимъ, зиждится на нарушеніи каноновъ.

Не знаемъ, такъ ли это или нѣтъ. Формально, оно во всякомъ случаѣ не такъ. Но если бы даже это и было такъ (что мы оспариваемъ), то скажите же намъ, кто именно былъ бы виноватъ въ такомъ самовольномъ дѣйствіи: русская церковь или Петръ Великій? Чего же Вы еще хотите? Мы Вамъ откровенно признаемся, что мы не хотѣли бы уйти изъ этого міра, не видѣвши Святѣйшаго Патріарха Всероссійскаго. Конечно, не патріархъ важенъ, а важны нравственное значеніе и уровень русской церкви. Но патріархъ былъ бы внѣшнимъ выраженіемъ свободы, данной русской церкви къ безпрепятственному движенію по пути своего усовершенствованія. А потому мы считаемъ, что это было бы и спасеніемъ и залогомъ будущности Россіи, — не само по себѣ, а по взаимодѣйствію тѣхъ причинъ, которыя породили бы и патріаршество. Таково наше скромное, личное мнѣніе.

На стран. 614, Пальміери отрицаетъ Константинопольскій Соборъ 1450 года, якобы осудившій „Флорентинскую Унію.“

Это, само по себѣ, — очень интересно.

Но состоялся ли этотъ Соборъ, или не состоялся, положеніе „Флорентинской Уніи“ отъ этого не измѣняется ни на іоту.

Вѣдь Вы, уважаемый Пальміери, отрицать не можете, что всѣ православныя церкви соглашаются на счетъ отказа Фло-

рентинскому собранію въ подлинности даннаго тамъ якобы отъ имени Церкви свидѣтельства! Больше и не требуется вовсе, для опредѣленія его ничтожества. Помните только, гдѣ именно находится критерій соборности, опредѣляемой невидимою благодатью, Самимъ Духомъ Святымъ. На этомъ всѣ споры о Флорентинскомъ собраніи и должны прекратиться. И мы Вамъ уже говорили, что можете и не трудиться надъ этимъ вопросомъ, если Вы хотите „доказать“ этимъ что либо противъ Церкви, какъ Вы то обѣщаетесь сдѣлать. Конечно, историческія изслѣдованія Ваши, съ другой точки зрѣнія, всегда будетъ очень интересны, и мы не хотѣли бы лишиться ихъ изъ за нашего отвѣта.

На стран. 621 Пальміери недоумѣваетъ и не знаетъ, кому вѣрить, Остроумову ли, который причисляетъ болгаръ къ Церкви, или Собору Константинопольскому 1872 года, объявившему болгаръ раскольниками.

Да, конечно, это—великое недоумѣніе, такъ какъ вѣдь ни Г. Остроумовъ, ни Константинопольская помѣстная церковь не обладаютъ непогрѣшимостью!

Если Вы, уважаемый Пальміери, хотите потрудиться еще разъ внимательно прочесть то, что мы Вамъ говорили о гарантіяхъ правильнаго пониманія всякихъ такихъ вопросовъ, то Вы и найдете разрѣшеніе для Вашего недоумѣнія ..... при условіи, конечно, искренняго желанія Вашего воспользоваться этими гарантіями!

И то-же самое мы Вамъ отвѣчаемъ на Ваши недоумѣнія касательно нѣкоторыхъ противорѣчій помѣстныхъ Соборовъ XVII столѣтія (стр. 623). Мы вѣдь уже достаточно освѣтили эти обвиненія, постоянно повторяющіяся въ Вашемъ трудѣ.

И къ чему все это?! Что Вы хотите этимъ доказать?

Конечно, Вы хотите доказать (стр. 626 — 627), что въ Церкви нѣтъ . . . . . непогрѣшимаго авторитета въ вѣрѣ . . . . . „magisterium infallibile!!“

Вы разбираете символическіе документы, относительно которыхъ Вы только можете воспринять формальный элементъ категорически выраженнаго согласія всѣхъ единицъ православнаго міра.

Вы разбираете Соборы, въ которыхъ Вы не можете обходиться безъ того-же матеріальнаго признака, который одинъ только, для Васъ, заключаетъ въ себѣ самую соборность. Ибо для Васъ не внутреннее согласіе важно, а важна обстановка, важенъ внѣшній фактъ епископскаго съѣзда.

Вы ищете между іерархами, и нигдѣ искомаго Вами авторитета въ вѣрѣ не находите.

Итакъ, Вы наконецъ заключаете розыски тѣмъ, что заявляете о тщетности Вашихъ усилій и о несуществованіи искомаго авторитета. И за горькую для насъ правду сего побѣдоноснаго полимическаго вывода Вашего, Вы ратуете противъ тѣхъ, кому это показалось бы слишкомъ категорическимъ осужденіемъ православной Церкви.

Помилуйте, уважаемый Пальміери! Да вѣдь это все основано на одномъ громадномъ и роковомъ заблужденіи Вашемъ! Мы всѣми силами нашими все время стараемся какъ нибудь объяснить Вамъ, что въ Святой, Соборной, Апостольской, Христовой Церкви, надъ вѣрою Ея, никакого авторитета нѣтъ, ибо Она—свободна. Вы же все время вламываетесь въ открытыя двери и добиваетесь громадными усиліями того конечнаго вывода . . . . . съ котораго мы сами начинаемъ всякое разсужденіе о вѣрѣ!!

Все это, для Васъ,—одна сплошная, неразрѣшимая Вашими человѣческими средствами загадка.

Если же Вы говорите, что Васъ къ этому выводу глав-

нымъ образомъ привелъ вопросъ объ изслѣдованномъ нами выше повторительномъ крещеніи, то мы только удивляемся, какъ это Вы не напали уже раньше на этотъ выводъ. Вы думаете, что мы стоимъ на вашей почвѣ и предполагаете, что разногласіе между вами и нами касается исключительно нѣкоторыхъ догматическихъ пунктовъ, среди которыхъ, главнымъ образомъ, находится вопросъ о положеніи римскаго епископа въ Церкви. Поймите же наконецъ, что таковое, неоднократно Вами повторяемое предположеніе, является полнѣйшею иллюзіею! Наши разногласія не только касаются нѣкоторыхъ догматовъ. Между вами и нами, въ самомъ корнѣ, ничего, рѣшительно ничего общаго нѣтъ, а есть лишь одно громадное, всеобъемлющее, все затрагивающее, неразрѣшимое противорѣчіе, какъ противорѣчіе между небомъ и землей. И по этому Вы и думаете, что доказали кое-что противъ Церкви, добившись усидчивыми трудами логической вѣроятности одной изъ тѣхъ истинъ, на которыхъ именно Она и основывается.

О катехизисѣ-же митрополита Филарета (стр. 646) Вы, уважаемый Пальміери, судить совсѣмъ не можете, такъ какъ касательно этого документа отсутствуетъ видимый для Васъ факторъ словесно и письменно заявленнаго удостовѣренія всѣхъ православныхъ церквей о согласіи своемъ съ этимъ изложеніемъ вѣры. Это согласіе, конечно, существуетъ, и мы, зная сіе, и называемъ это произведеніе символическимъ. Но для Васъ это согласіе наше не существуетъ, ибо церкви не находили полезнымъ, по совершенно безспорному и ясному для всѣхъ дѣлу, собираться на Соборы, издавать постановленія и работать въ пустую. Этотъ кахетизисъ есть органически-православное явленіе. Но значеніе его, для Васъ,—недоступно. По этому Вы и лишены компетенціи судить объ этомъ.

Обвиненіе же Ваше, кроющееся въ томъ, что этотъ катехизисъ, будучи символическою книгою русской церкви, не можетъ быть признаваемъ символическою книгою православной Церкви вообще, является игрою словъ. Русская церковь—членъ Церкви православной, а потому и вѣроученіе, изложенное въ одномъ изъ собственныхъ ея документовъ, является вѣроученіемъ православнымъ, поскольку всѣ православныя церкви соглашаются съ этимъ ученіемъ. И до сихъ поръ никто изъ нихъ, кажется, не протестовалъ противъ этого катехизиса. Напротивъ, онъ былъ переведенъ и на другіе языки православныхъ народовъ, съ благословленія пастырей этихъ церквей. Онъ-же и называется символическою книгою русской церкви просто потому, что былъ составленъ русскимъ митрополитомъ и въ русской церкви непрестанно употребляется. Мѣстоопредѣленіе сіе относится къ матеріальнымъ признакамъ его происхожденія и наибольшаго распространенія, а не къ сущности его содержанія. Не катехизисъ Филарета даетъ мѣру православной вѣрѣ всѣхъ, а православная вѣра всѣхъ даетъ мѣру катехизису Филарета. И этого Вы понять совсѣмъ не можете. Для Васъ, это просто будетъ, было, и есть исповѣданіе частнаго лица, для сужденія о коемъ Вы лишены того единственно правильнаго критерія: православной вѣры всѣхъ.

Но мы Вамъ всетаки объяснимъ, почему Филаретъ говоритъ, что православная Церковь управляется четырьмя патріархами и русскимъ Синодомъ, на что Вы ссылаетесь не безъ намѣренія.

Когда Филаретъ составилъ свой катехизисъ, отдѣлившіеся затѣмъ отъ Турціи православные народы еще состояли подъ высшимъ пастырскимъ управленіемъ патріарха Константинопольскаго. Итакъ, видите-ли, нечего было Филарету упоминать о высшихъ церковныхъ властяхъ румынской, свободной Греціи,

сербской и др., ибо эти высшія церковныя власти еще не существовали. Слѣдовательно, во время Филарета, другихъ независимыхъ церковныхъ властей, кромѣ четырехъ патріарховъ и русскаго Синода,.... еще не было. Не правда-ли, какъ просто и какъ ясно!

Вотъ что говоритъ латинскій авторъ на стр. 653. „Въ случаѣ утвержденія, что учительство („magisterium“) сіе не является болѣе необходимымъ, то изъ этого слѣдовало бы, что ереси со временъ Фотія больше не подлежатъ осужденію и обличенію со стороны законнаго авторитета.“

Нѣтъ. Это совсѣмъ не такъ.

Во-первыхъ, сіе учительство въ вопросахъ вѣры (magisterium) является лишнимъ не со временъ Фотія, а со временъ Спасителя.

А во-вторыхъ, ереси вовсе не подлежатъ осужденію и обличенію со стороны авторитета въ вѣрѣ, иже не существуетъ, а всего тѣла церковнаго съ пастырями во главѣ. Авторитетъ же въ вѣрѣ самъ является ересью.

Тутъ-же приводится и мнѣніе Филарета о томъ, что вселенскій Соборъ, до соединенія Востока съ Западомъ, не можетъ имѣть мѣста.

Для Васъ, уважаемый Пальміери, это изреченіе должно во всякомъ случаѣ считаться частнымъ мнѣніемъ, на счетъ котораго Вы совсѣмъ не знаете, какъ мыслитъ Церковь. Мы Вамъ уже рекомендовали, выше, быть поосторожнѣе съ пророчествами. Что же касается насъ, то мы конечно знаемъ, что Соборъ всѣхъ православныхъ церквей вовсе не исключается изъ числа историческихъ возможностей. Такое сужденіе было бы нелѣпостью, и конечно уже достопамятный митрополитъ

никакой такой нелѣпости не говорилъ. Его недоумѣніе касается одного лишь наименованія, которое носилъ бы такой Соборъ, т. е., собственно говоря, титуловался ли бы онъ „Соборомъ вселенскимъ“, или нѣтъ.

Удивительно это у васъ, папистовъ, неблагодарное сердце! Мы плачемъ о васъ, а вы наши слезы о васъ принимаете за доказательство слабости нашей! Скажите-же намъ: если бы по отсутствію блуднаго сына, расточающаго въ мірѣ свою долю богатства, скорбное семейство, собравшись на совѣтъ, не хотѣло бы назваться истиннымъ, юридически ему исключительно присущимъ именемъ „полнаго совѣта семейнаго“ (ибо оно и безъ блуднаго вершаетъ свои дѣла), то какъ вы назовете это проявленіе скорби о блудномъ? Слабостью?

Вы о насъ вовсе не скорбите, ибо ненавидите насъ: вотъ вамъ правда въ лицо! Если бы вы скорбѣли о насъ, то и начали бы съ того, чтобы въ мысли вашей не отказываться болѣе отъ желанія помириться съ апостольскими каѳедрами и братьями Востока и вы прекратили бы безсовѣстную обиду, наносимую всѣмъ намъ въ лицѣ всѣхъ вашихъ епископовъ „in partibus infidelium“, живыхъ доказательствъ вашей ненависти, вашего гордаго отверженія не насъ только, но и законности самого епископства нашего, тѣхъ каѳедръ, въ числѣ которыхъ имѣются и апостольскія, болѣе древнія чѣмъ ваша римская [1]). Мы же скорбимъ о васъ. Мы глубоко ненавидимъ ваше заблужденіе,

---

[1]) Это епископство „in partibus“ ведетъ свое начало отъ того момента, когда папа Иннокентій III, воспользовавшись взятіемъ Константинополя толпою „крестоносцевъ“, завершилъ латинскій расколъ самовольнымъ назначеніемъ незаконныхъ епископовъ въ епархіи, управляемыя законными преемниками апостоловъ. Въ этомъ именно и состоитъ, собственно, заключительный моментъ церковнаго *раскола*, совершенно независимо отъ самой *ереси*, объявленной уже раньше, и относящейся къ вѣроученію (см. Guettée, la Papauté schismatique).

но мы бы почитали себя хуже еретиковъ, если бы мы отвергали законность каѳедръ вашихъ. Ибо отверженіемъ этой законности мы бы удостовѣрили, что не хотимъ вашего возвращенія къ намъ.

Параграфъ 17 этой главы заключаетъ въ себѣ славословіе авторитету въ вопросахъ вѣры, и сводится къ описанію логическаго превосходства такого твердаго правила „вѣры“.

Отсутствіе понятія о томъ, что такое есть христіанская вѣра, и отрицаніе благодати, обусловливаютъ у автора выводимую такимъ образомъ необходимость человѣческаго попечительства надъ Христомъ. Все это уже получило должное освѣщеніе.

Чрезвычайно, однако, наивнымъ, представляется примѣчаніе на этой-же страницѣ. Пальміери вступаетъ въ пререканіе съ русскимъ писателемъ и говоритъ: „Очень однако сожалѣю, что русскій писатель не докончилъ своей работы и не доказалъ: 1. Является ли въ Церкви необходимымъ какое нибудь высшее непогрѣшимое учительство въ вопросахъ вѣры и нравственности? 2. Въ случаѣ признанія этой необходимости, то имѣется ли такое учительство въ православныхъ церквахъ?“

Да въ томъ то и дѣло, дорогой братъ, что высшимъ непогрѣшимымъ учительствомъ въ вопросахъ вѣры и нравственности является вся Церковь Христова, т. е. союзъ взаимной любви всѣхъ христіанъ между собою, или иначе: Самъ Христосъ, живущій въ насъ и мы въ Немъ. Всѣ же отдѣльные члены Церкви, безъ всякаго исключенія, порознь взятые, являются Ея учениками. По этому, въ Церкви Христовой никакого другого, „высшаго“ какого-то еще особаго учительства—нѣтъ. И сіе любовное учительство всей Церкви самой, иначе: Господь

нашъ Іисусъ Христосъ, дающій намъ причастіе Святаго Духа и живущій среди насъ по конецъ дней, не нуждается ни въ какихъ непрошенныхъ намѣстникахъ и попечителяхъ, чьихъ „высшее“ учительство въ вопросахъ вѣры и нравственности не только не является необходимымъ, но само не вяжется, передъ лицомъ Учителя, ни съ вѣрою ни съ нравственностью [1]).

---

[1]) Сіе есть догматъ вѣры Единой Святой Апостольской Церкви. См. у Кирилла Іерусалимскаго. Оглаш. 10 § 14 „Христосъ—Первосвященникъ имѣющій священство непередаваемое... и не имѣющій никакого другого преемника Своего первосвященства„ ἀρχιερεὺς ἀπαράβατον ἔχων τὴν ἱερωσύνην... οὔτε διάδοχον ἕτερον ἔχων τῆς ἀρχιερατείας. Кощунственное имя „Намѣстника Іисуса Христа“ („Vicarius Christi“) появилось въ исторіи, въ первый разъ, на римскомъ помѣстномъ Соборѣ при папѣ Геласіи, около 496 г. (см. Labbe). Въ 496 году, по приговору нѣкоторыхъ италійскихъ епископовъ, Іисусъ Христосъ былъ сосланъ въ отдаленное мѣсто, откуда Онъ уже не можетъ вѣдать Церковью Своей, и на Его мѣсто поставленъ епископъ города Рима Геласій I... Религіозное сознаніе самой римской церкви въ то время еще не возставало противъ принципа Церкви Соборной. По этому теорія замѣстительства должна была представиться тотчасъ-же со всѣми необходимыми доктринальными послѣдствіями. Послѣдствія этитѣ, которыя именно и являются послѣднею цѣлью папства, къ которой оно стремится планомѣрно на почвѣ нынѣ давно уже погасшей вѣры. Такимъ образомъ объясняется тотъ историческій фактъ, что ровно черезъ 7 лѣтъ послѣ этого кощунственнаго изобрѣтенія, а именно въ 503 году, на римскомъ помѣстномъ Соборѣ при папѣ Симмахѣ была торжественно принята и утверждена составленная епископомъ Эннодіемъ апологія папской безгрѣшности. Ибо таковъ именно смыслъ того безобразнаго документа. (см. Labbe). Здѣсь имѣется на лицо одно кажущееся противорѣчіе слѣдующаго рода: въ *православномъ* Римѣ состоялся Соборъ, декретировавшій нѣчто такое, чего *папскій* Римъ не рискнулъ еще бросить въ лицо Божеству и человѣчеству. Рѣшеніе этой загадки—просто. Стоитъ только припомнить ученіе о догматахъ. А именно: изъ того факта, что епископъ какой нибудь помѣстной церкви лжесвидѣтельствуетъ о вѣрѣ на какомъ нибудь Соборѣ, вовсе еще не слѣдуетъ, что сама помѣстная церковь принимаетъ это лжесвидѣтельство какъ свое. Такъ оно и было въ Римѣ. Римъ еще цѣлыхъ 3 столѣтія болѣе или менѣе удерживался въ Церкви, какъ это и доказывается послѣдующими событіями. По этому и безуміе Геласія

Въ концѣ этой главы имѣется извѣстное, обезсиленное нами уже слово о томъ, что союзъ взаимной любви, какъ принципъ Церкви, является фикціей. Мы уже показали, что этотъ аргументъ о фикціяхъ не годится . . . . хотя онъ и является, для римлянъ, единственнымъ понятнымъ для нихъ, и совершенно логичнымъ выводомъ.

IX.

Первая фраза этой главы гласитъ такъ: „Мы широко изслѣдовали область православнаго символическаго богословія и почерпнули изъ него полную извѣстность вѣры, которую исповѣдываютъ отдѣлившіяся отъ римской, восточныя церкви“.

Какое заблужденіе! Если Вы бы знали, что такое вѣра, то Вы такихъ вещей не говорили бы. Вы бы поняли, что вѣра Христовой Церкви никакому познанію не подлежитъ, какъ только одному: исповѣданію ея душею и сердцемъ. Черпаніе Вами „полной извѣстности“ вѣры Христовой Церкви, и одновремен-

---

или Симмаха еще не было безуміемъ римской церкви, хотя оно конечно уже было проявленіемъ той заразы, которая и привела къ коллективному паденію. Востокъ въ эти дѣла совсѣмъ не вмѣшивался и понятія никакого не имѣлъ о томъ, что происходило въ Римѣ. Сношенія Рима съ Востокомъ были фактически прерваны уже со временъ папы Геласія. Вообще исторія показываетъ, что вспышки римской болѣзни, которая тогда начинала уже проявляться, всегда строго соотвѣтствовали степени охлажденія церковныхъ сношеній съ Востокомъ, вплоть до окончательнаго разрыва. Разрывъ этотъ вовсе не состоялся сразу, а является длинной хронологіей болѣзни и смерти одного изъ членовъ Христовой Церкви. Интересно, что отцы римскаго Собора 503 года, декретировавшіе папскую безгрѣшность, превзошли даже самого папу Пія IX и Ватиканскій Соборъ. Подъ соборными актами 503 г. на первомъ мѣстѣ стоитъ подпись самого папы Симмаха, такъ что папскую безгрѣшность, по римскому-же богословію, слѣдовало бы считать догматомъ „христіанской вѣры“ уже со временъ 503 года!! Какъ примутся римскіе богословы за объясненіе этой путаницы, которая по нашему разрѣшается такъ просто?!...

ная непринадлежность Ваша къ Ней — являются безтолковою нелѣпостью, въ которой, однако, Вы вовсе не виноваты, и которая отнюдь не осуждаетъ Вашего свѣтлаго ума. Въ томъ то именно и отличается христіанская вѣра отъ того раціональнаго акта, котораго вы удостоили этого наименованія.

Если же именно тотъ главный критерій, который требуется абсолютно, чтобы пускаться въ разсужденія, у Васъ, по внутренней причинности, неизмѣнно долженъ отсутствовать, то какъ-же Вы будете полемизировать!? Вѣдь на этомъ именно критеріи, котораго Вы познать не можете, и построена Церковь Христова! Какъ-же Вы будете полемизировать противъ Церкви, когда Вы вѣдать не можете, на чемъ она построена?

Она же построена на благодати, называемой тремя именами: „вѣра, надежда, любовь“. Попробуйте-же Вы раціонально разгадать, что это такое за загадка! Попробуйте-же Вы „доказать“ что нибудь противъ этого!

Вы сами говорите, въ этой главѣ, что первою необходимостью, для полемики противъ насъ, является познаніе чистѣйшихъ источниковъ православныхъ вѣроученія и догматовъ. И вотъ теперь Ваше положеніе: Вы до этого источника дойти не можете! Все то, что Вы находите,—не источники, а документы, сами проистекающіе изъ того единственнаго недоступнаго для Васъ ключа. Подлинное-же происхожденіе этихъ документовъ изъ того ключа Вы можете лишь предполагать по числу извѣстныхъ, случайныхъ, внѣшнихъ признаковъ, не всегда, также, имѣющихся на лицо! Вы можете достать, конечно, номенклатуру православныхъ догматовъ, ... до извѣстнаго предѣла. Развѣ это—тѣ источники, которые требуются для опознаванія Церкви? Ничуть не бывало!

Итакъ, по невозможности для Васъ достать себѣ тѣ главныя данныя, на которыя Вы сами указываете какъ на „соп-

ditio sine qua non“ для всякой полемики съ Церковью .... полемика эта становится для Васъ невозможною, и этимъ сводятся на нѣтъ, въ самомъ основаніи своемъ, какъ вся обезсиленная этими указаніями глава Вашего труда, такъ и вся римская полемика противъ Церкви вообще.

X.

Латинскій авторъ здѣсь перечисляетъ науки, необходимыя для полемическаго богословія. На стран. 703 онъ опять говоритъ, что для успѣшной полемики противъ „схизмы“ — необходимо анализировать всѣ положенія православнаго богословія.

Полагаемъ, что мы достаточно уже объяснили невозможность подступить съ какимъ бы то ни было враждебнымъ анализомъ къ тому великому синтезу человѣчества съ Божествомъ, который называется Церковью.

На стран. 721 говорится, что Ириней и Тертулліанъ сказали нѣчто въ пользу римскихъ притязаній.

Хотѣлось бы знать, гдѣ это нашелъ нашъ авторъ? Ибо ничего подобнаго ни у Иринея, ни у Тертулліана не имѣется.

Совершенно невѣрная справка имѣется на этой-же страницѣ также касательно Св. Кипріана. Оказывается, что Кипріанъ, авторъ спеціальнаго труда о единствѣ Церкви, теоретически признавалъ-де римскій тезисъ!

Ничего подобнаго! Какъ разъ обратное говоритъ Кипріанъ! Кипріанъ, какъ Вы вѣрно говорите, практически отвергалъ римскія претензіи. Теоретически же онъ о папскомъ тезисѣ, который тогда вовсе еще не существовалъ, не только не упоминалъ, но прямо таки осудилъ всякое поползновеніе къ нему своимъ ученіемъ о единствѣ Церкви. Отъ сегодняшняго

папскаго тезиса Кипріанъ въ могилѣ перевернулся бы! Прочтите его спеціальное сочиненіе о единствѣ Церкви!

На стран. 724 Пальміери говоритъ, что отцы Церкви теоретически и практически поддерживаютъ папство.

Какъ примется латинскій авторъ за доказательство этого открытія!

На стран. 726 и 727 онъ однако вполнѣ правильно жалуется на то, что мы, православные, недостаточно чтимъ Блаженнаго Августина. Несомнѣнно! Римскія передѣлки успѣли нѣсколько опорочить Бл. Августина въ нашихъ глазахъ. Блаженный Августинъ, однако, является православнѣйшимъ отцомъ Церкви и постояннымъ свидѣтелемъ противъ папства.

О стоящихъ на стран. 733 сужденіяхъ о патріархѣ Фотіи мы ничего не скажемъ. Это — дѣло исторіи. Мы повторяемъ только одно: Не Церковь воодушевилась Фотіемъ, а Фотій Церковью. Сила Фотія, какъ и патріарха Михаила, заключалась именно въ томъ, что за ними стояла вся Церковь. И если бы эти патріархи отказались поднять голосъ свой отъ Ея имени, то отъ имени Ея выступилъ бы кто нибудь другой, что дало бы нѣкоторыя детальныя, но никакихъ существенныхъ отступленій отъ общаго плана событій въ исторіи Церкви.

На стран. 736 перечисляются всѣ детальныя причины раскола. Одна только главная причина обходится молчаніемъ. Предоставляемъ это теперь сужденію читателя.

Въ этой-же главѣ, на стран. 741, встрѣчается такая фраза: „Изъ историческихъ документовъ явствуетъ, что римскіе первосвященники всегда воодушевлялись принципами христіанской любви въ своихъ попыткахъ уничтоженія схизмы“.

Нѣтъ.

Ибо христіанской любви на воздержаніе отъ братоубійства и на собственное пребываніе въ союзѣ взаимной любви — не хватало. По случаю же крестоносныхъ буллъ, латинской Имперіи въ Константинополѣ, назначеній епископовъ „in partibus“, Брестской уніи и т. п., можетъ быть и было проявлено много любви.

Уважаемый Пальміери: мы дорожимъ любовью Вашей и вѣримъ въ личныя, благородныя, сердечныя чувства, какъ Вашихъ, такъ и многихъ, многихъ единовѣрцевъ Вашихъ, порознь взятыхъ, хотя вы и заблуждаетесь. Но когда Вы говорите о „папствѣ“, и въ примѣненіи къ *нему*, какъ организму, не приводите никогда этого слова, ибо оно звучитъ въ ушахъ нашихъ, какъ кровавая насмѣшка!

На стран. 742 дается въ нѣсколькихъ словахъ характеристика православныхъ церквей, и говорится, что многое у нихъ противорѣчитъ церковнымъ преданіямъ. Такимъ образомъ насъ, держащихся во всемъ древнихъ обычаевъ, обвиняютъ въ нарушеніи преданія! И обвиняетъ кто? Римляне. Больше сказать ничего не имѣемъ.

О вліяніи латинства на славянскіе народы и на независимость ихъ (стран. 743), мы уже говорили выше. Что же касается отношенія папъ къ славянской литургіи и къ святымъ апостоламъ славянъ Кириллу и Меѳодію, то Пальміери обѣщается вернуться къ этому. Такъ что будемъ ждать и пока ничего не скажемъ.

О судьбѣ такъ называемыхъ „уніатовъ“ мало что имѣемъ сказать (стран. 746). Она — слишкомъ извѣстна. Пальміери хочетъ увѣрить насъ, что унія была великимъ добромъ!

По нашему, унія есть ничто иное, какъ эксплоатація безвѣрія, безпомощности, или слабоумія, въ виду чего уніаты вполнѣ правильно признаются дѣйствительными папистами какъ граждане второго сорта, имѣющіе привилегію слабоумія за скромное ихъ подчиненіе. Наипаче же унія есть отказъ отъ вѣры и отъ любви, сочетаніе двухъ противоположныхъ, непримиримыхъ началъ. И въ этой сдѣлкѣ одинъ всегда является обманщикомъ, другой всегда обманутымъ.

И то же самое слѣдуетъ сказать о новѣйшихъ, своеобразныхъ попыткахъ преподать намъ папство подъ предлогомъ „восточнаго обряда“. Все это — одно и то же, подъ разными наименованіями, то есть эксплоатація слабоумія и безпомощности со стороны безвѣрія, а часто, увы, и со стороны недобропорядочности и лжи.

О слѣдующихъ затѣмъ разсужденіяхъ по поводу церковнаго права мы не распространяемся, такъ какъ это сюда не относится.

XI.

Эта, очень интересная и добросовѣстно составленная глава почти не требуетъ возраженій съ нашей стороны.

О Вл. Соловьевѣ мы упомянули выше. Что же касается А. С. Хомякова, то Пальміери обѣщается опровергнуть его въ слѣдующихъ трудахъ. Посмотримъ какъ. Это будетъ очень интересно. Пальміери ссылается на цензуру, нѣкогда не пожелавшую, въ Россіи, передать богословскія сочиненія Хомякова на свободное пользованіе опекаемыхъ. Это насъ совсѣмъ не смущаетъ, хотя Вы, уважаемый Пальміери, и полагаете, что Вы этимъ нѣчто доказываете противъ вѣрности высказанныхъ Хомяковымъ опредѣленій. Доказываете Вы этимъ только

нѣчто противъ цензуры, а не противъ опредѣленій Хомякова, ни тѣмъ паче противъ Церкви, которая стоитъ неизмѣримо выше этихъ дрязгъ. Для того, чтобы это указаніе Ваше имѣло какое либо доказательное значеніе, было бы необходимо, что-бы русская цензура была самой Христовой Церковью на землѣ, или же по крайней мѣрѣ церковнымъ органомъ, да притомъ обязательно имѣющимъ привилегію непогрѣшимости. О такой сумасшедшей претензіи сама цензура, даже въ года своего всемогущества, и во снѣ не мечтала. Да въ концѣ концовъ указаніе Ваше ничего не доказываетъ даже противъ цензуры, имѣющей несомнѣнное право на то, чтобы опростоволоситься.

Затѣмъ Вы, уважаемый Пальміери, полагаете, что Хомяковъ выдумалъ какія то новшества, догматическія или какія то иныя,... не знаемъ, такъ какъ мы не вполнѣ понимаемъ Вашего обвиненія. Мы совсѣмъ отбрасываемъ догматику, въ которую Хомяковъ вмѣшивался не иначе, какъ только исповѣдуя, какъ православный христіанинъ, догматы Христовой Церкви. Но Хомяковъ далъ новый научный тезисъ о существѣ Церкви [1]). Замѣтьте: тезисъ *научный,* т. е. богословскій! И

---

[1]) Въ самомъ такъ называемомъ „Хомяковскомъ тезисѣ“ слѣдуетъ, однако, строго опредѣлить, что именно принадлежитъ Хомякову и что нѣтъ. И вотъ, какъ разъ именно его указаніе на сплачивающее начало Церкви (Духъ Святой, благодать, взаимная любовь), т. е. его „фикція“, именно она—не отъ него. Сія „фикція“ вовсе не является Хомяковскимъ открытіемъ, а ученіемъ апостольскимъ, сознаваемымъ всѣми, повсюду, во всѣ времена (см. у Василія Великаго, въ его классич. письмахъ, II письма 134 и 161 и у него же „О Святомъ Духѣ“ §§ 39. 61., S. Augustin. Epist. ad Cathol. sive de unitat. Eccles. c. II § 2., Климентъ Александр. Стром. VII. 17, Оригенъ, О молитвѣ; Св. Аѳанасій, Пасх. письм. 10 § 2;). На этомъ благодатномъ принципѣ христіанской вѣры зиждится такъ называемый „Хомяковскій тезисъ“ какъ научно-богословскій (т. е. разумный) выводъ изъ апріорнаго положенія бого-откровенной вѣры. Хомякову принадлежатъ лишь логическіе выводы, а не принципъ. Послѣдній—отъ апостольской Церкви, а не отъ Хомякова.

если Вамъ этотъ научный тезисъ почему либо не нравится, то благоволите-же опровергнуть его! Хомяковъ никакихъ притязаній на непогрѣшимость не предъявляетъ, и если Вы можете, то и давайте намъ сюда тезисъ лучшій! Мы бы были Вамъ тѣмъ паче благодарны, что лучшаго научнаго тезиса по сей день никто еще не давалъ, ни даже Викентій Лиринскій, тоже давшій новый (въ то время), отличный, научный тезисъ о существѣ соборнаго ученія. И мы очень интересуемся Вашимъ обѣщаннымъ опроверженіемъ Хомяковскаго научнаго тезиса, такъ какъ по сей день никто изъ васъ не могъ его опровергнуть!

Организмъ Церкви, уважаемый Пальміери, существуетъ совершенно независимо отъ того, хорошо-ли или плохо мы съ Вами, да съ Хомяковымъ, сумѣемъ его охарактеризовать научно на словахъ. Церковь существуетъ не по мѣрѣ кѣмъ бы то ни было даваемыхъ опредѣленій, а по мѣрѣ Самого Духа Святаго. Итакъ, не наши опредѣленія являются мѣрою для Церкви, а Церковь является мѣрою для нашихъ опредѣленій. Этого то именно Вы, дорогой, и понять совсѣмъ не можете, такъ какъ вы себѣ тамъ какъ разъ именно и сочинили Церковь по мѣрѣ вашихъ собственныхъ опредѣленій. И въ виду этого Вы можете и не трудиться надъ опроверженіемъ Хомяковскаго тезиса, если Вы хотите этимъ что нибудь доказать не противъ Хомякова, а противъ Церкви. Если Вы хотите полемизировать съ Церковью и опровергнуть Церковь, то Вамъ не слѣдуетъ писать ни противъ Хомякова, ни противъ кого бы то ни было. Вамъ слѣдуетъ тогда писать противъ Святаго Духа.

Но Вы также обвиняете Хомякова въ вымышленныхъ на счетъ Церкви „фикціяхъ“. И мы Вамъ также уже говорили, какъ обстоитъ дѣло съ „фикціями“, въ чемъ Вы можете удостовѣриться выше.

Впрочемъ, не забывайте никогда, что православный христіанинъ, говорящій о Церкви, говоритъ не о порочныхъ Ея частяхъ, а о безпорочномъ Цѣломъ! То обстоятельство, что безпорочность Цѣлаго далеко еще не осуществилась въ собственныхъ своихъ порочныхъ частяхъ, ровно ничего не доказываетъ противъ Церкви, такъ какъ никто изъ насъ не считаетъ себя безпорочнымъ. Мы уже говорили, что и вы, римляне, не тотчасъ-же, въ исторіи вашей, осуществили себя во всѣхъ вашихъ частяхъ, на что пошло цѣлое тысячелѣтіе, да и остается еще кое-что сдѣлать, о чемъ мы съ Вами вдвоемъ теперь уже знаемъ, въ чемъ оно заключается. Церковь же, по обѣщаніямъ, осуществить Себя вполнѣ, во всѣхъ Своихъ частяхъ, лишь къ суду великаго дня. И въ этомъ лежитъ залогъ нашей неугасимой жизненной силы, постояннаго усовершенствованія всѣхъ. Ибо это самое безконечное усовершенствованіе всѣхъ, интеллектуальное, сердечное и матеріальное, именно и есть осуществленіе Церкви, т. е. прогрессъ человѣчества, безпрерывное приближеніе всѣхъ частей, черезъ вѣру и черезъ любовь, къ безпорочному цѣлому. Сія есть благодать Господа нашего Іисуса Христа, пребывающаго съ нами по конецъ дней, любовь Бога Отца и причастіе Святаго Духа, которыя да будутъ со всѣми нами! Аминь.

И теперь прощайте, дорогой уважаемый Пальміери! Мы Вашего обратнаго опроверженія не ждемъ, такъ какъ Вы, — за это ручаемся, — отвѣчать по существу ничего не можете, ни Вы, ни кто бы то ни былъ изъ Вашихъ единовѣрцевъ. Но Вы имѣете два выхода, которые и предлагаемъ Вамъ.

Первый изъ нихъ—слѣдующій: объявите, что отвѣтъ нашъ вовсе не является ученіемъ православной Церкви! Вы могли бы, пожалуй, и найти разныя сочиненія, позволяющія судить о томъ, что другіе богословы мыслятъ иначе. И такъ какъ

Вы лишены критерія, чтобы знать, кто изъ насъ говоритъ отъ имени Церкви и кто нѣтъ, по отсутствію доступныхъ для Васъ формально-матеріальныхъ признаковъ, то Вы и имѣете полное право присудить представительство Церкви тому изъ насъ, чьи мнѣнія являются для Васъ болѣе удобными. Мы себя льстимъ надеждою, что Вы намъ откажете въ этомъ представительствѣ. Ибо это будетъ также своего рода удостовѣреніемъ того, что мы на самомъ дѣлѣ именно отъ лица Церкви говорили...

Затѣмъ Вы имѣете второй выходъ: скажите просто, поставивъ мѣрою для Христовой благодати Вашъ собственный разумъ, что Христова Церковь — вполнѣ неразумна! И тогда Вы будете послѣдовательны сами съ собою, объявляя eo ipso, что выше Вашего разума нѣтъ ничего, ни на набеси ни на земли.

Если же Вы этого сказать не хотите, то да осѣнитъ Васъ, братъ дорогой, Христова благодать, на встрѣчу которой Вы рѣшились, по Ея-же наитію, сдѣлать первый шагъ...!

Конецъ.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА,

въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, Гостиный дворъ, магазинъ № 45.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Макарій (бывш. еписк. Калужскій). Слова, бесѣды и поученія, говоренныя имъ въ бытность его Священникомъ въ городѣ Орлѣ. Спб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для уч. библ. ср. и низш. учебн. завед.*

Макаровъ, П. свящ. Катихизическія поученія къ прост. народу на симв. вѣры, молитву Госп. блаж. Еванг. и на десять запов. Бож. Спб., 1892 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. ср. и низш. учебн. зав.* 2 сент. 1889 г., № 12959.

Малевинскій, А., свящ. Законы, правила и формы для духовн. слѣдователей. Спб., 1909 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 50 к.

— Инструкція Настоятелямъ Церквей, изъясненная указами Св. Сѵнода, Правилами св. отецъ, Сводомъ Законовъ и церковною практ. Спб., 1912 г., ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

— Инструкція Благочинному приходскихъ церквей, изъясненная указами Св. Сѵн., распоряж. епарх. нач., сводомъ зак. и церк. практ. Изд. 3-е, исправлен. и дополненное. Спб., 1910 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р.

— Инструкція Церковн. Старостамъ (Высочайше утверждена 12 іюня 1890 г.), изъясненная указами Св. Сѵнода, Сводомъ Законовъ, распоряжен. Епархіал. начальства и церковн. практикой. Спб., 1912 г., ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

— Евангельскіе уроки. Годовой кругъ внѣбогослужебныхъ чтеній сельскимъ прихожанамъ на литургійныя евангел. зачала во всѣ воскресн. и праздничн. дни. По разнымъ источникамъ и проповѣдническимъ трудамъ. Спб., 1909 г., ц. 2 р., въ роскош. коленк. переплетѣ 3 р.

— О вредѣ пьянства и о пользѣ трезвости. Спб., 1910 г., ц. 5 к.

Малицкій, П. Руководство по исторіи Русской церкви (Прим. къ прог. для дух. сем.). Вып. I. Курсъ V кл., ц. 90 к. Вып. II и III (въ одной книгѣ). Курсъ VI класса, ц. 60 к. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. одобр. къ употр. въ дух. сем. въ кач. учебн. пос. Мин. Нар. Пр. рек. въ учен. библ. ср. учебн. зав.*

Мансветовъ, Г., прот. Краткое изъясненіе на литургію, собр. изъ разн. писат. Изд. 9-е. Спб., 1894 г., ц. 20 к.

— Обязанности домашняго общества по Слову Божію у древнихъ христіанъ. Изд. 2-е, испр. Спб., 1894 г., ц. 60 к.

Маркъ, игум. Злые духи и ихъ вліяніе на людей. 2-е изд. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Мартенсенъ, Г., докт. бог. Еп. Зеландск. въ Даніи. Христіанское ученіе о нравственности. Въ 2-хъ томахъ. Перев. съ послѣдняго авторизован. англ. издан. А. П. Лопухина. Спб., 1890 г., ц. за оба тома 5 р., въ изящн. кол. пер. 6 р.

Мельвиль, Уайтъ. Гладіаторы, Римъ и Іудея. Историческій романъ изъ временъ осады Іерусалима. Въ 3-хъ част. Переводъ съ прим. А. Измайлова. Спб., 1899 г., ц. 2 р., въ роск. кол. пер. 3 р. *Учен. Ком. Мин. Народ. Просв. допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ завед. Министр.* (10 декабря 1902 г.).

Менстровъ, М., свящ. Божія Нива. Собраніе поученій (на весь годъ) на воскресные, праздничные и высокоторжественные дни и разные случаи на современныя темы. Спб., 1910 г., ц. 2 р., въ роск. коленк. перепл. 2 р. 75 к.

— Божія правда. Въ защиту вѣры и противъ невѣрія. Спб., 1911 г., ц. 50 к.

— Свѣтъ Христовъ въ жизни людей. Рядъ статей на евангельскія темы. Спб., 1912 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

— Свѣтъ Разума. Сборникъ поученій на воскресные и праздн. дни и разные случаи на современныя темы. Спб., 1913 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

— Уроки по христіанскому нравоученію. Примѣнительно къ программѣ, выработанной законоучительскимъ съѣздомъ, бывшимъ въ С.-Петербургѣ въ 1909 году. Спб., 1912 г., ц. 1 р.

— Вопросы жизни въ поэзіи. Сборникъ статей на литературныя и педагогическія темы. Спб., 1913 г., ц. 1 р.; въ роск. коленк. перепл. 1 р. 75 к.

Меѳодій св., епископъ и мученикъ, отецъ церкви III-го вѣка. Полное собраніе его твореній. Пер. съ греч. подъ ред. проф. Е. И. Ловягина. Изд. 2-е. Спб., 1905 г., ц. 1 р., въ кол. изящн. пер. 2 р.

Меѳодій, іером. Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Миртовъ, П. А. прот. По Завѣту Христову. Сборникъ статей. Съ рис. Спб., 1905 г., ц. 60 к., въ кол. пер. 1 р. 35 к.

Миртовъ, П. А., прот. Назіанзскій отшельникъ. Съ изобр. св. Григорія Бог. Спб., 1905 г., ц. 30 к.

— Божьи искры. Сборн. словъ, краткихъ житій, притчъ и размышленій на каждый день года. Спб. 1906 г., ц. 2 р.

— Въ дали вѣковъ (Разсказъ изъ эпохи крестныхъ страданій Спасителя). Спб., 1905 г., ц. 30 к.

Митрофанъ, монахъ. Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти? Поученію Православн. Церкви, по предчув. общечеловѣческаго духа и выводамъ науки. Въ 3-хъ больш. т. Спб., 1897 г., ц. кажд. тома 2 р. Въ изящн. коленк. перепл. съ золот. тисн. по 3 р. за каждый томъ.

Михаилъ, архим. Почему намъ не вѣрятъ? Къ церк. реформѣ. О церковно-обществен. злобахъ дня. Спб., 1906 г., ц. 50 к.

Михайловскій, В., прот. Библейскій Богословскій словарь. Изд. 4-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

Москалевичъ, Р., свящ. Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочел. Госп. нашего Іисуса Христа. Размышл. христ., посвящ. юношеству. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 25 к. *Допущ. въ библ. дух. сем. и среднихъ учебн. зав. Мин. Нар. Просв.* (Церк. Вѣстн., 1879 г., № 16—17).

Навиль, Эрн. Христосъ. Публичн. чтенія. Спб., 1901 г., ц. 75 к.

Наумовичъ, І., прот. Какъ въ простотѣ живутъ люди? Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Изд. 2-е. Спб., 1900 г., ц. 50 к. *Мин. Народ. Просв. для пріобр. въ ученич. библ. средн. одобр. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Христіанск. добродѣтели. Изд. 3-е. Спб., 1900 г., ц. 25 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. ср. уч. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Начало и конецъ нашего земного міра. Опытъ раскрытія пророч. Апокалипсиса. Части I и II. Спб., 1904 г., ц. 1 р.

Недешевъ, І., свящ. Законъ Божій для полков. учебныхъ командъ. Одобр. Главн. Ком. по образов. войскъ. Изд. 5-е. Спб., 1891 г., ц. 30 к.

Недзѣльницкій, І., свящ. Злой врагъ человѣка, или что посѣешь, то и пожнешь (противъ пьянства). Изд. 5-е. Спб., 1911 г., ц. 5 к.

— Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р.

Неофитъ, архим. Пагидасъ. Нравствен. бесѣды на Воскресн. Евангелія. Перев. съ греч. Изд. 2-е. Спб., 1884 г., ц. 75 к.

Нестеровскій, Епифаній, преподаватель Курской духовной семинаріи. Литургика или наука о богослуженіи православной церкви. Часть вторая (частная). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 50 к.

Никаноръ, архіепископъ. Православно-Христ. Нравст. Богосл. Сост. примѣн. къ семин. прогр. Изд. 2-е, напечат. безъ перем. съ 1-го изд., которое *Учебн. Ком. при Святѣйшемъ Сунодѣ въ 1891 г. допущено къ пріобр. въ библ. духовн. семин.* Спб., 1894 г., ц. 80 к.

Нордовъ, В., прот. Катихизическія поученія, содержащія въ себѣ два поученія предуготовительныя: 23 на Священный Символъ вѣры; 12 на молитву Господню и Блаженства Евангельскія; 12 на Божественное десятословіе и одно поученіе заключительное. Изд. 6-е. Спб., 1905 г., ц. 1 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобрѣт. въ учен. библ. сред. учеб. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— Сѣятель Благочестія или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ (съ портр. автора). Въ 2-хъ томахъ 1.200 стр. уборист. шрифта. Томъ 1. I. Бесѣды на Божественную Литургію. II. Бесѣды на блаженства Евангельскія. III. Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій. IV. Катихизическія поученія. V. Слова на великіе праздники, дни воскресные и воскресные дни великаго поста. Томъ 2. Церковно-проповѣдническое трехлѣтіе, заключающее въ себѣ слова и поученія на разные случаи. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., ц. 5 р., съ изящн. кол. перепл. съ золот. тисн., ц. 7 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для пріоб. въ ученич. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1864 г., № 14375.

О Евангеліяхъ. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для библ. средн. и низш. учебн. зав.* (30 марта 1885 г., № 5188).

Олесницкій, М., проф. Изъ системы христіанскаго нравоученія. Исправленное изданіе. Кіевъ, 1896 г., ц. 3 р. 30 к.

— Полный курсъ педагогики. Руководство для всѣхъ занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Вып. первый: Теорія воспитанія. Изд. 2-е. Кіевъ, 1895 г. ц. 1 р. 75 к.

— То-же. Выпускъ второй. Теорія обученія. Кіевъ, 1887 г., ц. 1 р. 50 к.

— Краткій курсъ педагогики. Руков. для женскихъ заведеній съ 2-годовымъ

курсомъ педагогики. Вып. 1-й. Теорія воспитанія. Изд. 3. Кіевъ, 1905 г., ц. 60 к.

— То-же. Выпускъ второй. Теорія обучен. Изд. 4-е. Спб., 1907 г., ц. 60 к.

— Нравственное Богословіе или христіанское ученіе о нравственности. Составлено примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій. Изд. 4-е. *Одобрено къ употребленію въ духовн. семинар. въ качествѣ учебнаго пособія (Церк. Вѣд., 1904 г., № 44). Внесена въ „Справочный каталогъ" книгъ для библіот. приходскихъ, окружныхъ и иныхъ дух. вѣд. Изд. Учил. Сов. при Св. Сѵн., стр. 25-я. Внесена въ „Справ. катал." книгъ для библ. церк. школъ, стр. 14.* Спб., 1907 г., ц. 1 р. 40 к.

О молитвѣ и увѣщаніи къ мученичеству, твор. учителя церкви Оригена. Съ первоначальн. текста перев., съ примѣч. Н. Корсунскаго. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Остроумовъ, С., прот. Жить — любви служить. (Очеркъ православнаго нравоученія). Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб., 1911 г., ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 25 к.

— Письма о православномъ благочестіи. Изд. 2-е, переработанное, ц. 1 р.

Пановъ, І., прот. Приготовленіе христіанина къ вѣчности. Спб., 1902 г., ц. 5 к.

Пибоди, Фр., Іисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. Переводъ О. П. Никитскаго. Изд. 2-е, М., 1907 г., ц. 1 р. 25 к. Содержаніе книги какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ запросамъ нашего времени, освѣщаемымъ здѣсь съ христіанской точки зрѣнія.

Платонова, А. „Свѣтлыя дали." Разсказы изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Спб., 1913 г., ц. 00 к.

— Подъ сѣнью вѣры. Сборникъ религіозно-нравственныхъ статей. Спб., 1913 г., ц. к.

Платоновъ, І., прот. Способы православно - христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію въ начальной школѣ. Изд. 7-е. *Одобрено Учил. Сов. при Св. Сѵнодѣ.* Спб. 1906 г., ц. 40 к.

Покровскій, П. Курсъ практическаго руководства для пастырей. Часть общая.—Сост. примѣнит. къ прогр. препод. дух. семин. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к.

— Очерки методики народной школы. Изд. 4-е, исправл. Спб., 1904 г., ц. 50 к.

Полторацкая, З. Кто виноватъ въ распятіи Іисуса Христа? Отвѣтъ г. И. Гуревичу. Спб., 1907 г., ц. 15 к.

Поляковъ, П., свящ. Голосъ народа. Спб., 1905 г., ц. 50 к.

— Свѣточи жизни. Живые и назидательные уроки высокой нравственности и просвѣщенія для жизни современнаго общества. Спб., 1911 г., ц. 50 к.

— Лучи свѣта Христова, сіющіе въ сердцахъ праведниковъ и озаряющіе жизнь современнаго общества. Живое слово для церк. каѳедры, народн. аудит., школы и семьи. Спб., 1911 г., ц. 60 к.

— Подъ сѣнью благодати. Изъ путевыхъ набросковъ и впечатлѣній паломника. Спб., 1904 г., ц. 50 к.

Поминанье (для записыв. о здравіи и за упокой), отпечат. на лучшей почтов. бумагѣ. Спб., ц. въ красив. коленк. пер. съ футл. 60 к., въ шагрен. перепл. 1 р.

Поповъ, Евг., прот. Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Общенародныя бесѣды, въ 2 частяхъ. Изд. 2-е испр. и дополн. Спб., 1893 г., ц. 2 р. въ изящ. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. училищъ и въ безплатн. народныя читальни и библіотеки.*

— О святомъ причащеніи. Домашнія наставленія пастыря готовящимся ко святому причаст., съ приложеніемъ молит. вознош. къ Богу во дни причастные. Изд. 2. Спб., 1893 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

Поповъ, Евг., прот. По православно-догматич. богословію. Общенар. бесѣды. Въ 6 част. Изд. 3-е, вновь исправл. и дополн. Пермь, 1880 г., ц. за всѣ 6 кн. 6 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— Общенародныя чтенія по православно-нравственному богословію. Въ порядкѣ 10-ти заповѣдей Божіихъ. Въ 2 ч., изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 3 р., въ роск. кол. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учит. библіот. низшихъ учил. и въ безпл. нар. чит. и библіот.*

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющимъ, съ приложеніемъ свойственныхъ исповѣднику молитвенныхъ возношеній къ Богу. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ*

учител. библ. низшихъ учил. и въ безпл. народ. чит. и библ.

Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19-го в. Историко-біограф. очерки. Изд. 2-е, значит. исправленное и дополн., всего 45 жизнеописаній подвижниковъ, прославившихся въ XIX вѣкѣ, съ ихъ портретами и видами (свыше 50-ти рис.). Спб., 1910 г., ц. 2 р., въ роск. кол. пер. 3 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 нояб. 1901 г., за № 31977, допущ. въ уч. библ. низш. уч. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

— Русская церковь и Русскіе подвижники 18-го вѣка. Съ портретами и рисунками. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 2 р. 50 к.

— Праведникъ нашего времени, оптинскій старецъ Амвросій. Дѣтство, отрочество, порывъ къ Богу, юность, иночество, подвигъ, старчество, служеніе народу, кончина. Спб., 1907 г., ц. 50 к.

— Божья Рать. Разсказы изъ жизни святыхъ по Четьи-Минеѣ святит. Димитрія Ростовск. Съ рис. Спб., 1910 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. допущено въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народн. чит. и библ.*

— Въ похвалу Богородицѣ (Знаменія Ея благодатной чудесной силы, явленныя вѣрующимъ чрезъ Ея св. иконы). Съ рис. въ текстѣ. Спб., 1903 г., ц. 40 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, доп. въ учит. библ.*

— Задушевныя бесѣды. Спб., 1901 г., ц. 20 к. *Учебн. Ком. при Св. Сн. постановлено: одобрить для ученич. библіот. дух. семин. и женск. епарх. училищъ* („Церк. Вѣдом." № 5-й, 1902 г.).

— Душа передъ Богомъ. Духовныя впечатлѣнія мірянина. Спб. 1909 г., ц. 1 р., въ роск. кол. перепл. 1 р. 75 к.

— Пустыня. Очерки изъ жизни Ѳиваидскихъ отшельниковъ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1907 г., ц. 1 р., въ роск. коленк. перепл. 1 р. 75 к.

— Письма о монашествѣ. Спб., 1911 г., ц. 50 к.

— На небеси и на земли. Чувства и думы мірянина. Спб., 1912 г., ц. 1 р. 0 к., въ роскошн. перепл. 2 р. 25 к.

— Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій. Съ портретомъ и рис. Спб., 1901 г., ц. 20 к. *Учебн. Комит. при Свят. Сн. постановлено: одобрить для ученич. библіотекъ духовн. семинарій и женск. епарх. училищъ* („Церк. Вѣдом." № 5-й, 1902 г.). *Мин. Нар. Пр. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. нар. чит. и библ.*

Поселянинъ, Е. Преп. Серафимъ Саровскій чудотвор. (съ новыми свѣдѣніями о старцѣ). Съ рисунками. Спб., 1903 г., ц. 50 к. въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ 1 р. 25 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ безпл. нар. чит. и библ. и въ ученич. библ. низш. учил. 24 октября 1903 г., № 33010.*

Послѣднія минуты православнаго христіанина. Спб., 1886 г., ц. 30 к., въ изящн. кол. пер. 75 к.

Преображенскій, П. А., прот. Писанія мужей апостольскихъ. Изд. въ русск. перев. со введеніями и примѣчан. къ нимъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ колен. переплетѣ 2 р. 50 к. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. одобр. для библіот. средн. учебн. завед. Мин.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Сочиненія древн. христ. апологетовъ. Изд. въ русск. пер. со введен. и прим. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для библ. средн. уч. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Причастникъ Святыхъ Христ. Таинъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій: св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, Иннокентія, архіеп. Херсонскаго, Димитрія, архіеп. Волынскаго, Ѳеофана, еписк. Владимірскаго, прот. *Родіона Путятина* и друг. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для пріобр. въ библ. средн. и низш. учебн. зав.* Спб., 1888 г., ц. 20 к.

Путятинъ, Р., пр. Полное собр. поученій. Съ портр. автора. Изд. 25-е. Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ перепл. 3 р.

Пѣвницкій, В., проф. Кіевск. Дух. Акад. Церковное краснорѣчіе и его основные законы. Изд. 2-е. Спб., 1908 г., ц. 1 р. 50 к., въ роск. кол. пер. 2 р. 50 к.

— Служеніе священника въ качествѣ дух. руковод. прихожанъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р., *одобр. въ кач. учебн. пособ. при преп. практ. руков. для пастырей въ дух. семин.* („Церк. Вѣд." 1891 г., № 35. Цирк. 1892 г., № 10).

Пюшъ, Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Соч., удост. преміи франц. акад. нравств. и полит. наукъ. Перев. съ франц. А. А. Измайлова. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Пятницкій, И. К. Секта странниковъ и ея значеніе въ расколѣ. Изд. 2-е. Спб., 1912 г., ц. 1 р.

Робертсонъ, С. Джемсъ, каноникъ Кэнтерберійск., покойн. проф. церк. ист. въ королевск. коллегіи въ Лондонѣ.

Исторія христіан. церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. съ VI англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2 больш. том. (бол. 2.000 стран. убористр. шрифта). Спб., 1890 г., ц. за оба тома 10 р., въ роск. кол. пер. 12 р.

Родосскій, А. С., Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ. Спб., Дух. Акад. 1814—1869 гг. Спб., 1907 г., ц. 2 р. 25 к.

Рознатовскій, К. Н., прот. Основы церковнаго самосознанія. Спб., 1908 г., ц. 1 р. 50 к.

Романовъ, І. К., прот. Краткія поученія о богослуженіи Православной Церкви. Спб., 1898 г., ц. 50 к.

— Полное собраніе поученій. Изд. 2. Два т., 8 д. л., болѣе 1300 стр. убор. печ. Спб., 1887 г., ц. 4 р. 50 к., въ роск. пер. 6 р.

— Учебники по закону Божію:

I. Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Въ 4-хъ вып., содержащ. въ себѣ: Вып. 1. „Молитвы, заповѣди, символъ вѣры и о главнѣйшихъ праздникахъ Православн. Церкви". Изд. 9-е исправл. Спб., 1905 г., ц. 20 к. *Допущ. Учен. Комит. Министр. Нар. Просв. для употр. въ начальн. учил. въ кач. учебн. руководства.* Вып. 2. „О церкви, какъ мѣстѣ общ. богосл., о принадл. ея, съ присовокупл. краткаго объясн. литургіи. Съ 100 рис., изображ. одежду, утварь и всѣ принадл. Церкви". Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб., 1885 г., ц. 25 к. Вып. 3. „Священная исторія Ветхаго Завѣта". Изд. 4, испр. Спб., 1882 г., ц. 25 к. Вып. 4. „Священная исторія Новаго Завѣта". Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, Спб., 1894 г., ц. 25 к.

— II. Уроки о Богослуженіи Православной Церкви. Съ 98 рис. въ текстѣ. Спб., 1911 г., ц. 50 к.

— III. Уроки по церковной исторіи. Изд. 2. Спб., 1886 г., ц. 60 к.

— IV. О правильномъ и душеполезн. пригот. къ исповѣди. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— V. Краткіе уроки о нравственной христ. жизни и о главнѣйш. обязанностяхъ христіанъ. Спб., 1889 г., ц. 15 к.

— VI. Уроки Закона Божія по Катихизису. Изд. 7-е. Спб., 1911 г., ц. 30 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Руновскій, П., свящ. Сборникъ поученій. Спб., 1887 г., ц. 1 р.

— Значеніе христіанства въ духовно-нравственномъ развитіи и отношеніе его къ благоустройству земной жизни человѣчества. Спб., 1889 г., ц. 40 к.

Русановъ, Н., прот. Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простого народа. Изд. 2, исправл. и дополн. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 25 к.

— Краткія поуч. къ простому народу. Изд. 2-е, доп. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Поученія (произн. въ гор. Бугурусланѣ и Самарѣ). Спб., 1893 г., ц. 50 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по ученію Слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. Вып. I и II. Спб., 1891—1897 г., ц. 60 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Спб., 1893 г., ц. 50 к.

Свирѣлинъ, А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ Четіихъ-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Свѣтила Церкви. Спб., 1886 г., ц. 1 р.

Свѣтловъ, П. Я., М. Б. проф. свящ. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанск. религіи и философіи. Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Святый Димитрій Ростовскій и его избранныя творенія, перевед. на русскій языкъ. Спб., 1888 г., ц. 1 р. 25 к., въ изящн. пер. 2 р.

Семеновъ, Я. Д. Руководство къ духовно-нравственной жизни. По сочиненіямъ св. Ефрема Сирина и другихъ духовныхъ писателей. Спб., 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущ. въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безпл. народныя читальни и библ.*

Сергій, Д. Б., арх. Влад. Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 25 к., въ коленк. переп. 2 р. 25 к. *Внесена въ списокъ книгъ, одобр. Уч. Сов. при Св. Сунодѣ, для библ. церк.-прих. школъ* („Церк. Вѣд." № 2, 1896 г.). *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 августа 1903 г., № 23684).

— Святый и животворящій крестъ Господень. Изд. 4-е. Спб., 1899 г., ц. 6 к.

— Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины православной вѣры. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 25 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. библ. ср. учеб. зав.* (4 авг. 1903 г., № 23684).

Сергій, архіеп. Финляндскій. Православное ученіе о спасеніи. Опытъ раскрытія нравственно-субъективной стороны спасенія на основаніи св. Писанія и творѣній святоотеческихъ. Изд

4-е, Спб., 1910 г., ц. 1 р., въ роскошн. коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

Сильвестръ, арх. Кавк. и Астр. Приточникъ Евангельскій. Объяснен. находящихся въ св. Евангеліяхъ притчей, основ. на свящ. писан. и мнѣніяхъ св. отцовъ и учит. церк., съ прил. нрав. назид. размыш. Изд. 4-е (пересм.). Спб., 1894 г., ц. 1 р. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. допущ. въ фунд. библ. средн. дух.-уч. зав.*

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

— Отношеніе русской церков. власти къ расколу старообрядчества въ первые годы Сѵн. Управ. при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г.). Спб., 1892 г., ц. 1 р. 75 к.

Скальскій, К., свящ. Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно- и церковно-служителей при Архіерейской службѣ. съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, скуфьею, камилавкою и проч. Спб., 1902 г., ц. 30 к.

Славинъ, А. Размышленія кающагося грѣшника о страшн. Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа на землю и всеобщ. воскрес. мертвыхъ. Изд. 4-е, дополн. Спб., 1897 г., ц. 15 к.

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к.

Смирновъ, П. П. Поученія и бесѣды на воскресные и праздничные дни цѣлаго года изъ святоотеческихъ твореній. Изд. 2-е. дополненное. Спб., 1912 г., ц. 1 р.

— Бесѣды, поученія и рѣчи на разные частные случаи въ церковно-приходской жизни. Изданіе 2-е, значительно дополн. Спб. 1913 г., ц. 1 р. 50 к.

Снегиревъ, В., проф. Логика. Систематическій курсъ чтеній по логикѣ. Харьковъ, 1901 г., ц. 2 р.

Снессорева, С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворн. ея иконъ, чтимыхъ православн. церк. на основаніи свящ. писанія и церковныхъ преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб., 1910 г., ц. 3 р., въ роск. кол. перепл. 4 р. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низ. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв. и для публ. нар. чтеній* (стр. кат. 135, 1901 г.).

Соколовъ, А., прот. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школѣ и дома. Ветх. и Нов. Зав. Съ 55 рис. по ориг. Доре и Плокгорста и съ 109 полит. въ текстѣ. Спб.,1905 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. съ зол. тис. 2 р.

Соколовъ, И. И. Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Соловьевъ, І., свящ. Пособіе къ доброму чтенію Святой Библіи (Руководств. свѣдѣнія объ ея богодухнов. значеніи, составѣ, раздѣленіи и внѣшнихъ особенност., о происхожд., содерж. и богослуж. употребленіи каждой изъ свящ. книгъ, Библіи въ отдѣльности). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к.

— Что нужно знать православному христіанину о святомъ Евангеліи? Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Соловьевъ, И. П. Объясненіе Богослуженія православной церкви съ Церковнымъ Уставомъ. Сост. примѣнительно къ новой (1906 г.) программѣ для духовныхъ училищъ. Спб., 1911 г., ц. 40 к.

— Курсъ исторіи философіи. Примѣнит. къ послѣдней (1906 г.) программѣ для духовныхъ семинарій. Спб., 1913 г., ц. 80 к.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разск. изъ жизни приход. духовенства. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб., 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (17 ноября 1903 г., № 35999).

Спасскій, П. Н. Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завѣта, составленное на основаніи Святоотеческихъ толкованій примѣнительно къ Славянскому и Греческому (70-ти) тексту. Книги пророковъ: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Даніила. *Одобрена Учебн. Ком. при Св. Сѵнодѣ для употребленія въ качествѣ учебн. пособія по Свящ. Писанію при прохожд. курса IV-го класса Дух. Сем.* Изд. 3-е. Спб., 1912 г., ц. 2 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ религіозно-нравственныхъ книгъ.

Подробный Каталогъ на 1913 г. высылается за 35 коп.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

Фарраръ, Ф. В. Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунк. въ текстѣ. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебн. зав. Министр.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Въ дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 50 к.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

— Искатели Бога. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго (съ рис.). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Раскаяніе — основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. коленкоров. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. библ. средн. учебн. зав.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Христіанскіе труженики. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р.

— Сила добраго вліянія—результатъ правильнаго воспитанія. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Въ 2 ч. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 3 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ завед. Министр.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Семейный очагъ. Мужчина и женщина. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р. *Мин. Нар. Пр. допущена въ учен. библ. средн. учеб. зав. Министерства (4 февраля 1903 г. № 4099).*

— Христіанская отвѣтственность. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ учен. библ. средн. учеб. завед. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Филаретъ (Гумил.), архіеп. Черн. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Спб., 1891 г., ц. 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобрено для ученич. библ. средн. и низш. учебн. заведеній* (2 сент. 1884 г., № 12959).

— Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой Церкви. Изд. 3-е, съ дополн. Спб., 1902 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. для библ. средн. и низш. учеб. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.* (1 іюня 1903 г., № 17109).

Филаретъ (Гумилевск.), архіеп. Черниг. Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4 част. Изд. 3-е. Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ роск. пер. 4 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. библ. средн. учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей. Въ память тысячелѣтія. Спб., 1908 г., ц. 10 к.

— Житіе св. Митрофана, епископа Воронежскаго. Съ изображеніемъ. Спб., 1904 г., ц. 10 к.

— Житіе св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Въ память 200-лѣтія. Спб., 1910 г., ц. 10 к.

— Житія святыхъ, чтимыхъ православной Церковью. Съ изображ. святыхъ и праздн. акад. Ѳ. Г. Солнцева. На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣсяцевъ: Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1900 г., ц. за всѣ 12 кн. 15 руб., въ роск. коленк. пер. въ 6 кн. 20 р.; въ 12 кн. 24 р. *Мин. Народ. Просв. внесена въ каталогъ книгъ для безплатн. народныхъ читаленъ и для ученич. библ. средн. учебныхъ завед. Мин. Нар. Просв.* Стр. кат. 17-я, 1897 г.

— Житія святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е, съ изображ. св. подвижницъ, академ. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к. *Ученымъ Комитет. Минист. Народн. Просв. одобрено для фундамент. и ученическ., старш. возраст., библіот. средн. учебн. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправк. и дополн. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. сред. уч. зав.* (25-го ноября, 1898 г., № 28740).

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Большой томъ въ 840 стр. Спб., 1894 г., ц. 3 р., въ изящн. коленк. перепл. съ золот. тисн. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изобр. свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к. въ изящн. пер. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и ученич., ст. возр., библіот. средн. учебн. завед.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниг. Православное догматич. богословіе. 2 тома. Изд. 3-е. Спб., 1882 г., ц. 3 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. рек. для фунд. библ. ср. уч. зав.*

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 том. (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 6 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомендована для фундам. библ. средн. учебн. заведеній.* Внесена въ Справочный каталогъ книгъ *для библіотекъ церковн. школъ.* Спб., 1900 г., стр. 48-я.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Черниговъ, 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

Хергозерскій, А. Обозрѣніе пророч. книгъ Ветх. Завѣта. Изд. 4-е, исправл. Спб., 1899 г., ц. 1 р. *Прим. учебн. рук. по Св. Пис. въ дух. сем.* («Церк. Вѣстн.» 1875 г., № 22 и 1880 г., № 43).

Хитровъ, М. И., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ рис. вътекстѣ. Спб., 1899 г., ц. 30 к. *Учебн. Ком. при Св. Сѵн. одобрена для ученич. библ. дух. сем., муж. дух. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.», № 49-й 1899 г.).

Христіанскія размышленія на каждый день мѣсяца. Спб., 1904 г., цѣна 10 к.

Царь изъ дома Давида. Три года жизни въ Священномъ городѣ. Сочиненіе доктора правъ и Богословія архіеп. Дж. Г. Ингрэма. Полный переводъ съ англійскаго подъ редакціей С. Дестуниса. Иллюстр. изданіе. (42 рис.). Спб., 1909 г., ц. 1 р. 25 к., въ роск. коленк. пер. 2 р.

Чельцовъ, М., свящ. Православно-христіанское вѣроученіе. Учебное руков. по Закону Божію. Примѣнено къ новѣйшей программѣ старшихъ классовъ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е, исправл. Спб., 1913 г., ц. 80 к.

Чепурковскій, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Червинскій, А. Пороки произношенія: заиканье, картавость, шепелявость, гнусавость и ихъ излѣченіе. Руководство къ самоизлѣченію. Спб., 1912 г., ц. 30 к.

Чистовичъ, И. Исторія перев. Библіи на русск. яз. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 2 р.

Шарбонель, В. Жажда жизни. Философско-нравствен. разсужденіе. Съ фр. Ф. С. Комарскій. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шаффъ, Ф., д-ръ и проф. богосл. Іисусъ Христосъ — чудо исторіи. Соч., заключающее въ себѣ опроверженіе ложныхъ теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующихъ. Съ приложеніемъ 15-ти иллюстрацій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Изд. 4-е. Спб., 1906 г., ц. 1 р., въ кол. изящн. пер. 1 р. 75 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и учен. старш. возраста, библ. средн. учеб. заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Ширкевичъ, С., свящ. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ свящ. и богослужебныхъ книгъ (для духовн. учил. и др. школъ). Изд. 4-е, вновь испр. и дополн. Спб., 1904 г., ц. 15 к. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низш. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв., для безпл. народн. чит.* (стр. кат. 4-я, 1897 г.).

Шкабельниковъ и Петровъ. Знаки благотворит. обществъ и правила награжд. ими лицъ за оказ. помощь дѣлами благотв. Съ рисунками. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Яковчевъ, И. Между міромъ и монастыремъ. Очерки и разсказы. Спб., 1903 г., ц. 50 к.

Яковлевъ, Ѳ. Апокалипсисъ, съ очеркомъ жизни св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Съ иллюстраціями худ. Г. Доре. Изд. 2-е. Спб., 1905 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. перепл. 2 р.

Ярославская, К. Л. (кн. Е. В. Львова). Общедоступное чтеніе во время говѣнія. Выбранныя мѣста изъ поученій: св. Тихона Задонскаго,—Евсевія, архіепископа Могилевск.,—Иннокентія, архіеп. Херсонскаго — и протоіерея Р. Путятина. *Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для библ. гор. и нар. учил.* Изд. 5-е. Спб., 1902 г., ц. 15 к.

— Пасха Красная. Сборникъ для назидат. чтенія во дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г., ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Ѳаворскій, Д., свящ. Правосл. христ. нравств. ученіе и современная естеств.-научная мораль. Спб., 1900 г., ц. 15 к.

— Христіанскіе догматы о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ, въ связи съ философ. воззрѣн. на загробную жизнь человѣка. Спб., 1900 г., ц. 30 к.

Ѳома Кемпійскій. О подражаніи Христу. Четыре книги. Перев. П. Мѣщаниновъ. Спб., ц. 1 р., въ изящ. коленк. переплетѣ 1 р. 50 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ религіозно-нравственныхъ книгъ.

Подробный Каталогъ на 1913 годъ высылается за 35 коп.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.